

ВАДИМ ПАНОВ

ИСКАЖЕНИЕ

ВСЕ МЫСЛИМОЕ – ОСУЩЕСТВИМО

Annotation

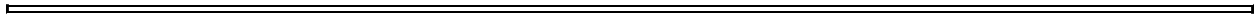
...Истории, отражающие привычный мир в глади тёмной воды. Истории, в которых бьётся поэтическое сердце.

Истории, в которых мстит за сломанную жизнь несчастная ведьма, таинственный Портной создаёт невероятных существ, а страшное порождение Тьмы рыдает на могиле невинной девочки. Истории, в которых легенды обретают плоть реальности, а любовь побуждает к подвигу. Истории, в которых есть улицы Москвы и Санкт-Петербурга, призраки Севастополя и море, в отражении которого прячется само время. И Пророчество, искажившее Вселенную под аккорды русского рока.

- [Вадим Панов](#)
  - [МАКАМ II](#)
  - [МАКАМ X](#)
  - [МАКАМ VI](#)
  - [МАКАМ VIII](#)
  - [МАКАМ XIV](#)
  - [МАКАМ XII](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Вадим Панов
Искажение

МАКАМ II

ЛЕТИ, МОЯ ДУША

*Лети, моя любовь,
И крови не жалея,
Брызгами, струями,
Да в полнолунии я.
Брызгами, струями,
Да в полнолунии я¹.*

INGRESSO

Предательство.

Оглушительное. Жестокое. Беспощадно бьющее наотмашь...

Предательство.

Как можно его простить? Нужно ли прощать? Кому нужно? Тому, кто предан? Той, что предана? Зачем нужно? Что сотворит прощение с растерзанной душой? Склеит? Соберёт по кусочкам? Вернёт «всё как было»?

Что сотворит прощение с чувствами? С теми, которые стали чёрным отражением самих себя и наполняют почерстлевшую душу терпким ядом тьмы. С теми, которые шипят змеями и требуют: «Убей!» С теми, которые заставляют видеть только мрак...

Что сотворит прощение с болью?

Приглушит?

Сможет ли прощение утолить ту жуткую, режущую муку, заставляющую жалеть о том, что родилась?

Сможет?

Ведь душа опустела, а затем наполнилась невыносимым: болью, страданием, обидой... Наполнилась тёмным и неприятным, мерзким, как прикосновение к бородавке на остывшем трупе. И эта жуткая тёмная жижа, забурлившая в пустоте преданной души, заставила Ксану броситься по вечерним улицам прочь. Куда? Прочь. От кого? Прочь. Зачем? Прочь. Не было ни цели, ни плана, ничего...

Ничего вокруг не было, даже мира.

Только желание спрятаться, убежать от людей и особенно от того, кто сжёг её чувства на костре своей подлости.

«Борис, как ты мог?!»

Присланное видео заставило позабыть обо всём на свете, наплевать на дела и обязательства, ударило топором палача, и оглушённая Ксана побежала, а потом побрела по безлюдной Смоленской набережной, роняя слёзы на равнодушные камни.

Горькие слёзы.

Пока – горькие.

Проклятое сообщение застало женщину в Пассаже, заставило покраснеть, потом побелеть и закусить губу, чтобы не закричать. Крепко закусить, до крови. Продавцы замерли, поражённые ужасной мимикой, и Ксане показалось, что все они – оба менеджера, помогавшие выбирать туфли, и кассир, – все они только что с удовольствием посмотрели проклятое видео и в глубине души потешаются над богатой, но обманутой женщиной. И встреченная на эскалаторе парочка – тоже посмотрела, поэтому они так улыбаются, глядя на неё... И охранник. И продавец кофе...

Все.

Все!

Все!!

Все посмотрели и все обсуждают: её, рогатую дуру, и его – умелого любовника.

Ксана выскочила из Пассажа, оттолкнув худощавого мужчину в дорогом костюме, побежала, куда-то повернула, потом ещё раз, оказалась в переулке, в каких-то дворах, перечёркнутых заборами и автомобилями, добралась до набережной, перешла дорогу – не видя ничего перед собой, заставила водителя проезжавшей машины резко затормозить и громко выругаться в окно, а затем свернула к Бородинскому. Не специально. Она просто снова «куда-то» пошла. Вновь оказалась на проезжей части, вызвав очередную порцию ругани от водителей, поднялась на мост и остановилась примерно на середине. Замерла, оперевшись на парапет, некоторое время плакала, не отрывая взгляд от чёрной воды, затем достала телефон и вновь посмотрела видео.

И негромко завывала, проклиная всё на свете: и себя, и похотливого Бориса, и чувства, которые она к нему испытывала.

Предательство.

Что может быть хуже?

Что может быть страшнее?

На видео – довольное лицо девки, с которой Борис сейчас кувыркается в Париже. Его новая секретарша, гадина, появившаяся в офисе два месяца назад. На видео отчётливо слышны слова, которыми Борис ласкает любовницу – такие же слова он дарил ей... На видео – их стоны, смех...

Предательство – это унижение.

И потеря веры: в себя, в людей, в любовь. Вера сгорает в тёмном пламени, и приходит пустота, обращая всё вокруг в чёрное.

Окутанный ядовитым облаком мир падает в пропасть... Да и что он такое – мир? За что в нём стоит цепляться? Что пройдёт испытание временем и не превратится в жуткую боль?

Неужели мир – это боль?

И последовательное разрушение всего, что было дорого...

Ксана судорожно всхлипнула.

А в следующий миг накрыло чувство невыносимого одиночества. К кому пойти с бедой? Кто выслушает и не запустит грязную сплетню? Кто окажется искренним? Подруг у Ксаны хватало, но сейчас она не хотела видеть ни одну из них. Гордость не позволяла. Она привыкла считать себя умнее и удачливее, становилась звездой любого общества, а рядом с Борисом засверкала в разы ярче. Их называли идеальной парой...

Предательство...

И теперь, когда Ксане отчаянно требовалось утешение, ей не к кому было обратиться: чужая грусть будет фальшивой, а поддержка – злорадной.

И молодую женщину окутал подлый страх. Страх нащёптывал, что выхода нет. Страх умножал вечерние сумерки до непроглядной тьмы. Страх заползал в душу и красил пустоту в чёрный цвет.

Страх знает, когда приходить, умеет выбирать время. Один на один страх побеждает всегда.

А Ксана была одна.

Сейчас.

В самый ужасный момент жизни.

Падая в пропасть...

Женщина вновь запустила на смартфоне проклятый видеоролик. Не хотела его смотреть. Не могла его не смотреть. Горе кромсало душу Ксаны, но она не могла не смотреть.

На предательство.

На лёгкий дымок, выющийся над костром, в котором сгорели надежды, мечты и планы...

На свою жизнь. Которая, как ей в тот миг показалось, закончилась.

Сейчас Ксана не представляла, что можно начать сначала, найти того,

кто не обманет, и обрести с ним счастье – слишком уж её оглушило.

Смартфон скользнул из руки и полетел во тьму, сверкнув на прощанье безжизненным светом. Исчез тихо, без всплеска. Унёс проклятое видео, но оно осталось перед внутренним взором Ксаны.

Словно огненное клеймо.

Смартфон растворился в ночной воде, по которой ползли отражения московских окон, медленно тонущие во тьме. В холодной и злой тьме, которая туманом поднималась над рекой, подбираясь к женщине, обратившейся сгустком чёрного горя. Тьма зашептала нечто неразборчивое, но утешительное... обещающее... Тьма улыбалась мраком ночи и звала. Призывала... говорила, что нужно сильнее перегнуться через парапет, чтобы лучше слышать... чтобы разделить с ней вечное движение в ночи... чтобы...

Тьма не получила желаемого.

Потому что склонившаяся над рекой Ксана вдруг увидела не поверхность тёмной воды, а город в ней. Увидела Москву, меняющуюся с каждой рябью и каждой волной, свет фонарей, поднимающийся из глубины реки в дальнюю сферу неба. Увидела ночную тьму, стекающую со звёзд по лучам ворованного света Луны и обретающую силу нового мира. Увидела всё, что есть вокруг, но так, словно каждая капля реки отразила Вселенную, а Вселенная отразилась в ней и вернулась к себе. Увидела мир таким, какой он есть – сотканным из чаяний и горя, поступков и мечтаний, желаний и равнодушия, – увидела и поняла, что всё мыслимое – осуществимо. Увидела рассыпанные крошки бессчётных зеркал и поняла главное: всё, что можно представить – осуществимо. Увидела себя на мосту, робко тянущуюся к новому миру, и поняла, ЧТО может представить.

И осуществить.

И протянула руку к отражённой в реке Вселенной.

Ксану манила бушующая сила, связывающая миллиарды отражений в цельный мир. Сила необузданная, щедро смешивающая жизнь со смертью, а добро – со злом. Сила, отражающая себя саму, и от того несокрушимая.

Сила Вселенной, в которой есть и День, и Отражение. Но в тот момент, когда кончики её длинных пальцев коснулись тянущейся навстречу Тьмы и чёрное заструилось по жилам, подбежавший мужчина резко схватил Ксану за талию и рывком оттащил от парапета.

– Не надо!

– Не надо? – Молодая женщина невидяще посмотрела на спасителя и кулачком ударила его в грудь. – Что вы делаете? Зачем?

Очарование грандиозной силы не отпускало, притягивало так, что на

мгновение Ксана люто разозлилась на незнакомца, посмеявшего вырвать её из дивной сказки. Так разозлилась, что попыталась ударить, но мужчина перехватил тонкую руку и мягко, но крепко прижал Ксану к себе.

– Не надо этого делать.

– Что делать?

– Не надо.

Почувствовав чужое, но крепкое плечо, Ксана невольно успокоилась и прижалась к спасителю, помолчала, потёрлась щекой о чужой пиджак, вспомнив, что Борис терпеть не мог этого жеста, и глубоко вздохнула. Незнакомец почувствовал, что Ксана слегка расслабилась, и прошептал:

– Так лучше?

– Да, – не стала скрывать она.

– Что случилось?

– Ничего.

– Правда? – в его голосе скользнула едва-едва заметная ироническая нотка. Не удержался.

– Я уронила телефон.

Мужчина понял, что успел вовремя, понял, что Ксане стыдно за едва не случившееся, и решил помочь ей сохранить лицо.

– Вы уронили телефон и пытались его подхватить?

– Да.

– Вы поступили необдуманно.

– Это была случайность.

– Надеюсь.

Только сейчас Ксана разглядела машину, на которую, оказывается, она таранилась с тех пор, как незнакомец оттолкнул её от парапета. Чёрный «Ягуар» с включённой «аварийкой» стоял поперёк правого ряда: мужчина ехал по делам, увидел почти ушедшую за парапет Ксану, резко дал по тормозам и бросился на помощь.

И опоздал всего на пару секунд...

Потому что кончиками длинных пальцев Ксана успела собрать из воды всё то зло, что в неё уронила. И даже больше.

Намного больше.

Потому что зло отразилось в чёрной воде.

– Подвезти вас?

– Не знаю... – Ксана отстранилась и нежно провела рукой по плечу спасителя. Не заигрывая – это был жест благодарности, и мужчина прекрасно понял знак. – Мне нравится гулять по ночам.

– И всё-таки я вас подвезу, – настоял незнакомец.

– Подвезите, – легко рассмеялась Ксана и кивнула на вставший на мосту «Ягуар»: – Иначе вас эвакуируют.

– Пожалуй.

Он подвёл молодую женщину к машине, распахнул дверцу, помог устроиться на пассажирском сиденье. Сел за руль, выключил «аварийку» и медленно поехал по мосту.

– Куда?

– Вы ведь сами сказали – домой... – Ксана откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и улыбнулась: – В Лялин переулок.

И Тьма, которая поднималась от тёмной ночной воды, улыбнулась в ответ. Тьма не получила желаемого, но забрала больше.

Намного больше.

PUNTO

«Это был сон?»

Такой стала первая мысль Ксаны после пробуждения. Женщина резко поднялась, села посреди кровати, растрёпанная, в лёгкой ночной рубашке, прозрачной, как море в октябре, огляделась, машинально погладила несмятую подушку Бориса и улыбнулась:

«Это был сон? Ведь правда, всего лишь сон? Страшный, отвратительный и мерзкий! Пожалуйста, пусть мой кошмар останется сном. Липким, как горькое варенье, гадким сном. А в действительности Борис меня любит, я люблю его и жду из командировки...»

Ксана крепко-крепко, как в детстве, зажмурилась, досчитала до десяти, одновременно молясь, чтобы её просьбу услышали, осторожно открыла глаза и огляделась. Как будто что-то могло измениться. Как будто Борис должен был оторвать голову от подушки, улыбнуться, потянуться и ткнуться в её плечо сухими после сна губами. Тёплыми, любимыми губами. И тогда Ксану накрыло бы счастье. Простое. Человеческое. И очень-очень желанное счастье.

Но Борис не рядом...

Зато Ксана прекрасно выспалась и сейчас, убедив себя, что дурацкое видео и приключение на мосту оказались плодом разгулявшегося воображения, обрела замечательное настроение. Вспомнила, как перегибалась во сне через парапет, и следующую мысль, в общем-то, довольно мрачную, женщина высказала необычайно жизнерадостно:

– Меня посещают мысли о самоубийстве? Вот что бывает, если три дня ни с кем не спать! Пожалуй, в следующую командировку мы с Борисом

отправимся вместе... – Она с наслаждением потянулась. – Он скоро вернётся, и мы вместе посмеёмся над моим кошмаром, потом он откроет подарок... Боже, я ведь должна придумать, что подарить ему... – А в следующий миг Ксана бросила взгляд на часы и с ужасом поняла, что время – одиннадцать, рабочий день в разгаре, и её ждут в офисе. – Я проспала! – вскочила с кровати и бросилась в ванную. – Боже, Боже...

«Почему не сработал будильник? Почему мне до сих пор никто не позвонил? Как получилось, что обо мне забыли?»

Но думать об этом некогда, потому что нет времени, нет, нет, нет совсем. Быстро умыться, почистить зубы и одновременно включить кофеварку, запустить приготовление кофе, принять душ, одеться, на завтрак времени не осталось, краситься придётся на светофорах, перелить кофе в кружку-термос, схватить сумочку и только затем задуматься: «Где телефон?»

Потому что в сумочке его не оказалось.

«На тумбочке?»

Однако проверить это предположение женщина не успела. Только она собралась скинуть туфли и добежать до спальни, как в дверь позвонили, и слегка удивлённая Ксана посмотрела в глазок. На лестничной клетке переминался молодой парень с пышным букетом белых роз в руках.

– Кто вы?

– Курьер.

– Я ничего не заказывала.

– Адрес ваш? – поинтересовался парень, назвав абсолютно верный адрес.

– Да... – протянула Ксана, а в следующий миг сообразила: «Борис! Милый, милый Борис! Ты решил устроить мне сюрприз!» И резким рывком распахнула дверь: – Входите.

– Ксения Викторовна? – уточнил тот, не переступая порог.

– Совершенно верно! – подтвердила женщина.

– Распишитесь, пожалуйста.

В нашем прагматичном мире даже романтика требует документального подтверждения. Ксана небрежно поставила автограф и только после этого стала счастливой обладательницей роскошного букета и небольшой коробочки, завёрнутой в подарочную бумагу.

– Борис, милый, что же ты придумал?

Ксана положила цветы на полку, вскрыла упаковку и застыла, уставившись на коробочку с модным смартфоном. К которой прилагалось короткое послание, написанное твёрдым, уверенным почерком:

«Не знал, какую модель Вы предпочитаете, взял наугад. Больше не доставайте телефон на мосту. Герман».

Ксана коротко вскрикнула и тяжело прислонилась к стене, не спуская испуганного взгляда с дорогого подарка.

* * *

Ксане всегда было интересно жить: любопытствовать, искать, узнавать новое, удивляться самой и удивлять окружающих. Она считалась заводилой уже в детском садике, а в школе и вовсе «тянула» за собой класс, уговаривая друзей не сидеть на месте, а их родителей – отказываться от компьютера и дивана и тратить выходные на походы в театры, галереи, парки, выставки и поездки за город. Выступала на всех праздниках, а в шестом классе поставила в школьном театре пьесу, сыграв, разумеется, главную роль. Затем последовали другие постановки, и во всех Ксана блистала, принимая похвалу как должное. Но становиться актрисой не мечтала – представления были для неё лишь одним из способов познания мира. Институт Ксана выбрала сама и привычно не ошиблась: профессия стала её увлечением, а не рутинным средством заработка. Ксана вкладывала в дело душу, и карьера стремительно пошла вверх, принося и профессиональное удовлетворение, и достаток. С личной жизнью тоже всё было в порядке: первая влюблённость в школе, первая любовь в выпускном классе, немного ветреных увлечений в институте... Ксана не отказывала себе в удовольствиях, но серьёзных отношений избегала, не находя в мужчинах нужной твёрдости, и так продолжалось до появления Бориса. Нельзя сказать, что она с первого взгляда поняла, что хочет за него замуж, но с Борисом было хорошо в постели, уютно по жизни, и за четыре года её влюблённость постепенно трансформировалась в другое чувство, которое Ксана опасалась назвать любовью.

А теперь и не назовёт.

Не сложилось...

На работу женщина не пошла. Позвонила с домашнего телефона и сказалась больной. Затем позвонила Герману – послание было написано на визитной карточке, и поблагодарила за подарок. Разговор, естественно, затянулся и закончился назначением ужина. Сегодня в девятнадцать ноль-ноль. «Я за вами заеду, и мы отправимся в...» Выбор заведения показал отменный вкус Германа, а значит, нужно соответствовать. Ксана поставила новенький телефон загружать резервную копию, а сама отправилась в

фитнес-центр, но не в зал, а в бассейн, параллельно размышляя, как испортить жизнь Борису. Вчерашняя истерика не вернулась, и молодая женщина обдумывала ответные шаги без надрыва и ненужной ярости – с простой, как десятирублёвая монета, холодной злостью.

Ксана с наслаждением погрузилась в освежающую воду и поплыла, рассеянно улыбаясь и кивая знакомым.

«Итак, что можно сделать? Выместить обиду на машине?»

«Мерседес» Бориса стоял во дворе и выглядел прекрасной мишенью: можно проколоть шины, поцарапать кузов, разбить стекло... К сожалению, двор просматривается видеокамерами, записи попадут в полицию, и за удовольствие придётся заплатить. Хорошо, если только деньгами.

«Тогда что? Порезать на ленточки его итальянские и английские костюмы? Спустить в унитаз коллекцию коньяков? Это мысль! Коньяк он обожает... Сжечь их старые фотографии и его документы? Тоже неплохо: пусть побегают, восстанавливая паспорт, водительские права и прочую бюрократию...»

Однако всё, что приходило в голову, не казалось по-настоящему интересным. Какая месть способна заполнить возникшую внутри пустоту? Что нужно сделать, чтобы позабыть об унижении и успокоить уязвлённое самолюбие?

Что?

Странно получается: и прощать нельзя, и мстить глупо... Всё глупо...

После бассейна Ксана зашла в кафе, соблазнившись лёгким овощным салатом и бокалом белого, вернулась домой и принялась придирчиво выбирать платье. Не слишком откровенное, но не закрытое, не дерзкое, но намекающее, что она не против продолжения приключений, элегантное и привлекающее внимание. И таким же должен быть макияж: вечерний, неброский, зовущий, но не откровенный, зовущий одного мужчину, а не шеренгу самцов.

Макияж благородной дамы, которая не прочь пошалить.

На сборы ушло больше двух часов, и Ксана едва справилась к четверти восьмого. В прихожей задержалась, посмотрела на себя в зеркало, поправила жемчужное ожерелье, ласково обнявшее стройную шею, и улыбнулась. Ей понравилось увиденное: высокая брюнетка с длинными ногами и большой грудью. Нос чуть великоват, но Ксана давным-давно, ещё в школе, перестала переживать по этому поводу. Зато у неё полные, изящно очерченные губы и небольшие, но очень выразительные, притягательные, тёмные глаза. Правда, сейчас в них затаилась грусть, но Ксана сказала себе, что это ненадолго.

Нет, она не будет шумной или натужно радостной: учитывая обстоятельства, получится дичайший моветон. Она начнёт вечер несколько скованно, так что Герману придётся постараться увлечь её разговором, постепенно она заслушается и в какой-то момент одарит его своей знаменитой полуулыбкой, молотом сбивающей мужчин с ног. К концу ужина позволит себе рассмеяться. Один раз. Нужно будет правильно выбрать анекдот или весёлую историю...

«Только ни в коем случае не пошлый!» – неожиданно услышала Ксана, вздрогнула и отшатнулась. Не стала оглядываться, поскольку поняла, что голос идёт не из квартиры, а из зеркала. Которое внезапно стало окном в Отражение, в тот мир, что поднялся с тёмной глади реки. Мир, которому она выплакала своё горе и получила взамен силу.

И фразу произнесла она сама. Не отражённая, а она сама, стоящая перед окном в Отражение, спокойная и холодная. Сильная. Сказала с лёгкой усмешкой, прекрасно представляя встречу с Германом. Сказала, глядя на отражённую московскую ночь – таинственную, полную теней и страсти, глядя на тёмное небо, в котором начали проявляться необычные знаки...

Окно в Отражение получилось столь реальным, что Ксана не смогла сдержать изумлённого восклицания:

– Что происходит?

И в тот же миг видение исчезло. Зеркало стало прежним, и Ксана посмотрела на себя – на прекрасную молодую женщину в стильном шёлковом платье. Немного растерянную, но вспомнившую вчерашние приключения на мосту.

Все приключения.

Вспомнившая тьму, что поднялась с поверхности реки и прикоснулась к кончикам её пальцев... и проникшую внутрь... и зажёгшую в душе чёрный огонь...

– До чего интересно...

Ксана захлопнула дверь квартиры и легко сбежала по ступенькам на первый этаж. Как делала всегда, когда у неё было отличное настроение.

– До чего упоительно и странно!

Герман ждал у «Ягуара». Увидев Ксану, улыбнулся, протянул пышную, только распустившуюся розу, предварительно поцеловав бутон, произнёс обязательный комплимент, помог устроиться на сиденье, а когда автомобиль выехал на улицу, заметил:

– Вы словно светитесь изнутри.

– Я видела мир, в котором возможно счастье, – легко ответила Ксана.

– Ваше или вообще?

– Моё... – Она улыбнулась в ответ.

– Мир настоящий?

– Да... – Ксана не сбилась, просто задумалась на мгновение, припоминая свои чувства, и продолжила: – Может стать настоящим. – Перехватила быстрый взгляд спутника и покачала головой: – Нет, ни в коем случае – никаких наркотиков. А из алкоголя – бокал белого за обедом. Я просто... люблю помечтать.

– Настоящий мир не так плох, как порой кажется. Он сложен...

– Иногда жесток...

– Многогранен...

– Равнодушен...

– И никогда не знаешь, кто тебе встретится в следующий миг.

– Ангел или демон?

– Я – человек.

Ксана повернулась, внимательно посмотрела на Германа и кивнула:

– Хорошо, – помолчала, после чего продолжила: – Спасибо, что не стали расспрашивать о вчерашнем.

– Мне показалось, вы расскажете сами, – мягко отозвался мужчина. – Если захотите.

– Вчера мне сделали очень больно.

– Я рад, что оказался рядом.

– А я рада, что рядом оказались именно вы.

– Значит, у нас есть шанс.

«У нас?» Она вздрогнула.

– Шанс на что?

– Для начала – на хороший ужин.

Ксана вспомнила, как Герман поцеловал розу, и вновь улыбнулась. А когда он остановил машину у ресторана, неожиданно – и для себя, и для него, – потянулась и быстро, но нежно поцеловала его в щёку.

И прошептала:

– Это будет замечательный ужин.

В ответ Герман кивнул и на мгновение прикоснулся к её щеке кончиками пальцев. Он не хотел торопить события.

Но оба знали, что события будут.

События предопределены.

И поэтому ужин не затянулся. Они не хотели наедаться и уж тем более – напиваться, не хотели уезжать с тяжёлой сытостью, поскольку знали, что вечер не закончится у подъезда, что они обязательно поднимутся к Герману

и там, в прихожей, он нежно поцелует Ксану в шею и легко-легко, словно пёрышком, проведёт пальцами по её обнажённой руке. Ксана чуть сожмёт плечи, повернёт голову и чарующей полуулыбкой проводит соскользнувший на пол шёлк. Его дыхание станет горячим. Они призраками отразятся в тумане тёмного зеркала, и Ксана сожмёт кулачки, погружаясь в накатывающее наслаждение.

Когда остаёшься с новым мужчиной, всегда появляется некая осторожность и одновременно – желание показать себя с лучшей стороны. Иногда эти чувства вырождаются в неловкость, иногда – в развязность, но сейчас, стоя перед Германом в тончайших трусиках, Ксана не испытывала ничего, кроме приятной раскованности и ощущения приближающейся радости. Она откуда-то знала, что Герман окажется прекрасным любовником, и предвкушала дивную ночь.

И не ошиблась.

Расстегнула на нём рубашку, провела ладонями по груди, шее, посмотрела в глаза:

– Так и будем стоять в прихожей?

Её соски сморщились, то ли от холода, то ли от желания, а потом – от влаги, когда Герман коснулся их языком.

Коснулся именно так, как ей хотелось.

– Сейчас... – прошептала Ксана, откидывая голову. Мужчина разорвал белоснежные трусики, и ночь накрыла их с головой.

Время потеряло ход, а многочисленные зеркала отражали кипящую страсть, удесятерая силы любовников. Зеркала в прихожей и спальне, в ванной комнате и гостиной... Зеркала, в которых Ксана изредка видела не брошенную, униженную женщину слегка за тридцать, а дерзкую, желанную, ослепительную любовницу, способную и удивить, и доставить острое наслаждение опытному мужчине. Ксана видела себя новую, отражённую в зеркале горя, собравшую тьму с водной глади и прикоснувшуюся к миру, лежащему за пределами Дня...

Затем она понимала, что лежит в объятиях мужчины, готового ради неё на всё. Влюбившегося с первого взгляда и мечтающего быть рядом с нею всю жизнь. И тогда Ксана крепко-крепко прижималась к Герману, целовала, царапала, кусала и снова целовала...

Сходила с ума.

А потом, когда Герман отлучился в ванную, а Ксана достала из сумочки пачку тоненьких сигарет и раскурила одну, пуская дым к высокому потолку гостиной, она вдруг подумала, что именно сейчас, возможно, именно в эти минуты, где-то в Париже кудрявый ходок Борис занимается

любовью со своей белобрысой дешёвкой. В отеле, который она помогла ему выбрать. Отужинав в ресторане, где им доводилось бывать. Днём они гуляли, возможно, прокатились по Сене или поднялись на Эйфелеву башню, потом вернулись в номер и очутились в постели. Возможно, в той самой, где когда-то и они с Борисом занимались любовью...

Ксана скривилась от отвращения, не понимая, почему размышляет о сожителе после упоительных часов с Германом, а в следующий миг неожиданно представила, как девку тошнит. В постели. В тот самый момент, когда пыхтящий Борис готовится заполучить своё удовольствие. Её тошнит замечательным ужином из дорогого ресторана. Тошнит прямо на Бориса.

Ксана представила это так явственно, что почувствовала кислый запах выделений, но не сморщилась, а рассмеялась. Громко и очень-очень весело.

* * *

– Всё хорошо? – спросил Борис, щёлкая зажигалкой. Потом вспомнил, что в отеле запрещено курить, тихонько выругался, затушил сигарету в бокале с вином и, поскольку не услышал ответа, повторил: – Всё хорошо?

– Да, – всхлипнула из ванной Виталина.

– Точно? Или опять мутит?

– Боря, честное слово: я пришла в себя. – Девушка вышла и остановилась в дверях. Растрёпанная, поникшая, с размазанной вокруг глаз тушью и очень-очень растерянная. Виталина тяжело переживала случившуюся неприятность и тряслась, не зная, что делать. – Прости...

– Не могла потерпеть? – мрачно осведомился мужчина.

– Всё так внезапно... я не хотела...

– Да уж...

Слово «внезапно» идеально описывало случившееся, но не могло передать пережитые Борисом ощущения.

Внезапно...

Они занимались любовью, очень неплохо, надо сказать, занимались, страстно, как всегда с Виталиной, но в тот момент, когда Борис уже готовился насладиться прекрасным финалом, а прыгающая на нём девушка резко задышала, показывая, что тоже близка к оргазму, Виталину... стошнило.

Стошнило!

Будто не могла сдержаться! Будто не могла вскочить и добежать до

туалета! Даже это было бы лучшим выходом из положения, чем то, что она натворила: не сдержалась, не убежала, а честно извлекла из себя прекрасный ужин, включая бокал красного вина.

Бориса самого едва не вырвало. Он тоже отправился в ванную, первым привёл себя в порядок, вышел, брезгливо оглядел перепачканную постель, плеснул себе коньяка и плюхнулся в кресло. И теперь задал вопрос, который пришёл ему в голову сразу после случившегося:

– Ты беременна?

– У меня только-только закончились критические дни, – всхлипнула Виталина. И напонила: – Мы ведь специально высчитывали даты поездки.

– Ах, да... – он потёр лоб, припоминая, что девушка говорила о чём-то подобном. – Одевайся.

– Зачем? – удивилась Виталина.

И даже испугалась, решив, что он прикажет ей идти вон.

Но даже будучи в ярости, Борис не собирался заходить настолько далеко.

– Позвоню горничной, чтобы поменяла белье и матрас. Или ты собираешься спать на этом?

Он небрежно махнул рукой на дверь в спальню.

– Нет, не собираюсь, – тихо ответила девушка.

– Тогда накинь халат.

Она хотела что-то сказать, но Борис поднялся, подошёл к бару, плеснул себе ещё коньяка и залпом выпил.

Ночь была безнадежно испорчена.

* * *

Ночь получилась превосходной, и Герман уснул, улыбаясь.

Поцеловал Ксану в губы, мягко провёл рукой по её плечу, прошептал: «Ты не представляешь, как мне хорошо», откинулся на подушку, подложив под голову руки, пообещал дождаться, когда женщина выйдет из душа, но не сдержал обещания: глаза закрылись, и через пару секунд Ксана услышала негромкое сопение. Герман уснул, улыбаясь, и от его нежной, немного детской улыбки, женщине стало тепло.

Потому что улыбка предназначалась ей.

Страшный вчерашний вечер закончился поистине царским подарком – она познакомилась с мужчиной, рядом с которым хотелось быть. Рядом с которым хотелось жить. Которого хотелось целовать... прямо сейчас,

спящего, нежно поцеловать, не разбудив и не потревожив, устроиться рядом и счастливо уснуть. Ей хотелось увидеть первый взгляд, который он бросит на неё утром и разглядеть в нём любовь.

Ни намёка на проклятое предательство.

Предательство...

– Он был достоин меня, – едва слышно прошептала Ксана, продолжая смотреть на спящего Германа.

Смотреть свысока, как на оправдавшего ожидания жеребца.

На самца...

Смотрела совсем не так, как минуту назад, потому что после слова «предательство» она как-будто стала другой – жёсткой и холодной.

Теперь Ксане не хотелось целовать Германа, ведь в конце концов они квиты – каждый получил то, что хотел, и не следует рассчитывать на большее. Нежность и ласки – это фантом, прикрывающий равнодушие и подлость. И как бы ни было хорошо сейчас, боль обязательно настигнет и порвёт душу, потому что мир соткан из боли. И зла.

И предательства...

Ксана бесшумно оделась, выскользнула из квартиры, не забыв прихватить связку ключей, и отправилась на Бородинский мост. На тот самый, где вчера рыдала от горя и даже хотела себя убить. Чтобы позволить Борису победить. Чтобы обрадовать его белобрысую шлюху, которую этот подлый самец сразу привёл бы в их квартиру...

Нет!

Убить себя из-за того, что мужик оказался похотливой свиньёй? Как глупо? Как пошло! Насколько нелепой выглядит эта мысль сейчас, благодаря...

Ксана хотела прошептать: «Герман, ты настоящий волшебник...»

Но сдержалась. Сейчас она твёрдо знала, что дело не в новом любовнике. Или не только в нём. Дело в ней – отражённой в собственном горе и пережившей его, прикоснувшейся к таинственному миру и пережившей прикосновение, изменившейся и познавшей силу.

– Я стала другой? – спросила себя Ксана, останавливаясь на середине моста.

И с холодной улыбкой ответила:

– Да.

Но как?

Всё началось с проклятого видео, свалившегося в мессенджер с незнакомого номера. Она никогда не открывала подобные сообщения, но небрежное послание: «Смотри, Ксана, какой Борис умелец»,

завершившееся похабным смайликом, заставило изменить принципам и открыть видео.

Затем пришло горе.

За ним – ярость.

Ксана думала, что время и встреча с Германом утешили её, но слово «предательство» всё изменило. Злость вернулась. Злость требовала выхода.

Женщина посмотрела вниз, на реку, и увидела на поверхности тёмной воды ресторанный зал. Борис улыбается, кажется, шутит. Белобрысая скалится в ответ. У них всё хорошо.

«А у меня?»

И в следующее мгновение гнев захлестнул Ксану с новой силой. Её тьма ударила в реку так, что ночная вода застонала, прогнулась едва не до дна и разбежалась долгими волнами, избивая набережный камень хлесткими ударами. Её тьма заставила Москву-реку вздыбиться.

– А ты сильна, – с уважением произнёс подошедший со стороны Смоленской мужчина.

– Что вы имеете в виду? – не оборачиваясь, спросила Ксана.

Мужчина кивнул на реку:

– Вот это.

Несмотря на то что тёмная вода прогнулась под бешеным взглядом Ксаны и разбежалась, словно испуганно прячась, прямо под мостом продолжало дрожать изображение смеющихся за столиком любовников, и именно на него указывал мужчина.

– Ты это видишь? – удивилась женщина.

– Да, – коротко подтвердил незнакомец.

Он оказался высок, худ, но не тощ, с приметным, очень жёстким, птичьему жёстким лицом, чертами напоминающим ястреба – маленькие глаза, крючковатый нос, скошенный подбородок. И кисти рук напоминали птичьи лапы: пальцы узловатые, сухие, с длинными ногтями. Мужчина носил чёрный костюм и белоснежную сорочку. Туфли начищены до зеркального блеска. На левой руке – золотые часы. На правой – золотой перстень с крупным чёрным камнем, похожим на драгоценное надгробие.

– Если видишь, скажи, что это?

– Твой гнев.

– Я знаю.

– И твоё колдовство.

– Я стала ведьмой?

– Каждый из нас кем-то становится, – пожал плечами незнакомец. – Почему ты должна быть исключением?

– Не морочь мне голову.

– Хорошо, не буду.

Ксана не ожидала подобного ответа от человека с жёстким лицом и подняла брови:

– Почему ты такой покладистый?

– Потому что сейчас ты опасна, – спокойно объяснил тот. – Ты не понимаешь своей силы и своего зла, а значит, способна сокрушить всех. Даже меня.

– Ты не сделал мне ничего плохого.

– Хорошо, – мужчина улыбнулся. У него была приятная улыбка, разгоняющая ястребиную жёсткость лица. – У тебя редчайший дар, Ксана: ты можешь представлять новые Отражения, изменяя те, которые видишь или придумываешь. Интересно, сумеешь ли ты его развить?

– Развить во что? – тихо спросила женщина, проводя указательным пальцем по холодному парапету моста.

– Вот и мне интересно, – не стал скрывать незнакомец. – Сейчас ты зла, и зло пробудило в тебе дар. Но месть способна его погубить.

– Кого «его»?

– Твой дар.

– Я до сих пор не понимаю, о чём ты говоришь.

– О той весёлой шутке, которую ты сыграла с Борисом этой ночью.

– Он в Париже.

– Где на него стошнило белобрысую подружку.

Несколько секунд изумлённая Ксана молча смотрела на собеседника, а затем прищурилась:

– Так было?

– Да.

– Виталину стошнило во время оргазма?

– Её рвало, как вулкан Эйяфьядлайёкюдль.

– Вулкан извергается.

– Тогда ты понимаешь, что я имел в виду.

Ксана вновь помолчала, обдумывая странные ответы, после чего поинтересовалась:

– Откуда ты знаешь, что Виталину стошнило?

– Ты этого хотела? – спросил странный мужчина.

– Да.

– Значит, так было, – незнакомец повернулся и посмотрел на успокоившуюся реку. – Ты меняешь Отражения, Ксана, приводишь их к тому виду, который тебе любезен – без заклинаний, что удивительно,

вопреки всем правилам. Ты не колдуешь, а изменяешь мир силой своего желания, своего горя, своего зла...

– Хорошо.

– Возможно.

Женщина тоже посмотрела на воду, на Бориса, впихивающего в рот белобрысой девки ложечку с десертом, и скривилась:

– Что я могу с ними сделать?

– Всё, что захочешь.

– Могу убить?

– Можешь.

– И мне за это ничего не будет?

– Полиция не верит в магию, – теперь мужчина негромко рассмеялся. –

К тому же девица и Борис в другой стране.

– Тогда убью, – решила Ксана. – Не хочу его больше видеть.

– Так быстро? – удивился незнакомец.

– Предлагаешь поиздеваться над ними?

– Почему нет? Ты ведь этого хочешь.

Ксана помолчала, прислушиваясь к чувствам, а затем призналась, что мужчина прав: она хотела долгой мести, хотела, чтобы любовники переживали, тряслись от ужаса и непонимания, хотела насладиться их страхом. Согласилась и вновь посмотрела на увлечённого созерцанием реки собеседника.

– Я люблю ночную Москву, – размеренно произнёс он, словно поняв, что женщина готова слушать. – Моя Москва – тёмная бездна, порождающая отражения тёмной бездны во всех Отражениях одновременно и забегающая даже в грядущее. Моя Москва пропитана энергией Ша, и её вечный круговорот повторяет жизнь под лучами украденного у Солнца света. Моя Москва обволакивает туманом, и его холод делает меня поэтом. Иногда я брожу по Москве и читаю ей стихи. Я болею, когда уезжаю, и наслаждаюсь, переступая московский порог. Бездна моя, Москва – единственная слабость, которую я себе позволил. Иногда я ловлю себя на мысли, что хочу убить всех, чтобы никто не мешал мне наслаждаться Москвой...

– Вообще всех?

– Дворников придётся пощадить.

И Ксана вновь услышала смешок, полетевший в темноту реки. Но не сделавший её темнее.

– Ты знаешь моё имя, а я твоё – нет, – сглотнув, произнесла она.

– Называй меня баал Гаап, – ответил мужчина. – Называй с уважением.

- Баал – это имя?
- Титул. И ты должна говорить «вы».
- Почему?
- Потому что титул – это власть.
- Надо мной?
- И над тобой тоже.
- Я ничего не знаю о твоей власти.
- Ещё узнаешь, – пообещал Гаап.
- В чём моя сила?
- Внимание.

Он поднял указательный палец, и замолчавшая Ксана услышала рёв приближающегося со стороны Кутузовского авто. И сирены. Судя по звукам, владелец мощного автомобиля пытался уйти от полицейского преследования.

- У тебя мало времени, – деловито сообщил Гаап.
- Для чего?

– Ты слышишь звук, который издаёт спортивная машина, разогнанная до последнего предела. Она несётся со скоростью триста километров в час и ни в кого не врезалась лишь потому, что сейчас глубокая ночь.

– Какое отношение машина имеет ко мне? – чуточку нервно спросила Ксана. – Пусть летит дальше.

– Мой автомобиль окажется на её пути, – Гаап указал на чёрный «Бугатти», небрежно припаркованный поперёк полосы.

– Откуда он взялся? – не сдержалась Ксана. Она была уверена, что баал явился на мост пешком.

– Неважно, откуда он взялся, – рассмеялся Гаап. – Важно то, что сейчас лихач ещё больше увеличит скорость.

На Дорогомиловской заблестели фары.

– Но с Бережковской выскочат полицейские, лихач увидит их, попытается объехать по «встречке», не справится с управлением и врежется в мою машину.

– Надеюсь, она застрахована, – попыталась пошутить женщина.

– «Бугатти» подпрыгнет, перевернётся в воздухе и обрушится на нас, – закончил Гаап. – Ты застрахована?

– Нет.

– А следовало.

– Я не хочу погибать под твоей машиной.

Он согласно кивнул и очень спокойно сказал:

– Тогда вернёмся к началу, Ксана: у тебя очень мало времени.

Женщина резко повернулась и убедилась, что события развиваются в точном соответствии с предсказанием. Приземистый спортивный автомобиль стремительно приближался к мосту. Слева появились полицейские...

– Что я должна...

И замолчала, ибо поняла, что должна.

Должна представить.

Как приземистая «Ламборджини» отворачивает чуть раньше, чем предсказал Гаап. И чуть резче. Должна представить, как автомобиль заносит, крутит по мосту и как «Ламборджини» влетает в столб. Не в «Бугатти», а в столб.

И взрывается.

На противоположной от наблюдателей стороне моста. Не причинив вреда ни им, ни дорогой машине баала.

– Ой! – Ксана отшатнулась, «поймав» взрывную волну, но на ногах устояла и не сдержала восклицания: – Ух, ты!

Разглядывая падающие на асфальт обломки «Ламборджини».

А затем перевела взгляд на Гаапа:

– Это я его убила?

– Он бы всё равно не выжил, – равнодушно ответил тот. – Только перед смертью ещё и нас погубил бы.

– Врёшь, – убеждённо произнесла женщина.

– Вру, – не стал спорить баал. – Мы бы прыгнули в воду... Но мне стало жаль «Бугатти».

– Забыл застраховать?

– Не хотел огорчать друзей, у которых взял его покататься.

Ксана поняла, что слышит шутку, и улыбнулась.

– Мы стали свидетелями?

– Полицейские нас не увидят.

– Почему?

– Я так сделал. – Он посмотрел на часы. – Когда захочешь поговорить, приходи сюда и отыщи мою метку, я оставил её для тебя. – Гаап надавил на парашют большим пальцем левой руки, резко оторвал его, показав Ксане вспыхнувшую и тут же растаявшую огненную печать, и в одно мгновение исчез. Вместе с машиной. Только что был, а стоило молодой женщине моргнуть глазом – исчез. Прошелестев напоследок:

– До встречи.

Ксана задумчиво посмотрела на горящий «Ламборджини», на подъехавших к месту катастрофы полицейских, пожалала плечами и

неспешно направилась к набережной Шевченко.

Ей хотелось поцеловать Германа, прижаться к нему и уснуть.

* * *

Ночь Виталина провела ужасно. Пока горничные приводили номер в порядок и меняли бельё, она мышкой сидела в углу, когда они закончили – не пошевелилась, позволила Борису уснуть – он не предложил девушке присоединиться, заперлась в ванной и разрыдалась. Но тихо, очень тихо, боясь потревожить любовника. Рыдала, выплёскивая страх – в какой-то момент Виталине показалось, что взбешённый Борис её выгонит, рыдала, жалея себя за то, что вынуждена спать с этим стареющим павианом, подкрашивающим кудрявые волосы, хвастающимся дружками из правительства и обожающим хихикать над «моей душой», постоянной подругой, которая не догадывалась о его шашнях с секретаршами.

В завершение рыдала просто так, потому что настроение.

Остаток ночи провела на самом краешке кровати.

Однако утром Борис ни словом не обмолвился о неприятных событиях, и день они провели, как планировали: побродили по Лувру, потом по набережной, забрались в старые кварталы Парижа, где и пообедали, заглянули на остров Ситэ, несмотря на то что к собору Парижской Богоматери Виталина таскала Бориса ещё в первый день, снова гуляли, вернулись в отель, переоделись и отправились ужинать в ресторан на первом этаже – Борис сказал, что устал и не хочет никуда ехать.

И за ужином он окончательно подобрел и выбросил из памяти вчерашний инцидент. Борис много и остроумно шутил, смеялся, на вино не налегал и всем видом давал понять, что настроен получить этой ночью то, чего лишился вчера. Виталина подыгрывала, как могла, мечтая побыстрее покончить с едой и затащить любовника в постель, но тот отказался уходить без десерта и бокала сладкого вина.

Борис подозвал официанта, взял меню, изучил нужную страницу – к счастью, предусмотрительные владельцы заведения снабдили каждое предложение фотографией, и выбор не отнял много времени.

– Десерт, – сообщил Борис, переводя взгляд на официанта.

– Десерт? Прекрасно! – заученно улыбнулся тот. – Что именно на десерт?

– Мороженое. – Борис ткнул пальцем в нужную картинку. – Три шарика.

– Три порции?
– Одна порция! – Борис понял, о чём спросил официант, и поднял указательный палец. – Одна!
– Одна порция, – кивнул тот. – Для дамы?
Виталина решила, что пережитые страдания заслуживают тирамису, но заказать не успела. Едва девушка ткнула пальцем в изображение пирожного и произнесла:
– Я хочу...
Как официант страшно захрипел, побледнел, пошатнулся, вцепившись рукой в край стола, выронил блокнот, резко рванул воротник рубашки, снова захрипел и повалился на колени белокурой красавицы, глядя на Виталину выпученными, словно у рыбы, глазами.
Словно у засыпающей рыбы.
Зал ресторана огласил дикий вопль перепуганной девушки.

* * *

Громкий, протяжный крик.
Ксана не ожидала, что издаст его, хотела ограничиться стоном, но не сдержалась – Герман сегодня был чрезвычайно хорош. Ксана закричала, заколотила кулачками по его груди – в это мгновение она была сверху, – затем откинулась назад, несколько раз дёрнулась и лишь потом, обессиленная, упала рядом с мужчиной.
Несколько секунд любовники жадно дышали, а затем Герман, продолжая смотреть в потолок, произнёс:
– Ты великолепна.
– Мне хорошо с тобой, – прошептала в ответ Ксана.
Тоже не глядя на мужчину.
– Когда ты рядом, я забываю обо всём на свете.
– Когда ты рядом, мне не нужен свет.
Герман приподнялся на локте и посмотрел женщине в глаза.
– Ты ничего обо мне не знаешь.
– Ты ничего обо мне не знаешь, – в тон ему ответила Ксана, не отрывая щёку от подушки.
Он улыбнулся уголками губ.
– Любовь – это наши чувства, Ксана, твои и мои, а не наши биографии.
– Ты действительно так думаешь?
Герман нежно взял женщину за руку, поднёс к губам ладонь и

поцеловал.

– Я был женат, Ксана, у меня было много друзей, но никогда раньше я не испытывал такого фонтана чувств, как с тобой. Иногда мне кажется, что я сплю, заснул за рулём, выехав на Бородинский мост, и то чудо, которое там произошло – чудо нашей встречи, и те чудеса, что случились потом, всего лишь видятся мне... Я этого боюсь, Ксана. Я хочу, чтобы всё было настоящим. Я счастлив от того, что задержался на работе и отправился домой на два часа позже обычного. Я счастлив от того, что встретил тебя...

– Я стояла на краю, – тихо, но очень твёрдо произнесла женщина, отвечая на взгляд Германа. – Ты это знал, но я должна сказать.

Он вновь поцеловал Ксану ладонь.

– У всех бывают трудные дни.

– Ты не испугался подойти.

– Я бы подошёл к кому угодно, потому что тому, кто стоит на краю, нельзя оставаться одному. Но увидев тебя, понял, что мне повезло.

Ксана слушала, улыбалась и с трудом верила, что не спит. С трудом верила, что не придумала встречу с этим бесконечно любящим её мужчиной, воспользовавшись своей новой силой.

«Вдруг я его приворожила? Затуманила разум? Или он просто плод моего воображения?»

Несколько раз Ксана набиралась смелости и пыталась прогнать видение, развеять колдовские чары, но... Герман не исчезал. И даже расставшись на день, она ощущала его присутствие.

В мире.

В городе.

В своей душе.

И когда Ксана думала о Германе, её новая, холодная сущность пряталась, несмотря на огромную силу. Пряталась, но не исчезала, терпеливо выжидая своего часа и зная, что он обязательно придёт.

Но Ксана думала, что победила...

Она была счастлива.

Сегодня Герман позвонил в полдень, сказал, что соскучился. Потом – в четыре пополудни, спросил, где она хочет ужинать. Ксана выбрала заведение, умчалась с работы пораньше, переоделась, привела себя в порядок, с радостным нетерпением дождалась появления Германа, а после ужина убедилась, что костёр их страсти только начал разгораться. Несколько часов блаженства пролетели, словно один миг, и сейчас утомлённые любовники наслаждались простыми прикосновениями друг к другу.

– Поедем в отпуск? – неожиданно предложил Герман.
– Сейчас? – улыбнулась Ксана.
– Если паспорт с собой – можем и сейчас, – молниеносно среагировал мужчина. – Чем меньше задумываешься, тем лучше.
– Ты романтик.
– Я становлюсь им рядом с тобой.
– А в обычное время?
– В обычное время я довольно жёсткий дядя, – не стал скрывать Герман.
– У тебя есть дети?
– К счастью, не обзавёлся.
– Почему, к счастью? – не поняла Ксана.
– Потому что я совсем недавно нашёл женщину, от которой хочу детей, – он рассмеялся. – Но алименты бывшей я всё равно плачу.
– Живёшь насыщенной жизнью?
– Обещаю в отпуске рассказать о себе всё.
– Сегодня не получится, – улыбнулась Ксана. – У меня нет с собой паспорта.
– Хорошо, не сегодня, – Герман провёл рукой по её волосам. – И ещё я подумал, что неправильно дарить женщине телефоны.
– Вернуть?
– Ни в коем случае. – Он взял её за руку и надел на палец кольцо, которое достал, кажется, из-под подушки. – Решил сделать правильный подарок.
Изящное украшение с небольшим бриллиантом.
– Я заметил, что тебе нравится белое золото.
– Красивое... – Ксана полюбиовалась на подарок, отставив руку в сторону, и улыбнулась: – Надеешься, что окольцевал?
– Ещё нет, но я над этим работаю.
– У тебя получается.
Ксана поцеловала Германа в губы, вновь улеглась рядом и прижалась к его плечу.
– Я тебя окольцую, – пообещал мужчина.
Она счастливо улыбнулась, но промолчала.
Закрыла глаза и почти сразу уснула.
С улыбкой на губах.

Финал поездки получился отвратительным.

Два последних дня, а точнее – два последних вечера, перечеркнули всю прелесть «командировки» с молоденькой секретаршей. Сначала Виталину стошнило в постели, и ладно, если бы во сне, а то ведь во время занятия любовью! В самый разгар! А только Борис успокоился и собрался сделать их последнюю ночь в Париже незабываемой, как случилась смерть в ресторане. Проклятый официант не нашёл ничего лучше, чем умереть на руках Виталины, в прямом, будь он проклят, смысле слова, и девушка, естественно, впала в натуральную истерику. Да и кто бы не впал, на самом-то деле, когда прямо на тебе уходит в мир иной незнакомый мужчина? Или знакомый. Главное – уходит. Хрипит, дёргается, холодеет...

Самого Бориса зрелище смерти повергло в ступор, а завизжавшая Виталина и вовсе, как показалось, собралась последовать за официантом, во всяком случае, бледностью и выпученными глазами девушка от него не отличалась. Вернувшись в номер, она наглоталась таблеток и проснулась лишь за час до отъезда. Безжизненная, словно подхватившая чуму кукла, Виталина кое-как собралась и кое-как потащила за недовольным любовником, промолчав всю дорогу из отеля до Москвы. Пограничники и с той, и с другой стороны дружно сочли, что девушка перебрала с определёнными веществами, багаж досмотрели тщательно, но ничего не обнаружили.

В Шереметьеве Борис с удовольствием избавился от спутницы, взяв Виталине другое такси, хотя изначально планировал ехать на одной машине по двум адресам, и помчался в Лялин переулок, рассудив, что нет худа без добра: накопленный во время двухдневного воздержания пыл не позволит Ксане заподозрить неладное.

– Дорогая, я дома! – крикнул Борис с порога, даже не захлопнув дверь.

– Наконец-то!

Ксана вышла в коридор, и у мужчины перехватило дыхание: королева. Конечно, возраст есть возраст, Ксана не могла похвастаться свежестью, но как же, чёрт возьми, она хороша в чёрном пеньюаре, подчёркивающим соблазнительные округлости!

– Мне кажется, или ты сделала мне подарок? – сглотнув, спросил Борис.

– Подарок? – удивилась Ксана.

Ему показалось – притворно.

– Твоя грудь, – он сделал шаг, но вновь остановился. – Она стала больше.

Борис едва сдерживался, чтобы не проверить догадку на ощупь, и

лишь пожирал подругу глазами.

– Хм-м... – Ксана с удовольствием посмотрела на своё отражение и вдруг поняла, что любовник прав: больше. Не намного, но заметно. Вот почему бюстгальтеры стали казаться тесными! Грудь стала не только полнее, но и более упругой. А ноги избавились от щепотки накопившегося за последние годы жирка...

«Но почему Герман ничего не сказал? – спросила она себя и тут же ответила: – Потому что Герман не видел меня до моста».

В памяти появилась Тьма, поднимающаяся от ночной воды. А затем – ощущение горя, память о том неистовом горе, которое привело Ксану на мост и едва не сгубило. И снова – Тьма.

Беспросветная Тьма.

«Я меняюсь...»

Отражение незаметно подмигнуло в ответ.

Но пока следовало продолжить игру.

– Тебе нравится? – с улыбкой поинтересовалась Ксана, слегка отводя плечи назад.

Пеньюар приготовился лопнуть.

– Ты даже не представляешь, как, – с необычайной искренностью ответил Борис, с вожделением пялясь на её новую грудь. На соски, таранящие изнутри тончайшую ткань.

– Прекрасно... – Ксана подошла ближе. – Я соскучилась.

И Борис, наконец, вцепился в неё, демонстрируя ту самую страсть, которая некогда сводила Ксану с ума. Вцепился яростно, показывая, что тосковал на чужбине. Прижал женщину к стене, зацеловал, уделяя особое внимание новой груди, подхватил на руки и едва услышал негромкое предложение:

– Давай начнём в ванне?

Понял, что Ксана права – ведь он полдня был в дороге, – отнёс женщину в ванную, заметил свечи, фрукты, бутылку вина, поблагодарил Ксану особенно крепким поцелуем, сорвал с себя одежду и...

В их прекрасной ванне плавал официант с вытаращенными, будто у мёртвого мопса, глазами. Борис с трудом удержался от восклицания, потряс головой, прогоняя видение, понял, что призрак исчез и ванна выглядит так, как пару секунд назад, и... и ещё понял, что вожделение его оставило. Бесповоротно.

– Устал? – нежно спросила Ксана.

Но в её голосе мужчине почудились – или не почудились – злорадные нотки.

- Слишком долго был в пути, – вздохнул Борис. – Надо принять душ.
- Конечно, дорогой. Я пока наполню бокалы.

Ксана отвернулась, Борис открыл шкафчик, достал голубую пилюлю – ему уже несколько раз приходилось пользоваться ими, – и запил водой, которую Ксана принесла вместе с вином. Женщина стояла спиной, поэтому Борис не увидел появившуюся на её лице улыбку – Ксана знала, что таблетка не поможет.

- Ты не против, если я подожду тебя в ванне?

– Конечно... – Он кашлянул. – ...не против... – Борис замер, жадно наблюдая за тем, как любовница сбрасывает пеньюар и наклоняется, осторожно опускаясь в воду.

«Грудь точно прибавила... Но когда успела? И задницу подтянула... Или я забыл, как выглядит её попочка?»

Новая фигура сводила с ума, однако пыл отказывался возвращаться. Борис скривился, пожелав таблетке подействовать быстрее, вошёл в душевую кабинку и включил воду. Но дверцы до конца не закрыл, любуясь улыбающейся из горы пены женщиной.

- Даже не знаю, что на меня нашло...

А в следующий миг почувствовал кислый запах полупереваренной пищи, которой стошнило Виталину, и настроение стало совсем паршивым.

- «Что со мной происходит?!»

Борис был в шаге от паники. Он видел перед собой прекрасную, возбуждённую и возбуждающую женщину, но ничего не мог! Не чувствовал привычной силы! Отчаянно хотел, но ничего не шевелилось!

– Дорогой, я тебя жду... – Ксана улыбнулась, показала мужчине стройную ногу и тут же опустила её в пену. И вновь улыбнулась, чуть приподняв левую бровь. И покусав губу. – Дорогой?

– Я тоже соскучился, – рассеянно отозвался Борис, увеличивая напор воды.

- Тогда иди ко мне.
- Не хочу торопиться.
- Борис? Я тебя не узнаю.

- «Я сам себя не узнаю!»

Ему хотелось крепко выругаться.

- Что ты делал в командировке? Работал на урановом руднике?

- Был тяжёлый перелёт.

- Настолько тяжёлый?

- Самолёт сильно трясло...

Борис сделал воду ледяной и стиснул зубы, омываясь резкой,

освежающей струёй – обычно ему это помогало.

* * *

Остановиться посередине Бородинского моста в «час пик» оказалось не просто...

Не пешком – на машине. При этом Ксана честно попыталась минимизировать ущерб от своих действий: на мост выехала в крайнем правом ряду, постепенно сбрасывала скорость с низкой до «черепашьей», едва доехала до нужного места, но стоило ей остановиться и включить «аварийку», как сзади послышалось возмущённое гудение клаксона, и Ксане заморгали фарами, требуя ехать дальше.

Но дальше она не собиралась.

Вышла из машины, открыла капот и внимательно посмотрела на двигатель. Ксана не представляла, что именно там пыхтело, поскрипывало и жужжало, но точно знала, что её действия успокоят недовольных. Так и получилось. Нетерпеливый водитель кое-как вклинился в поток второго ряда, проезжая мимо Ксаны, наградил её уничижительным взглядом, но и только: ни ругаться, ни предлагать помощь не стал. Как, впрочем, и остальные водители. Может, кто-нибудь из них и не отказался бы помочь красивой женщине разобраться с технической проблемой, но Ксана демонстративно поднесла к уху телефон и отошла к парапету.

Всё нормально: женщина не может ехать и звонит в сервис.

Но прежде чем набирать номер, Ксане пришлось отыскать точку, в которую Гаап ткнул пальцем – аккуратный круглый ожог на тёмном металле. Не пятно другого цвета, а именно ожог, словно в пальце таинственного «баала» прятался электрод. Нашла, на пару секунд замерла, удивлённая, не понимая, что делать, затем пробормотала: «Наверное, так», и приложила к «ожогу» указательный палец. И негромко вскрикнула, увидев, что на парапете высветились алые цифры телефонного номера.

«Мог бы просто оставить визитку!»

Тем не менее получилось эффектно, и, набирая номер, женщина чувствовала лёгкую робость – она впервые звонила настоящему колдуну. А тот, в свою очередь, ответил сразу, и голос его звучал дружелюбно:

– Я ведь говорил, что ты позвонишь.

– Вы меня узнали? – Ксана долго думала, следует ли говорить «вы», и решила это требование исполнить. Но титул «баал» добавлять отказалась.

– Конечно, узнал, у меня абсолютная память на голоса, – отозвался

Гаап. – Доброе утро, Ксана.

– Не очень доброе, – вздохнула женщина.

– Проблемы?

– Сложности.

– Нужно поговорить?

Вопрос прозвучал легко, но Ксана понимала, что утвердительный ответ поставит её в зависимость от баала. Она признает свою слабость. Он окажет услугу и наверняка потребует плату.

Длинный человек с жёстким ястребиным лицом... Что он потребует?

Впрочем, для второй, «холодной» Ксаны, которая владела сегодня их телом, это было неважно.

– Да, мне нужно с вами поговорить.

Он выдержал паузу, и Ксана представила ястребиную улыбку. Которая слегка смягчает жёсткое лицо. Он доволен... Впрочем, если ей что-то не понравится, она всегда может отказаться от сделки. Ведь Тьма – дело добровольное.

– Я смогу приехать на обзорную площадку Воробьёвых гор через тридцать минут, – произнёс Гаап. – Четверти часа хватит?

– На что?

– На встречу. У меня масса дел.

В его устах это прозвучало не хвастовством, а констатацией факта.

– Хватит, – решила Ксана.

– Воробьёвы горы через полчаса. – Гаап бросил трубку.

Ксана посмотрела на парাপет – и цифры, и «ожог» исчезли, – усмехнулась, внесла номер в список контактов, захлопнула капот и отправилась на Воробьёвы горы. Неожиданно вспомнив, что не была на них с выпускного вечера, а точнее – с выпускной ночи, с восхитительной летней ночи, когда они, полные сил, задора и надежд, смотрели на утренний город так, словно он принадлежал им.

Словно весь мир принадлежал им.

Небо улыбалось, а поднимающееся Солнце обещало только хорошее. Они стояли у парапета, молча наблюдая за жёлтой звездой, а когда она взошла – засмеялись, запрыгали, отпустили шары и снова засмеялись. Мальчишки в костюмах, которые ещё не научились носить, девчонки в платьях, в разных, но одинаково прекрасных. Прекрасные девчонки...

Те мгновения остались в памяти навсегда.

А сейчас раскинувшийся под ногами город казался отражением самого себя. Отражением не в небе или реке, а в глазах людей и домов, в витринах и окнах машин, надоевший себе и самого себя пугающий.

– Ты выглядишь расстроенной. – Гаап неслышно подошёл сзади, но Ксана не вздрогнула – знала, что баал повторит трюк.

– Я зла.

– Снова? – притворно удивился Гаап. – Это входит в привычку.

– У меня ничего не получилось! – неожиданно нервно, очень-очень нервно выкрикнула Ксана, поворачиваясь к собеседнику. Сдерживаемый гнев прорвался, и перед баалом оказалась не злая женщина, а разъярённая пантера. – Ни черта не вышло! Я выгляжу полной дурой! А чувствую себя идиоткой! Меня снова унизили! Я – дура!

– Что именно произошло? – поинтересовался Гаап, машинально делая шаг назад.

– Колдовство! – рявкнула Ксана. – Оно ушло!

Её глаза вспыхнули диким чёрным огнём. Яростным, но бесплодным – за ним больше не пряталась сила.

– Как это? – баал вновь сыграл удивление.

И сыграл удачно – женщина поверила. Впрочем, сейчас она плохо оценивала происходящее.

– Вчера... – Ксана сбилась, сказала себе, что собирается рассказать незнакомому, в сущности, человеку, о своём великом позоре, хотела промолчать, но решила продолжить: – Вчера я собиралась унижить Бориса. Я приготовила декорации, надела сексуальное бельё, такое, как ему нравится, купила его любимое вино... Я знала, что после двух дней воздержания он возбудится от одной лишь моей тени, а когда он возбудился – заставила его ослабеть. Не эмоционально – физически. Он хотел, но не мог, – чётко очерченные губы изогнулись в злой усмешке. – Я хотела утешать его, а точнее – издеваться, хотела, чтобы он лёг спать опозоренным и полночи ворочался, проклиная свою слабость, но он... Он сожрал таблетку. Я знала, что так будет, и была уверена, что смогу противостоять химии... И не смогла! Я представила, что он остаётся слабым, отчётливо представила, но ничего не получилось! Таблетка подействовала, несмотря на мои усилия! И вместо того чтобы издеваться, я отдавалась ему до утра!

– Сочувствую.

– В принципе, было неплохо.

– Поздравляю.

– Вы издеваетесь? – возмутилась Ксана.

– Нет, – качнул головой Гаап. – Я приехал, чтобы разобраться. – Он выдержал короткую паузу. – Ответь, только честно: ты его захотела?

– Я его ненавижу, – прошипела женщина.

– Но захотела?

– Нет! – она помолчала, зло покусывая губы. – Под утро, когда Борис уснул, я попробовала заставить его девку проснуться. И тоже не смогла.

– А раньше всегда получалось? – уточнил баал.

– Всегда, – твёрдо ответила Ксана.

– Официанта ты убила?

– Официанта? – Она не сразу поняла, о чём идёт речь, а когда сообразила – вспыхнула от гнева: – Вы следите за мной?!

– Разумеется, – пожал плечами Гаап. – У тебя очень редкий дар, Ксана, поэтому я всё время буду рядом.

Несколько мгновений женщина, не моргая, смотрела на баала, после чего призналась:

– Да, убила.

– Зачем?

– Хотела, чтобы они надолго запомнили эту поездку.

– Они запомнили, – усмехнулся Гаап.

– А что происходит сейчас?

– У тебя кончился запал.

– Что это значит?

– Ты увидела Отражение, – объяснил Гаап. – Причём сделала это сама, без помощи, без проводника. Ты нырнула в настоящий, полный мир...

– Что значит «настоящий»?

Гаап сверкнул глазами – недовольный тем, что его перебили, – но ответил:

– Мир становится настоящим, когда к привычному тебе Дню добавляется Отражение. И теперь ты видишь всё вокруг таким, каким оно было задумано. Ты видишь реальным всё, что было мыслимо, и прикоснулась к силе, которая приходит со всеми отражениями разом. В ту ночь ты собрала столько силы, сколько смогла унести, но теперь эта сила закончилась.

– Она вокруг, – тихо сказала женщина. – Я чувствую.

– Верно, – улыбнулся Гаап и чуть подался вперёд. Как ястреб на курицу. – Но ты не можешь её взять.

– Почему?

– Потому, что я должен снять печать и полностью открыть тебя Отражению. А ты должна принести клятву Первородным.

– Кому?

– Мне.

Ксана посмотрела в его холодные ястребиные глаза и только сейчас поняла, что они мертвы. Нет, перед ней стоял не зомби, не оживший труп –

в этом она была уверена, но внутри у Гаапа не осталось ничего, кроме Тьмы, костей и мяса. Ксана поняла, что впервые в жизни видит человека без души.

И это не фигуральный оборот.

– Ты заключил сделку с дьяволом? – едва слышно поинтересовалась женщина.

И увидела, как скривились бледные губы:

– Дьявол был одним из Первородных.

– Что за мир ты обещаешь?

– Мир станет твоей игрушкой.

– А я стану твоей игрушкой?

– Разве сейчас ты на вершине? – поднял брови Гаап. – Мы оба знаем, что нет. Сейчас ты не в состоянии отомстить любовнику и спишь с ним, презирая себя за это. Ты даёшь Борису то, что он хочет, и рычишь, вспоминая силу, которую потеряла. Ты помнишь, как хрипел официант, когда ты рвала ему сердце... Ты помнишь, как наслаждалась животным страхом Виталины и ступором Бориса... Ты всё помнишь. И если откажешься от моего предложения, то вскоре перережешь себе вены.

«Не перережу! У меня есть Герман! У меня есть Герман!! Моя любовь! Мой мир! Мой настоящий мир!!»

«Что он скажет, когда узнает, что ты всю ночь трахалась с Борисом?»

«Герман меня любит!»

«Что он скажет?!»

«Ничего!!»

Ксана посмотрела в мёртвые глаза Гаапа и слабо улыбнулась:

– Получается, у меня есть шанс остановиться?

– Еще никто не останавливался, – качнул головой баал. Поправил галстук, повернулся к дороге, где его ждала машина, и через плечо бросил: – Звони, когда соберёшься принести клятву.

* * *

– Как это ты мне позвонишь? Когда? – растерялась Виталина. – И почему мы не сможем видеться какое-то время? Мы ведь работаем вместе.

– Под словом «видеться» я имел в виду то, как мы виделись в последнее время, – несколько витиевато объяснил Борис.

Однако девушка категорически отказывалась понимать намёки:

– Не будем спать?

– Да.

– Почему?

– Потому, что наши отношения запутались, – вздохнул Борис.

– Ты говорил, что собираешься её бросить, – напомнила Виталина.

«Конечно, говорил, я ведь должен был затащить тебя в постель! И я действительно её брошу. Рано или поздно я брошу Ксану, но только не ради тебя, дура крашенная!»

Так Борис подумал. Ответить же, разумеется, хотел иначе – в этом у Бориса был большой опыт, – но не успел.

– Ты с ней переспал! – догадалась Виталина.

– Естественно, переспал, – пожал плечами Борис. – Я ведь вернулся домой после довольно долгого отсутствия, она ждала, и мы... В общем, мы пока не расстались.

– Но ты обещал! – на её глазах выступили слёзы.

– Я не мог из аэропорта отправиться в гостиницу ради того, чтобы сделать тебе приятно. В конце концов, у меня есть дом...

– Но ты обещал!

– Гм...

Вот и думай теперь: то ли девочка действительно настолько наивна, то ли поездка в Париж снесла ей крышу, заставив вообразить то, чего нет и никогда не будет. До сегодняшнего разговора Виталина беспрекословно принимала правила игры «начальник-секретарша» и довольствовалась обещаниями, которые никто никогда не выполняет. Но теперь в ней что-то изменилось...

«Придётся уволить, – подумал Борис, с нежной улыбкой глядя на подругу. – Но она способна устроить скандал... Видимо, надо будет заплатить...»

Но не сейчас, потом... А сейчас Борис не мог не отметить, что Виталина выглядит гораздо лучше, чем при расставании в аэропорту: глаза блестят, влажные губы чуть приоткрыты, и даже кожа, кажется, слегка светится. Девушка привела себя в порядок и продемонстрировала любовнику все те козыри, которые некогда привлекли его внимание. Даже надела под белую блузку чёрный бюстгальтер, знала, что Борису нравится это сочетание, а Ксана никогда так не одевается. И сейчас Борис нет-нет, да бросал взгляд под полупрозрачную ткань, подмечая небольшие полушария, уютно устроившиеся в чёрном кружеве.

И потирал после этого подбородок.

Это обстоятельство, а точнее – два обстоятельства, мешали Борису повести себя с Виталиной так, как следовало: использовать наработанный

за годы опыт и закончить глупый разговор конкретным решением. Эти обстоятельства заставляли Бориса вспоминать о том, что с Ксаной у него получилось лишь благодаря голубой пилюле, а горячая Виталина не оставляет равнодушным даже за столиком кафе.

К тому же они встретились неподалёку от её дома, в том самом заведении, где начался их роман: шёл дождь, он подвёз Виталину с работы, они забежали выпить по чашке кофе, разговорились и оказались у неё.

В кровати.

Сегодня дождя не обещали, но времени у них было полно – ведь на работу только в понедельник...

– Подвезёшь меня до дома? – негромко спросила девушка, и Борис понял, что она тоже вспомнила тот день. – Подвезёшь?

В ответ он медленно накрыл её руку ладонью.

– Подвезу.

Виталина улыбнулась.

* * *

– Сегодня вечером? – переспросила Ксана, медленно идя по тротуару. – Нет, Герман, боюсь, сегодня не получится.

– Ты занята?

– Увы, да.

Она ожидала вопроса: «Чем?», но Герман тактично промолчал, не дав повода усомниться в своём воспитании. Выдержал паузу, показывая, что рассчитывал на иной ответ, и негромко продолжил:

– А если я скажу, что готов задать один очень важный вопрос?

И у Ксаны закружилась голова. Так сильно, что пришлось остановиться и перевести дыхание. Так сильно, что стало трудно стоять. Так сильно, что стало понятно – это счастье.

Всё будет хорошо.

Она знала, какой вопрос прозвучит, и не сомневалась, какой ответ даст.

Всё будет хорошо.

Мир, такой злой и чёрный три дня назад, улыбнулся и ободряюще кивнул...

Всё будет хорошо.

Лучший на свете мужчина встанет на одно колено и возьмёт её за руку. Ксана представила горящие глаза Германа, почувствовала тепло его ладони, и у неё предательски защипало в носу.

Завтра она станет счастливой.

Завтра, потому что сегодня нужно уладить кое-какие дела.

– Ксана? – осторожно спросил Герман, которому не понравилась затянувшаяся пауза.

– Договоримся так, – произнесла женщина, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Закажи столик на завтра в том ресторане, где мы были в первый раз. Встретимся в семь вечера, и ты задашь вопрос.

Герман догадался, что она планирует делать сегодня, поэтому спорить не стал.

– Я буду с нетерпением ждать завтрашнего вечера, Ксана, с огромным нетерпением.

– Я тоже.

– Ты сделаешь меня самым счастливым человеком на планете.

Женщина улыбнулась и отключила телефон.

Завтра Герман попросит её руки, она ответит согласием, и в её жизни начнётся новый и, возможно, счастливый этап. А возможно – самый счастливый.

«Ты знаешь Германа всего два дня», – негромко напомнила вторая, холодная Ксана.

«Тебя тоже».

«Я – это ты».

«Два дня», – с напором повторила Ксана.

«Зачем ты так говоришь?», помолчав, спросила Ксана. «А зачем ты так сказала о Германе?»

«Я ему не верю».

«А я – тебе».

«Я – это ты. Веришь ты в это или нет, принимаешь или нет, нравится тебе или нет, но я – это ты. Я – отражение тебя в тебе. Я – твоё горе и твоя боль. Я – тьма, которую ты собрала с поверхности реки – она была твоей... нашей. Ту тьму нам подарил Борис».

«Не напоминай о нём!»

«Как ты с ним поступишь?»

Ксана замедлила ход и задумалась.

Она хотела убить подлеца. Она хотела его унижить. Но сейчас она хотела просто выгнать Бориса из своей жизни. Просто выгнать, без обид и скандалов – навсегда.

«Мне кажется, сегодня удачное время, чтобы его бросить, – улыбнулась холодному отражению Ксана. – Ночь была восхитительной, он без ума от моих умений и новой фигуры, он снова влюбился, и ему будет

больно слышать, что я ухожу к другому мужчине. Который сильнее его во всех смыслах».

«Неплохая идея», – негромко одобрила холодная.

Ответить Ксана не успела: в трёх шагах впереди распахнулась дверь небольшого кафе и одновременно послышался знакомый голос. До боли знакомый. Ещё через секунду женщина увидела знакомую мужскую фигуру в знакомой одежде и встала как вкопанная. Ошарашенная и вновь опустевшая. Безжизненно глядя на то, как Борис приобнимает белокурую девушку за талию, что-то шепчет ей на ухо и смеётся... Они смеются. Они вместе.

Они вместе...

К счастью, из кафе любовники свернули налево и не заметили застывшую Ксану.

А может – к несчастью...

Они прошли по улице и скрылись во дворе.

Пошедшая за ними Ксана остановилась, прислонилась к стене дома и покачала головой, пытаясь отогнать страшное видение. Её глаза застилали злые слёзы, а перед глазами... поверх слёз или за ними... сначала расплывчато, а затем всё более и более чётко, Ксана увидела происходящее в квартире. Как будто стояла в углу комнаты, невидимая и всевидящая. Постепенно наполняющаяся Тьмой страшной обиды.

Ксана смотрела, как Борис срывает с Виталины блузку, а она расстёгивает ему брюки. Слышала шёпот:

– Вита, ты не представляешь, как я по тебе соскучился.

И её ответ:

– Мы не виделись всего день.

– Целый день! Целый!!

Борис целовал подружку с такой страстью, что Ксана едва не взывала от ярости и обиды. Едва сдержалась, чтобы не расцарапать себе лицо, чтобы не сломать о стену ногти. До крови... До солёной крови...

Борис не просто изменял – он был по уши влюблён в Виталину и только посмеётся, услышав, что Ксана уходит.

Она ощутила полнейшее бессилие.

Она ничего не могла сделать.

Только смотреть, страдать, чернеть и трястись от ненависти и злобы. От сдавливающей душу обиды. От унижения...

– Вижу, тебе не хватило подруги, – промурлыкала Виталина, лаская Бориса рукой.

– У неё нет того, что есть у тебя, – ответил мужчина. Ксана закусила

губу.

– Чего же?

– Твоей красоты... твоего огня...

– Ты меня хочешь?

Дальше Ксана слушать не стала. Стряхнула видение, не сумев избавиться от принесённой им тьмы, набрала номер Гаапа и отрывисто, не здороваясь и не представляясь, бросила:

– Нужно встретиться.

* * *

Она ожидала, что окажется в старинном и мрачном особняке, возможно – в подвале, а сам особняк скорее всего будет с колоннами и скорее всего – за городом, но присланные Гаапом «сотрудники» отвезли Ксану в Оружейный переулок, к высокому, массивному дому, нависшему над Садовым угрожающей скалой стекла и бетона. И не ошиблась молодая женщина лишь в том, что встреча состоялась в подвале. Можно даже сказать – в подвале подвалов. Чёрный «Мерседес», в котором были тонированы даже фары, въехал в подземный паркинг, молчаливые «сотрудники» проводили Ксану к лифту, но тот отправился не вверх, а вниз, и опускался довольно долго. А когда дверцы раскрылись, разойдясь в разные стороны, женщина увидела гигантский подземный зал, выложенный крупным серым камнем, с высоким сводчатым потолком, галереей, идущей примерно в трёх метрах от пола, и алтарём у дальней стороны. Стены украшали барельефы, на которые Ксана поначалу не обратила внимания – она искала взглядом Гаапа, – и лишь потом сообразила, что в украшении зала использовались сцены казней, пыток и свального греха. Ничего более. Только они, в исключительно разных вариациях. Причём иногда пытки и соития присутствовали на барельефе одновременно, а иногда соитие и было пыткой... Например – с драконом...

Сам Гаап обнаружился у алтаря, облачённый в длинную коричневую рясу с очень широким воротом. Подойдя ближе, Ксана поняла, что ряса сделана из грубой ткани, а подпоясывался Гаап простой верёвкой. Он сидел у стены, на каменной скамье и держал в руке оловянный кубок с водой. На появление женщины не среагировал: не поднялся, не поздоровался.

– Я пришла принести клятву, – произнесла она, глядя на Гаапа в упор.

Тот улыбнулся, смягчив черты ястребиного лица, но не повернул головы.

– Клятву, – повторила женщина.

И опять никакой реакции.

Ксана немного подождала, недоумевая, а затем уточнила:

– Я хочу принести вам клятву, баал Гаап.

И вот тогда мужчина ответил – скрипучим голосом:

– Не только её.

– Вы хотите большего?

– Клятва – это всегда большее, – он поднялся и сделал несколько маленьких шагов вдоль стены, оставив кубок на скамье. – Клятва – это не только слова, Ксана, клятва – это покорность.

– Я понимаю, баал Гаап.

– Уверена?

До сих пор в ней говорили лютый гнев, яростная обида и жуткое унижение. До сих пор она не думала, а просто шла туда, где сможет отыскать не утешение, но месть. Ксана жаждала крови и лишь сейчас вспомнила, что всё на свете требует платы.

– Что означает покорность?

– Ты хочешь подумать ещё, или мы начинаем церемонию?

И женщина поняла, что ей предоставлен последний шанс остановиться. Самый последний. Клятва сделает её другой, отвратит от жизни, которую она вела, и подарит новый мир. Ещё не познанный, но уже пугающий. Однако сейчас это обстоятельство не имело значения, потому что Ксана знала – клятва сделает её сильной и позволит расплатиться за пережитое.

– Я принесу клятву, чего бы мне это ни стоило, – твёрдо сказала женщина. – Мне нужна сила.

– Она туманит голову, да? – прищурился Гаап.

– Скорее, делает ясной.

– Сила позволяет добиться многого, но действительно ли ты готова заплатить любую цену за обретение возможности достичь любой цели?

– Что значит – любую цену?

– Ту, которую я назову. Ту, которую потребует с тебя Ша за разрешение пить из нескончаемого источника...

– Я уже брала силу!

– Но отказывалась меняться...

– Эта сука сопротивляется! – неожиданно выкрикнула Ксана, и Гаап рассмеялся.

– Такой ты мне нравишься больше, моя прекрасная ведьма, гораздо больше.

«Надо остановиться! – простонала про себя Ксана. – Герман...»

Но обида туманила голову и удесятряла силу холодной Ксаны. У которой раздувались ноздри от жажды крови, которая чуяла разлитую вокруг силу и стремилась к ней, для которой любая цена не значила ничего...

– Дай мне силу, Гаап, – прошептала она. – И прими мою покорность!

А силы здесь полно – сила тёмной и необыкновенно мощной энергии Ша. Сила клубилась в углах, скользила по стенам, обрамляя ужасающие барельефы резкими тенями, ласкала ноги Ксаны и поднималась чуть выше, вызывая сладкое предвкушение.

– Прими мою покорность...

Баал резко обернулся и приблизился так, что их глаза разделяло не более двадцати сантиметров. Приблизился и вцепился ей в плечо крепкими, жёсткими пальцами.

– Скажи, что ты хочешь!

– Я хочу...

– Скажи, что мечтаешь о могуществе Тьмы!

– Я мечтаю...

– Скажи, что жаждешь Зла...

«Остановись!»

Но другая, новая Ксана не среагировала на отчаянный возглас Ксаны прежней.

– Я жажду, баал, – прошептала она, преданно глядя в ястребиное лицо. Плечо пронзала боль. – Прими мою покорность, умоляю.

– Раздевайся.

Гаап не отвернулся, но Ксане было всё равно. Она чуть улыбнулась, выпрямилась, спокойно расстегнула и сбросила на пол платье, скинула туфли, поставила левую ногу на скамью и сняла чулок, затем обнажила правую ногу и лишь после этого избавилась от трусиков.

– Раньше ты носила лифчики, – заметил Гаап.

– С недавних пор я могу вновь обходиться без них, – усмехнулась в ответ Ксана и чуть качнула грудью. – Она поднялась.

– Хорошо быть ведьмой?

– Мне нравится.

– Тогда выпей.

Он указал на чашу, что оставил на скамье, но сейчас в ней была не вода.

– Это кровь?

– Ещё нет, – покачал головой Гаап. – Это Тьма и твоё Зло, женщина.

Чернота Отражения и горе, которое стало ненавистью. Это твоё желание стать новой и обрести силу. Это прокисшее вино, выдавленное из отравленного винограда. Это яд, которым пропитается твоя жизнь...

Он поднёс чашу к её губам, и Ксану передёрнуло от резкого, отвратительного запаха гниения.

– Это смерть, которую ты принесёшь в мир...

Ксана сделала глоток. В голове зашумело.

– ...жестокость, которая станет твоей сутью...

Второй глоток дался труднее, внутри начались болезненные спазмы, зато голос первой Ксаны окончательно затих.

– ...твоя покорность принять из моих рук всё, что угодно!

Третий глоток получился самым кошмарным. В нём появился привкус всех смертных грехов, и, сделав его, Ксана решила, что умерла. Проклятая жидкость растеклась по телу раскалённой лавой, сжигая всё, что было Ксаной. Не убивала – в пылающем внутри огне Ксана чувствовала новую себя и дикую, необузданную силу. Чарующую силу, обещающую невозможное могущество. Свою силу.

– Что дальше? – пролепетала она, с трудом ворочая языком.

– Дальше золото с раскалённой бронзой.

– Я должна его съесть?

– Ты должна его стерпеть.

Из маленькой дверцы вышли и приблизились женщины в чёрных одеяниях, оставляющих открытыми лишь руки и глаза. Первая несла тигель, в котором пузырилась золотая масса, в руке второй Ксана увидела стилус, больше похожий на стилет.

– Ты готова?

– Да.

Стилус погрузился в тигель, женщина чуть помедлила, позволяя Ксане «насладиться» видом расплавленного металла, а затем прочертила на её плече первую линию.

Если бы не лава, которая жгла Ксану изнутри, она ни за что не вынесла бы пытки. Раскалённое золото резануло по коже. Потом ещё! И ещё! Невыносимая боль требовала выхода, хотелось кричать, но Ксана удержалась. Сжала пальцы в кулаки, закричала зубами, прокусила губу, но удержалась и дождалась окончания церемонии, больше похожей на экзекуцию. Получила печать на левое плечо.

А дальше...

– Выпей вина. – Гаап вновь поднёс к губам Ксаны чашу, но на сей раз в ней оказалось плотное, терпкое и очень вкусное красное. – Тебе нужны

силы.

– Для чего? – едва слышно спросила женщина.

Она едва стояла на ногах.

– Остался заключительный этап церемонии.

– Какой?

– Кровь.

– Я должна скрепить наш договор кровью?

– Да.

– Хорошо.

– Но не своей.

«Сотрудники» ввели в зал обнажённого Германа.

А Ксана даже не вскрикнула. Не смогла. Окаменела, увидев мужчину, и лишь через минуту, не меньше, сумела прошептать:

– Это жестоко.

– А я тебя не в детский театр нанимаю, – спокойно ответил Гаап.

Герман изумлённо смотрел на женщину, но молчал. Хотел что-то сказать, Ксана видела артикуляцию, но молчал – баал отнял у него голос.

Оставил только взгляд...

– Я могу отказаться? – прошептала Ксана. Та, которую ещё не сожгла раскалённая лава.

– Можешь.

– И что будет?

– Ты уйдёшь, – неожиданно для женщины ответил Гаап.

– Просто уйду?

– И будешь до конца жизни носить мою Печать, – усмехнулся баал. – И будешь плакать по ночам, вспоминая прикосновение к силе. И перережешь себе вены, меньше чем через неделю.

– Ты не можешь так поступить со мной. – Ксана смотрела на Германа, и из её прекрасных глаз текли крупные слёзы. В которых отражалась её любовь.

– Я уже так поступил с тобой.

– Пожалуйста...

– Я сделал всё, что мог – он молчит, – Гаап кивнул на мужчину. – Но можно вернуть ему голос...

– Нет! Не надо, пожалуйста, только не это!

– Согласен... – Баал нежно провёл рукой по полной груди Ксаны, задержался, чуть сдавил сосок, а потом потянул его на себя. Герман смотрел на парочку с яростью. – Ты можешь уйти, Ксана, но он останется в любом случае. Он – твоя плата за возможность обрести силу или за

возможность уйти. Ты сделаешь выбор, плата будет взята. – Гаап поцеловал женщину в плечо. И вложил ей в руку кинжал. – Не ошибись.

– Гаап...

– Баал Гаап, – поправил он Ксану. – И ты должна встать передо мной на колени, ведьма.

– Я...

– Или уйти.

– Ты...

– Баал Гаап! – рявкнул Первородный.

И Ксана, трясаясь от сдерживаемых рыданий, опустилась на колени.

– Баал Гаап...

– Я приношу тебе клятву... – громко произнёс Первородный.

Она должна была повторять. Или уйти.

– Я приношу тебе клятву...

– ...верности...

– ...верности...

– ...почитания...

– ...почитания...

Тем временем «сотрудники» уложили Германа на алтарь и плотно затянули ремни на руках и ногах.

– Я мечтаю лишь о том, чтобы служить тебе...

– ...тебе...

– И клянусь на крови!

Она знала, что делать.

Ксана резко поднялась, в три шага приблизилась к алтарному камню, двумя руками вскинула кинжал и резко, на выдохе, вонзила его в грудь Германа.

Кровь брызнула на её прекрасные, чётко очерченные губы и мёртвые, совершенно пустые глаза.

Глаза человека, лишённого души...

* * *

Борис открыл глаза и сразу понял, что не дома: в их с Ксаной спальне окно располагалось справа, было намного больше и закрывалось бордовыми, а не жёлтыми шторами. Борис понял, что не дома, и потому испытал короткий, но очень резкий панический приступ: «Как же так?! Как получилось, что я уснул здесь?» Но через несколько секунд успокоился и

принял происходящее.

Он остался у Виталины, потому что ему было хорошо.

Просто – хорошо.

В её объятиях, в её постели, в её доме. Остался, потому что не мог уйти, потому что сделал выбор.

Приступ паники прошёл, и настроение молниеносно улучшилось. Даже не улучшилось – стало прекрасным. Борис припомнил совершенно восхитительный вечер, плавно перешедший в невообразимо восхитительную ночь, страстные чувства, испытанные едва ли не впервые в жизни, и понял, что решение остаться оказалось самым правильным за много последних лет.

Он сделал выбор.

Неожиданно для себя выбрал обыкновенную девчонку, не подходящую ему ни по статусу, ни по положению. Выбрал, потому что любит.

Борис повернулся к Виталине, улыбнулся и тихо произнёс:

– Доброе утро.

– Доброе утро, милый.

Она была такая сонная, мягкая, теплая, нежная, что мужчина не удержался – крепко поцеловал Виталину. А потом ещё раз...

– Ты не опоздаешь на работу? – хихикнула девушка, почувствовав на себе его руки.

– Сегодня выходной.

– Борис?

Желание накатило так, что он не мог остановиться.

– Сегодня мы с Ксенией расстаёмся. Клянусь!

Виталина прекрасно понимала, к чему приведёт ночёвка в её квартире, и роль свою сыграла безупречно: не захихикала, ничего не сказала в адрес проигравшей соперницы, лишь тесно прижалась к мужчине и проворковала:

– Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – нежно ответил Борис.

Затем отстранился, чуть приподнявшись над девушкой, ласково улыбнулся и крепко сжал её шею руками. Сдавил, глядя на захрипевшую Виталину с лютой злобой, одновременно понимая и не понимая, что творит.

Он так и говорил на суде: «Я не понимал, что делал».

И был абсолютно честен.

Но ему никто не поверил.

– В эфире «Информационный марафон НСН» и я, его ведущий, Всеволод Нерознак. Главной новостью дня остаётся убийство известным бизнесменом Борисом Нельковым своей молодой любовницы Виталины Дадупленко. Как сообщила гражданская жена Нелькова, Ксения Болгарина, причиной убийства могло стать нежелание Нелькова разрывать их отношения. «Я не думала, что он так сильно меня любит», – сказала госпожа Болгарина в интервью нашему корреспонденту...

Ксана выключила радио, остановила машину в правом ряду, включила «аварийку» и вышла на Бородинский мост.

На середину.

Как тогда.

Облокотилась на парапет – как тогда, – но огляделась совсем другим взглядом: опытным, внимательным, знающим, как правильно смотреть сквозь окружающие отражения. Знающим, куда смотреть.

Ведь отражений много, они накладываются друг на друга, обновляются и отражаются вновь, умножая своё великое число. Одни отражения смеются, делая мир ярче, другие чернеют лютым злом. Одни наполняют мир, меняя его своей истиной, другие разлетаются в дым, оставляя за собой лишь сожаление об утраченном.

Как выяснить, какое отражение станет реальностью? – Пойдите! – услышала Ксана знакомый голос. —

Пойдите!

Резко повернулась и увидела себя. Мрачную, злую и полностью опустошённую, захлебнувшуюся в горе и не чувствующую ничего, кроме него. Увидела себя, в клочья разорванную проклятым видео, увидела себя, бредущую по мосту с телефоном у носа, рыдающую, жалкую...

И увидела Германа, резко остановившего машину в правом ряду.

– Пойдите! – Он подбежал, взял за руку и заставил поднять голову. Он посмотрел в её заплаканные глаза: – Что случилось?

– Не ваше дело!

Она ответила резко, с болью.

– Уже моё.

– Уйдите!

– Не уйду!

– Пожалуйста... – Ксана не выдержала, разрыдалась, держа Германа за руку, разрыдалась в голос, в крик, проклиная судьбу и мир, а потом

прижалась к его плечу и затихла. Стояла, дрожа плечами и душой, но больше не рыдала.

Стояла.

Не дошла до середины моста.

Не заглянула в реку.

Не стала другой.

– Одна минута, – прошептала Ксана, глядя на несбывшееся отражение. – Герман, любимый, почему ты так задержался?

Под её взглядом отражение задрожало, покачнулось, оторвалось от реальности и медленно поплыло над мостом, чтобы рухнуть вниз и обратиться в тёмную воду.

Одна минута...

И годы по часам,
И сердце-ястребок,
Я дышу радостью,
Нет большей сладости жить.
Я дышу радостью,
Нет большей сладости жить².

МАКАМ Х ПОРТНОЙ

*Звезда должна сиять, и смерть ей не к лицу.
Я за тебя воздать был рад хвалу Творцу!
Но вынужден брать взаймы
Теперь у князя тьмы³.*

INGRESSO

Тишины нет.

Точнее, есть, конечно, но тишина означает опасность и требует внимательно прислушиваться к каждому шороху, шёпоту, эху – к любому звуку, способному рассказать, что на самом деле происходит вокруг. Потому что тишина означает, что кто-то затаился и ждёт, когда ты допустишь ошибку.

Какую?

Например, не заметишь того, кто затаился, и повернёшься спиной к нему. И целая жизнь окажется перечёркнутой тем, что ты повернулся спиной... Или бросил взгляд в неправильную сторону... Или на мгновение расслабился... Малейшая ошибка, и все мечты, надежды и желания обращаются в кровь на песке.

А песок здесь всюду – на губах, руках, одежде, на ресницах... Ничего удивительного – пустыня. Песок скрипит под ногами, паутиной путается на коже, шуршит по одежде, но когда нет ветра, его можно терпеть. В конце концов, это всего лишь песок – изменчивый и скользкий, не дающий отражений, но строящий удивительные миражи, отражающие его представление о другой жизни, строящий хрупкие замки, рассыпающиеся в прах от улыбки ветра.

Но песок – младшее зло. Больше всего Кириллу Амону не нравилось то, что в пустыне стреляли. По-настоящему стреляли из всего, что удавалось сюда привезти: штурмовые винтовки, тяжёлые пулемёты, миномёты, пушки, реактивные установки – в пустыне шла война, и она вызывала у Кирилла неприязнь. Он не боялся, ему именно не нравилось

происходящее, поскольку приходилось тратить время и отвлекаться на вооружённых людей.

– Кирилл, даишы, – прошептал Пэн, указывая на небольшую, из четырёх пикапов, колонну, которая как раз подъехала к деревне.

– Вижу, – так же тихо отозвался Кирилл.

– Что делать?

– Ждать. Пока они нам не мешают.

Машины остановились на окраине, не доехав до первого дома с полсотни метров, и из кузова авангардного пикапа выпрыгнули бородатые боевики ИГИЛ⁴, которых Пэн почему-то звал «даишами». Пятеро рассыпались по сторонам, внимательно изучая окрестности, а трое встали вокруг вышедшего из кабины здоровяка с необычно светлой для местных племён бородой. В левой руке здоровяк держал карту, в правой – навигатор, и постоянно оглядывался, прикидывая расположение нужной точки.

– Они ищут то же, что и мы? – спросил Пэн.

– Да, – подтвердил Кирилл. – Но не там.

– Это хорошо...

Вооружённые мощными электронными биноклями Амон и Пэн следили за происходящим с гребня невысокого холма, скучающего в километре от деревни. А к холму они пришли ночью, со стороны пустыни, и были уверены, что ни местные жители, ни разведчики террористов их не засекли. Планировали заняться своими делами на рассвете и занялись, но появление даишей спутало карты.

Пэн втянул ноздрями воздух и усмехнулся:

– Вервольф.

– Европейец? – уточнил Кирилл, поняв, что речь идёт о мужчине со светлой бородой.

– Слишком крупный для европейских выводов, – покачал головой Пэн. – Скорее, американец.

– Он нас не учует? – Оборотни славились тонким обонянием.

– Вокруг полно людей.

– А как насчёт тебя?

Пэн едва слышно зашипел. В отличие от напарника, он принадлежал к роду сепсов – самых ядовитых змеевидов, и его запах резко отличался от человеческого.

– Мабраска спрячет.

– Будем надеяться.

Мабраска – талисман Мабраса, который носили все отличные от людей существа Отражения, скрывал и жёлтые глаза Пэна с вертикальными

зрачками, и когти на пальцах, и отсутствие ушей, и, как выяснилось, запах. Амон плохо разбирался в нюансах использования талисмана, но надеялся, что напарник не ошибается.

Тем временем верфольф определился с нужной точкой, отдал приказ, и даиши вытолкали из второго пикапа рабочих с кирками и лопатами.

– У нас мало времени, – сказал Кирилл, убирая бинокль. – Через час они поймут, что копают не там, верфольф сделает поправку, увидит наши первые шурфы и прикажет прочесать окрестности.

Он говорил уверенно, потому что сам допустил такую же ошибку в расчётах и начал поиски с другой стороны дороги. А когда сообразил, где нужно копать, условная линия пустынного фронта резко переменялась, правительственные войска отступили, и деревня оказалась на подконтрольной ИГИЛ территории. Пришлось уходить. Но они вернулись, поскольку знали, что им дышат в спину конкуренты.

– У нас есть два часа.

– Тогда хватит тратить время.

Амон и Пэн соскользнули к подножию холма и оказались у шурфа, ради которого вернулись, у шурфа, который пять дней назад привёл их в древний подземный ход. На следующий день вокруг Пальмиры начались ожесточённые бои, шурф пришлось завалить, но сейчас он снова был расчищен и манил искателей чёрной дырой таинственного прохода.

Роли распределили заранее. Пэн остался на поверхности, Кирилл же сбросил в отверстие контейнер, затем протиснулся сквозь узкий лаз, прыгнул – потолок оказался невысоким, – и включил фонарь. Куда нужно идти, он не знал, двинулся наугад, направо, и через десяток осторожных шагов понял, что не ошибся: коридор привел Амона в комнату, вход в которую преграждала деревянная дверь с печатью принцепала Сулеймана V, правившего местными органиками с XIII по XV век. Несмотря на прошедшие столетия, дверь оказалась крепкой, а вот охранное заклинание давно истлело, и магический щит печати превратился в элемент декора.

Но Кирилл всё равно едва не завопил от радости.

Печать Сулеймана V! Все источники указывали, что именно этот принцепал был последним обладателем уникальной реликвии, которую вот уже несколько столетий искали все иерархи Отражения. Старая дверь с потерявшей силу печатью обещала вспотевшему от предвкушения Кириллу невиданную добычу.

«Пора», – прошептал он себе, после чего надел на голову громоздкую конструкцию, напоминающую изготовленные в Эпоху Возрождения очки виртуальной реальности, отодвинул засов и вошёл в комнату. Или камеру,

учитывая, что помещение находилось под землёй. Или погреб, поскольку предназначалось оно для хранения.

Вошёл и не удержался от восклицания:

– Есть!

И засмеялся.

Потому что победил.

Реликвия ждала Амона на прямоугольном каменном постаменте в центре комнаты. И зашипела, заставив гостя вздрогнуть от неожиданности.

– Боже, ты действительно жива! – пробормотал он, поражаясь неистовой злобе, которую древняя реликвия сумела передать без слов, одним только звуком.

Шипение повторилось. Реликвия не понимала, почему у неё не получается, рассвирепела, но сделать ничего не могла: убить наглого пришельца оказалось невозможно.

– Боюсь, сейчас ты окончательно осатанеешь, но выхода у меня нет, – пробормотал Кирилл, снимая с плеча контейнер.

Поставил его на постамент, раскрыл, медленно натянул плотные и длинные, выше локтя, резиновые перчатки, взялся двумя руками за реликвию и осторожно перенёс в контейнер. Закрыв его, снял очки, перчатки, выдохнул и вновь рассмеялся. Кирилл знал, что операция далека от завершения, что им с Пэном ещё предстоит выбраться из охваченной войной Сирии, но всё равно рассмеялся, радуясь тому, что самый важный этап завершился.

Подняв изрядно потяжелевший контейнер, Кирилл вышел в коридор и быстрым шагом добрался до лаза.

– Нашёл!

– Правда? – взвизгнул Пэн.

– Зачем мне врать?

Сепс громко прошипел пару фраз на языке змеевидов, судя по интонации – бурно радуясь, и бросил вниз верёвку.

– Давай контейнер.

Выбраться через узкий лаз с грузом за спиной не получилось бы, поэтому Кирилл обвязал драгоценную ношу верёвкой и распорядился:

– Поднимай.

– Есть...

Пэн вытянул контейнер, наклонился, освобождая его, снова бросил Кириллу верёвку, а следом – взведённую гранату.

– До встречи!

И отпрыгнул в сторону, опасаясь оказаться под осколками.

PUNTO

Рассказывают, что здешняя земля долго не соглашалась терпеть над собой камень и выстроенные дворцы гибли. Не просто погружались в землю, больше похожую на воду, а бесследно исчезали, проваливаясь в отражённое болотом небо. Рассказывают, что даже самые длинные сваи так и не нашли дна и держат город, упираясь в спины мёртвых. Ещё рассказывают, что Нева смеялась над строителями имперского града, но смирилась, поражённая их упорством, и вот уже триста лет отражает гордый Санкт-Петербург в своей суровой воде.

И с тех пор образ Города наполняет океан, разбегаясь по его течениям и протокам.

Образ крепостных стен и золотых куполов, мостов и каналов, памятников и людей, которые смотрят в задумчивые воды Санкт-Петербурга... Их отражения плывут по океану, столь огромному, что даже время иногда оставляет его за своими пределами. В океане отражения становятся самостью и обретают силу, сплетаются с образами других городов и возвращаются в мир неба, чтобы пролиться на твердь каплями бесчисленных подобию.

Капли дождя падают на камни, и хоровод начинается сначала.

А Питер любит дождь, ведь рождался под его шёпот, стонал в его грозах, рычал в его громах. Рождался под мелкую водяную пыль, рассеянную в воздухе, рождался под тяжёлыми тучами. Рождался к славе и величию.

Питер любит дождь, но сегодня ограничился его паутинкой, которая едва расчертила Город тончайшими серыми линиями и тут же исчезла, прихватив с собой набежавшие ночью тучи. Город ясно улыбнулся и приветствовал солнце полуденным выстрелом.

— Бытует мнение, что некроманты настолько мрачны, что не терпят ничего, кроме Тьмы и ночи, — негромко произнесла женщина, оглядываясь на Петропавловскую. — Что наш удел — кладбища и холодные склепы, и в небе мы видим только Луну.

— Разве не так? — удивился её спутник.

— Так, но не для всех. — Она легко улыбнулась, вновь взяла мужчину под руку, и они продолжили неспешную прогулку по набережной. — Мне, к примеру, нравится наше солнце: редкое и прекрасное. Я наслаждаюсь облаками, украшающими синее-синее небо, но именно облаками, не тучами, которые так часто захватывают Город. Облака переменчивы, как

мир, в них есть нежность любви и романтика свободного полёта. Мне нравится думать, что однажды моя смерть сольётся с отражением облака, моя кровь сделает его розовым, словно от закатного взгляда, и может быть, оно всплакнёт... но не сильно, уронит пару капель грустного дождя и медленно полетит в океан, возвращая себе первозданную чистоту. И растворяя меня в мире...

Мужчина слушал спокойно, но вздрогнул на словах о первозданной чистоте – баалы не часто произносили подобное. Юлия вновь улыбнулась.

– А что о своей смерти думаете вы, Зиновий?

– Она неотвратима, – вздохнул тот. – К сожалению.

– Неотвратима для тех, кто мыслит узко, – не согласилась женщина. – Призвание позволило мне познать все нюансы Некро, и уверяю: неотвратимость смерти сильно преувеличена. Древние бессмертны, принципалы бессмертны, некоторые баалы Первородных и некоторые Божественные тоже бессмертны... Нас окружают многочисленные исключения из самого твёрдого правила.

– Но никто из перечисленных не насладился вечной жизнью, – обронил мужчина. – И даже Древние недавно покинули нас... Убить можно всех.

– В этом вы правы.

Зиновий, которого в отражении Города звали Портным, и Юлия, вдова Александер, встретились, как туристы, – на Адмиралтейской набережной – и теперь медленно шли в сторону Английской, не останавливаясь, но и не торопясь, поскольку на Благовещенском мосту им предстояло расстаться. Их сопровождал телохранитель Юлии – ехал в машине, не приближаясь и не привлекая внимания, отчего собеседники казались влюблёнными, вышедшими в солнечный денёк на романтическую прогулку вдоль Невы.

Но так только казалось.

– Странно, что мы с вами до сих пор не встречались.

– Я – затворник, – вздохнул Портной. – Общество меня смущает.

– Я слышала, – кивнула вдова Александер. – Мой покойный супруг упоминал, что вы предпочитаете одиночество... И высоко ценил вас, Зиновий.

– Я исполнил несколько просьб баала. В том числе – весьма сложных.

– Покойный супруг рассказывал.

Несмотря на привычку постоянно ссылаться на усопшего мужа, Юлия отнюдь не была ни скромной, ни слабой вдовой. Умная, волевая и жёсткая, она ухитрилась удержать империю Аридора Александера, отбила атаку волколаков Виктора Тагара, безжалостно расправилась с пасынком, сдуру

бросившим ей вызов, и стала считаться первой среди питерских Первородных.

Но как это часто бывает, внешность вдовы Александер абсолютно не соответствовала ни её железному характеру, ни крутому нраву, ни положению в обществе. Гармонично сложенная Юлия отличалась невысоким ростом и казалась скорее хрупкой, чем полной сил, болезненной и ломкой, и впечатлению этому способствовала молочно-белая кожа, резко контрастирующая с чёрными глазами – большими и выразительными, – с чёрными волосами и траурным одеянием – строгим, несмотря на лето, платьем. В одежде вдова Александер предпочитала чёрное, носила элегантную шляпку с вуалеткой и тончайшие перчатки, поверх которых блестели золотые перстни с чёрными бриллиантами.

Юлия любила поговорить с умными собеседниками о вещах, которые были ей интересны, но никогда не забывала о делах.

– Почему вы просили о встрече, Зиновий?

Портной кивнул, показывая, что готов перейти к серьёзным вопросам, и вежливо произнёс:

– Позвольте ещё раз поблагодарить за то, что вы согласились на неё.

– Я не могла отказать, – мягко отозвалась вдова Александер. – К тому же сегодня замечательный день и для прогулки, и для разговора.

– Для очень серьезного разговора, – уточнил мужчина и облизнул губы. – Мне нужна помощь.

Зиновий, которого в Городе звали Портным, не особенно превосходил Юлию в росте, едва дотягивая до ста семидесяти сантиметров. Был он тощим, но жилистым, скорее копчёным, чем высушенным, быстрым, но нервным. Лицо имел маленькое и морщинистое, хотя только-только разменял пятый десяток. Одевался небрежно и, несмотря на тёплую погоду, плотно: растянутый лонгслив с широким воротом, потёртые джинсы и грубые башмаки. Поверх – чёрный плащ, испачканный слева белым. Зиновий носил длинные, до плеч, волосы, которые следовало бы чаще мыть, и привлекал внимание необычной татуировкой – на лбу, над переносицей, некий мастер умело изобразил Портному третий глаз. Закрытый. О его предназначении Зиновий не распространялся.

Голос у Портного был сиплым, слабым, слова без труда подхватывал даже самый лёгкий ветерок, поэтому Юлии приходилось прилагать усилия, слушая собеседника.

– Получилось так, что я стал обладателем одного известного артефакта, который в настоящее время скорее мёртв, чем жив... – сообщил Зиновий, покусывая губы. – Точнее, я не могу понять, как к нему

подступиться, чтобы не испортить, и мне требуется помощь опытного некроманта. Ситуация усугубляется тем, что артефакт действительно бесценный, и я не хочу его потерять.

– Артефакт органический?

– Был... когда-то.

– Что с ним произошло?

– Его разделили.

Возникла короткая пауза, после которой Юлия замедлила шаг и негромко произнесла:

– Кажется, я понимаю, о каком артефакте идёт речь.

– У меня есть голова Медузы, – кивнул Зиновий.

– Та самая?

– Да.

Несколько секунд женщина молчала, глядя в сторону Финского залива, затем они продолжили движение. И разговор.

– Я слышала, баал Молох посылал на поиски отряд. Если не ошибаюсь, в Ирак.

– В Сирию.

– Без сомнения – в Сирию, – согласилась вдова Александер. – Посланцы Молоха отыскиали камеру, некогда запечатанную Сулейманом V.

– Они прекрасные следопыты, – Портной позволил себе улыбку. – Молоху повезло, что ему служат столь опытные воины.

– ...но камера оказалась пустой, – закончила женщина. И дружелюбно осведомилась: – Как получилось, что вы опередили самого Молоха?

– Мои помощники приступили к работе чуть раньше.

– То есть вам повезло?

– В какой-то степени.

– Приятно, что вы говорите правду... – Вдова Александер вновь помолчала, обдумывая услышанное, – было видно, что известие произвело на неё сильное впечатление, – и через несколько секунд продолжила: – Полагаю, вы знаете, что баал Молох весьма упрям и упорен в достижении цели? Он очень хочет заполучить Медузу. А я не горю желанием ссориться с Молохом, даже несмотря на то что он живёт на другом континенте и формально не имеет надо мной власти... именно этим и обусловлен следующий вопрос: кто ещё знает о том, что вы раздобыли артефакт?

– Я и три сепса, – тут же ответил Портной. – Теперь – вы.

– Медузу отыскиали сепсы? – изумилась Юлия.

Удивление объяснялось тем, что об умственных способностях змеевидов ходили нелестные отзывы.

– С ними был человек, но он погиб.

– Очень мило с его стороны, – прощепетала вдова Александер. – А каковы ваши планы?

Портной вновь вздрогнул, и в его взгляде появилась тревога:

– Вы спрашиваете, не собираюсь ли я умереть в ближайшее время?

– Нет, что вы... – легко рассмеялась женщина. – Каковы ваши планы на Медузу?

Портной с облегчением вздохнул и криво улыбнулся. Он знал, что Юлия необычайно опасна, но мог обратиться только к ней, потому что любой другой некромант её уровня уже давно пытал бы его, желая вызнать местонахождение уникального артефакта. Что же касается вдовы Александер, слухи утверждали, что она терпеть не может Молоха, и слухи, кажется, не лгали.

– Что делать с Медузой, мы с вами решим позже, – твёрдо произнёс Портной, глядя в чёрные глаза Юлии. И выделив голосом сочетание «мы с вами». – Сначала нужно определить, можно ли с ней вообще хоть что-нибудь сделать.

– Согласна, – кивнула вдова Александер. – Но теперь меня интересует технический аспект: что вы хотите сделать с Медузой?

– Дать ей новое тело.

– Зачем? – изумилась женщина. – Насколько я понимаю, её нынешний образ более чем заслужен.

– Этого хотят сепсы, которые почитают Медузу богиней, – объяснил Зиновий. – Она ведь их праматерь.

– Так вы работаете на сепсов?

– Отнюдь, – Портной вновь облизнул губы и объяснил: – Я хочу сделать так, чтобы сепсы работали на меня. Точнее – на нас.

– До чего интересно... – протянула Юлия, просчитывая новые варианты.

– Как видите, я честен с вами.

Это замечание вдова Александер оставила без внимания.

– Вы уже выбрали тело?

– Его привезут ночью. Ткани Медузы отторгают любые чуждые клетки, поэтому я приказал отыскать прямых потомков Горгон.

– Их мало.

– Их очень мало, – уточнил Портной. – Змеевиды выслеживали добычу полгода, но не сумели поймать живой...

– Кого они нашли?

– Метиса Горгоны и человека.

– Такие бывают?
– Я ведь говорю: Горгон очень мало, приходится работать с тем, что есть.
– Вы собираетесь сшить мёртвое с мёртвым?
– Не в первый раз.
– А я должна прочистить Медузе мозги и сделать покорной нам?
– Да.
– Это вызов, Зиновий, – рассмеялась Юлия. – Передо мной давно не ставили столь интересную задачу...

«Она увлеклась, – понял Портной. – Дело сделано». Потому что все знали – Юлия Александер не просто некромант, а некромант увлечённый, она обожает эксперименты, нетривиальные идеи и видит в своём умении искусство.

– Сегодня вечером в вашей лаборатории, – деловым тоном пообещала женщина. – А сейчас простите, мне нужно покопаться в библиотеке...

* * *

Последние слова вдова Александер произнесла, стоя у Благовещенского моста.

Затем они расстались: Юлия села в машину – предупредительный Лотар распахнул дверцу и подал руку, Портной же поднял воротник плаща и быстрым шагом отправился на Васильевский, тщательно обдумывая каждое слово и каждую интонацию состоявшегося разговора.

А человек, который подслушивал собеседников, двигаясь параллельно им по Университетской набережной, сложил спрятанный под тонким плащом микрофон, вытащил наушник и развернулся в сторону Стрелки, не желая встречаться с Зиновием. Не хотел, чтобы Портной раньше времени узнал, что тот, кого он считает мёртвым, приехал в Санкт-Петербург за тем, что считает справедливым.

* * *

Отношение к работе вещь изменчивая, сильно зависящая от разных факторов: настроения, самочувствия, атмосферного давления и последствий вчерашней вечеринки. Иногда привычная рутина приводит в неистовство и кажется невыносимой каторгой, к которой приговорили за

несовершённое преступление, иногда апатия съедает эмоции, и серый цвет становится главным, иногда приходится стискивать зубы ради карьеры или дохода, а бывает так, что работа приносит радость.

Не часто, но бывает.

Однако Сергей Тыков, сотрудник таможенного поста «Торфяновка», к последней категории людей не относился и ничем не отличался от миллионов и миллионов рабочих и служащих в своём отношении к лямке, которую приходится тянуть с упорством отправившегося в кругосветное путешествие осла. Но при этом Сергею становилось скучно, когда поток желающих пересечь границу ослабевал, и в тихие дни Тыков изучал автомобили с таким тщанием, словно собирался их купить, а любой груз считал контрабандой до тех пор, пока не будет доказано обратное.

– Та-а-ак... – Таможенник оторвал взгляд от бумаг и внимательно посмотрел на Кастора. – Кунсткамера, значит?

– Да, – суховато ответил тот, соорудив на физиономии доброжелательно-послушное выражение, которое, как он знал, безумно нравилось мелким чиновникам по всей Земле, от аэропорта JFK до санитарного инспектора из Кейптауна.

Но на этот раз не сработало: фургон Кастора оказался первой машиной за час, да к тому же с подозрительным грузом, и скучающий Сергей решил, что такие гости заслуживают самого «тёплого» приёма.

– Везёте в Кунсткамеру? – переспросил Тыков.

– Да.

По-русски Кастор говорил гораздо лучше Влазиса, но всё равно с акцентом и потому старался ограничиваться короткими, простыми и предельно понятными ответами.

– Научный груз? – не унимался таможенник.

– Да.

– Мумия?

– Без головы, – зачем-то уточнил Кастор, задумчиво осмотрев упомянутую часть тела Тыкова, Тыков намёка не понял. А может, понял, но реагировать не стал, поскольку за годы службы смотрели на него многие и по-разному, и в том числе – враждебно, и на голову тоже. Привык.

– Куда делась? – зевнув, поинтересовался он. И побарабанил пальцами по столешнице с таким видом, будто весь Таможенный комитет Российской Федерации уже с неделю нетерпеливо подпрыгивал в ожидании мумии и сильно расстроился, узнав, что игрушка оказалась с дефектом. – Где голова?

– Нам не сказали, – развёл руками Кастор.

- И даже без головы мумия нужна учёным?
- Безголовые везде нужны, – пробубнил себе под нос Кастор, которого стали утомлять и беседа, и собеседник.
- Что? – не расслышал Тыков.
- Представляет ценность, – опомнился Кастор.
- Понятно... – протянул таможенник. – Всё с вами понятно...

Но в действительности Тыкову было понятно далеко не всё. Во-первых и в-главных: кому нужна мумия без головы? Кому вообще нужно что-нибудь без головы? Если без головы, значит, непорядок, а что можно сделать с тем, что не в порядке? Правильный ответ: ничего. Как можно использовать сломанное? Кому нужна мумия-инвалид? Где её покажешь? Кто за неё деньги заплатит?

Во-вторых, вызывала обоснованные подозрения и сопровождающая груз парочка – два крепких мужика, скорее похожие на громил, чем на экспедиторов. Повадками и одеждой крепыши напоминали потерявшихся во времени «быков» из прошлого века: нарочито расслабленные голоса, характерные жесты, короткие кожаные куртки, свитера, чёрные брюки, чёрные туфли и кепочки.

Кепочки!

Чутьё подсказывало, что с фургоном что-то неладно, но что именно, таможенник определить затруднялся, а пришивать к делу сомнения не имел права. Делу нужны доказательства или фальшь в документах, а с документами у подозрительных сопровождающих всё оказалось в порядке. Бумаги оформлены правильно, все возможные справки и подтверждения, которые мог запросить Тыков, прилагались, и законные основания задерживать фургон отсутствовали.

«Этнографические материалы»...

Тыков в очередной раз просмотрел бумаги.

Этнографические материалы, в скобках – мумия, вывезены из Перу. Точнее, вывезена, поскольку речь шла об одном-единственном теле. Об очень странном теле. На первый взгляд оно принадлежало молодой женщине, с крепкой грудью, тонкой талией и полными бёдрами. Но Тыков заметил, что вместо кожи тело покрывала мельчайшая чешуя, а между пальцами с острыми ногтями виднеются перепонки, небольшие, но заметные... главное же заключалось в том, что, вопреки ожиданиям Сергея, мумия не лежала в ящике, перемотанная древними бинтами – как в тех фильмах, которые Тыкову доводилось видеть, а плавала в объёмной стеклянной колбе, надёжно закреплённой в кузове цельнометаллического фургона. В оберегающем растворе, длинная химическая формула которого

присутствовала в одной из справок.

«Что же это за мумия такая?»

Тыков давно служил на таможне, навидался всякого, но подобный уродец попался ему впервые. С другой стороны, Сергей много слышал об удивительной коллекции старого музея, в который триста с лишним лет со всей Земли свозили необычные экспонаты, и в очередной раз пообещал себе сходить в Кунсткамеру. Как-нибудь...

Но вслух сказал другое:

– Откуда берутся такие твари?

– Мутации, – пожал плечами Кастор. – Неожиданные скрещивания. Из тех, что случаются раз на миллион.

Фраза прозвучала настолько неожиданно для «быка», что Тыков не удержался от удивлённого замечания:

– Вы не похожи на учёного.

– Я менеджер, – ответил Кастор, сообразив, что ляпнул лишнее. Подумал и добавил: – Эффективный.

– Обеспечиваете научную деятельность?

– Именно. Обеспечиваю, доставляю, вынимаю...

– Что?

– Я могу ехать? – поинтересовался Кастор. – Меня в музей ждут.

– Можете, конечно, – вздохнул таможенник. – Добро, так сказать, пожаловать в Россию.

И отдал документы.

– Государственная научная мысль выражает вам безмерную благодарность.

* * *

Как все мёртвые, Лотар был спокоен, молчалив, абсолютно послушен и лишён волос. Всяких. Ногти у него не росли, но сохранились, затвердев до окаменения, а волосы выпали. Мёртвые – хотя в случае Лотара уместно использовать термин «поднятые», – приобретали чудовищную силу и равнодушие к боли и продолжали оставаться живыми пятьдесят–шестьдесят лет после ритуала, для чего им требовались лишь «трупная смесь» – знаменитый эликсир некромантов – и много воды. Каждый мёртвый выпивал не менее пяти литров в день, и именно поэтому, как шутили знающие, оплотом некромантов стал Санкт-Петербург – благодородный любимец дождей.

Лотар исполнял при Юлии Александер обязанности водителя, телохранителя и самого доверенного слуги. Сейчас он управлял выехавшим на Васильевский остров «Роллс-Ройсом», плавно свернул с Университетской во двор, остановил машину, выключил фары, повернулся и вопросительно посмотрел на хозяйку.

– Правильно, нам сюда, – кивнула Юлия. – Но дальше я одна.

Мёртвый поднял брови. В смысле, обозначил движение, приподняв кожу над глазами, как привык в прошлой жизни.

– Всё в порядке, – успокоила его женщина. – Портной не осмелится меня подставить.

– Виктор? – кашлянул мёртвый, напоминая о предводителе волколаков – заклятом враге семьи Александер. И вновь намекая, что предложение приехать в Кунсткамеру ночью могло оказаться ловушкой.

– Зиновий не служит Виктору, я уверена, – терпеливо ответила вдова. – Просто Зиновий боится, что я отниму у него игрушку, вот и попросил меня прийти одну... – По губам Юлии скользнула лёгкая усмешка. – Он думает, это его как-то обезопасит.

Мертвый ответил улыбкой, вышел, распахнул дверцу, подал хозяйке руку и уточнил:

– Время? – Он хотел знать, как часто Юлия планирует выходить на связь.

– Первый звонок через час, в половине второго ночи, – решила женщина. – Затем я скажу.

– Да, госпожа.

– Будь неподалёку.

– Да, госпожа.

Юлия приняла у Лотара саквояж с материалами и направилась к Кунсткамере, разрывая ночную тишину острым цокотом высоких каблуков. Даже сейчас, собираясь не столько на встречу, сколько на работу, вдова Александер не изменила привычке одеваться стильно и явилась в Кунсткамеру в чёрном костюме с длинной юбкой, чёрной шёлковой блузе, шляпке с вуалеткой и туфлях на шпильках. Злые языки объясняли приверженность вдовы Александер к высоким каблукам тем, что она стесняется скромного роста, но люди знающие лишь снисходительно улыбались в ответ: в Санкт-Петербурге на Юлию давно смотрели снизу вверх.

У двери вдову Александер поджидал псоглавец – раб Зиновия, результат тончайшей работы по пересадке головы добермана на мускулистое мужское тело. А чтобы не смущать учёных работников

Кунсткамеры необычным видом, псоглавец носил «мабраску», и все видели в нём самого обыкновенного человека унылой, ничем не примечательной наружности.

Говорить псоглавец не мог, поэтому этикет встречи был соблюден лишь поклоном, после которого раб распахнул дверь и указал на лестницу в подвал.

«Куда же ещё!» – улыбнулась про себя женщина, небрежно передала псоглавцу саквояж и вошла в Кунсткамеру.

Готовясь к встрече, вдова Александер навела справки и точно знала, где расположено логово Портного, как в него войти и выйти, в том числе – вопреки желанию хозяина. Изучила хранящие лабораторию заклинания, определила, как их преодолеть в случае необходимости, и потому чувствовала себя достаточно уверенно. Но при этом ловко, не переигрывая, изображала смущённую гостью, с интересом изучающую новое помещение. И держалась всего в шаге позади псоглавца, словно боясь потеряться.

Они спустились в подвал, прошли мимо массивной двери в бомбоубежище и остановились у следующей, обыкновенной, рядом с которой висела дешёвая пластиковая табличка: «Этнографическая лаборатория Зиновия Зольке, доктора». Никаких других научных кабинетов в подвале не наблюдалось.

Псоглавец постучал, но сразу открыл дверь и пропустил Юлию внутрь, в первую из комнат Портного. Эту клетушку, площадью не более девяти квадратных метров, выделила Зиновию Кунсткамера, и она была полностью загромождена ужасной мебелью, оставшейся от бюрократов середины прошлого века: здесь царствовали казённые полки, скрипучие стулья с жёсткими сиденьями, два книжных шкафа и потёртый письменный стол, левая сторона которого ещё при Хрущёве была запачкана отравленными чернилами, да с тех пор не отмылась.

При появлении Юлии Портной резко повернулся, но тут же замер, замявшись, явно не зная, как себя вести, и пробубнил:

– Юлия баал...

– Я тоже рада вас видеть, Зиновий, – тактично отозвалась вдова и остановилась, сохраняя дистанцию. – У вас тут... уютненько.

Это был самый дипломатичный комплимент в её жизни.

– Да... – Портной огляделся с таким видом, словно не узнавал ничего вокруг, понял, что женщина шутит, и окончательно смутился. – Это помещение выделено руководством, сюда может зайти кто угодно, вот и приходится хранить его в столь жалком виде.

– Руководство разрешает вам курить? – притворно изумилась Юлия.
– Курить? – Зиновий проследил взгляд вдовы и увидел дымящуюся самокрутку в правой руке:

– Я задумался и совсем забыл... Вы не против?
– Не против. Мой покойный муж любил покурить душистый табак, а у вас, как я заметила, душистый.

– Спасибо... – Зиновий рассеянно оглядел самокрутку. – У меня хорошая вытяжка... Там, в лаборатории.

В ответ Юлия вновь улыбнулась и указала на плакат: «Кто ты, Ктулху?»

– Вы не знаете?
– Хочу его вскрыть.
– Ах, вот как... Для начала его нужно найти.
– Ну, Медузу я отыскал... – Портной наконец разглядел саквояж в руках псоглавца и засуетился: – Позвольте пригласить вас собственно в лабораторию, Юлия баал. Она тут... за стеной.

И подошёл к одному из книжных шкафов.
– Руководство выделило вам две комнаты? – продолжила «удивляться» женщина. – Наверняка у вас полно завистников, Зиновий.

– Руководство о второй комнате не знает, – объяснил Зольке. – Я внёс некоторые изменения в планы здания, и теперь считается, что за этой стеной расположено бомбоубежище. А кто будет измерять площадь бомбоубежища?

– Ловко, – оценила вдова.
– Спасибо.

Зиновий нажал на скрытую кнопку, шкаф сдвинулся, и они прошли в лабораторию. В весьма обширное помещение, в центре которого располагался крепкий стол со множеством ящичков, встроенных шкафчиков и гладкой металлической столешницей, идеально чистой, отполированной до зеркального блеска. Стол был снабжён изрядным количеством приспособлений, среди которых присутствовали лампы, как яркие, так и узконаправленные, штанги с разнокалиберными увеличительными стёклами и подставки для инструментов. А завершали композицию фиксирующие ремни для пациентов.

Или жертв.

Сейчас свободные.

Как и в кабинете, стены лаборатории оказались загромождены мебелью, но хотя полок и шкафов здесь было намного больше, из-за размеров помещения они не производили столь гнетущего впечатления. А

стоящие между шкафами витрины и колбы с «опытами» привлекали внимание, превращая лабораторию в мини-музей. И вдова Александер не отказала себе в удовольствии рассмотреть одно из достижений Портного – саблезубую макаку с небольшими, но явно острыми рогами и кожистыми крыльями.

– Я делал этот проект для госпожи Элизабет, – негромко сообщил Зиновий, нервно затянувшись самокруткой. – Это третий образец... не выжил... А четвёртый, для которого я взял шимпанзе, оказался удачным.

– Муж говорил об этой работе, – кивнула женщина. – Восхищался...

– Спасибо.

В дальнем углу была оборудована «зона отдыха» – два кресла у журнального столика, в одном из которых сидел плечистый мужчина в тёмно-сером костюме и красной рубашке. Увидев вошедших, он поднялся, отдал дань вежливости, сделав три шага навстречу, и остановился, глядя на Юлию со спокойствием независимого и абсолютно уверенного в себе человека. И явно не собираясь начинать разговор, что при общении со знатным баалом граничило с оскорблением.

Вдова Александер тоже остановилась и обронила:

– Мне тут, пожалуй, нравится, – полностью сосредоточившись на рабочем столе Портного.

Тот понял, что назревает скандал, вздохнул и сообщил:

– Это посвящённый Пэн, Юлия баал, мой... компаньон.

– Посвящённый во что? – небрежно осведомилась вдова, продолжая разглядывать стол.

– Я – сепс, – с достоинством ответил Пэн.

– Посвящённый во что?

– В таинства моей семьи.

Юлия наконец соизволила отвлечься от изучения технических приспособлений и вопросительно посмотрела на Портного, давая понять, что желает услышать ответ на вопрос. Присутствие независимого сепса, знающего таинства семьи, она полностью игнорировала.

– Именно посвящённый Пэн доставил в Санкт-Петербург Медузу, – промямлил Зиновий, мысленно проклиная дурацкий характер компаньона. Сепсы, так же как волколаки и многие другие существа, любили показать норы, но обычно им хватало ума не злить баалов. К сожалению, обнаружение Медузы заставило Пэна позабыть, что он пока не ровня высшим грешникам.

– Я вижу, что он – змеевид, – протянула Юлия, нарочно используя далеко не самое уважительное определение всех произошедших от змей

существ. И она по-прежнему обращалась к Портному. Демонстративно. – А значит, он должен приветствовать меня по Этикету Первородных. Как низший.

Это было законное, но унижительное требование. Классические правила поведения разрабатывались много веков назад, когда грешники относились к остальным существам в лучшем случае как к слугам, и в последнее время использовались лишь во время официальных церемоний, да и то не всегда. Своим требованием Юлия продемонстрировала крайнюю степень раздражения и показала Пэну, как близко он подошёл к опасной черте.

Сепс побледнел от бешенства, но спорить не осмелился и медленно опустил на правое колено.

Юлия, не двигаясь с места, выставила перед собой руку ладонью вниз и тем окончательно добила змеевида: Пэну пришлось подняться, пройти разделяющее их расстояние, вновь опуститься на колено и поцеловать Первородной руку.

– Я с почтением приветствую вас, Юлия баал, – униженно произнёс сепс, буравя взглядом пол. – И прошу дозволения посетить ваш город.

– Люблю, когда по правилам, – светским тоном произнесла вдова Александер, вытирая руку платком. И по-прежнему глядя на Портного. – Что ещё интересного есть в вашей лаборатории, Зиновий?

– Не хотите осмотреть другие мои работы? – поинтересовался тот, желая сгладить возникшую неловкость.

Вдова бросила взгляд на витрины и запаянные колбы с «опытами» и медленно направилась к следующей:

– Вижу, вам есть что показать.

Она тоже понимала, что нужно сбросить напряжение.

– Да, Юлия баал, мне есть что показать и чем похвастать, – вновь заторопился Портной. – Я – один из лучших мастеров Отражения по созданию переделок... есть ещё два специалиста: Клейтон из Лондона и Кастро из Мехико, но первый стар и почти не работает, а второй слишком увлечён птицами. Поэтому лучшие клиенты едут ко мне. Я беру дорого, но всегда делаю то, что обещал.

Пэн открыл было рот, явно намереваясь что-то сказать, но столь же явно передумал. Сообразил, что сейчас Юлия не хочет его слышать.

А вдова Александер увлеклась, на время позабыв о деле. Увлеклась, потому что «опыты» Зольке удивили даже её, много чего повидавшую и пережившую. «Опыты» по созданию переделок, существ, не просто сшитых из разного, но живых и способных использовать все части нового

организма.

А в колбах кого только не было.

Псоглавец, подобный тому, что встретил женщину у дверей, только с головой бультерьера. Карликовый кентавр – «Мне всегда была интересна Древняя Греция», – прошелестел откуда-то сбоку Портной. Крылатая собака. Кенгуру, верхние лапы которой были тигриными... Фантазия Портного или его заказчиков порой порождала отвратительных монстров, но все они были жизнеспособными и лишь после смерти занимали места в колбах.

– Иногда мне ставят невозможные задачи. Придумывают мечту, приходят, я говорю, что не получится, они начинают спорить, злиться... Считают, что я вымогаю деньги. Не понимают, что моё умение и моя магия работают иначе, ближе к науке, и я не способен сотворить чудо. Точнее, способен, но это уже будет не переделка, а голем, которого придется постоянно кормить магией. Не понимают... и тогда приходится звать Трезора.

– Вашего пёсика?

– Да.

Вдова наконец заставила себя оторваться от «опытов».

– Мой покойный муж говорил, что у вас интересно, Зиновий, но я не представляла насколько.

– Благодарю, Юлия баал, – склонил голову Портной.

– Это она? – Женщина кивнула на стоящий в центре стола контейнер.

– Да, – подтвердил Зиновий.

Пэн резко выдохнул, но вновь промолчал. Возможно, сожалея о собственной дерзости, но, скорее всего, злясь на Юлию за пережитое унижение.

– Откройте, – потребовала вдова. Мягким тоном, но было очевидно, что отказ невозможен.

– Открывать опасно, – не выдержал сепс.

– Разумеется, опасно, иначе зачем нам Медуза? – Юлия бросила на змеевида холодный взгляд. – В Отражении всегда опасно.

– Пэн имеет в виду, что опасно открывать контейнер, не приняв меры предосторожности, – поспешил объяснить Зиновий. – Как вы помните, смотреть на Медузу можно лишь через зеркало. В противном случае вы будете обращены в камень.

– Легенды не лгут? – прищурилась вдова.

– Ни в коем случае, Юлия баал, – твёрдо ответил Портной. И кивком указал на прекрасную фигурку попугая. Очень реалистичную.

Передающую даже самые мелкие детали, на которые обычно не обращают внимания скульпторы. Каменную фигурку птицы, в глазах которой даже сейчас читались ужас и боль.

Вдова внимательно оглядела статуэтку, едва заметно кивнула, показывая, что соглашается с собеседником, и поинтересовалась:

– Как нужно защищаться?

– Есть специальные очки. – Портной выдвинул ближайший ящик стола и протянул женщине громоздкие устройства, полностью закрывающие глаза. – Сначала будет непривычно, но это гораздо удобнее, чем всё время смотреть через зеркало. И безопаснее.

А Пэн молча натянул очки на нос, показывая, как их правильно надевать.

– Хорошо. – Юлия последовала примеру змеевида, после чего распорядилась: – Открывайте.

Портной резко поднял тяжёлую крышку, и лабораторию наполнило злобное шипение – потревоженная Медуза выразила неудовольствие.

– Так вот ты какая, – пробормотала Юлия. – Удивительно... Удивительно и прекрасно.

На этих словах Пэн улыбнулся с таким видом, словно услышал именно то, что хотел. Вдова заметила улыбку, но никак не среагировала, а сделала маленький шаг назад, выбирая подходящее расстояние для созерцания.

Медуза вновь зашипела, но на этот раз никто не вздрогнул.

Медуза...

Вопреки древнегреческим рассказам, её лицо оказалось прекрасным: полные, зовущие губы, чуть вздёрнутый носик, маленькие ушки, высокие скулы, чистый лоб и огромные, бесконечно огромные и очень выразительные глаза... Жаль только, что в них светилась лютая ненависть, а вместо волос на голове извивались блестящие чёрные змеи, не менее злые, чем хозяйка.

– Сколько же в ней силы, – с уважением произнесла Юлия, делая шаг в сторону. – Тысячи лет прошли, Персей давно сгинул, и прах его развеян по полю Битвы Богов, а она жива. Мертва и жива...

– Медуза слабеет, – негромко сообщил Пэн. – Если не принять меры, она не проживёт и ста лет.

– Все умирают, – небрежно напомнила королева некромантов.

– Богиня должна жить, – горячо не согласился Посвящённый.

Вдова услышала слово «богиня», но сделала вид, что не придавала ему значения. Шагнула влево, продолжая изучать голову Горгоны, и задержала взгляд на большом цилиндрическом сосуде с зелёной жидкостью, в

которую был погружён шейный срез Медузы. Не спросила зачем, но заметила, что срез кровоточит.

«Интересно...»

– Что скажете, Юлия баал? – тихо спросил Зиновий.

– Пусть Трезор принесёт мой саквояж, – распорядилась вдова Александер.

Но прежде чем она продолжила, в кармане Портного зазвонил телефон.

* * *

Кирилл занял пост у Кунсткамеры вскоре после того, как подслушал разговор на набережной – боялся пропустить машину с телом. При этом он с трудом представлял, как именно захватит добычу – идея устроить в центре города перестрелку не показалась привлекательной, – и все последующие часы посвятил рассмотрению различных вариантов, включая самые фантастические. Рассматривал, взвешивал и с грустью убеждался, что стрелять всё-таки придётся...

В Петербург Кирилл отправился прямо из Сирии, не заезжая в Москву, поэтому вместо любимого «12» был вооружён заурядным «Глоком» с глушителем и искренне надеялся, что удастся обойтись в буквальном смысле малой кровью, но...

Но всё едва не испортила ведьма, шофёр которой остался дожидаться хозяйку во дворе Кунсткамеры. Его что, тоже убивать?

Откровенно говоря, Амон стоял перед крайне сложным выбором: не желая ничьей смерти, он приближался к моменту, когда чья-то смерть станет неизбежной, но, к счастью, этот момент не настал.

Кириллу невероятно повезло: пригнавшие фургон сепсы бросили машину на набережной. Просто оставили на набережной! Сначала пытались въехать во двор, но увидев нахально припаркованный «Роллс-Ройс», сдали назад и отправились в Кунсткамеру пешком, бросая злобные взгляды на невозмутимого водителя. Лысого, словно мертвец.

Впрочем, что из себя представлял водитель, Амону теперь было без разницы.

Не веря своему счастью, Кирилл проводил змеевидов взглядом, спокойным шагом подошёл к фургону, вскрыл его, сел за руль и неспешно поехал в сторону Благовещенского моста.

А за мгновение до того, как зазвонил телефон, в лабораторию заглянул псоглавец и что-то негромко прорычал.

– Пусть войдут, – разрешил Зиновий, закрывая контейнер левой рукой и доставая телефон правой. – Алло?

Пэн стянул очки, Юлия подняла их на лоб, и все трое повернулись к дверям. Трезор внёс саквояж, а следом в лабораторию вошли двое крепких, безвкусно одетых мужчин – ширококоротых, с выпученными глазами, – в которых вдова Александер без труда опознала сородичей Посвящённого. Но более низкого происхождения, поскольку сепсы боязливо встали у двери и молчали до тех пор, пока не увидели вопросительный взгляд Пэна. После этого доложили:

– Всё в порядке, – сказал левый.

– Доставили, – добавил правый.

– На таможне проблем не возникло.

– Как в аптеке.

– Документы идеальны.

– Правда, Кастор таможеннику не понравился, – хихикнул правый. –

Но ему пришлось нас пропустить.

– Что там за тачка поперек двора раскорячилась?

– Кто-то из наших?

– Мы не стали ругаться, чтобы не привлекать внимания.

– Молодцы, – негромко похвалил сородичей Пэн, бросив быстрый взгляд на Юлию. – Это Кастор и Влазис, мои доверенные помощники.

Змеевиды приосанились, им понравилось, что Пэн похвалил их перед самой Александер. Вдова знала, что должна поддержать Посвящённого и выразить курьерам благодарность, но не успела.

– Где сейчас тело? – неожиданно спросил Портной, продолжая держать телефон возле уха.

– Что? – не понял Кастор.

– Где сейчас тело?

– В фургоне.

– Здесь есть грузовые двери? – поинтересовался Влазис. – Цистерна довольно большая.

Пэн, различивший в голосе Портного чуть больше, чем просто любопытство, нахмурился.

Зиновий же несколько секунд по очереди смотрел то на одного

низшего сепса, то на другого, после чего перевёл телефон в режим громкой связи, положил на стол и холодно велел собеседнику:

– Повтори, что ты сказал.

– Ты не один? – мягко рассмеялся мужчина. У него был бархатистый, очень приятный голос.

– Не один, – хмуро подтвердил Зиновий.

– В таком случае, доброй всем ночи.

Ответов не последовало, но неизвестный всё равно выдержал несколько секунд, демонстрируя отличное воспитание, после чего продолжил:

– Портной, я был очень, очень сильно огорчён тем, что ты приказал Пэну меня убить. А ты теперь будешь очень, очень сильно огорчён тем, что у Пэна не получилось. Я хочу, чтобы ты в десять раз увеличил мой гонорар, и пока не отдашь золото, тело, которое везли два твоих безмозглых головастика, побудет у меня.

У Посвящённого сжались кулаки:

– Проверьте!

Побледневшие сепсы выскочили из лаборатории.

Юлия проводила их неприязненным взглядом и вопросительно посмотрела на Портного.

– Это Кирилл Амон, тот человек, который должен быть мёртвым, – объяснил Зольке, зажав микрофон телефона пальцем. – Благодаря ему мы отыскиали Медузу.

– То есть не благодаря Пэну? – уточнила женщина.

Зиновий и Посвящённый переглянулись, после чего Портной дёрнул плечом и ответил:

– Нет.

И оба потупились под презрительным взглядом вдовы Александер.

– Заплати ему, – распорядилась она.

– У меня нет под рукой такого количества золота.

– Заплати завтра.

– Конечно, конечно... – Портной вновь дёрнул плечом, шмыгнув носом, но вернуться к телефонному разговору не успел: Юлия жестом показала, что не закончила, и поинтересовалась:

– Ты приказывал убить Кирилла?

– Нет.

Вдова перевела взгляд на Пэна:

– Что за самодеятельность?

– Я хотел сохранить тайну, – недовольно пробубнил Посвящённый.

– Получилось?

Пэн отвернулся. Кажется, прошипел что-то себе под нос, но очень тихо, знал, чем может закончиться открытая ссора с баалом. Юлия покачала головой, словно подтверждая себе самой некоторые истины, и вернулась к Портному:

– Как, ты сказал, его зовут?

– Кирилл Амон.

Ещё один кивок, после чего вдова потребовала освободить микрофон и громко произнесла:

– Кирилл, это Юлия Александер, ты обо мне слышал? В ответ послышалось покашливание. Судя по всему, Амон слегка растерялся.

– Похоже, слышал, – улыбнулась вдова.

– Мало, – протянул опомнившийся мужчина. – Я не собирался в Питер, но знаю, что ваш авторитет в Городе необычайно высок.

– Очень хорошо, – одобрила Юлия. – Кирилл, я даю вам слово, что произошла досадная, неприятная для всех ошибка. Зиновий не приказывал вас убивать, да вы, я уверена, сами это понимаете. Случившееся – личная инициатива Посвящённого Пэна, но он всё осознал и приносит глубочайшие извинения. Когда вы появитесь, он выразит их лично. – Бледный от злости сепс изумлённо уставился на вдову, однако та не удостоила его взглядом. – Верните тело, Кирилл, я гарантирую вам безопасность и то, что Зиновий заплатит.

– Я не верю грешникам, Юлия баал, мне жаль. Пусть Портной готовит золото.

– Не кладите трубку, – попросила вдова.

– Почему?

– Подождите одну секунду, Кирилл. – Юлия перевела взгляд на Пэна. – Ты доволен?

– Я его найду и убью, – едва слышно прошептал тот.

– Нет.

– В смысле?

И прежде чем сепс успел осознать происходящее, вдова Александер с неожиданной силой схватила сепса за плечо, развернула к столу и резко раскрыла контейнер. Комнату разрезало громкое, злобное шипение, в котором совершенно потерялся короткий, полный ужаса вскрик.

Затем Посвящённый Пэн стал холодным и тяжёлым. Потому что обратился в камень.

– Я едва успел зажмуриться! – взвизгнул Портной.

Но Юлия пропустила его вопль мимо ушей. Закрыла контейнер и

негромко поинтересовалась у невидимого собеседника:

– Кирилл, вы поняли, что произошло?

– Кажется, да, – так же тихо ответил Кирилл.

– Посвящённый Пэн поступил плохо и был наказан, – ровно продолжила вдова. – Поступите хорошо, верните тело.

Несколько секунд в трубке стояла тишина, судя по всему, Кирилл боролся с искушением принять предложение, но память о предательстве была ещё слишком сильна, поэтому он выдавил:

– Вам известны мои условия.

И положил трубку.

– Очень жаль, – почти равнодушно произнесла Юлия, поправила вуалетку и перевела взгляд на Портного, ошарашенно изучающего статую Пэна. – Зиновий, вам нужен садовый гномик?

– Зачем? – хрипло спросил Зольке.

– Поставите под яблоней, – пожала плечами вдова. – Или около ворот.

– Зачем вы так поступили? – взвизгнул Портной. – Зачем?

– Во-первых, он заплатил за ошибку, – прохладным тоном объяснила Юлия. – Во-вторых, он бы всё равно не согласился с суровой правдой жизни.

– У жизни есть суровая правда? – окончательно растерялся Зольке. – О чём вы, Юлия баал?

– Медуза слишком долго была мёртвой, и её мозг безнадёжно испорчен, – вздохнула вдова. – Максимум, что я могу из неё сотворить – послушную мёртвую. И то для этого следует сильно постараться. Нам придётся влезть ей в голову и в буквальном смысле вдолбить в неё новые правила.

– А сепсам нужна богиня, – прошептал Портной. – Они хотят видеть настоящую Медузу.

– Именно, – подтвердила Юлия. И тут же улыбнулась. – Но всё не так плохо, Зиновий, ведь о том, что Медуза мертва и абсолютно управляема, будем знать только мы с вами. Для сепсов она станет богиней.

– Сепсы будут ей подчиняться.

– Сепсы – ей, а она – нам. – Юлия мягко провела ладонью по плечу Портного. – Но пока это всего лишь планы. Нужно уговорить Кирилла вернуть тело.

– Вы напрасно назвали своё имя, – вздохнул Зольке. – Вы его напугали, Юлия баал, Кирилл не вернётся.

– Почему?

– Потому что вы его убьёте.

И опять – пауза. Вдова испытующе посмотрела Портному в глаза и тихо осведомилась:

– Я настолько предсказуема?

– Вы – баал, – медленно ответил Зольке. – Волей или неволей он оказался на вашем пути, а значит, вы его убьёте. И то, что вы говорили о гарантиях, ничего не значит: грешникам не верят.

Потому что Первородные убивали и за меньшее.

Но был в рассуждениях Портного один нюанс: вдова Александер вошла в элиту грешников не по праву крови, а благодаря мастерству. Ещё десять лет назад Юлия была обыкновенной, не слишком везучей девушкой и понятия не имела об Отражении и о своём умении управлять тёмной энергией Ша. Ей приходилось убивать, но истинного наслаждения – подобно истинным Первородным – Юлия от убийств не получала. Правда, никому об этом не говорила.

– Есть ещё одна проблема, – дрожащим голосом продолжил Портной, боязливо косясь на каменного Пэна. – Когда я исследовал Медузу, то вскрыл срез на шее. Тот, оставленный Персеем... – Зольке помялся, не зная, как продолжить, но всё-таки бросился в омут: – Рана кровит.

– Я видела.

– Я не знаю, как можно остановить кровь, – признался Портной. – Медуза умирает.

– Сколько времени у нас есть? – неприятно спокойным тоном осведомилась Юлия.

– Не более суток.

– И когда вы собирались об этом сказать? – выдержав довольно длинную паузу поинтересовалась вдова.

– Если бы всё шло по плану, я бы и не сказал.

– Но план уже нарушен... – протянула королева некромантов, небрежно водя пальцем по идеально чистой столешнице. – Нарушен...

Портной замер, втянув голову в плечи, а затем тонким голосом предложил:

– Давайте объявим награду за голову Амона?

– В этом случае Виктор Тагар бросит на поиски всех своих волколаков, – подумав, ответила Юлия. – В результате он может добраться до Кирилла первым и обо всём узнать, а я не могу этого допустить. Тайна Медузы должна остаться тайной. Нашей тайной.

– Понимаю...

– Зиновий, – проникновенно продолжила вдова Александер, глядя Портному в глаза. – Зиновий, вы должны исправить свою ошибку.

Зольке вздрогнул и снова посмотрел на каменного Пэна. Тот, кажется, ехидно улыбнулся в ответ.

– Какую? – сглотнув, спросил Портной.

– Которую допустил ваш Посвящённый друг.

– Но ведь это он её допустил.

– Но вы привлекли Пэна к делу.

Женскую логику трудно опровергнуть, особенно если женщина – баал.

– Найдите Кирилла и тело, – сказала Юлия, снимая шляпку с вуалеткой – судя по всему, она собиралась заняться Медузой. – В любой последовательности, но помните, что мне нужно и то, и другое. Исправьте свою ошибку.

Портной кивнул, вышел в кабинет и принялся сворачивать самокрутку. Его пальцы дрожали так, что табак рассыпался трижды.

* * *

– Уехал? – горестно переспросил Кастор.

– Уехал, – равнодушно подтвердил Лотар.

Сепсы выскочили из Кунсткамеры, словно ошпаренные, галопом промчались мимо «Роллс-Ройса» и некоторое время бегали по набережной, потрясая кулаками и ругаясь. Вроде бы даже собрались подраться, но передумали, вернулись во двор, и мёртвый вышел им навстречу, понимая, что к нему будут вопросы. Но при этом расстегнул пиджак, показывая, что вооружён. Впрочем, предосторожность оказалась излишней: какими бы злыми ни были сепсы, нападать на поднятого они не собирались, прекрасно понимая, что силой мёртвого не одолеть, а яд – их главное оружие, на него не подействует.

– Почему ты позволил Кириллу уехать? – поинтересовался Влазис. – Почему не задержал?

– Где стоял фургон? – осведомился Лотар.

– На набережной, – махнул рукой змеевид.

– А где находился я?

Сепсы переглянулись и дружно выругались.

Всё было плохо.

Фургон уехал, а поскольку время – раннее утро и мосты сегодня не разводили, сейчас он мог находиться где угодно, хоть в Автово, хоть в Озерках. Установленный в машине «маячок» не отзывался, тело пропало, а ближайшее будущее виделось змеевидам в самых чёрных тонах, возможно

– в похоронных, поскольку Юлия Александер владела соответствующим бюро. Сепсы одновременно представили себя в лаборатории королевы некромантов и одновременно же взвыли от горя.

– Прокололись? – с безразличным добродушием поинтересовался Лотар.

– Да, – кивнул Кастор.

– Облажалась, – уточнил Влазис. – Очень крупно.

– Госпожа давно говорила, что хочет поднять сепса, – припомнил мёртвый. – Ей интересно, воспроизводится после смерти яд в боевой железе или нет?

Несколько секунд змеевиды непонимающе таращились на мёртвого, а затем в ужасе отскочили. Довольный Лотар вернулся в машину. Он знал, что так будет. И сепсы знали. Поэтому вновь посмотрели друг на друга, и Кастор обозначил перспективы:

– Вот нам и хана.

– Может, Пэн нас прикроет? – неуверенно протянул Влазис.

– Он сам разозлился.

– Но не настолько, чтобы убивать... – Влазис крепко, до хруста в суставах, сжал кулак. – Портной нас не тронет.

– Портного Пэн, возможно, и убедил бы, но не Юлю.

Все знали, что Юля ошибок не прощает.

Сепсы уныло вздохнули.

– Что будем делать?

– Не знаю.

– Но доложить надо.

– Пэну?

– Кому ещё? – Кастор набрал номер и удивлённо присвистнул, услышав холодный женский голос:

– Докладывайте.

– Я думал, это телефон Пэна, – растерялся змеевид.

– Мне повторить?

– Нет-нет, Юлия баал, повторять не надо... – Кастор глубоко вздохнул, пытаясь представить, что случилось с Посвящённым, и горестно поведал: – Мы не нашли фургон.

Несколько секунд вдова Александер молчала, то ли обдумывая, что делать дальше, то ли справляясь с гневом, после чего ровным голосом приказала:

– Позвоните Портному. Вы поступаете в его распоряжение до тех пор, пока не вернёте тело.

– А Посвящённый Пэн?
– Посвящённый Пэн не занимается поисками. Звоните Портному.
И положила трубку.
Влазис посмотрел на приятеля и вздохнул:
– Не нравится мне это.
– Она дала нам второй шанс, – пожал плечами Кастор, злобно глядя на Лотара.
– Не люблю некромантов, – ответил Влазис. – Они плохие.

* * *

Но всё, что плохо – тоже часть мира.
Не самая приятная, но обязательная, потому что вечное «хорошо» рано или поздно превратится в набившую оскомину обыденность, а возможно – в ад. Жизнь – это цепочка дней, раскрашенных во все цвета радуги, и только поэтому не надоедает. Жизнь не может обходиться без эмоций – разных, и без сюрпризов – разных: и заставляющих петь, и ледящих душу. И тех сюрпризов, последствия которых просчитать не можешь, зато чувствуешь, как шевелятся на голове волосы...

В жизни Кирилла Амона, даже в той её части, которую он помнил, сюрпризов было достаточно: проклятый старый дом, в котором он очнулся несколько месяцев назад, одинокий и потерявший память; чудовища того дома и счастливое от них избавление; смерть Древних, к которой он приложил руку – об этом Кирилл предпочитал не рассказывать; неожиданное предложение стать ведущим «НАШЕго радио», знакомство с Отражением, предательство Иолы, спасение Марси, знакомство с Авадонной и Машиной, история жуткого Театра Теней...

Сюрпризов хватало.

Но до сих пор Амону не доводилось бросать вызов баалу Первородных. И не просто баалу, а первому в огромном городе баалу, славящемуся силой и злопамятством. Кирилл сидел в машине, которую арендовал, приехав в Санкт-Петербург, барабанил пальцами по рулю, невидяще смотрел на идущих по тротуару людей и думал под громкие голоса Александра Бона, Тани Борисовой и Игоря Панькова – ведущих знаменитого утреннего шоу.

«Подъёмники» шутили, люди шли, а Кирилл никак не мог решить, бежать ему или вступить в схватку со страшной Юлией Александер, знаменитой королевой некромантов и самой могущественной женщиной

Северной столицы. И периодически повторял себе, что месть действительно следует подавать холодной: если бы из Сирии он отправился в Москву, а не в Питер – горя желанием расправиться с подлым Пэном, – Машина наверняка помог бы ему разобраться в хитросплетении питерских взаимоотношений и составить грамотный план атаки. Но сейчас Машина ковырялся в своих любимых железяках, сидя в своём любимом жёлтом доме, а он рассорился с Юлией и угрюмо разглядывал спешащих на работу петербуржцев, совершенно не представляя, что делать дальше.

Затевая месть, Кирилл собирался убить Пэна – прощать гранату, от которой он едва успел укрыться, было нельзя, – и выяснить, собирался ли его подставлять Портной. Если не собирался – ограничиться штрафом, в противном случае – отправить вслед за Пэном. Подслушивая разговор на набережной, Амон всё внимание уделил техническим деталям, а поскольку плохо ориентировался в реалиях Отражения, тем более – в реалиях питерского Отражения, – то не понял, к кому Зиновий обратился за помощью.

И допущенная ошибка могла стоить ему жизни...

Или хуже.

«Может, имело смысл принять предложение Юлии? – в очередной раз спросил себя Кирилл и в очередной раз покачал головой: – Нет».

Амону доводилось общаться с высшей знатью Первородных, и он знал, что баалы воспринимали вставших на их пути людей как личное оскорбление, не давая себе труд задуматься о намеренности или случайности произошедшего. Баалы сильны, темны, жестоки, и верить им на слово Кирилл не собирался.

Но что делать?

Самое умное – бежать.

Бежать как можно быстрее и подальше от Питера. Хотя бы в Москву, но там не просто ждать развития событий, а переговорить с Авадонной...

«Который тоже баал, – горько хмыкнул Кирилл. – И которому тоже нельзя верить».

Верить нельзя, но карлик ясно дал понять, что заинтересован в сотрудничестве, и потому, возможно, прикроет его от гнева Юлии Александер.

Второй вариант – не самый умный – заключался в том, чтобы принять бой.

«Рискованно? Ещё как. Но в этом случае всё будет зависеть только от меня...»

– Итак, если кто-то хочет узнать свою судьбу – звоните и

рассказывайте о проблеме, – неожиданно услышал Кирилл и вздрогнул, отметив, как вовремя прозвучало предложение. В утреннем шоу начался интерактивный блок, который мог помочь пребывающему в сомнениях Амону. – Мы гадаем по книге, и сегодня это будет «Трактат о военном искусстве» Сунь-Цзы. Пишите нам о своих проблемах, а пока – реклама.

Кирилл улыбнулся и достал телефон.

* * *

– Ну, что, друзья, давайте гадать, – предложил Паньков сразу после того, как шоу вернулось в эфир. – И у нас есть интересный, как мне кажется, звонок.

– Какой? – поинтересовался Бон. – В чём вопрос?

– Как всегда: о жизни и смерти.

– В переносном смысле? – Таня подняла брови.

– Все вопросы так или иначе касаются жизни и смерти, – хмыкнул Бон.

– Да, да, я знаю – мы все умрём, – согласился Паньков. – Вопрос лишь в том, когда и как это случится.

– Нас об этом спрашивают? – удивился Бон.

Вместо ответа Игорь загадочно улыбнулся и нажал на кнопку:

– Итак, у нас на связи Василий, а у Василия проблема: его хотят убить. Я вас правильно понял?

– Да, – скромно подтвердил Кирилл, разумно не представившийся в эфире настоящим именем.

– Какой ужас, – прокомментировала ответ Таня.

– Давно хотят? – заинтересовался Бон.

– Больше пяти часов, – не стал скрывать Кирилл.

– И как у вас дела?

– Пока убегаю.

– Василий, вы обратились в полицию? – спросила Таня.

– Всё не так просто... – протянул Кирилл.

– Вы убегаете от полиции? – перебил его Паньков.

– Нет, что вы, я не преступник, – махнул рукой Амон. – Просто не уверен, что полиция сможет помочь.

– Судя по голосу, вы достаточно спокойно относитесь к происходящему, – заметил Бон. – За вами гонятся убийцы, а вы звоните нам.

– А что такого в том, что я вам позвонил? – удивился Амон. – Я ведь не рассказываю, где нахожусь, а прошу совета.

– Какого? – осведомилась Таня.

– Что делать дальше?

– У вас уже была паника? – тут же спросил Бон. – Как вы отнеслись к тому, что кто-то хочет вас убить?

– Саша, зачем ты так? – укоризненно спросила Таня.

– Мне интересно.

– Скажем так: я не обрадовался, – ответил Кирилл.

– У вас крепкая психика.

– Спасибо.

– Думаете, мы вам поможем? – вернулся в разговор Паньков.

– Совет никогда не бывает лишним.

– О чём вы хотите гадать? Убьют вас или нет?

– Не могу решить: бежать или сражаться?

– Ох! – выдохнула Таня. – У вас не только психика крепкая.

И подумала, что голос просящего совета мужчины кажется ей знакомым.

– А вы можете убежать? – неожиданно серьёзно поинтересовался Бон.

– В том-то и дело, что не уверен...

– Итак, сегодня мы гадаем по книге знаменитого китайского полководца Сунь-Цзы «Трактат о военном искусстве», – провозгласил Паньков. – И вопрос нам достался подходящий: слушатель Василий спрашивает, смириться ему с тем, что его хотят убить, или сражаться? Василий, называйте страницу и строку.

– Страница шестьдесят три, – поразмыслив, ответил Кирилл. – Восьмая строка сверху.

Паньков зашуршал страницами и через несколько секунд усмехнулся:

– Интересно.

– Что там? – не сдержался Бон.

– Не томи, – попросила Таня.

– «Если запретить всякие предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвлекутся».

– И что это значит? – растерялась Таня. – Бежать или сражаться?

– Это значит – не думать о глупостях, – протянул Амон.

– То есть вы поняли, как поступить? – спросил Паньков, захлопывая книгу.

– Вполне, – отозвался Кирилл и улыбнулся: – Скажите, могу я попросить поставить для моего друга хорошую песню?

– Какую?
– «Портной», – ответил Амон. – Он немного в теме.
– С удовольствием. – Паньков нажал на кнопку, сбрасывая телефонный звонок, запустил трек и, убедившись, что в эфире его не слышно, пробормотал: – Странный звонок.
Бон и Таня ответили понимающими взглядами.

* * *

Звезда должна сиять, и смерть ей не к лицу.
Я за тебя воздать был рад хвалу Творцу!
Но вынужден брать займы
Теперь у князя тьмы⁵...

«Если запретить всякие предсказания и удалить всякие сомнения, умы солдат до самой смерти никуда не отвлекутся».

Кирилл откинулся на спинку кресла.

Всё верно. Старый умный китаец в очередной раз оказался прав, напомнив, что нет на свете ничего глупее и опаснее сомнений. Они убивают чаще, чем вражеский клинок, потому что мешают выстрелить первым, отнимают веру в себя и не позволяют принять правильное решение. Сомнения делают слабым. И если ты уверен, что враг не отстанет – сражайся, позабыв обо всём.

А главное – позабыв о сомнениях.

Будь они прокляты.

Сражайся!

Это опасно? Опасно. Страшно? Страшно. Зато не стыдно.

Плюнь на сомнения и сражайся!

* * *

– У вас всё в порядке, госпожа? – переспросил Лотар.
– Да, – повторила Юлия. – Всё в полном порядке. Я работаю... и я увлечена.
– Я очень рад, госпожа.
– Да... – Вдова потёрла глаза. – Я тоже.

Необходимость носить громоздкие очки была не единственным, но самым неприятным недостатком пребывания в лаборатории Портного, однако все эти ложки дёгтя не могли испортить огромную бочку мёда приподнятого настроения, в котором пребывала вдова. Юлия не солгала – она по-настоящему увлеклась. Впервые за долгое время от неё требовалось не только мастерство некроманта, но и талант, способность сосредоточиться, собрать в кулак знания, волю, мастерство, предвидение... и совершить невозможное. Требовалось применить то великое умение, которое некогда разглядел в испуганной Отражением девушке старый Аридор.

От неё требовалось прыгнуть выше головы, потому что Медуза умирала. А вдова Александер до сих пор не понимала, как голове удалось прожить столько веков, поскольку нанесенная Персеем рана должна была убить Горгону на месте. Но вопреки всем правилам – даже магическим! – Медуза выжила, сохранила умение обращать людей в камень, а потеряла, как в этом убедилась Юлия, только разум.

Впрочем, если верить архивным источникам, Медуза и до встречи с Персеем не отличалась ни сдержанностью, ни воспитанием, славилась яростью и не производила впечатления адекватного существа. Медузу боялись, и потому Персей, превративший чудовище в артефакт, стал героем. Но сейчас артефакт мог прийти в негодность, и Юлия делала всё, чтобы этого не произошло. Во-первых, она разбиралась с внутренним устройством то ли мёртвого, то ли ещё живого организма – эти материалы требовались Портному. Во-вторых, исследовала мозг Медузы, пытаясь понять, насколько он повреждён и можно ли использовать для управления существом современные методики некромантов.

Работа увлекала, но проклятые очки изрядно мешали, а злобное шипение, исходящее и от самой Горгоны, и от её «прически», действовало на нервы. Но Юлия справлялась. Тратила силы, но справлялась. За эти несколько часов она выжала себя практически досуха, растеряла всю Ша и мечтала об отдыхе, однако времени оставалось всё меньше, требовалось сделать самую тонкую работу – сплести мозг Медузы с новым телом и установить над получившимся существом полный контроль, – и вдова с трудом представляла, как с этим справится.

– Как дела дома? – тихо спросила она, бросив взгляд на вошедшего Трезора – тот принёс кофе и круассаны.

– По плану, – отрапортовал Лотар.

Псоглавец не задержался, оставил поднос и сразу вышел, и вдова очень тихо закончила:

– Будьте наготове. Уверена, у меня всё получится, и мы сможем совершить задуманное.

* * *

Кто именно создал сеть клубов «Отражение», теперь и не скажешь. Одни говорили, что не обошлось без англичан, мол, придумали в XIX веке, чтобы точно знать, где искать своих во время длительных путешествий; другие с ухмылкой уточняли, что первое упоминание трактира «Отражение» относится к XIV веку, открыт он был во Флоренции и скорее всего на деньги Медичи; третьи многозначительно сообщали, что сеть появилась ещё раньше, когда Мамона увлекался путешествиями и периодически страдал от плохой кухни.

Как это часто бывает, подлинная история навсегда затерялась в далёком прошлом и вряд ли её знали даже нынешние владельцы сети, зато заведение под названием «Отражение» без труда находилось в любом мало-мальски крупном поселении. Где-то это был роскошный клуб в центре города, где-то – скромный бар на окраине рабочей слободы, где-то придорожная забегаловка, где-то – кафе при гостинице, а объединяли их название, написанное одинаковым шрифтом, и нежелание привлекать к себе внимание. Настолько сильное нежелание, что в Питере, к примеру, бар «Отражение» располагался в подвале под знаменитым арт-кафе на Фурштатской, и чтобы попасть в него, нужно было пройти в одну из дверей «Только для персонала», спуститься на два пролёта по узкой лестнице, показаться хмурому охраннику, который безошибочно отличал отражённых от заблудившихся, и лишь после этого очутиться в обширном сводчатом зале, тихом и гулком.

По причине неурочного часа посетителей в «Отражении» оказалось всего двое: в дальнем углу грыз рёбрышки волколак – его широкое лицо блестело от размазанного по щекам жира, а у самых дверей читала утреннюю газету чопорная дама в тёмно-синем. На её столике остывала чашка кофе. Бармен скучал и встретил Зольке с искренней радостью.

– Кого я вижу! – прогудел он с такой силой, словно проглотил Иерихонскую трубу. – Сам господин Портной пожаловал в нашу скромную обитель.

– Вольно, Михалыч, – пошутил в ответ Зиновий. – Не нужно подхалимажа.

Грандиозный бармен, настолько высокий и крупный, что посетителей

встречал не столько он, сколько его пузо, считался легендой Питера и визитной карточкой «Отражения». Здоровенный, бородатый, он всегда облачался в бандану, безразмерные джинсы и заляпанную майку с надписью «Кандидат на вылет», которая идеально гармонировала с бесчисленными татуировками.

– Давненько ты к нам не заходил, – продолжил гудеть бармен, машинально протирая стойку полотенцем.

– Повода не было, – попытался отмахнуться Зиновий, не имеющий ни времени, ни настроения шутить.

Но отмахнуться не получилось.

– Какой нужен повод, чтобы выпить кружку пива? – осведомился бармен.

– Жажда.

– То есть ты не испытывал её целых четыре месяца?

– Ты помнишь, когда я заходил в прошлый раз? – удивился Портной.

– Ну, ты фигура известная, а для нашего бизнеса нет ничего лучше, чем знаменитые клиенты, с которыми гости могут сделать селфи.

– Неужели «Отражение» перестало пользоваться популярностью?

– Мир не стоит на месте, – вздохнул здоровяк, почёсывая пузо. – Народ ищет нового, вот и приходится шагать в ногу со временем: разрешаем селфи-палки, пускаем бородатых, начали варить крафтовое пиво...

– На мухоморах? – пошутил Зиновий.

– И на них тоже, – не стал скрывать Михалыч. – У меня сейчас два поставщика, один работает с классическими рецептами, второй любит экспериментировать. Хочешь попробовать «Гнойный эль»? Первая кружка за счёт заведения.

– Что будет после?

– В голове станет пусто и начнешь говорить со странным акцентом.

Прозвучало сомнительно, и Портной счёл за благо отказаться:

– Потом попробую.

– Меню тоже обновляем, – продолжил Михалыч. – Рекомендую хит сезона: крафтовый бургер «Щупальца коррупции».

– С козлятиной?

– С губернятиной. У чиновников часто что-нибудь отрезают, когда они палятся, вот я и решил, что грех добру пропадать.

– Прагматично, – усмехнулся Портной.

– Хорошо, когда городом правят осьминоги, – прищурился бармен. – У них сколько ни отрезай – всё равно вырастет новое.

– Эти бургеры будут вечны.
– Попробуешь?
– Мне не нравятся осьминоги, они жёсткие и скользкие.
– Эти хорошие, – здоровяк зевнул, прикрыв рот огромной ладонью. – Коррупция делает их мягкими и податливыми.

– Ну, давай твою губернятину, – решил Портной, вспомнив, что ещё не завтракал. А вечером не успел нормально поужинать. – Приобщимся к городской политике.

Михалыч вытащил из холодильника увесистое щупальце с надписью «Стадион», отрезал щедрый ломоть и бросил на гриль.

- Чем запьёшь?
- Пиво, – выбрал Зиновий и тут же добавил: – Только без мухоморов.
- Не хочешь расслабиться?
- Рано ещё.

В баре запахло жарящейся коррупцией.

– Зачем пожаловал? – перешёл к делу Михалыч. – Я ведь знаю, как сильно ты не любишь выбираться из Кунсткамеры.

– Стало скучно. – Портной выложил на стойку золотой соверен.

– И как желаешь повеселиться?

– Хочу устроить вечеринку со старым другом. Он недавно приехал в Город.

– Как зовут?

– Кирилл Амон.

– Попробую навести справки, – пообещал Михалыч, не прикасаясь к золоту. – Зайди на днях.

Зиновий выложил на стойку ещё одну монету.

– Вечером, – без уверенности пообещал бармен.

– Не жадничай.

– Требуется доплата за скорость.

– Ладно. – Портной неохотно добавил третий кругляш.

– Ваш знакомый по-прежнему в Городе, – скрипучим голосом поведала чопорная дама и сделала маленький глоток кофе. – Сейчас он на Литейном.

– Где именно?

– Ваш знакомый ловко скрывает своё местонахождение, поэтому особой точности не ждите.

– Ладно... – протянул Зиновий. – Как долго я на абонементе?

Но дама уже вернулась к газете, и за неё ответил Михалыч:

– Сутки, – произнёс бармен. – Потом придётся доплатить. И выставил

тарелку: – Твой бургер.

Коррупция выглядела так привлекательно и пахла так аппетитно, что Зиновий схватил бургер сразу, едва увидел. Схватил, крепко сжал и впился зубами, ощущая вкус мяса и соуса. Осьминог действительно оказался мягким и податливым, честно отрабатывая вложенные деньги.

– Мёртвые беспокойны, – произнёс Михалыч, облачиваясь на стойку.

Произнёс очень тихо, только для Зольке.

– В смысле? – спросил тот, не прекращая жевать.

– Говорят, Юлия вчера уехала на Васильевский остров и до сих пор не объявлялась.

– С ней всё в порядке.

– Но её мёртвые собираются на Большой Конюшенной, – ещё заметнее понизив голос, сообщил бармен. – Их не очень много, не как для войны, но больше, чем должно быть. Есть ощущение, что собираются они не просто так.

– А для чего? – прошептал Зольке, глотнув пива.

В ответ Михалыч пожал могучими плечами.

– Если бы знал – сказал, но ты будь осторожен, Портной, Юлия сумела прибрать к рукам бизнес семьи Александер и приструнила волколаков Виктора Тагара так, как даже старику Аридору не удавалось. Юлия очень опасна.

– Я тебя понял, – протянул Зиновий, жуя бургер. Однако навалившееся ощущение опасности перебило изумительный вкус коррупции. – Почему ты меня предупредил?

– Это бонус от Учётчицы, – объяснил бармен. – В последнее время к ней не часто обращаются и не так щедро платят.

– Скупой платит дважды.

– А мёртвый не платит вовсе.

– Спасибо. – Зиновий вновь хлебнул пива. – Крафтовое?

– Да.

– С чем?

– Ни с чем, классический лагер.

– И это хорошо.

– Кирилл Амон находится между сорок девятым и пятьдесят пятым по Литейному, – неожиданно произнесла Учётчица, не отрываясь от газеты. – Я не знаю, сколько он там пробудет.

«Театр? Спортивный магазин? Женское белье?!»

На фасаде пятьдесят первого дома по Литейному проспекту располагалось несколько вывесок, но ни одна из них Кирилла не устраивала. Он понимал, что нужный магазин не может существовать под истинным обликом, и пытался угадать, какое прикрытие избрали владельцы. То есть был вынужден угадывать, поскольку вредный Машина на этот вопрос не ответил.

Приняв решение сражаться, Кирилл сразу позвонил другу и поинтересовался, где в Питере можно купить толковое оружие. Ермолай машинально назвал адрес, но через секунду опомнился и осведомился, почему Амон в Питере, а не в Сирии. Кирилл сказал, что «Появилось небольшое дельце», и попросил уточнить насчёт магазина. Машина попросил уточнить насчёт дельца. А когда Амон отказался – тоже замолчал.

Пришлось разбираться самостоятельно.

«Вряд ли оружейный магазин прикинулся театром. Хотя... их товар легко сойдёт за реквизит к сказочной пьесе... Нет! Владельцы – люди серьёзные, а значит, выберут нечто совершенно безобидное».

И Кирилл решительно шагнул в магазин белья. Услышал тренькнувший над головой колокольчик и улыбнулся вышедшему из подсобного помещения продавцу – в начале встречи не помешает продемонстрировать дружелюбие, и медленно прошёл вдоль выложенных парадным строем бюстгальтеров, от игрушечных первых, до солидных шестых, остановился и задумчиво пробормотал:

– Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил...

– Неожиданно вспомнилось? – осведомился продавец.

И ехидно посмотрел на выложенные под бюстгальтерами стринги.

Владелец – или менеджер – салона нижнего белья оказался интеллигентного вида мужчиной за пятьдесят. Он был облачён – не одет, а именно облачён – в элегантный костюм-тройку, белоснежную сорочку, галстук и лакированные туфли. А если добавить к облачению безукоризненную причёску, идеально подстриженные усы и твёрдый, словно отчеканенный на Монетном дворе, профиль, то можно было предположить, что Амон повстречал особу дворянских кровей.

– Я читал, что эта песенка появилась из-за студентов Императорского училища правоведения, – негромко ответил Кирилл. – Форма студентов цветом напоминала оперение чижа, они носили пыжиковые шапки...

– ...и пили водку на Фонтанке, – закончил продавец.

– Именно.

– Это известная, весьма распространённая... легенда.

– Поэтому мне больше нравится другая история, – медленно продолжил Амон. – Согласно ей, песенку придумали дружки Ивана Ивановича Чижова, владельца оружейного магазина на Литейном, большого ценителя льежских стволов.

– А пыжик при чём? – осведомился продавец.

– Пыжик – от слова пыж, – объяснил Кирилл.

– Никогда не слышал этой версии происхождения песни.

– Жа-аль...

– Трусики примерять будете?

– Не уверен.

– В таком случае всего хорошего, молодой человек. До свидания.

– Я, пожалуй, задержусь, – улыбнулся Кирилл, и по его пальцам пробежал золотой кругляш.

Продавец с пониманием приподнял правую бровь:

– Крюгерранд?

– Я знаю, с чем нужно приходить в некоторые магазины, – ответил Амон. – Вас зовут Иван Иванович?

– Я – внук того самого Чижика.

– Приятно познакомиться, Иван Иванович, меня зовут Кирилл.

– В каком путеводителе вы обо мне прочитали?

– В отражённом.

– В таком случае, добро пожаловать.

– Я надеялся услышать эти слова.

– Что вам угодно, молодой человек? – перешёл к делу продавец.

– Не трусики.

– Я догадался, – кивнул Чижов. – На кого охотитесь?

– На очень живучего противника.

– Быстрого?

– Да.

– Человек?

– Поднятый.

– С поднятыми сложно, – вздохнул продавец. – Мертвеца трудно убить.

– К сожалению, нам не дано выбирать врагов, Иван Иванович.

– Ошибочное суждение, молодой человек, весьма ошибочное, – рассмеялся в ответ Чижов. – Мы не можем выбирать друзей, ибо верность и

взаимная приязнь – слишком тонкие материи, идущие прямо отсюда, от сердца... – Он прикоснулся к груди. – И потому друзья всегда внезапны. Что же касается врагов, их выбор определён разумом и холодным расчётом. Любую схватку можно предотвратить: договориться, извиниться, поискать компромисс или сбежать. Если ты не совсем идиот, то обязательно задумаешься об этих вариантах, и если всё-таки дерёшься – твой выбор есть результат расчёта.

– Все оружейники, которых я встречал, склонны к философии, – заметил Амон.

– Приближение смерти заставляет людей задумываться о высших материях, а для нас она – соседка, всегда рядом, даже когда не хочешь видеть... – объяснил Чижов. – Так что вам угодно, молодой человек, и угодно ли вообще?

– Мне нужен пистолет, подготовленный для боя в Отражении, и патроны к нему.

– Есть закалённый шаманами ирокезов «Ле Ма», – тут же ответил Иван Иванович. – Оружие тяжеловато, на любителя, но убойное, а главное – с секретом: каморы снаряжаются патронами на человека и другую мелкую дичь, а гладкоствол – зарядом на мертвеца. Сколько будет поднятых?

– Скорее всего один.

– Тогда «Ле Ма» подойдёт. Главное – не промахнуться.

– Не промахнусь, – пообещал Амон.

– Прошу вас, проходите.

В небольшом подсобном помещении, в которое продавец проводил Кирилла, обнаружили письменный стол со «спящим» ноутбуком, кресло и два резных шкафа с глухими дверцами.

– Основной арсенал я держу в подвале, – сообщил Чижов, доставая из жилетного кармана ключи. – А здесь только то, что может понадобиться в любой момент. Некоторые образцы.

Как выяснилось, «в любой момент» Ивану Ивановичу могла понадобиться небольшая, на двенадцать стволов, коллекция револьверов и пистолетов, включая миниатюрный «Дерринджер» и знаменитый «Маузер» К-96; шесть или семь ножей разной формы; два гладкоствольных дробовика и четыре карабина.

Что же касается второго шкафа, то им, по всей видимости, владело дамское бельё.

– А вот и «Ле Ма», – произнёс старик, доставая изящный деревянный футляр.

– Нож прихватите, пожалуйста, – попросил Амон, указывая на один из клинков. – Пригодится.

– Прекрасный выбор. – Иван Иванович водрузил футляр на стол, надел тонкие тканевые перчатки и откинул крышку. – Прошу.

В первый момент револьвер показался Кириллу громоздким: большой барабан, сложная механика, два ствола... Но потом он вспомнил слова Чижова и решил промолчать. В конце концов, старик – потомственный оружейник и вряд ли посоветует плохое.

– В барабане девять патронов тридцать шестого калибра, – сообщил Иван Иванович, бережно вынимая револьвер. – Калибр невелик, знаю, но я лично разработал весьма неплохой боеприпас для этого оружия и даю слово, что ваши враги останутся... недовольны.

– Надеюсь.

– Гладкий ствол – сорок четвёртого калибра. Патроны для него вы отличите без труда.

Боеприпасы лежали тут же, в футляре, не меньше полусотни патронов для барабана и два десятка важных снарядов для второго, гладкого ствола, на который этот самый барабан садился.

– Сколько я вам должен?

– Семь крюгеррандов.

Кирилл принялся отсчитывать золотые монеты, а продавец вернул оружие в футляр, закрыл крышку и осведомился:

– Бантиком перевязать?

– Это не подарок.

– Потребуется ли кобура?

– Бесплатно? – шутливо осведомился Амон.

– Бесплатно я могу подарить понравившиеся вам стринги, – усмехнулся Иван Иванович. – Кобура для «Ле Ма» обойдётся в совершен.

– У меня нет мелких монет.

– Будете должны.

Кирилл вышел в торговый зал, к бюстгальтерам и стрингам, Чижов же задержался, разыскивая кобуру, а когда проследовал за покупателем, увидел сепсов с пистолетами на изготовку и поднявшего руки Кирилла. Остановился, понял, что змеевиды не собираются ему угрожать, с облегчением выдохнул и улыбнулся клиенту:

– Кажется, вас опередили.

– Увы, – вздохнул Кирилл. – Я недооценил противника.

– Сожалею.

– Вы ведь не станете его защищать? – поинтересовался Кастор, не

направляя, впрочем, на продавца оружие. Он знал, что знаменитая питерская вежливость имеет чётко определённые границы.

– Мы только что познакомились и не успели подружиться, – ответил Чижов.

– Очень хорошо.

Влазис убрал пистолет и защёлкнул на руках Кирилла наручники.

– Пошли в машину.

– Он вам ничего не должен? – поинтересовался у продавца Кастор.

В действительности сепс не отличался хорошим воспитанием, но находился в чужом городе, получил от Портного наказ вести себя вежливо и старался изо всех сил.

– Я должен, – ответил Чижов, протягивая Кастору футляр. – Перед вашим появлением Кирилл приобрёл револьвер «Ле Ма». Это его собственность.

– Какой чудесный город, – с чувством произнёс Кастор, прибирая футляр. – Всего хорошего.

– Прощайте.

Змеевид вышел из магазина, плюхнулся на пассажирское сиденье и повернулся к Кириллу, которого Влазис запихнул на задний диван.

– Где тело?

– Я уже спрашивал, – сообщил Влазис. И указал на появившуюся на скуле Кирилла ссадину.

– Рад за тебя, – буркнул Кастор. И повторил: – Где тело?

– Спрятал, – хмуро ответил Амон.

– Мне он сказал то же самое, – хмыкнул Влазис. – За что и получил.

– Где спрятал? – уточнил Кастор, наградив сородича недовольным взглядом.

– Возле Кунсткамеры.

– Упс! – Судя по восклицанию, задать следующий вопрос у Влазиса ума не хватило.

– Почему там? – насторожился Кастор.

– Я думал, будет погоня, – спокойно объяснил Кирилл. – Не хотел рисковать, поэтому спрятал фургон в контейнере на территории Балтийского завода и уехал на своей машине. Кто же знал, что вы не сумеете сесть мне на хвост.

Сепсы переглянулись, но промолчали.

Амон приятно улыбнулся.

Кастор с трудом сдержался, чтобы не ударить его во вторую скулу, достал телефон и набрал номер Портного:

– Фургон на территории Балтийского завода.
– Отлично, – бодро отозвался Зиновий. – Я знал, что вы справитесь. –
Кастор расплылся в самодовольной ухмылке. – Кирилл жив?

– Да.

– Забирайте фургон и быстро ко мне.

– Хорошо, но быстро не получится – город в пробке.

– Тогда мы заберем фургон сами.

Портной отключился. Кастор убрал телефон, перевёл взгляд на Амона и сообщил:

– Жить тебе, придурок, ровно столько, сколько нам ехать по Невскому.

* * *

– Тяжело? – негромко спросил Портной.

– Нормально, – коротко отозвался Лотар. Очень коротко, потому что спускаться по лестнице с массивным стеклянным цилиндром на спине было, мягко говоря, неудобно. Однако от помощи мертвец отказался, объяснив, что в одиночку справится быстрее.

Фургон они с Зиновием отыскивали именно там, где указал Амон – в большом морском контейнере на территории Балтийского завода. Необходимые для выезда документы лежали на сиденье, поэтому Лотар без проблем доехал до Кунсткамеры, припарковался во дворе и теперь тащил добычу в лабораторию.

– Что это? – изумлённо поинтересовался встретившийся по дороге аспирант, разглядев содержимое цилиндра. – Что за тварь?

Из-за вмешательства Кирилла тело пришлось переносить в разгар рабочего дня, но поступить иначе Зиновий не мог – время работало против него. И если охранникам оказалось достаточно грамотно оформленных документов, то дурацкие расспросы «коллеги» стали естественной платой за принятое решение.

– Сам пока не знаю, – отрывисто ответил Портной. – Из Перу прислали.

– Амфибия?

– Буду проверять.

– Морское или пресноводное?

– Пресноводное.

– Живородящее?

Было видно, что аспиранту безумно интересен удивительный научный

экземпляр, но затягивать разговор Зольке не собирался.

– Пришлю ссылку на статью.

Аспирант понял, что мешает, вздохнул, остановился и спросил:

– Можно потом зайти?

– Конечно, – вежливо ответил Портной, закрывая перед его носом дверь в кабинет. Трезор тут же открыл потайной проход, и Зиновий распорядился: – Поставь рядом со столом.

Лотар медленно развернулся и осторожно опустил цилиндр на пол.

– Можешь идти, – кивнула вдова Александер, не сводя глаз с обнажённого женского тела.

Мёртвый послушно вышел, псоглавец последовал за ним, и Портной с Юлией остались наедине с Медузой. Пока ещё разобранной.

– Я исправил свою ошибку? – с плохо скрытой тревогой осведомился Зиновий.

– Почти полностью, – с улыбкой ответила вдова.

– А когда исправлю?

– Когда убьём Кирилла.

Портной догадывался, что услышит именно это, и не удивился.

– Да, Юлия баал.

Женщина хрустнула пальцами, взяла в руки кожаный фартук и спросила:

– У вас всё готово, Зиновий?

Зольке быстро оглядел разложенные в рабочем порядке инструменты и кивнул:

– Да.

– Тогда начнём... – Юлия накинула фартук. – Доставайте тело.

Портной подставил к цилиндру крепкую низенькую скамейку, отстегнул зажимы, отвинтил и снял верхнюю крышку, поколебался, но запустил руки в раствор, подхватил тело под мышки, вытащил и зафиксировал на столе ремнями. После чего отодвинул цилиндр к стене и отправился мыть руки. Юлия взяла шланг и стала смывать с тела раствор.

– Сколько времени вам нужно, чтобы... – вдова сбилась, – ...чтобы собрать Медузу?

– Минут тридцать–сорок, если поторопиться, – ответил Зиновий. – А что происходит у вас?

Вдова не докладывала компаньону о своих действиях, пришлось набраться храбрости и уточнить самому.

– Сейчас я погрузила Медузу в короткий сон и продолжу заниматься её мозгами после того, как голова обретёт тело... – Юлия помолчала. – Пока

всё идёт не так хорошо, как хотелось бы.

– Вам не удаётся вернуть ей разум? – тихо спросил Портной.

– Плевать на разум, – жёстко отозвалась вдова. – Она по-прежнему неуправляема.

И замолчала, показывая, что не хочет продолжать разговор.

Зиновий выключил воду и принялся старательно вытирать руки полотенцем. Казалось, он должен был полностью сосредоточиться на предстоящей операции, но в действительности Портного мучили два вопроса: почему Кирилл оставил столь ценную добычу чуть ли не у порога Кунсткамеры? Для чего вдова Александер призывает мёртвых?

* * *

– Полчаса позора, и мы на Невском, – прокомментировал дорогу, а точнее – бесконечную автомобильную пробку, сидящий за рулем Влазис. Город то ли издевался, то ли подсмеивался над незадачливыми змеевидами, но как только они отправились в путь, Литейный обратился в стоячий ад. Первое время Кастор ругался, спрашивал у Влазиса, почему тот выбрал именно эту, самую дурную из возможных дорогу, но, посмотрев навигатор, успокоился: центр Санкт-Петербурга застыл всей географией.

Сепсы смирились, и Кастор вспомнил о шкатулке с оружием.

– Хорошая пушка, – произнёс он, разглядывая, но не вынимая из футляра револьвер.

– Старая, – скривился Влазис.

– Наверняка закалённая... Она закалённая?

– Шаманами ирокезов, – подтвердил Кирилл.

– «Ирокез» – это прическа. Не знал, что у цирюльников есть шаманы.

Кастор и Амон несколько секунд рассматривали выдавшего эту сентенцию Влазиса, после чего змеевид кашлянул и уточнил у Кирилла:

– Хотел завалить Юлию?

– И её тоже, – подтвердил тот.

– Зачем?

– Я испортил ей вечеринку, и она разозлилась.

– Зато теперь обрадуется.

– Почему вы работаете на неё?

– Не твоё дело! – рявкнул Влазис.

– Наши взаимоотношения тебя не касаются, – гораздо вежливее добавил Кастор.

Но по его тону Амон понял, что сепс не против поболтать, и потому продолжил:

– Во-первых, мы плотно стоим в пробке и мне до ужаса скучно, – произнёс Кирилл, откидываясь на спинку диванчика. – Во-вторых, меня сегодня убьют, вы сами сказали, так почему не потрепаться перед смертью?

– Потому, что нам не о чем трепаться, – отрезал Влазис.

А вот Кастор имел на этот счёт другое мнение. Ему тоже было скучно.

– Посвящённый Пэн договорился с Портным, и мы работаем на Портного. А тому потребовалась помощь Юлии, поэтому сейчас мы работаем и на неё тоже. У нас общее дело.

– Так сказал Пэн? – уточнил Кирилл.

– Посвящённый Пэн, – выдохнул Влазис. – Больше уважения, урод.

«Мабраска» скрывала от людей очевидные признаки сепса: раздвоенный язык, вертикальный зрачок, два ядовитых клыка в верхней челюсти и отсутствие ушных раковин. Но даже скрыв эти детали, змеевиды не превращались в красавцев. У них были маленькие глаза, сплюснутые носы и очень широкие рты. Поэтому прежде чем продолжить разговор, Кирилл выдержал многозначительную паузу. Настолько многозначительную, что сообразительный Кастор буркнул: «Давай без расизма» и едва заметно усмехнулся. Влазис смысл паузы не оценил.

– Скажите, как давно вы в последний раз говорили с Посвящённым Пэном?

– Ночью.

– Мы напортачили... – Влазис ощерился. – Из-за тебя... Ты нам напортачил.

– Но теперь Пэн нас простит, – поспешил успокоить приятеля Кастор.

– Не простит, – покачал головой Амон.

– Тебе откуда знать?

– Помните, я звонил ночью? Ну, после того, как сумел угнать фургон.

– Помним.

– Я записал тот разговор. Послушаете?

– Зачем?

– Узнаете много интересного.

– Чего именно?

Вместо ответа Кирилл достал из кармана телефон – руки ему сковали впереди, так что особых усилий не потребовалось, – и включил воспроизведение примерно с середины разговора.

– Хорошая игрушка, – оценил смартфон Влазис. – Новый?

Кастор хохотнул.

– Тс-с... – Амон поднёс к губам указательный палец. – Будьте внимательны. Сейчас:

«Я едва успел зажмуриться!»

Послышался тихий стук – на контейнер с Медузой опустилась крышка, а дальше – голос Юлии:

«Кирилл, вы поняли, что произошло?»

«Кажется, да».

«Посвящённый Пэн поступил плохо и был наказан. Поступите хорошо, верните тело».

Кирилл выключил запись.

Влазис грубо выругался и посмотрел на приятеля. Тот сжал ручку дверцы так, что побелели костяшки пальцев, но пока молчал.

– Если не верите записи, можете позвонить Пэну, – негромко произнёс Амон, убирая телефон.

– Зачем она это сделала? – выдавил из себя Кастор.

– Потому что Юлии нужна Медуза, а не вы, – объяснил Кирилл.

– Тебя никто не спрашивал! – взвился Влазис.

– Я думал, мы разговариваем.

– Медуза – наша богиня, – тихо сказал Кастор. – Мы не можем отдать её некроманту.

– Не думаю, что Юлию интересует ваше мнение.

– Зачем ей богиня?

– Взгляд Медузы обращает людей в камень, и это очень серьёзное оружие, – напомнил Амон. – Если вдова Александер сумеет сделать Горгону послушной, ваша богиня превратится в рабыню.

Несколько секунд сепсы обдумывали его слова, но с возражениями не нашлись.

– Что будем делать? – угрюмо спросил Влазис.

Кастор скривился, показав, что не имеет представления, и тем позволил Кириллу полностью завладеть разговором.

– Развяжите мне руки, – предложил Амон, внимательно глядя на оглушённых известием змеевидов. – У меня есть план.

– Какой?

– Сначала нужно определить, чего вы хотите: сбежать или спасти богиню?

Обхват шеи Медузы оказался на сантиметр меньше, чем у доставленного тела, но Портного это обстоятельство не смутило, ему приходилось сшивать и более неподходящие части.

Сначала – хребет. Для соединения позвоночника Зиновий использовал титановую вставку, а костную ткань срастил магией – иначе поступить не мог. Затем подвинул самый большой увеличитель, распахнул третий глаз, с помощью которого видел и чувствовал гораздо больше, чем с помощью лупы, и взялся за инструменты, за иглы и нити, которые были в десятки раз меньше и тоньше обычных швейных игл и нитей, но предназначались для тех же целей – сшивать. Нервы, вены, артерии, плоть... Каждое – своей, особой ниточкой, не торопясь, но в меру быстро, уверенно. Аккуратно, от позвоночного столба к коже, не пропуская ничего.

Это была ювелирная, необычайно тяжёлая работа, и Юлия следила за действиями Портного с искренним восхищением. С тем восхищением, с каким один мастер смотрит на работу другого. Помогала тем, что не мешала, молча наблюдая, как растерзанное готовится стать целым.

Когда Зиновию осталось срастить кожу, он сделал шаг назад и предельно усталым движением потёр покрасневшие глаза. Его пальцы дрожали.

– Тяжело? – с пониманием спросила Юлия.

Она сама до сих пор не восстановилась, несмотря на то что интенсивно использовала для возвращения Ша все техники некромантов.

– Есть немного, – не стал врать Портной, жадно припадая к пластиковой бутылке с водой.

– Насколько я понимаю, основная часть позади?

– Да. – Зиновий вытер губы и помолчал. – Я обратил внимание, что Лотар не ушёл в машину, а остался в кабинете.

– Он может пригодиться, – лёгким тоном ответила вдова.

Слишком лёгким и потому вызывающим подозрения.

– Зачем он остался?

– Вы боитесь?

– Да.

– Спасибо за откровенность.

– Зачем здесь Лотар?

– А зачем вы ввязались в это дело?

Портной понял, что Юлия не продолжит, пока не получит ответ, и пожал плечами:

– Мне было интересно. Так же, как вам.

Она не услышала в словах лжи и потому тоже ответила честно:

– Не скрою, я увлеклась, мне стала невероятно интересна поставленная вами задача, и я надеюсь с ней справиться. Но я – баал, Зиновий, и должна думать не только о науке. – Юлия вздохнула и тоже взяла бутылочку с водой. – Я обязана использовать вашу находку для окончательного решения своих проблем. – Ещё одна пауза – на маленький глоток. – Если эксперимент увенчается успехом и мы обретём послушную Медузу, я немедленно атакую Виктора Тагара.

«Бойня...» Логично, как ещё можно использовать женщину, умеющую убивать взглядом?

– Почему немедленно? – тихо спросил Портной.

– Потому, что Виктор не ждёт атаки и для войны нет ни одной предпосылки, кроме этой, – вдова с усмешкой кивнула на распластанную на столе богиню. – Сокрушив Виктора, я овладею всем Городом.

– А я?

– Вы получите бесценный опыт и щедрую награду.

* * *

Подъезжая к Дворцовому мосту, Кастор вновь повернулся к Кириллу и, глядя ему прямо в глаза, произнёс:

– Я дам тебе оружие, Амон, однако ты должен поклясться, что не используешь его против меня и Влазиса.

– Мы не братья и не друзья. Мы – случайные союзники. Мы решим наши задачи и разойдёмся, не причинив вреда друг другу. Так сойдёт?

– Сойдёт.

– Клянусь. – Кирилл надрезал палец и капнул кровью на ладонь Кастора. – Иначе в мою кровь войдёт твой яд, где бы я ни был.

– Вот и хорошо, – повеселел змеевид. – Значит, действуем по плану: убиваем Юлию и её мёртвого, забираем Медузу и всё ценное, что найдём...

– Это дом Портного, – напомнил Амон.

– Его мы тоже убьём.

– Зачем?

– Он нас предал.

– Думаю, Зиновий сам не рад, что обратился к Юлии.

Несколько секунд Кастор обдумывал слова Кирилла, после чего поинтересовался:

– Ты его защищаешь?

– Портной мне должен, – холодно объяснил Амон. – Прежде, чем

убить, мне с ним нужно урегулировать кое-какие вопросы.

– Хорошо, – согласился змеевид. – Если он не начнёт драться, мы его не тронем.

– Договорились.

– Давайте уже убьём кого-нибудь! – воскликнул Влазис, останавливая машину во дворе Кунсткамеры. – Я устал от болтовни.

И этим криком он сам выбрал себе роль.

– Давай. – Кастор сунул сородичу «Ле Ма», кивнул на «Роллс-Ройс» вдовы и деловито произнёс: – Начнём с мёртвого. Лотар тебя знает и подпустит. Подойди к машине, спрятав оружие за спину, и стреляй в голову, пока мёртвый не опомнился.

– Тебя он тоже знает, – заметил Влазис, без восторга разглядывая «Роллс-Ройс».

– Но ведь револьвер у тебя.

Кирилл прикрыл рот ладонью, скрывая улыбку.

Влазис прищурился на «Ле Ма», потом внимательно посмотрел на сородича, пытаясь понять, в чём подвох, не понял, кивнул и медленно побрёл к «Роллс-Ройсу».

– Составим ему компанию? – предложил Амон.

– Нельзя, – качнул головой Кастор. – Лотар может что-нибудь заподозрить.

– Скорее он заподозрит неладное сейчас, когда из машины вышел только Влазис.

– И что делать?

– Выйди сам и выведи меня, – распорядился Кирилл. – Как будто я в наручниках.

– Но ты не в наручниках, – указал на очевидную неточность змеевид.

– Я буду держать руки за спиной.

– Хитрый.

– Ещё какой.

Однако привести оригинальный план в исполнение хитрецы не успели: Влазис приблизился к «Роллс-Ройсу», заглянул в салон, почти ткнувшись носом в тонированное стекло, обернулся и растерянно сообщил:

– Тут никого нет!

* * *

Скука.

Юлия баал заперлась с Портным в лаборатории, выходить в коридор нельзя, можно лишь сидеть в комнате в компании немого Трезора. Поговорить не с кем, делать нечего, и Лотар решил осмотреться. В смысле – посмотреть, что Портной хранит в громоздких шкафах советского образца. И заодно слегка похулиганить: мёртвый понимал, что псоглавец получил от хозяина приказ охранять кабинет, и решил его позлить.

Просто так. От скуки.

Лотар медленно прошёл вдоль стола и остановился напротив шкафа. Трезор мгновенно повернулся в его сторону. Лотар улыбнулся. Трезор задрал верхнюю губу, продемонстрировав приличных размеров клыки. Лотар протянул к шкафу руку. Трезор зарычал. Лотар убрал руку. Рычание стихло.

– Хорошая собачка, – одобрил мёртвый.

Тишина.

– Но что ты мне сделаешь? – Мёртвый взялся за ручку, а услышав рычание, не остановился и потянул дверцу на себя.

Трезор оглушительно залаял, чем привлёк внимание Портного. Зиновий посмотрел на вдову, вздохнул и попросил:

– Юлия баал, пожалуйста, выведите Лотара из кабинета.

– Может, выгоним обоих? – рассеянно предложила вдова, вливая в рот Медузы чёрную жидкость.

Процесс «шитья» завершился, Портной соединил голову с телом и сам превратился в зрителя, внимательно наблюдая за действиями королевы некромантов, пытающейся разобраться с мозгом богини.

– Не хочу, чтобы они подрались в коридоре, – несмело улыбнулся Зиновий. – На шум обязательно сбегутся люди.

– Какие люди?

– Рабочий день ещё не закончился.

– Ах, эти люди... – Юлия поразмыслила, решила, что Портной прав, и крикнула: – Лотар, иди в машину.

Лай мгновенно стих.

Мёртвый подмигнул псоглавцу, распахнул входную дверь, нос к носу столкнулся с Влазисом и от неожиданности ляпнул:

– Где Кирилл?

И услышал не менее изумлённый ответ:

– Что?

Они оба растерялись.

Влазис подкрадывался к кабинету с «Ле Ма» на изготовку и совершенно не ожидал, что дверь распахнётся в тот самый миг, когда он

окажется в проёме. Лотар, в свою очередь, тоже не ожидал никого увидеть и не сразу понял, что змеевид сжимает в руке револьвер со взведённым курком.

И поэтому действовать начал Кастор, который просто-напросто выстрелил из-за спины сородича, целясь Лотару в голову. Но попал в потолок, потому что в момент выстрела с Влазиса спало оцепенение, он в испуге подал назад и толкнул сородича под руку. Грохот выстрела оглушил сепса, пуля застряла в кирпичах, и на изумлённого Трезора посыпалась побелка. А в следующее мгновение Лотар резко ударил Влазиса в висок. Резко и очень сильно. Сепс врезался в дверной косяк и медленно сполз по стене на пол – двойной удар его голова не выдержала. Лотар тут же врезал Кастору в грудь, заставив змеевида столкнуться с замыкающим шествие Кириллом, но продолжить атаку мёртвый не успел: в следующее мгновение ему в шею вцепился Трезор.

* * *

– С кем они дерутся? – хладнокровно спросила Юлия, прислушиваясь к звукам из первой комнаты.

– Понятия не имею, – искренне ответил Портной. – Вы слышали выстрел?..

– Ты натравил на Лотара собаку?

– Я был здесь, с вами! – в отчаянии повторил Зольке. – Как я мог?

– Тогда что там происходит?

А ещё через секунду потайная дверь распахнулась, и в лабораторию вкатился лающий, рычащий, визжащий, хрипящий и ругающийся клубок, в котором Юлия с Портным узнали Трезора и Лотара. Псоглавец и мёртвый дрались не на жизнь, а на смерть, не реагировали на крики и приказы, и было абсолютно непонятно, что именно вызвало в них такое ожесточение. Они рвали, кусали и били друг друга, попутно разбрасывая мебель, инструмент и оборудование.

Юлия и Портной застыли в изумлении, отступив от драчунов подальше, и не заметили, что лежащая на столе Медуза открыла глаза.

* * *

Кто-то негромко выругался.

Негромко, но довольно зло.

Кирилл осторожно приоткрыл глаза, приподнялся, огляделся и понял две вещи. Первое: ругается Кастор. Второе: Кастор ругается, не приходя в сознание. Падая, змеевид приложился головой и до сих пор не пришёл в себя. При этом не в себе Кастору виделось нечто неприятное, потому что ругался он не переставая, то повышая голос до крика, то скатываясь до шёпота.

– Да уж, толковые у меня союзнички, – пробормотал Кирилл, вылезая из-под сепса. – То гранату кинут, то сознание потеряют...

Он вынул из холодеющей руки Влазиса «Ле Ма», проверил патроны, заглянул в кабинет, заметил распахнутую потайную дверь, услышал шум драки, понял, что все там, осторожно подобрался к проёму и, увидев дерущихся телохранителей, удивлённо поднял брови.

– Интересно, что же вы не поделили?

А через несколько секунд стало ещё интереснее и непонятнее: Трезору, который, к изумлению наблюдателей, не уступал мертвецу в силе, удалось вцепиться противнику в руку, а пока Лотар пытался освободиться, псоглавец выхватил нож и ловко рубанул врага по шее, почти отделив голову от тела. Это был единственный, кроме огня, способ остановить мёртвого, и псоглавец сумел им воспользоваться.

Юлия ахнула.

Трезор вскочил, пнув ногой дёргающегося Лотара, и недобро посмотрел на вдову.

– К ноге! – крикнул Портной, загораживая собой женщину.

В ответ псоглавец оскалился и сделал маленький шаг вперёд.

– Убейте его, Юлия баал, – прошептал Зиновий. – Пожалуйста, убейте.

Сам Портной только что закончил сложнейшую операцию и не был готов к бою. Он потерял силы, дрожал от страха, но тем не менее закрыл собой женщину, выигрывая для неё время.

– Я слишком слаба, – работа с Медузой потребовала от королевы некромантов полного напряжения, и она не могла создать смертоносное заклинание.

– Проклятье!

Трезор, словно поняв, что ему ничего не грозит, сделал ещё один шаг – вдвое больше предыдущего. Он явно собирался напасть на перепуганных тёмных, даже на хозяина, и Кирилл понял, что не может оставаться в стороне. И в тот самый миг, когда Трезор изготовился к прыжку, Амон поднял револьвер и выстрелил, наполнив помещение грохотом и пороховым дымом.

Псоглавец резко отскочил к стене.

– Скорее за мной!

Ещё несколько выстрелов. К счастью, и Юлия, и Портной понимали, что времени терять нельзя, и бросились из лаборатории, промчавшись мимо опешившего Трезора. Амон захлопнул за ними дверь и навалился на неё, не позволяя псоглавцу выскочить следом: Портной хорошо поработал над защитой собачки, и пули не причинили Трезору особого вреда, ранили, но не убили.

– Здесь есть замок?

– Сломан, – сообщил Зольке, быстро проверив дверь.

Изнутри раздался удар такой силы, что Кирилл с трудом устоял на ногах.

– Успокойте пса!

– Я не могу!

– Тогда убейте!

– Я не могу!

– Почему?

– Мы потратили слишком много сил!

– Я попробую!

Вдова стряхнула с себя оцепенение, глубоко вздохнула, собрала в кулак всю свою волю и стала неспешно, но и не так уж медленно складывать остатки сил в смертоносное заклятие. Она закрыла глаза, развела в стороны руки, словно стараясь обхватить невидимую копну сена, но в тот самый миг, когда бормотание стало нарастать...

Кастор открыл глаза, увидел колдующую Юлию и, прошептав: «Предатель!», надавил на спусковой крючок.

– Ай!

Глаза вдовы Александер широко раскрылись, она схватилась рукой за шею, пошатнулась, изумлённо посмотрела на Амона и стала медленно валиться на бок.

– Юлия!

Кирилл бросился к женщине, дверь распахнулась, Портной взвизгнул, в кабинет ворвался Трезор.

– Дерьмо, – прошептал Кастор.

Он не сомневался, что станет первой целью, и не ошибся: псоглавец разглядел оружие в руке змеевида – у единственного из присутствующих – и бросился к нему. Три следующих выстрела слились в один, а четвёртый не прозвучал, потому что Трезор клацнул зубами, и захрипевший Кастор залился кровью.

– К ноге! – в отчаянии закричал Портной. – Трезор, сидеть!

Но тщетно.

Спятивший псоглавец рыкнул над телом змеевида и резко развернулся, намереваясь продолжить бойню. Кирилл, держа на руках умирающую женщину, отступил в лабораторию. Зольке последовал за ним.

– Дверь!

Но перепуганный Портной не успел её закрыть, и Трезор вошёл следом. Именно вошёл – спокойно, немного рисуясь, зная, что жертвам никуда не деться. Амон коротко выругался, положил окровавленную вдову на стол и выхватил нож. Но Трезор был слишком близко. В двух шагах... в полутора... Он стоял совсем рядом, и смрадное дыхание из пасти заставляло Амона морщиться.

В шаге...

До драки оставались секунды. Кирилл медленно повёл вооружённой рукой вправо, зная, что обязательно привлечёт внимание противника, но...

Но в следующий миг увидел, как тело псоглавца начало приобретать тусклый серый оттенок. Каменный оттенок. Увидел, как черты Трезора заостряются, становятся отчётливее, контрастнее, как будто вырезаны невидимым скульптором из серого камня. Который отнимал цвет, но дарил твердь. Вечную и мрачную, как надгробие.

Трезор каменел...

Кошмарное преобразование началось с головы, от которой по телу Трезора стремительно побежали метастазы мерзких серых пятен, быстро захватывающих тело, руки, ноги... Но сами глаза потеряли жизнь последними, сами глаза – широко раскрытые – безмолвно рассказали Амону всё, что происходит. Несчастный псоглавец понимал, что каменеет, но не мог пошевелиться, не мог ничего предпринять, а лишь смотрел на Кирилла, и злость в его взгляде сначала сменилась недоумением, потом ужасом, а потом – в самом конце – каменным равнодушием.

Потом – это секунд через десять.

Но Амону они показались вечностью.

А когда псоглавец стал полностью серым, Кирилл закрыл глаза, услышал лёгкие шаги и понял, что женщина обходит его справа. Сжал нож, на случай, если Медуза атакует, но та не задержалась и ничего не сказала, помогла справиться с Трезором, вышла из лаборатории, и вскоре её шаги растаяли в коридоре. Кирилл коротко передохнул – с облегчением, затем повернулся к забившемуся в угол Зиновию и хрипло приказал:

– Иди к столу, Портной, нужна твоя помощь.

И указал на умирающую вдову.

Полицейские явились минут через десять после того, как Портному удалось остановить кровотечение и наложить на рану несколько быстрых швов. Только убедившись, что Юлия сможет продержаться минимум час, Зольке занялся подготовкой к встрече с представителями власти: к этому моменту Кирилл оттащил тела змеевидов в лабораторию и кое-как прикрыл потайную дверь. Что же касается разгрома, то он полностью укладывался в наспех придуманную легенду.

Полицейские в Кунсткамеру приехали быстро, а вот в подвал спускались медленно, останавливаясь и озираясь на каждой ступеньке и постоянно бормоча в рации, что требуется поддержка. Однако автобус со спецназом застрял в пробке, действовать приходилось самим, патрульные, проклиная всё на свете, сошли по лестнице, но в подвале, несмотря на стойкий запах пороха, не обнаружили ничего страшного: ни трупов, ни преступников, ни бешеных собак, о которых рассказывали перепуганные сотрудники Кунсткамеры.

– Что произошло? – поинтересовался старший из полицейских после того, как вдвоём с напарником они наконец-то добрались до кабинета и встретили растерянного и немного напуганного Зиновия, прячущегося за перевернутым столом.

– Не знаю, – горько поведал Портной, позволив достать себя из укрытия и перестав дрожать – он великолепно сыграл испуг. – Я работал, писал научную статью... а двое мужчин ворвались в кабинет и стали всё крушить... Где охрана?! Почему их пропустили?! – Но в следующий миг Зиновий прекратил крик, обвёл рукой разгромленное помещение и уныло вздохнул: – Видите, что они натворили!

Сломанная мебель, разбросанные документы, грязные следы на полу... Декорации не оставляли сомнений в рассказе доктора Зольке, но больше всего полицейских заинтересовала статуя в углу: Медуза обратила в камень самого Трезора, а не образ, который видели окружающие благодаря «мабраске», и потому псоглавец предстал перед блюстителями порядка во всей красе – мускулистое мужское тело, облачённое в набедренную повязку, и голова добермана.

Очень реалистичная скульптура серого камня.

– Египетская? – со знанием дела спросил старший полицейский. Он видел в учебнике истории сына примерно такую же картинку и решил блеснуть познаниями.

– Египетская, – подтвердил Зольке, заставив себя посмотреть на образованного сержанта с уважением.

Полицейский подбоченился.

– Зиновий, откуда у вас эта статуя? – изумился протиснувшийся в кабинет заведомом.

– Дар от спонсора, – поведал Портной. – Я не рассказывал вам о переписке... хотел устроить сюрприз... Её доставили ночью...

– Прекрасный сюрприз! – заведомом отпихнул полицейских и принялся в буквальном смысле слова ощупывать каменного Трезора. – Какая тонкая работа! Я хочу знать, кто ваш спонсор и откуда у него эта скульптура! Немедленно!

Доктор Зольке вздохнул.

– А как же воры? – поинтересовался сержант.

– Ловите, – милостиво разрешил заведомом, не отрывая взгляд от статуи. – Вам за это зарплату платят...

* * *

Штаб-квартира королевы питерских некромантов располагалась на Большой Конюшенной и занимала весь дом, с виду – обыкновенный, классический, ничем не отличающийся от других зданий, но в действительности – дворец и неприступная крепость. Левое крыло здания было отдано «Похоронному бюро вдовы Александер» – уважаемой фирме, к услугам которой прибегали уважаемые горожане, желающие отправиться в последний путь со всеми возможными почестями. А справа гостей поджидало «Заведение вдовы Александер» – популярный клуб, предоставляющий клиентам весь спектр ночных развлечений большого города.

Однако Кирилла проводили не в клуб и не в бюро, а в рабочий кабинет королевы, и проводили не пленником, но гостем.

Вдова приняла Амона, сидя в старинном резном кресле с высокой спинкой. И судя по тому, какой маленькой казалась хрупкая Юлия на этом «троне», кресло стояло в кабинете со времён её покойного супруга Аридора, а возможно – с того самого дня, когда первый из Александров решил остаться в Санкт-Петербурге и приглядел себе дом направо от Невского. Юлия приняла гостя в традиционном чёрном одеянии, однако платье выбрала открытое, не скрывающее ни плечи, ни шею, ни свежий шрам на ней. Шрам скоро исчезнет – об этом позаботятся лучшие

специалисты Отражения, но вдова Александер сочла нужным продемонстрировать его Амону.

– Скажу откровенно: в этой истории с самого начала отсутствовало взаимопонимание между участниками, – с улыбкой сообщил Кирилл, останавливаясь напротив Юлии. – Сплошные накладки.

– Вы меня оскорбили, – заметила вдова, откидываясь на спинку кресла.

– Тем, что не подчинился?

– Тем, что встали на моём пути.

– Именно поэтому я потом не подчинился и отказывался договариваться, – объяснил Кирилл. – Я знал, как вы, Юлия баал, восприняли моё случайное появление.

Вдова посмотрела на посетителя холодно, однако зла в её глазах не было. Юлия успела расспросить москвичей о человеке по имени Амон и, обдумав услышанное, решила не раздувать скандал. И не только потому, что об этом просил сам Авадонна...

– Вы спасли мне жизнь...

– Не совсем я... – мягко перебил женщину Кирилл. – Если быть точным, вашу рану сшил Портной.

– Хотите опровергнуть моё утверждение? – подняла брови Юлия.

– Нет, – поразмыслив, ответил Амон. – Утверждение в целом верное и, если не ошибаюсь, позволившее вам сделать важный для меня вывод, Юлия баал.

– Я не стану вас преследовать, – кивнула вдова Александер. – Но не хочу больше видеть в Городе. Вы меня понимаете?

– Да. – Он улыбнулся, глядя ей за спину с таким вниманием, что Юлия едва удержалась, чтобы не обернуться.

– Исчезновение Медузы должно остаться в тайне, – продолжила женщина, жёстко глядя на Амона. – Учитывая её безумие, Горгона обязательно начнёт убивать, а я не хочу нести за это ответственность.

– Если узнаете об убийствах, дайте мне знать, – попросил Кирилл. – Я попробую исправить нашу ошибку.

– Нашу? – подняла брови Юлия.

– Общую.

– Вы упустили Медузу, когда я была без сознания, – ядовито заметила вдова.

– А вы её создали, – не остался в долгу Амон. – Когда я был в плену у ваших змеевидов.

Несколько секунд королева некромантов пристально разглядывала

гостя, словно раздумывая, содрать с него кожу живьём или не тратить время и сварить, как есть, после чего небрежно бросила:

– Убирайтесь. – Заметила, что Амон не двинулся с места, и поинтересовалась: – Что-то ещё?

– Может, поужинаем? – неожиданно предложил Кирилл.

И тем окончательно сбил женщину с толку.

– Что? – растерялась Юлия.

– Сегодня, – уточнил Амон. – Какую кухню вы предпочитаете?

* * *

Сегодня залив был тихим и тёплым. Волны мягко набегали на рассыпанные по берегу камни и прятались в них, не желая возвращаться на глубину. Волны шептали что-то, рассказывали истории и делились предчувствиями, но Зиновий их не слушал, хотя сидел у воды и шёпот предназначался ему. Зиновий смотрел на выходящую из залива женщину и улыбался.

– Ты прекрасна...

Медуза рассмеялась и потянулась, на мгновение вытянувшись в струну, наслаждаясь телом, морем, солнцем, миром... А главное – свободой.

– Как же долго я была лишена таких простых и таких важных вещей... Плавать! Бегать! Потягиваться! Просто ходить! – она рассмеялась и сделала танцевальное па. – Все эти столетия я чувствовала своё тело так, будто оно принадлежало мне, но не могла им управлять, и это сводило с ума. Я ходила во сне... плавала... прыгала... И рыдала, просыпаясь. Я ненавидела всё вокруг...

– Ты прекрасна, – повторил Портной.

– Правда?

Она спросила кокетливо. Остановилась напротив и склонила голову набок.

– Увидев тебя, я понял, что любил всегда, – ответил он. – Любил тебя и только тебя. Ни одна женщина не способна сравниться с тобой прелестью и тем огнём, что горит здесь...

Зиновий прикоснулся к груди.

– У меня долго не было сердца, – тихо ответила Горгона.

– Оно было у тебя всегда...

Тысячи лет Медуза пребывала в выстроенной Персеем тюрьме, в

магической клетке, не позволяющей жить и не дающей умереть... Тысячи лет её разум бился внутри отрубленной головы и не находил выхода. Тысячи лет наказанная за преступления Горгона оставалась тупым орудием в разных руках, сходя с ума от безысходности, но неспособная убить себя, и лишь третий глаз Портного сумел пробиться сквозь проклятие Персея.

В ту ночь, когда Пэн доставил голову в лабораторию, Зиновий слышал настоящий голос Медузы, слышал сквозь яростное шипение и бешеную злобу, сквозь ненависть и безумие... Услышал тонкий плач замурованной в самой себе женщины, слышал её горе, её тоску и затрепетал. Одиноким Портной слышал Медузу сердцем и сорвал с себя очки, встретившись взглядом с чудовищем.

Медуза шипела, змеи распахнули пасти, грозя ядовитыми клыками, мир вокруг наполнился ужасом, но Зиновий слышал настоящий голос Горгоны и видел её настоящее лицо, прекрасное, не искажённое маской ярости. Зиновий вытерпел, глядя на Медузу всеми тремя глазами, не позволил страху заполнить душу и победил. Протянул руку, нежно прикоснулся к щеке чудовища, вздохнул и прошептал: «Я тебя спасу».

И ответный взгляд Медузы не обратил его в камень.

Они слышали друг друга...

Зиновий придумал опаснейший план, не пожалел верного Трезора и хитростью заставил одного из лучших некромантов Отражения снять древнее заклятие Персея. Юлия думала, что пробирается к мозгу мёртвой Медузы, а в действительности крушила магическую клетку, шаг за шагом открывая Горгоне путь к свободе.

Где её нетерпеливо ждал Портной.

– Мой спаситель... – мягко проронила Медуза, усаживаясь рядом с Зиновием.

– Ни слова больше.

– Ты меня создал...

– Я всего лишь вернул миру украденную у него красоту, – он положил ладонь на руку Горгоны. – Ты совершенна, моя радость, и твоё отражение изменит Вселенную, сделав меня счастливым.

Она улыбнулась, потянулась, и их губы слились в долгом поцелуе.

МАКАМ VI

НИКТО

*Жизнь и смерть во мне, объявили мне:
«Будешь жить, не кидая тени,
Обладая горячим телом,
Обжигая холодным взглядом – станешь
ядом!»⁶*

INGRESSO

Древние учат, что в начале было Зло.

Оно извергло из себя Хаос и Тьму, сокрушительный союз которых обратил понятие Зла в материю.

Тёмная материя, питаемая благодатью Ша, породила планеты и звёзды. И жизнь, ибо Древним угодно было развлекаться. Долгое время Вселенная пребывала в изысканной стабильности Зла, удовлетворяя прихоти Древних и сочиняя столь чудовищные мерзости, что даже звёзды гасли от страха и отвращения. Но потом жизнь осмелилась сомневаться в Первородстве греха, пытаясь противопоставить абсолютному закону Тьмы гнилой свет. Жалкие существа, живущие так мало, что Древние давно перестали засорять память названиями видов, осмелились пойти против судьбы и утверждать, что Первородные не были первыми, а Древние – творцами. Жалкие существа умирали страшной смертью, обвинённые в ереси отрицания Зла, но продолжали задавать вопросы: как получилось, что сотворившие Вселенную Древние не научились преодолевать гигантские расстояния? Почему не управляют Проклятой Звездой, а только живут на ней? И почему убивают тех, кто задаёт вопросы?

Если ты первый, то должен быть много выше чужих сомнений.

Ведь если убиваешь, значит, боишься.

Если создал, значит, не можешь не знать, как это работает.

А Древние не знали. Не могли ответить на вопросы, и для них перемещения между планетами являлись чудом, доступным исключительно избранным. А точнее – одному-единственному избранному,

равному всем, но знающему чуть больше, беспощадному, но умному Безликому, владельцу планеты Аммердау.

Никто, кроме него, не познал тайны якобы созданной Древними Вселенной так глубоко, чтобы научиться путешествовать между мирами. Подобно Проклятой Звезде, но значительно быстрее. Никто, кроме него, не был способен на чудо, которое увидели жители Земли ранним утром 17 июня 1908 года.

В тот день чудо приняло облик огненного шара, стремительно летящего на северо-запад и постепенно снижающегося. Шар захлёбывался энергией Ша, сжигал ею воздух, пространство, даже время и заставлял дрожать основы мироздания, возмущённые наглým вторжением в непоколебимую вечность Вселенной. Безграмотные обитатели Земли рыдали, глядя на него, молились или бежали, не зная, что шар был не телом, но его следом, росчерком, проведённым к Земле от Аммердау, отражением того, чему лишь предстояло случиться...

Шар взорвался.

Проткнул Вселенную иглой пытливого ума и лопнул, встряхнув как следует планету и напугав нахальный День ещё одним доказательством величия Древних. Шар взорвался, рассеяв невидимый огонь Ша по Земле и заставив её сиять, подобно ёлочной игрушке. Шар взорвался, превратив росчерк в путь, и никто не заметил, как из сияния грандиозного взрыва медленно выплыл другой шар – чёрного мрамора, который медленно долетел до гиперборейской дачи Шабá и опустился в ста шагах от парадного крыльца.

Утвердившись, мраморный шар распался на две половинки, которые тут же растаяли в чёрном дыму, словно камень, хранивший пассажиров во время удивительного путешествия, не выдержал встречи с Землёй. А когда дым рассеялся, стоящий на крыльце Шаб широко улыбнулся и крикнул:

– Далеко же ты забрался, брат мой!

Приветствуя Безликого и его свиту.

PUNTO

«Особенное удивление вызывает тот факт, что подавляющая часть земной фауны не имеет представления об Отражении. Я изумлён, ибо на Аммердау День и Отражение давно составили реальность, сплетённую из настоящего и неосуществимого, в которой нет тайн, а есть лишь неизведанное. Мир Аммердау определённо полный, насыщенный и развивается, опираясь на весь существующий опыт и знания.

Почему Земля избрала другой путь? Ведь очевидно, что чарующее разнообразие местной фауны должно было привести к появлению необыкновенно интересной цивилизации, опережающей в своём развитии всю Вселенную... Но этого не произошло.

Я расспрашивал, но Первородные уклоняются от прямых ответов. А вопросы им неприятны.

Полагаю, дело заключается в том, что День Земли необычно силен и успешно противостоял напору Древних. Я не знаю, как это возможно, но другого объяснения у меня нет.

Местная фауна не считает Отражение частью мира, не видит Знаки, верит исключительно в науку и свободную волю. С одной стороны, это делает неспособную к невозможному фауну безропотными рабами в руках баалов и принципалов, с другой – мне непривычно видеть высших Отражения без положенного блеска и почестей, которые им обязаны оказывать...»

блог любознательного инопланетянина

В тот день они стояли рядом, и случайность их прикосновения казалась абсолютной. Ведь что может быть естественнее короткой встречи в аэропорту? Два рейса из разных городов прибыли в одно время, а багаж поместили на одну ленту. Но немного задержали разгрузку, образовалась толпа, и двое мужчин оказались рядом.

Случайность.

Но кто верит, что в мире осталось место случаю?

Кто ещё верит в отсутствие предопределения?

Что же касается мужчин, они совсем не походили друг на друга.

Иннокентий Кросс отличался нездоровой полнотой, которая выросла на широком костяке и превратила обычного здоровяка с мощным, спортивным сложением в гиганта с огромным телом, руками-лапами и тумбообразными ногами. Он напоминал профессионального штангиста, дорвавшегося до бабушкиных пирожков, но ещё сохранившего живость движений. Стояло жаркое лето, поэтому Иннокентий выбрал льняной костюм, светлые туфли, белую сорочку и шляпу. Внимательный наблюдатель мог бы удивиться тому, что столь массивный человек не потеет – на спине, груди и под мышками отсутствовали характерные влажные следы, но где в аэропорту внимательные наблюдатели? Разве что полицейские с таможенниками, а у них претензии к толстяку

отсутствовали.

Что же касается Фёдора Горелова, то он являл собой полную противоположность Иннокентию: худой, невысокий, жилистый, с мелкими чертами лица. В одежде предпочитал свободный стиль – джинсы, кеды, футболка, но при этом держал в руке кофр с костюмом, то есть умел одеваться официально.

Время шло, багаж не привозили, люди начали возмущённо переговариваться, а эти двое стояли не шевелясь, взирая на происходящее то ли спокойно, то ли равнодушно. И очевидное хладнокровие делало их исключительно похожими.

– В командировку? – поинтересовался Фёдор, не поворачивая голову.

– Почему вы так решили? – Иннокентий тоже продолжил рассматривать неподвижную ленту, даже не покосившись в сторону неожиданного собеседника. Впрочем, просто покоситься не получилось бы: низенький Горелов стоял прямо под нависающей «скалой» массивного тела, и, чтобы его разглядеть, Кроссу пришлось бы наклониться.

– Вы не торопитесь, – объяснил Фёдор.

– Вы наблюдательный, – одобрительно кивнул толстяк.

– Просто угадал.

– Зачем?

Прямой вопрос требовал прямого ответа, и Горелов не стал врать:

– Захотелось поговорить.

– Я не очень хороший собеседник, – с едва заметным сожалением произнёс Иннокентий. – Темы, которые меня интересуют, могут показаться необычными, неприличными или непонятными.

– Что за темы?

Кросс помолчал, затем вытащил из кармана пиджака чёрную записную книжку, полистал её и предложил:

– К примеру, в последнее время меня занимает вопрос: почему волколаки, вервольфы и прочие оборотни теряют способность говорить? Ведь все исследователи указывают, что при трансформации голосовые связки остаются на месте.

– Гм... – Горелов почесал в затылке и предположил: – Возможно, дело в самоидентификации? Перекидываясь в зверя, оборотень начинает ощущать себя зверем, то есть не умеющим говорить животным.

– Гм... – Кросс несколько секунд обдумывал слова собеседника, после чего прищурился: – Считаете, что проблема исключительно психологическая?

– Полагаю, так.

– Любопытно... – Толстяк сделал пометку в записной книжке, убрал её и авторучку в карман и протянул руку: – Иннокентий.

– Фёдор.

– Очень приятно.

– Взаимно.

– Я обратил внимание, что вас совсем не удивила изложенная мною проблема.

– Я молчал шесть часов и готов говорить о чём угодно, хоть об оборотнях, хоть о деталях спаривания галапагосских черепах, – объяснил Горелов. – Мои соседи по самолёту оказались не очень хорошими собеседниками.

– Они спали?

– Ругались между собой.

– Супруги?

– Пауки в банке.

– Сочувствую.

– Спасибо.

Они вновь помолчали.

– Я не видел вас в самолёте, – заметил Иннокентий.

– Я прилетел из Белграда.

– А я из Берлина.

– Вы местный? – поинтересовался Горелов.

– Нет.

– Хорошо говорите по-русски.

– В мой скафандр встроен универсальный переводчик, он трансформирует звуковые волны в понятные вам сочетания, – объяснил Кросс. – На самом деле я ни слова не знаю ни по-русски, ни по-английски.

– Вы инопланетянин?

– Да.

– А сказали, что из Берлина, – заметил Фёдор.

– Должен же я был откуда-то прилететь, чтобы оказаться у неработающей багажной ленты в Шереметьеве, – хмыкнул Иннокентий.

– Чувствую в вашем голосе раздражение.

– Я немного устал.

– Много командировок?

– Мне поручили отыскать человека, о котором известно только то, что он пропал в Европе.

– Звучит, как в кино.

– А то, что я инопланетянин, прозвучало как реальность?

– Я давно не был в Берлине и не знаю, кто там теперь живёт, – рассмеялся Горелов. – По-прежнему немцы?

– Тоже присутствуют. Кстати, прошу вас, – толстяк протянул Фёдору визитку, на которой значилось:

доктор

Иннокентий Кросс

этнографические исследования

– Помимо работы, я веду популярный блог любознательного инопланетянина, в котором рассматриваю историю и фауну Земли с точки зрения жителей моей планеты. Электронный адрес указан перед номером телефона.

– Вы ищете оборотней? – протянул Горелов, вертя в руке визитку и думая, что в Европе встречаются самые разные люди.

– Нет, оборотни – это хобби, – легко ответил Кросс. – Меня бесконечно удивляет многообразие жизненных форм Земли, и я увлёкся их изучением. Прочитал все значимые работы, а теперь занимаюсь деталями. Нюансами, на которые не обращали внимания серьёзные исследователи.

– Неужели до сих пор никто не задумался, почему оборотни теряют способность к членораздельной речи?

– Представьте себе.

Горелов не сдержался – рассмеялся, но не зло, весело, поэтому Иннокентий воспринял смех собеседника с добродушной улыбкой.

– Извините.

– Фёдор, я прекрасно понял причину вашего веселья.

– Я подумал, как мы с вами выглядим со стороны: двое мужчин, случайно встретившихся в аэропорту, не нашли ничего лучшего, чем поговорить об оборотнях.

– Мне очень понравилась ваша идея о психологической подоплёке отсутствия членораздельной речи у обернувшихся. Я буду её развивать.

– Рад, что смог помочь.

– Вы не специалист, но пытливый ум позволил вам сделать весьма интересное предположение.

– Спасибо.

Тем временем лента со вздохом отправилась наматывать бесконечные круги, и на её чешуйчатой спине появились первые чемоданы.

– Кажется, мы скоро расстанемся, – улыбнулся Иннокентий.

– Приятно было познакомиться.

– Мне тоже... – Кросс выдержал короткую паузу. – Зачем вы приехали

в Москву, Фёдор?

– Почему вы спрашиваете?

– Мне показалась любопытной наша встреча. Хочу понять, насколько она была предопределена.

– Вы серьёзно во всё это верите? – удивился Горелов. – В оборотней, в судьбу...

– Я серьёзно считаю необъяснимые детали частью мира, – медленно ответил Иннокентий. – И фиксирую их.

– Я просто спросил... – было видно, что Фёдор относится к «необъяснимым деталям» несколько иначе, но из вежливости решил ответить: – Я вырос в Москве, но оказался в городе случайно: завтра полугодовой отчёт перед собственниками компании, его должен был сдавать мой шеф, но он попал в больницу с аппендицитом, пришлось лететь мне.

– Случайно... – с улыбкой протянул Кросс.

– Вам так не кажется? – Горелов понял, что собеседник воспринял его слова с иронией. – Всё действительно получилось само собой.

– Мне нравятся люди, которые верят в случайности. – Иннокентий подхватил с ленты свой чемодан. – Прощайте, Фёдор.

– Прощайте.

* * *

– Пожалуйста, – пролепетал подсудимый. – Пожалуйста, умоляю, поверьте...

– Ты отрицал первородство греха? – скучным голосом задал вопрос Гаап.

– Пожалуйста...

– Ты отрицал первородство греха прилюдно?

– Я был пьян!

– Ты делал это намеренно?

– Я не контролировал себя!

– То есть отрицал? – баал Гаап Ястребиный театральным жестом поднёс к глазам листок с доносом. – Ты мерзко хихикал и громко спрашивал, кто же создал Проклятую Звезду...

– Нет! – отчаянно завопил несчастный, понимая, что дело движется к обвинению в ереси отрицания Зла и соответствующему приговору. – Я не мог!

– Но сделал, – деловито произнёс баал. И потряс бумагой: – В распоряжении Трибунала имеются неоспоримые доказательства преступления.

– Меня оболгали!

– Есть видеозаписи.

– Я был пьян! Я никогда... я верный...

Подсудимый разрыдался.

Мелкий тёмный, в умениях которого значились лишь ворожба и приворот, он позволил себе чуть больше положенного и был сдан Трибуналу собственными друзьями. Возможно, кто-то из них положил глаз на его жену, возможно, мстил за неудачный или, наоборот, за получившийся приворот, возможно, на тёмного донесли просто так – теперь неважно.

Потому что...

– Я обвиняю тебя в ереси отрицания Зла! – со вкусом произнёс Ястребиный свою любимую фразу.

– Умоляю!!

Подсудимый заорал так громко, что Авадонна вздохнул и сделал звук тише. В отличие от Гаапа, откровенно наслаждавшегося диким страхом жертв, Авадонна не любил истязать тех, кто не причинил вреда лично ему, из-за чего считался в среде московских баалов «белой вороной». Впрочем, учитывая происхождение, Авадонна действительно был ею.

Полукровка. Причём не просто полукровка, а наполовину органик – его матерью была средняя из трёх дочерей принцепала Багдадского, жестоко изнасилованная Абадоном во время Первой войны Чёрной Крови. Абадон увёз пленницу в Лондон, с любопытством подождал, что станет результатом противоестественной связи, а когда увидел «просто» Первородного, сильного магией, но карлика, потерял к сыну интерес и отослал в Москву. Полукровкам редко удавалось занять высокое положение среди грешников – так ещё называли Первородных, но сила, полученная от отца, заставила конкурентов смириться с тем, что в жилах карлика течёт кровь ненавистных органиков.

Авадонна стал баалом.

Выгрыз титул зубами, без помощи Абадона, и по праву считался одним из двух сильнейших Первородных Москвы.

Он не любил участвовать в заседаниях Трибунала, однако не мог отказаться – положение обязывало. К счастью, пять лет назад московские Первородные договорились о возможности участвовать в судилищах удалённо, и теперь Подземелье Правды посещал исключительно Гаап, остальные наблюдали за процессом по сети.

Тем временем Ястребиный уселся в кресло Председателя – остальную мебель он распорядился вынести, – помолчал, разглядывая рыдающую жертву, и хорошо поставленным голосом объявил:

– Расследование окончено. Обвинение – ересь отрицания Зла. И теперь я хочу услышать ваше слово, баалы.

Помимо Председателя, в состав суда входили ещё четыре баала, выбранные жребием за день до процесса. Голосовали они удалённо, и Авадонна внимательно наблюдал за тем, как серые квадратики в левом верхнем углу экрана стали менять цвета. Чёрный – виновен. Чёрный. Белый...

«Кто рискнул выступить в защиту? А-а... баал Венер, известный вольнодумец... Нет, я тебя не поддержу...»

Авадонна окрасил свой квадрат в чёрный, сразу же выключил трансляцию, не дожидаясь финальной речи Гаапа и казни, вздохнул, прошёлся по дивану, с него переступил на журнальный столик и остановился напротив окна, из которого открывался замечательный вид на Кремль.

На старую крепость, вокруг которой город. На твердыню и одновременно – символ, на камень, ставший словом. Смотрел на стены, скрывающие множество тайн и не меняющие свой образ ни в воде, ни в небе, на храмы, молчаливые и строгие, и колокольню, которая пела и Дню, и Отражению.

Кремль стоял рядом, лишь руку протянуть, и Авадонна был не в силах с ним расстаться – оставался в офисе, который его компания давным-давно переросла, только ради того, чтобы иметь возможность каждый день любоваться Кремлём. Утром и вечером, летом и зимой, под дождём или ярким солнцем. Глядя на крепость, Авадонна и отдыхал, полностью отдаваясь созерцанию, и думал, просчитывая свои знаменитые комбинации, поражающие дерзостью и неожиданными поворотами.

Никто и никогда не знал, какую интригу задумал карлик, но... но не сейчас.

Потому что в эти дни все высшие Первородные думали об одном.

О том, что будет дальше.

С тех пор как погибли Древние, точнее, Шаб сдох, а Элизабет исчезла, среди грешников началось брожение – баалы превратились в оставшихся без родителей детей. Взрослых, очень сильных, но всё-таки детей, потому что Первородные привыкли действовать с оглядкой на Древних. А потеряв их, задались вопросом: кто теперь главный? И самые сильные баалы сказали: я. Молох в Нью-Йорке, Пеймон в Багдаде, Адерат в Буэнос-

Айросе... все они осторожно – пока осторожно, поскольку не до конца верили в гибель Древних, – принялись сколачивать союзы, подбирая под себя власть. В Москве активизировался Гаап: постоянно собирал Трибунал, без устали убивал всех, кто позволял себе не то что пикнуть – косо посмотреть на Первородных, и кормил многочисленную свиту отборных головорезов. Гаап набирал силу, и никто не рисковал бросать ему вызов. Точнее, все думали, что бросит Авадонна, но карлик тянул время, то ли не зная, что делать, то ли не рискуя затевать междоусобицу, поскольку никогда не располагал свитой головорезов.

До сих пор их отношения с Гаапом оставались подчёркнуто нейтральными, но Авадонна понимал, что скоро ему обязательно предложат определиться...

Размышления прервал звонок. Карлик вытащил смартфон из кармана, посмотрел на экран, хмыкнул: «Вот «скоро» и наступило». Нажал на кнопку «Ответ» и услышал:

– Авадонна?

– Баал Гаап.

Формально собеседники были равны по положению, но Авадонна назвал Гаапа титулом. И тем показал, что согласен на роль младшего партнёра.

С этого мгновения в московском сообществе Первородных стало всё ясно.

Гаап помолчал, показывая, что услышал и понял правильно, с достоинством принял признание и мягко произнёс:

– Авадонна, друг мой, мы всегда будем стоять рядом. Называй меня по имени.

Гаап милостиво принял капитуляцию карлика, партнёрство установлено, кровопролития не произойдёт.

– Спасибо, баал, – почтительно отозвался Авадонна.

– Я ведь просил.

– Извини.

Они вновь помолчали.

– Я хотел спросить вот о чём... – Ястребиный говорил мягко, но было ясно, что он приказывает. – Ты взял несколько книг из дома Элизабет...

– Вы их видели... Гаап, – эту оплошность – назвал его на «вы» и тут же сбился, словно опомнился, – карлик допустил намеренно, знал, что собеседнику понравится. – Ты их видел, Гаап.

– В том числе ты забрал дневник Шаба.

– Он достался мне по жребию.

– Я помню, – кивнул Гаап. – Прочитал?
– Отдал в расшифровку, – ответил Авадонна.
– Обузе?
– Да.
Гаап помолчал.
– Он справится?
– Скажем так: Виссарион не стал отнекиваться, – карлик рассмеялся. – Ты ведь знаешь Обузу: чем сложнее задача, тем ему веселее.
– Когда он обещал закончить?
– Я позвоню и потороплю его.
– Хорошо. – Гаап вновь выдержал паузу. – Авадонна, я пересмотрел трансляцию Трибунала и немного расстроился: снято слишком документально, без энергии, без «огонька», режиссура, увы, на низком уровне. Нам нужны эффектные, запоминающиеся постановки, чтобы Москва окончательно поняла, что Трибунал – это серьёзно. Ты не мог бы взять организацию трансляций в свои руки?
Принадлежащая карлику компания «mystiPlex» занималась созданием сетевого контента самой разной направленности. На него работало множество блогеров, режиссёров, сценаристов, ему принадлежало огромное количество каналов по всему миру, и Авадонна не сомневался, что рано или поздно Гаап соберётся воспользоваться столь мощным и ценным ресурсом.
– Я обязательно сделаю, – пообещал карлик.
– Спасибо, дружище. Увидимся.
– Увидимся... – пообещал Авадонна, услышав в трубке короткие гудки.
Помолчал, вздохнул и набрал номер Виссариона Обузы.

* * *

– Глаза не сломал? – с вызовом поинтересовалась женщина, резко повернувшись к Горелову.
– Вы решили, что я пялюсь? – «искренне» удивился Фёдор.
Но попытка сыграть изумление провалилась: актёром Горелов был неважнецким, а ситуация слишком очевидной, поскольку явление в бар фигуристой красотки с кудрявыми рыжими волосами произвело эффект разорвавшейся бомбы. На неё уставились все, а она, выждав несколько минут, выбрала жертвой низенького, худощавого Фёдора.

– Ты не пялишься, ты пытаешься меня раздеть, – безапелляционно заявила рыжая, буравя мужчину взглядом.

– Пока нет...

И тут же последовало уточнение:

– Глазами.

– Ах, ты об этом... – Горелов улыбнулся. – Глазами тебя все хотят раздеть.

– Говори о себе.

– Я женат.

И Фёдор продемонстрировал собеседнице безымянный палец, перехваченный известным золотым украшением. Ожидал, что красotka потеряет к нему интерес, но та лишь подняла брови:

– Захотелось вспомнить, как было раньше, но духу не хватает?

Этот выпад Горелов не смог оставить без ответа, поскольку тон незнакомка выбрала настолько пренебрежительный, что подслушивающий диалог бармен не сдержал ухмылки. Требовалось срочно показать, что он сам себе хозяин, поэтому мужчина твёрдо посмотрел на собеседницу и веско произнёс:

– Просто: решил вспомнить.

– Алиса, – неожиданно сообщила красotka, протянув руку.

– Фёдор. – Горелов осторожно прикоснулся к узкой кисти, но через секунду осмелел настолько, что задержал её, наслаждаясь первым интимным прикосновением к чужой женщине за много-много лет. Он не считал себя безропотным подкаблучником, но жена держала Горелова на коротком поводке, и в глубине души Фёдор обрадовался неожиданному приключению в баре. Даже такому невинному, как лёгкое прикосновение...

– Федя, значит? – промурлыкала Алиса, не спеша отнимать руку.

– Да... – Горелов не спешил её отпускать.

– Мне нравятся редкие имена.

– Имя Алиса тоже встречается не часто.

– Согласна...

Полугодовой отчёт прошёл изумительно хорошо, как в приятном сне. Горелов ожидал въедливых вопросов, неудовольствия по поводу провала в апреле и нудных уточнений планов на будущее, но собственники оказались настроены благодушно, итоговые цифры им понравились, и никаких претензий не прозвучало. Отчитавшись, Горелов два часа болтался в офисе, решая мелкие дела, а затем отправился в гостиницу. Из номера вышел только на ужин, потом решил опрокинуть перед сном стаканчик виски, заглянул в расположенное по соседству заведение, выпил, расслабился,

заказал ещё одну порцию, и вот тогда-то в баре появилась нахальная Алиса.

Она выглядела идеально. Она была именно такой, как любил Фёдор: рыжая, кудрявая, чуть-чуть, на килограмм-другой, не больше, полнее, чем принято, но они лишь добавляли женственности. Зелёные глаза. Большие, чуть вывернутые губы. И узкое платье, облегающее округлую фигуру, словно вторая кожа.

Алиса не была эталоном красоты, но дышала дерзкой сексуальностью, и все, абсолютно все посетители принялись «есть» её глазами. Но рыжая выбрала Горелова.

– Допьёшь и поедешь к жене?

– К жене я поеду послезавтра, – ответил Фёдор, глядя в зелёные глаза. – И не поеду, а полечу.

– Она с детьми на море?

Рассказывать о том, что они уже два года живут за границей, не имело смысла, поэтому Горелов кивнул:

– Да.

– А ты чего остался?

– Полугодовой отчёт.

Он по-прежнему держал в ладони её руку. Первоначальный восторг прошёл, но Горелов никак не мог заставить себя отпустить женщину.

– Сдал? – прищурилась Алиса.

– Да.

– На что?

– Ты учительница?

– Я напоминаю тебе учительницу?

Нет, не учительницу – жену учителя. Математик Илья Олегович жил в их подъезде, и его жена, рыжая, словно огонь, Инна Валерьевна, стала первой женщиной юного Фёдора. Так уж получилось: он готовился к поступлению на физмат, много занимался с Ильей Олеговичем дополнительно, в том числе – у него дома, и однажды, явившись во внеурочное время, застал в квартире только хозяйку, улыбчивую Инну... Женился Горелов тоже на рыжей. А сейчас за стойкой сидела копия его Оксаны, только лет на десять моложе, и он держал её за руку.

Что же касается Алисы, то, оказавшись рядом, она перестала давить и теперь действовала мягко и аккуратно.

– Ты должен ночевать дома? – тихо спросила она, накрывая кисть Горелова второй рукой.

Нет, не должен. Квартиру они сдавали, и именно поэтому Фёдор остановился в гостинице. А Оксане он уже позвонил и на сегодня,

получается, свободен...

– Поводок у меня длинный, – в тон Алисе ответил Горелов.

– Значит, я не ошиблась, – улыбнулась женщина.

– В чём?

– В том, что ты готов к приключениям.

– Муж уехал в командировку?

– Именно.

Теперь они улыбнулись друг другу.

С пониманием.

Горелов не был честным мужем, но в последний раз изменял Оксане очень давно, лет семь назад, и, расставшись с той пассией, больше шалостей не позволял. Поумнел, научился ценить семью. И если бы Алиса повела себя чуть развязнее, если бы прижалась к нему обнажённым плечом, стала заигрывать и строить глазки – у неё ничего не получилось бы. Но женщина ограничилась нежным прикосновением, показала, что она такая же, как Фёдор – одинокая сегодня, зато готовая на всё, и тем сводила с ума.

Улыбнувшись друг другу, они как будто заключили договор и теперь точно знали, чем закончится вечер.

– Во сколько ты должен отчитаться, что ложишься спать?

– Я уже отчитался.

– В таком случае, поехали.

– Далеко?

– Ко мне, – ответила Алиса и твёрдо добавила: – Я не хожу по отелям.

И странное дело: Фёдор не колебался ни секунды. Не подумал, что заманчивое предложение может оказаться банальной ловушкой, что отправляться поздним вечером в гости к незнакомке опасно, что его могут ограбить – такие мысли в голову не приходили. Зато Горелов подумал о жене и клятвенно пообещал себе, что о приключении на одну ночь никто не узнает. Послезавтра он вернётся в Белград и в следующий раз окажется в Москве не раньше, чем через год, когда всё забудется...

Горелов подал Алисе руку, женщина приняла её с достоинством королевы, и сопровождаемые взглядами: понимающим – бармена и завистливыми – мужиков, они вышли на улицу и сели в такси. Алиса назвала адрес. Они ехали меньше пятнадцати минут. Ехали молча. Смотрели друг на друга и держались за руки – и всё. Фёдор не хотел тискаться на заднем сиденье, Алиса, судя по всему, была с ним полностью согласна.

Такси остановилось у массивного жёлтого дома на углу

Подколокольного и Яузского бульваров. Дома, похожего на крепость, ворота которой стерегли молчаливые скульптуры. Горелов помог спутнице выйти из машины, расплатился, и они прошли во двор. Пока Алиса искала в сумочке ключи, Фёдор разглядел на соседней с подъездной двери бронзовую табличку: «Нотариус», под которой приводился краткий перечень услуг: «Сделки на крови. Регистрация проклятий недвижимости (призраки и привидения). Опека над мертвецами...» Список на этом не заканчивался, но Алиса открыла дверь и шагнула в подъезд, поэтому дочитать не получилось.

– Не отставай!

Фёдор поспешил за спутницей, на ходу поинтересовавшись:

– Нотариус регистрирует призраков?

– Проклятия недвижимости, – уточнила Алиса, не оборачиваясь. – Люди должны знать, за что платят.

– Я так и понял, – пробормотал сбитый с толку Фёдор.

И подумал про себя, что Москва здорово изменилась за последний год: сначала инопланетянин в аэропорту, теперь – странный нотариус... Мелькнула мысль: «Почему Алиса так спокойно говорит о бредовой вывеске?», но Горелов тут же отогнал её, решив, что жители дома давно привыкли к местному сумасшедшему.

Они поднялись на третий этаж. И вошли в квартиру. Дверь Алиса открыла подозрительно быстро, словно та не была заперта.

– Что ты пил сегодня, кроме виски?

– Белое вино за ужином.

– Отличный выбор. – Женщина прошла на кухню и достала из холодильника бутылку «Gewürztraminer», ароматного и лёгкого, идеально подходящего для летней ночи. Столкнувшись, хрустальные бокалы издали мелодичный перезвон, Горелов сделал маленький глоток и улыбнулся:

– Прекрасно...

Чарующий аромат вина приятно мешался с тонкими духами. В голове зашумело – от предвкушения, и он снова взял женщину за руку. Алиса улыбнулась. Понимала, что мужчина не стесняется и не робеет – просто тянет время, наслаждаясь полумраком, тишиной, ароматами, взглядами и... предвкушением.

Им ведь некуда торопиться.

Вся ночь впереди...

– У меня было предчувствие, что командировка превратится в сказку, – негромко произнёс Фёдор, чуть сжимая руку Алисы.

– Хорошее предчувствие?

– Разве бывают плохие сказки?

– Бывают.

– Не у меня. – Он отставил бокал, подхватил Алису и усадил на кухонный стол. – И не в этот раз.

– Ты уверен?

Горелов забрал у женщины бокал, улыбнулся и ответил:

– Уверен.

И крепко поцеловал, с детским восторгом ощущая её ответ, в котором бурлили желание и страсть.

Они опрокинули бутылку, но не разбили, вино потекло по полу, и аромат «Gewu#rztraminer» окутал квартиру, искусно вплетаясь в тайну бурной ночи.

Любовники начали на кухне и там же оставили одежду. Переместились в гостиную, на диван, оказавшийся чуть мягче, чем хотелось, но всё равно удобным. Фёдор думал, что там всё и закончится, но стоявшая на четвереньках Алиса со смехом выскользнула и скрылась в спальне, с разбега бросившись на широченную кровать. Упала на спину, бесстыдно раскинув ноги, и заставила ворвавшегося следом Горелова зарычать от возбуждения. Рассмеялась, а когда Фёдор тоже оказался на кровати, ловко перекатилась и оказалась сверху. Горелов не возражал, жадно любуясь ритмичнодвигающейся женщиной, и лаская её грудь и бедра.

Фёдор думал, что так будет продолжаться до самого конца, тем более, дыхание Алисы не оставляло сомнений в том, что всё случится вот-вот... Но женщина вдруг остановилась, наклонилась, на мгновение прижавшись к любовнику потным, разгорячённым телом, и достала из-под подушки узкий нож с чёрной резной рукояткой.

– Алиса?! – Горелов изумился, но не настолько, чтобы остановиться. Он по-прежнему не ждал от женщины ничего дурного, и в изумлении не было страха.

– Тебе нравится опасность? – с улыбкой спросила рыжая, медленно проводя плоской стороной клинка по руке.

– Ты серьёзно?

– Некоторым нравится лезть в петлю во время оргазма, но я предпочитаю кровь... Ты пробовал?

– Нет.

– Она горячит... – Разговаривая, Алиса продолжала неспешно двигаться на Фёдоре, не позволяя мужчине расслабиться. – Она обостряет чувства...

Женщина медленно провела по руке плоской стороной ножа, а следующим движением – таким же плавным и спокойным, – сделала глубокий надрез. На Горелова потекла кровь.

Горячая.

Чуть солоноватая.

Он почти попросил Алису остановиться, но женщина прикоснулась к губам любовника окровавленными пальцами, и Фёдор машинально слизнул красное. Алиса улыбнулась.

– Тебе нравится кровь?

– Ещё не знаю.

– Ты просто никогда не пробовал... – Горячая кровь струилась по пальцам женщины и капала Горелову в рот. – Тебе понравится... – Алиса стала двигаться чуть быстрее. – Тебе обязательно понравится...

Фёдор чувствовал, что приближается финал, и жаждал одного: развязки. Скорее! Как можно скорее! Кровь и желание закружили голову невиданным, не испытанным до сих пор хороводом. Развязка должна была получиться грандиозной, и увлечённый Горелов не почувствовал, как женщина вложила в его руку нож. А если и почувствовал, то не обратил внимания, потому что в следующий миг закричал, извергаясь. Алиса же застонала на секунду раньше, по её телу пробежала судорога, а затем женщина вновь подалась вперёд и резким, предельно точным и предельно уверенным движением надела на нож.

Длинный узкий клинок вонзился ей прямо в сердце.

* * *

Известнейший среди московских и европейских букинистов магазин «Потёртые страницы» располагался на улице Забелина и выглядел скромно: витрина, на которую хозяин не пожалел выложить несколько весьма приличных изданий начала XIX века, простенькая дверь с колокольчиком, небольшой торговый зал со стеллажами и полками, заваленными любопытными и очень любопытными книгами. Не редкими, а именно любопытными, способными вызвать интерес, но не дающими представление о тех сокровищах, которыми владел хозяин «Страниц». А рядом со стеллажами – прилавок с медной кассой, производства то ли начала прошлого века, то ли конца позапрошлого, и кресло, в котором любил коротать время хозяин магазина.

Коротать за чтением, разумеется, как же иначе?

«Потёртыми страницами» владел Виссарион Обуза – очень высокий, очень нескладный мужчина, с вечно унылым лицом, самой заметной частью которого по праву считались большие уши, объект постоянных шуток и насмешек. Подобно Авадонне, Обуза был полукровкой, сыном человека, потомственного книжного червя, и сирены, наградившей ребёнка даром убеждения да умчавшейся по своим делам через сутки после рождения. Впрочем, ничего другого от сирен ждать не приходилось. На мать Виссарион зла не держал, хотя не знал её вовсе, вырос под чутким надзором отца, стал таким же, как он, книжным червём, и в положенное время унаследовал семейный магазин, достойно продолжив династию.

А второй особенностью Обузы – помимо грандиозных ушей, – была привычка опаздывать. Ни разу в своей жизни Виссарион не явился вовремя, задерживался, срывал рабочие графики и друзьям, и деловым партнёрам, однако сегодняшняя встреча этот список не продолжила, поскольку ехать Обузе не пришлось: два высших баала Москвы – Авадонна и Гаап – сами явились на Забели-на, заставив несчастного книжника чувствовать себя не в своей тарелке.

– Привет, Обуза, – небрежно поздоровался Гаап, входя в магазин.

– Добрый день, баал, – со всем возможным почтением отозвался книжник.

– Виссарион, – кивнул вошедший следом карлик.

– Авадонна.

По тону было понятно, что книжника и карлика связывают давние, возможно – дружеские, отношения. Ну, настолько дружеские, насколько это понятие вообще возможно среди Первородных.

С другой стороны, Авадонна не отличался чистотой крови и многие черты грешников были у него с изъясном.

– Зачем мы здесь? – капризно протянул Гаап, разглядывая книжные полки. Обуза специализировался на редких, очень редких и невероятно редких книгах, поэтому основной его фонд хранился в других помещениях, надёжно защищённых. В торговый зал ушастый выставлял «простые» тома, но даже они вызывали благоговение у понимающих и жгучую зависть у коллег-книжников. Однако Гаап таращился на сокровища без пиетета: – Почему ты не велел Виссариону явиться и доложить?

Обуза вспыхнул, но промолчал, в конце концов, кто он, а кто – Гаап? Обуза прекрасно знал, что будет, если он осмелится даже на косой взгляд, но запомнил прозвучавшее оскорбление – на будущее.

– Здесь наша встреча не вызовет ни у кого подозрений, – произнёс Авадонна, бросив на покрасневшего Виссариона быстрый взгляд. – А вот

вызов книжника в твой офис наверняка породил бы слухи.

– Пожалуй, ты прав, – подумав, согласился Гаап. И повернулся к Обузе: – О чём ты хотел рассказать?

– Я... – Книжнику очень хотелось ответить резко, самоубийственно резко, но он заставил себя несмело улыбнуться и продолжил со всей возможной почтительностью: – Баал Авадонна поручил мне расшифровать дневники Шабба...

– Ты справился? – перебил его Гаап.

– Да, баал. – Обуза поклонился.

Стоящий позади Гаапа карлик коротко кивнул, показывая Виссариону, что тот держится правильно.

– Давай записи, – приказал Гаап.

Виссарион молча выложил на прилавок тетрадь в чёрном переплёте и стопку заполненных от руки листов. Гаап жадно схватил верхний, пробежал взглядом по строкам, нахмурился, а затем скривился:

– Отвратительный почерк.

– Спасибо, баал, – в третий раз поклонился Обуза.

– Разве я тебя похвалил?

– Вы обратили на меня внимание.

– Согласен, для тебя это честь.

Гаап ещё не стал первым баалом Москвы, правителем или владыкой, Гаап только рвался к власти, но уже вёл себя как император.

Плохой император.

– Виссарион, расскажи, что ты узнал, – примирительным тоном произнёс Авадонна.

Но «пожалуйста», как бывало обычно, не добавил. Впрочем, Обуза и не ждал, понимал, что присутствие Гаапа внесёт изменения в привычный стиль общения. Нельзя обижаться на то, что делается вынужденно.

– Я прочитал не больше трети дневника, – сообщил Виссарион, глядя только на Гаапа. То есть признавая его главным среди посетителей. При этом Виссарион знал, что Авадонна не обидится – по той же самой причине. – Работа не закончена, но то, что я узнал, заставило просить о встрече. Плохие новости, баал Гаап: Безликий жив.

– То есть? – вздрогнул Гаап.

– Как это жив? – растерялся карлик.

– Откуда ты знаешь?

– Ты правильно перевёл текст?

– Правильно, – вздохнул Виссарион. – И я готов ответить за каждое переведённое слово.

В присутствии грешников подобные слова произносили только после долгих размышлений, поэтому высказывание Обузы заставило высших задуматься.

– Не ожидал от Шаба, – протянул Авадонна.

– Шаб был осторожен, – неожиданно произнёс Гаап, глядя на карлика сверху вниз. – Он боялся мести Древних, поэтому не уничтожил Безликого.

– Я был о нём лучшего мнения.

– Я тоже.

Безликий, владелец планеты Аммердау, прибыл на Землю примерно сто лет назад. Официально – нанести дружеский визит Шабу, неофициально – не в силах побороть старинную страсть к Элизабет. Шаб, который не подозревал об истинной подоплёке визита, принял Безликого радушно: предоставил в его распоряжение замок в красивейшем уголке Альп и устроил грандиозный приём, на который прибыли все высшие Первородные планеты. Приём продолжался тринадцать дней, и кровь на нём лилась рекой – во время оргий, развлечений и гладиаторских боёв было умерщвлено больше десяти тысяч рабов.

А вот что произошло через месяц после приёма, не знал никто. Точнее, никто доподлинно не знал, что стало причиной расправы над Древним и его аммердау, но шептались, что Шаб застал Безликого с Элизабет и убил соперника во время вспыхнувшей ссоры.

Как бы там ни было, Безликий исчез и считался мёртвым.

До сегодняшнего дня.

– Где он? – угрюмо спросил Гаап.

– Шаб его... – Виссарион пошевелил пальцами, подбирая наиболее подходящее определение, – ...преобразовал.

– Во что?

– В сгусток.

– Это как? – не понял Авадонна.

– Лишил тела, но сохранил возможность обратного преобразования. В настоящее время Безликий представляет собой нечто аморфное, напоминающее кучу парафина, как мне кажется...

– Куда Шаб его дел? – тут же задал вопрос Гаап.

– Это и есть самое плохое, баал, – вздохнул Виссарион. – Шаб отдал сгусток Безликого своим чокнутым адептам.

– Ты говоришь о Первородных? – изогнул бровь Гаап. В воздухе отчётливо запахло обвинением в ереси отрицания Зла, но Обуза много читал, был наполовину сиреной и потому жонглировал словами на высочайшем уровне.

– Я говорю о Секте, – спокойно ответил книжник, глядя Гаапу в глаза.
– Ах, ты... – чертыхнулся баал. – Я совсем забыл об этих чокнутых адептах.

Виссарион тонко улыбнулся. Гаап ответил выразительным взглядом и посмотрел на Авадонну:

– Что дальше?

Ястребиный отличался жестокосердностью, но не глупостью. Он прекрасно понимал, «что дальше», однако хотел послушать карлика, которому доверил быть главным помощником. И тот не подвёл, высказал вслух то, о чём думал Гаап:

– Закон Древних требует, чтобы у каждой планеты был владелец. Шаб сдох, Элизабет исчезла, и Секта решила призвать Безликого.

– Проклятье! – не сдержался Обуза.

– Не впадай в ересь, – посоветовал Гаап. И тут же продолжил: – Жаль, что вместе с Шабом не издохли его тупые невесты.

Древние исчезли не так давно, но баалы уже почуяли сладость свободы.

И она им понравилась.

– Согласен, – буркнул карлик.

– Ты вроде дружил с Элизабет, – припомнил Гаап.

– Во-первых, Элизабет – это не Безликий, он, говорят, ещё хуже Шаба, – объяснил Авадонна. – Во-вторых, мне от Древних нужна только энергия Ша, которую излучает Проклятая Звезда. Да и тебе, уверен, тоже, особенно если вспомнить, что Шаб с тобой вытворял...

– Откуда ты знаешь?

Виссарион наострил большие уши.

– Хм... – замялся Авадонна.

– Элизабет рассказала? – догадался Гаап. И его голос стал очень жёстким: – Не советую повторять эти рассказы.

– Больше никогда, – твёрдо ответил карлик, мысленно проклиная себя за длинный язык. – Что же касается Элизабет, она была лучшим Древним для Земли, поскольку ни во что не лезла и только развлекалась. А что устроит Безликий, представить трудно, но одно знаю наверняка: первые лет пять он будет убивать всех без разбору и остановится, лишь удовлетворив свою ярость. Он наверняка рехнулся от пребывания в форме сгустка...

– Все Древние – рехнувшиеся, – произнёс Гаап. – Изначально.

– Это я и имел в виду.

Баалы помолчали, понимая, что сказанного уже достаточно для обвинений в ереси отрицания Зла, и перешли к ещё более опасной теме:

– Я не хочу, чтобы Безликий объявил себя владельцем Земли, – отбросив церемонии, сказал Гаап.

– Я тоже.

– Нужно выяснить, где находится сгусток.

– Полагаю, в Москве, – подал голос забытый всеми Обуза.

И только сейчас увлѣкшиеся Первородные сообразили, что их страшный заговор и ужасные признания с любопытством слушает нежелательный свидетель. Гаап ощерился, показывая, что готов убивать, но Авадонна ухватил его за рукав и качнул головой. Не сказал ничего, но Ястребиный прочитал в глазах карлика: «Сейчас он нужен», и сдержался.

– Я точно знаю, что в Москве принесена первая жертва, – продолжил Виссарион, не заметив или сделав вид, что не заметил ярость Гаапа, грозившую ему немедленной гибелью.

– Какая ещё жертва? – недовольно спросил Гаап.

– Безликому нужно тело, – объяснил Обуза. – Причѐм такое тело, которое сможет удержать Древнего. Секта отыскала подходящий объект, и этой ночью начался ритуал. А значит, сгусток находится в московском Смирении.

– Час от часу не легче, – вздохнул Гаап.

– Сколько времени у нас есть? – поинтересовался Авадонна.

– Дня два.

– Понятно, – карлик поморщился. – Виссарион, пойдѐ что-нибудь почитай.

Обуза удивлѐнно поднял брови, через секунду сообразил, что баалы хотят остаться наедине, кивнул и скрылся за дверью.

И почти сразу Авадонна бросил:

– Жаль, что проект «Нейтрино» не удался.

Осторожный Гаап подождал, убедился, что Виссарион отошѐл от двери, и лишь после этого кивнул:

– Жаль.

– Мы сможем убить Древнего?

– Сейчас Безликий слаб...

– Но будет ли он слаб настолько, чтобы мы смогли его прикончить?

– Меньше паники, – поморщился Гаап. – Сгусток – это не настоящий Древний, а его отражение. В сгустке Безликий абсолютно беззащитен, и мы его сожжѐм.

– Уверен?

Гаап кивнул:

– Лучшего шанса не будет.

– Хорошо... – Авадонна заложил руки за спину и медленно прошёл по торговому залу. Он принял план – убить Древнего, и теперь продумывал дальнейшие шаги. – Допустим, нам удастся устранить Древнего...

– Без всякого «допустим», – перебил его Гаап. – Если у нас не получится, твои рассуждения не имеют смысла: Безликий нас немедленно растерзает.

– Хорошо, – с улыбкой согласился карлик. – Итак, мы устранили Древнего... и сразу же стали врагами всех Первородных.

– Это ещё почему? – растерялся Гаап.

– Потому что ты – сильный противник, Москва – лакомый кусочек, и как только станет известно, что мы прикончили Безликого, Молох обвинит нас в ереси отрицания Зла, сколотит против нас коалицию, убьёт и посадит в Москву свою марионетку.

– Он уже сажал в Москву своих марионеток, – припомнил Ястребиный. – Ничего не получилось.

– В этот раз будет умнее.

– Так что ты предлагаешь? – Гаап начал злиться. – Мы всё равно должны разгромить Смирение и уничтожить невест.

– Не мы, – ответил карлик и тонко улыбнулся. – Не мы.

– А кто?

– Нужно быстро подобрать подходящего органика, желательно не из Москвы, и помочь ему устроить бойню... – Авадонна почесал подбородок: – У меня есть на примете подходящая кандидатура: она в меру отморожена, ненавидит Первородных и без колебаний перебьёт весь местный выводок невест.

– Она – это кандидатура? – уточнил Гаап.

– Нет, – качнул головой карлик. – Она – это Бри Хамелеон.

* * *

«Естественная бесчеловечность позволяет мне классифицировать земную фауну с абсолютным хладнокровием, не отвлекаясь на этические проблемы. Я рассматриваю её отстранённо, а значит – предельно объективно, с одинаковым равнодушием фиксируя и плохое, и хорошее. Я не испытываю боли, когда вижу зло. Я не испытываю радости, когда вижу добро. Я – безразличный наблюдатель и в этом моё преимущество.

Я сравниваю увиденное с жизнью на Аммердау, и не всегда сравнение в пользу моей планеты. Я восхищаюсь ярко выраженным индивидуализмом

людей и прочих существ, составляющих разумную фауну Земли, и начинаю перенимать его. Я почти перестал использовать местоимение «мы» и думаю только о себе. Я вижу себя не таким, как раньше, и мне нравится тот, кого я вижу. Я понимаю, что новому «я» будет очень трудно вернуться к жизни на Аммердау, но меня это обстоятельство не беспокоит.

Потому, что я не верю, будто смогу когда-нибудь выбраться с Земли...»

блог любознательного инопланетянина

Они были ведьмами.

Но разными: и по стилю, и по духу. И заботило их разное: одна искала помощи, другая знала свою силу. Одна мечтала о мести, вторая давно стала холодна, и чувства, способные желать расплаты, обратились льдом в бокале. Одна была резкой, в майке, широких джинсах и удобных для боя башмаках, другая знала толк в элегантности стиля, её макияж был безупречен, а платье, алое, как кровь, выгодно подчёркивало прекрасную фигуру. Первая ограничилась лишь татуировками на тонких, жилистых руках, у второй замысловатые рисунки вились по правому бедру, левому плечу и заходили на шею. Но они сидели за одним столиком и вели очень важную беседу.

Первую звали Порчей.

– Скоро наступит Великое Полнолуние, – сказала она, покусывая губы.
– Я знаю расписание, – кивнула Ксана.
– В мир войдёт огромная сила...
– Совершенно верно.
– И мне нужно... – Ленка Порча перегнулась через столик и что-то прошептала собеседнице на ухо.

Та помолчала, затем улыбнулась и спросила:

– Почему ты думаешь, что я смогу это сделать?
– Все знают, что ты быстро учишься, Ксана. Ты сильна и талантлива.
– В Великое Полнолуние ты и сама справишься.
– Не хочу рисковать, – пожала плечами Порча. – Вдруг не получится?
– Понимаю... – Ксана провела пальцем по своему бокалу, но пить не стала. Продолжила: – Итак, тебе нужен двойник, рождённый в Великое Полнолуние...

– Двойник, рождённый на крови, – уточнила Порча.

– Оригинал готов умереть?
– Ему незачем жить, и он знает, что без его крови ничего не получится... – Порча вздохнула. – Что ты хочешь взамен?
– В том-то и дело, что сейчас мне нечего у тебя просить, – спокойно ответила Ксана. – Я помогу лишь на одном условии: ты будешь мне должна.
– Жёстко, – оценила Порча.
– Ты попросила. – Ксана сделала глоток коктейля. – Решай.
И оглядела зал, в котором не было других посетителей...

...В Москве есть множество мест, куда посторонним вход не просто запрещён – посторонних там никогда не было и не будет. В одни заведения пускают только богатых, в другие – только бандитов, в третьи заглядывают приверженцы определённых пристрастий, в четвёртое – любители чего-то ещё... Москва – город тайный, здесь любят секреты и «быть не таким, как все», поэтому «Клуб по пригласительным билетам «Отражение» ничем особенно не выделялся и занял законное место в череде «заведений для своих». Размещался клуб в Калошином переулке, отчего, естественно, был соответственно прозван, и фраза «сесть в «Калошу» приобрела в московском Отражении дополнительный смысл.

Иннокентий явился в клуб пешком, неспешно пройдя через Арбат. Он давно не заглядывал в Москву и с удовольствием прогулялся по старой улице, рассеянно улыбаясь многочисленным туристам и торговцам сувенирами. Через переулок прошёл во двор нужного дома и открыл неприметную дверь.

Неприметную и незапертую.

И посторонился, вежливо пропуская красивую черноволосую ведьму в безупречном алом платье. Женщина не обратила на толстяка внимания, Иннокентия это не задело.

«Клуб по пригласительным билетам» не защищался такой ерундой, как замок, открыть дверь мог любой прохожий, но вряд ли у него получилось бы пройти дальше, поскольку сразу за дверью гостей поджидал плечистый охранник в чёрном костюме, такого же цвета водолазке и до блеска начищенных туфлях. Днём посетители «Отражение» не баловали, поэтому охранник развлекался, уставившись в экран смартфона, но при появлении Кросса оставил легкомысленное занятие и недружелюбно осведомился:

– К кому?

Судя по низкому лбу и кустистым, серым с проседью бровям, охранник относился к южному выводу волколаков, которых считали

прекрасными, хоть и грубоватыми сторожами.

– По приглашению, – коротко отозвался Кросс.

Голос показался охраннику знакомым, он прищурился и через секунду расплылся в широкой ухмылке:

– Ты давно не появлялся в Москве, Иннокентий – не узнал.

– Богатым буду?

– Если до сих пор не стал, значит, тебе это не нужно, – философски ответил сторож.

– Может, мне просто не повезло?

– Везение – это случайность, а ты не веришь в случай.

Толстяк рассмеялся и, уже проходя внутрь, привычно осведомился:

– Здесь по-прежнему плохо кормят?

– Зато хорошо наливают.

– Проверим.

В отличие от большинства других заведений сети, главный зал «Калоши» находился не под землёй, а на первом этаже, показывая, что москвичи абсолютно уверены в своём положении. Но при этом, разумеется, в помещении царил полумрак, а вся мебель была тёмного дерева. Вдоль левой и дальней стен располагались столики, окружённые удобными диванчиками – занят оказался лишь один, угловой, – а правую стену владельцы заведения отдали под стойку, за которой, подперев голову кулаком, скучал молодой бармен. За его спиной, на самом видном месте бара, висела чёрно-белая афиша Театра Отражений. Гастроли должны были состояться не скоро, но Татум Зур любила, чтобы о ней говорили, и владельцы пошли навстречу её желанию.

Иннокентий взгромоздился на высокий табурет, устроился, свесив во все стороны части большого тела, и лишь после этого бармен негромко поинтересовался:

– Возможно, на диване вам будет удобнее?

– Будет, – не стал спорить Кросс. – Но ведь ты туда не пойдёшь?

– Не пойду.

– Тогда я потерплю.

– Хотите поговорить? – понял бармен.

– Да.

– Иннокентий, если не ошибаюсь?

– А вот я тебя не помню, – усмехнулся толстяк. – Хотя память на лица у меня абсолютная.

– Хорошо запоминаете изображения?

– Обладаю развитым мозгом, – язвительно объяснил Кросс. – Раньше

здесь работал Игнат, где он?

– Умер, – коротко ответил бармен.

– Жаль.

– Он не мучился.

– Приятно слышать.

– Я получил место.

– Поздравляю.

– Меня зовут Стефан.

– Степан? – переспросил толстяк.

– Стефан, – повторил бармен.

Иннокентий покивал, словно говоря: «Ничего другого я от тебя, дружок, и не ожидал», и продолжил расспросы:

– Я не вижу Учётчицу.

– Старая умерла, новая пока не явилась.

– У вас умирает много народу, – заметил Иннокентий. – А ведь Москва всегда казалась на редкость здоровым городом.

– Здоровые города стали ещё большей редкостью, чем раньше, – спокойно произнёс Стефан.

– Прекрасный ответ, – одобрил толстяк. – Ты будешь отличным барменом.

– Спасибо, – кивнул молодой человек. – Могу я узнать, кого вы ищете?

– У меня нет под рукой фотографии.

На самом деле фотография лежала во внутреннем кармане пиджака, но Иннокентий не настолько доверял новому бармену, чтобы рассказывать о цели своего визита в Москву. Особенное подозрение толстяка вызвало отсутствие Учётчицы, не смерть предыдущей – эта неприятность способна произойти с кем угодно, даже с бессмертными принципами, – а тот факт, что не появилась новая. Отсутствие Учётчицы стало для Кросса косвенным доказательством того, что его цель находится в Москве, и заставило осторожничать.

– Как же мне вам помочь? – поинтересовался бармен.

– У тебя есть розовое вино? – неожиданно спросил толстяк.

– Разумеется.

– Принеси два бокала за дальний столик.

Бармен посмотрел в указанном направлении и улыбнулся:

– Вы уверены?

– Попробую.

– Удачи.

Иннокентий кивнул, сполз с табурета и прошёл к столику. Он двигался

неспешно, на первый взгляд – тяжело, привычно дышал чуть громче обыкновенного, показывая, что перемещение в пространстве представляет для него подвиг, и производил впечатление отдышливого увальня, но люди опытные, умеющие определять воина по неприметным знакам, понимали игру. Кросс блестяще изображал неповоротливого обжору, скрывая свою истинную силу.

– Не возражаешь? – он присел за столик и улыбнулся.

– Какой редкий гость залетел в наш тихий медвежий угол, – с иронией ответила девушка. – Собираешься буянить?

– Считаю меня туристом.

– То есть прибыл по делам?

– Разумеется.

– Мог бы соврать, что соскучился по Москве.

– Я не скучаю по земным городам, – махнул рукой толстяк. – Они все одинаковы.

Порча рассмеялась:

– Ты по-прежнему сноб, насекомое.

– Да.

– И чёрствый, как хитиновый панцирь.

А вот это заявление Иннокентий не пропустил. Он свёл брови, припоминая местные идиомы, и уточнил:

– Обычно говорят: чёрствый, как хлеб.

– Да какой из тебя хлеб? – рассмеялась Порча. – Рассказывай, зачем явился?

– Хочу узнать, что творится в городе, – почти сразу ответил Кросс, показав, что ответ заготовлен давно. – Не могу отделаться от ощущения, что назревает нечто неприятное.

– А когда у нас назревало нечто хорошее?

– Уф-ф...

– И неужели это чувство появилось у тебя только в Москве? – продолжила Ленка.

– Нет, – признался Иннокентий. – Это ощущение преследует меня повсюду. С тех пор, как погибли Древние.

– Первородные готовятся к большой резне, – вздохнула Порча. – Все чувствуют её приближение. Молох давно хотел откусить Москву, но Авадонна считался любимчиком Элизабет, и это обстоятельство заставляло Молоха сидеть ровно. Теперь он точно сюда полезет. – Она откинулась на спинку диванчика и развела в стороны руки. Под майкой Порча ничего не носила, поэтому её нынешняя поза получилась более чем провокационной.

Толстяк оценил. – Ты работаешь на Молоха?

– Да, но не против Авадонны, – Иннокентий выложил на стол фотографию из внутреннего кармана пиджака. – Видела его?

– Нет, – качнула головой девушка, едва взглянув на изображение. Толстяк тут же убрал фото. – Ты его не чувствуешь?

– Ещё не принимался, – ответил Кросс. – Думал пойти простым путём – через Учётчицу, но она умерла. Отчего, кстати?

– Говорят, от старости.

– Ты веришь?

– После смерти Древних я готова поверить во что угодно.

– Согласен.

Наконец-то принесли розовое. Поскольку посетителей не прибавилось, бокалы доставил лично Стефан и даже задержался, надеясь, что ему предложат присоединиться к разговору, но приглашения не дождался.

А разговор продолжился после того, как бармен вернулся за стойку.

– Здесь тебе никто не поможет, – медленно произнесла Порча, потягивая розовое. – Гаап хочет единолично возглавить город, и, кажется, у него получается. Во всяком случае, Авадонна ест у Ястребиного с ладони и послушно виляет хвостом. Остальные, глядя на такое дело, тоже приносят клятвы верности.

– Боятся?

– Никому не хочется попасть под Трибунал.

– Молох тоже чистит ряды, – буркнул Кросс. – Крушит всех, кого заподозрит в нелояльности, и вот-вот объявит себя владыкой.

Порча сделала глоток вина, посмотрела толстяку в глаза, усмехнулась и предложила:

– Ну их всех к дьяволу, насекомое, поехали ко мне.

* * *

– Я десять лет не произносил эту фразу, но сейчас для неё самое время: не думал, что когда-нибудь увижу такое, – проворчал дознаватель, закладывая руки в карманы брюк.

– Что же здесь произошло? – в тон ему протянул заглянувший в комнату патрульный.

– У меня фантазии не хватит представить.

– У меня, пожалуй, тоже.

Полицейские обменивались впечатлениями, даже пытались шутить, но

чувствовали себя не в своей тарелке: увиденное в квартире поразило даже их, отдавших службе много лет и повидавших, как им казалось, всё.

В квартире явно случилась оргия... Нет, не оргия, но предельно бурная любовная встреча мужчины и женщины, о чём свидетельствовали беспорядочно раскиданная одежда, бокалы, вино, постель, обёртки от презервативов, игрушки и другие следы, однозначно говорящие о том, что в квартире долго и со вкусом веселились. Однако закончилась встреча жестоким убийством: зарезанную жертву обнаружили на большой кровати, матрас которой насквозь пропитался кровью.

– Она находилась в позе наездницы, – неожиданно заговорил отступивший к двери эксперт-криминалист. Он не повернулся к дознавателю, поэтому тот вздрогнул от неожиданности, но быстро пришёл в себя. – Видимо, их встреча подходила к концу...

– Ты имеешь в виду: близился оргазм? – уточнил дознаватель.

– Да.

– Так и говори.

– Чем тебе не понравилось мягкое определение?

– Не будь ханжой.

Они были знакомы несколько лет и позволяли себе в общении некоторые вольности. Эксперт, несмотря на профессию, так и не добавил в свойства характера ни капли здорового цинизма и старался избегать определений, которые считал грубыми или непристойными.

– Я не ханжа, – в очередной, сотый, наверное, раз сообщил он дознавателю. – Я просто не знаю, как на это реагировать. – Помолчал. – В общем, встреча подходила к концу, когда мужчина... или тот, кто был с жертвой...

– А кто ещё мог быть с жертвой? – хмыкнул дознаватель.

– Да кто угодно, – резковато ответил криминалист. – Забыл, в каком мире живём?

Услышал в ответ небрежное:

– Презервативы.

Тут же сбавил тон и махнул рукой:

– Ах, да, презервативы... – помолчал и продолжил: – Ладно, в общем, мужчина всадил ей нож в сердце.

– Орудие убийства нашли?

– Нет. Кроме того, убийца тщательно избавился от всех возможных следов: стёр отпечатки пальцев, забрал презервативы, вымыл бокалы и бутылку. Я не могу дать тебе ни единой зацепки.

– Чёрт! – дознаватель коротко выругался.

– Извини.

– Ты здесь при чём?

Дознаватель вновь посмотрел на жертву и снова выругался, на этот раз – длиннее.

Больше всего полицейских смущал не сам факт убийства – они в Москве случались, – а жертва: лежащей на кровати женщине было не менее восьмидесяти лет. Точнее, если верить документам, Алисе Ипполитовне Завоцкой неделю назад исполнилось восемьдесят четыре. И выглядела она на все свои годы, на каждый месяц и на каждый день: на кровати покоилась массивная старуха с размазанной по лицу косметикой, при жизни одутловатая и жирная, а теперь – растёкшаяся мёртвым студнем. И никто из полицейских не мог представить её занимающейся любовью.

С жаром.

В позе «наездницы».

– Мы ищем извращенца? – выдавил из себя дознаватель.

– Или старого деда, – буркнул эксперт.

– Который использовал три презерватива за ночь?

– Современные химические средства творят чудеса. Дознаватель поразмыслил и решил не спорить, протянул:

– Понятно: или извращенец, или глубокий старик... – Сделал маленький шаг в сторону и указал на кончик чёрной линии, едва выглядывающий из-под кровати. – Ты видел, что там?

– Надо сначала тело унести, а потом кровать двигать, – сварливо отозвался эксперт.

– Фонарик у тебя есть?

– У тебя он тоже есть – в телефоне.

– Вот ведь вредина! – Дознаватель запустил нужное приложение, присел на корточки, заглянул под кровать и удивлённо присвистнул: весь пол под «ложем любви» был испещрён чёрными символами.

* * *

«Какой кошмар!»

Эта мысль пришла Горелову первой... После длинной, очень-очень длинной паузы, когда мыслей не было никаких – только ужас, окутавший его непробиваемым туманом. И абсолютная растерянность...

Интрижка превратилась в кровавую трагедию, и теперь его прошлое перечёркнуто, настоящее сломано, а будущего нет.

«Я – убийца!»

Фёдор плохо помнил, как выбрался из квартиры.

Сначала пришло оцепенение: когда увидел нож в груди Алисы, когда почувствовал, что женщина наваливается на него, когда увидел стекленеющие глаза и уловил последний вздох...

В тот миг Горелову показалось, что он сам умер.

Затем оцепенение прошло, Фёдор закричал, машинально оттолкнул мёртвую женщину, вскочил, бросил взгляд на рукоять ножа, выдернул его, сам не зная зачем, закричал снова, увидев вытекающую кровь, уронил клинок и схватился за телефон, собираясь вызвать «Скорую» или полицию... Бросил телефон, сообразив, что голый, весь в крови, что Алиса убита на нём, что больше в квартире никого нет и никто не поверит в безумную историю самоубийства во время секса. Забегал по комнате, ничего не соображая, видя лишь труп на кровати, завыл от страха, снова схватился за телефон, снова отшвырнул, лихорадочно оделся и выскочил из квартиры, позабыв захлопнуть дверь, выскочил из арки, пробежал мимо безразличных статуй, пробежал по бульвару вверх, сообразил, что оставаться на улице нельзя, нырнул в какие-то дворы на Ивановской горке, перелез через забор, потом ещё, оказался в тупике, забился в какую-то щель и заплакал, не в силах выкинуть из головы образ мёртвой женщины.

В гостиницу явился под утро, всклокоченный, в мятom костюме и грязной обуви. Шёл, махнув на всё рукой, ожидая встретить полицейских, но их не оказалось. В холле вообще никого не оказалось, кроме ночного портье, который выдал Фёдору ключ и вернулся к компьютерной игре. Горелов поднялся в номер, побрился, принял душ, хотел собрать вещи и выехать, но передумал, решил не привлекать внимание чемоданами. Забрал из сейфа деньги с документами, переоделся и покинул отель.

Самым умным показалось уехать из Москвы. Не покупать билет на своё имя, а отправиться в Белоруссию – электричкой до Смоленска, там сесть на проходящий поезд до Минска, – и улететь в Белград, к семье и работе. А там... А что там? Сразу возникнет вопрос: почему вернулся без вещей? Почему покинул Москву раньше срока, пропустив корпоративную вечеринку? Что случилось?

Вопросы обязательно вызовут подозрение, а значит, бросать всё и мчаться в Белград нельзя. Нужно сходить на вечеринку и завтра лететь за границу своим рейсом.

А чтобы сходить на вечеринку, нужно дождаться вечера.

А чтобы дождаться вечера, нужно иметь стальные нервы, потому что тело наверняка нашли, и полицейские начали проверять, с кем красавица

была вчера.

«Разве кто-нибудь поверит, что я не убивал Алису? Кто-нибудь поверит, что она сама бросилась на нож?»

Это обстоятельство пугало больше всего – Фёдор помнил, каким спокойным и решительным было лицо Алисы, когда она вонзила клинок себе в сердце. Алиса хотела умереть, занимаясь с ним любовью.

Хотела умереть...

«Наверное, какая-нибудь сектантка! Спятившая религиозная дура! Сумасшедшая! Но кто мне поверит? Я был с ней, я трахал её, на ноже мои отпечатки...»

Алиса хотела умереть, а он лишь подвернулся под руку.

Но кто поверит?

Один раз Горелову позвонили – он едва не вскрикнул от ужаса и расслабился, лишь увидев на экране знакомый номер коллеги. Ответил. Услышал кучу весёлых вопросов о готовности к вечеринке и предложение «начать в баре», скомкал разговор, сказав, что занят. Отключил телефон и продолжил бродить по Москве. Когда проголодался – вошёл в первое попавшееся заведение, попросил какой-то жирной и сытной еды, не запомнил, какой, но сначала – водки. Выпил рюмку, попросил повторить. Повторил и понял, что алкоголь не берёт – слишком сильным оказалось нервное потрясение. Съел заказанное, хотел попросить третью рюмку, но услышал:

– Неприятности?

Повернулся, посмотрел на сидящую за соседним столиком женщину и угрюмо ощерился:

– Не твоё дело.

В ответ услышал сочувственное и тёплое:

– Вижу, вам очень тяжело. Попытался снова нагрубить:

– Ничего ты не видишь!

Но отшить незнакомку не получилось. В ответ на грубость женщина одарила его мягкой улыбкой:

– Я вижу боль, страх, растерянность и хочу помочь.

– Зачем?

– А ты бы не помог? – В её чёрных глазах светилась вся доброта мира. – Тебе нужно выговориться.

И Горелов понял, что незнакомка права: он должен выплеснуть накопившееся, должен избавиться, поделиться... Повертел в руке пустую рюмку и грустно – не грубо, а грустно, – сказал:

– Мне никто не поверит.

– Я поверю.
– Почему?
– Потому что вижу – твои слова идут от сердца, – она пересела за столик Горелова и протянула руку, прикоснувшись к его ладони: – Меня зовут Наина.
– Фёдор, – вздохнул Горелов, ощутив тепло женских пальцев.
– Очень приятно, Фёдор, – ласково промолвила Наина. – Расскажи, что у тебя случилось?

* * *

«Я ненавижу это глупое понятие – доверие. Такого слова нет в моём лексиконе и никогда не было, ведь доверия ищут лишь для того, чтобы обмануть. Я сам так поступал, неоднократно...

Поэтому не ищи моего расположения и уж тем более – доверия, в том, что я отдаю тебе одно из величайших сокровищ Земли. Я тебя презираю, жалкая полукровка, сгусток никчёмной пыли, но знаю, что ты распорядишься моим подарком разумно и ответственно. Потому что ты – идиот. Власть, от которой сходят с ума все, без исключения, обитатели Земли, не значит для тебя ничего. Ты вцепишься в мой подарок только потому, что он тебя увлечёт, и примешься заново познавать мир, о котором, как тебе казалось до сих пор, тебе известно всё...»

Дочитывать письмо в третий раз Виссарион не стал: пробежал глазами по первой стороне листа, исписанного резким почерком Шаба, сложил пополам, убрал в конверт и посмотрел на принёсшего послание лифтера. Пока изумлённый Обуза изучал документ, Аристотель неподвижно стоял около открытой дверцы кабины, то ли не желая, то ли не имея права далеко от неё отходить. А увидев, что Виссарион закончил чтение, улыбнулся и поднял брови.

Обуза откашлялся.

– И... – он не знал, как продолжить.

– Да, – подтвердил лифтер.

– Понятно.

Мужчины помолчали.

– Почему так долго? – неожиданно спросил книжник. – Шаб сдох не один месяц назад, почему вы не спешили с письмом?

– Я действовал в строгом соответствии с полученным распоряжением, – объяснил Аристотель. – Господин знал, что после его

смерти баалы начнут искать сокровища и рвать их на части, то есть делить по справедливости. Архив же слишком ценен, чтобы отдавать его грешникам, поэтому господин надёжно спрятал его, и теперь, когда Архив перестали искать, вы можете вступить в свои законные права.

– Что изменилось? Как только станет известно, что Шаб назначил меня Архивариусом, ко мне сразу придут баалы.

– Я не знаю, что изменилось, я просто доставил письмо, – терпеливо продолжил Аристотель. – А на словах господин велел передать, что, независимо от вашего решения, через месяц всё Отражение узнает, что вы стали Архивариусом. Он позаботился об этом.

– Древний мерзавец! – выругался Виссарион, понимая, что выхода нет: никто не поверит, что он отказался от высокой должности, и все пойдут к нему за информацией, помощью и советом – как к любому Архивариусу. Услышав отказ, решат, что требует денег, а когда поймут, что он бесполезен, – убьют.

– Прекрасно вас понимаю. – Лифтёр чуть повернулся и жестом указал на кабину. – Не желаете осмотреть свою собственность?

– Скорее уж место работы, – проворчал Обуза, входя в лифт.

– Совсем забыл попросить у вас книгу, – вздохнул Аристотель, когда кабина пришла в движение. – Иногда мне становится невыносимо скучно.

– Я приготовлю что-нибудь к следующему разу, – пообещал Виссарион.

– Буду благодарен, – улыбнулся брюнет, но последнее слово заглушил лязг – кабина остановилась. – Ваш этаж, Архивариус.

Однако дверь открывать не стал.

Обуза помедлил, понимая, что лифтёр даёт ему возможность принять окончательное решение, потом решительно надавил на ручку, распахнул дверь, сделал широкий шаг и замер, с восхищением разглядывая мрачное сводчатое подземелье, освещённое желтоватым светом редких бра, тяжёлую мебель густого красного цвета, письменный стол, удобнейшее на вид кресло в его главе, четыре искусно сделанных глобуса в человеческий рост и стеллажи... бескрайние стеллажи, уходящие далеко-далеко в подземелье, на которых стояли книги, тетради, атласы, папки с документами, блокноты – вся жизнь Отражения, подтверждённая высшими силами, каждый договор, устный и письменный, каждое обещание и каждая клятва, – всё, что было произнесено и сделано.

– Добро пожаловать в Архив, – с почтением произнёс Аристотель. – Уверен, вам здесь понравится.

«Еще одним безусловным отличием являются эмоции, которые здесь называют чувствами.

Они встречаются всегда, даже когда не нужны, потому что местная фауна испытывает в них необъяснимую потребность. Даже нормальные особи рано или поздно подвергаются воздействию эмоций.

Для меня это странно.

Было странным.

Я видел хищников, алчущих любви, безжалостных убийц, искренне мечтающих об искуплении, видел тёмных, усомнившихся в Первородстве греха и обвинённых в ереси отрицания Зла. Я видел их пред взором Древних, выхаркивающих последнюю кровь, подвергнутых таким мучениям, что морщился даже Молох, но не сдававшихся. Я видел тёмных, чья ненависть обратилась против Тьмы, и знаю, что нигде больше такое невозможно – только на Земле.

Я видел плачущих палачей и рыдающих убийц.

И я понимаю, почему Древние распорядились создать Трибунал и беспощадно карают за отрицание Зла – в противном случае эта ересь распространится по всей Вселенной...»

блог любознательного инопланетянина

Порча стонала так, что мёртвые на ближайшем кладбище вздрагивали. Порча кричала и хлестала Кросса по плечам и даже лицу, но он не отмахивался, получая удовольствие от женской агрессии. Он знал, что удары сыплются из-за невозможного, невероятного наслаждения, которое испытывает с ним девушка, и щерился в плотоядной улыбке. И продолжал своё дело, поражая Порчу неустойчивостью и фантазией. Он нависал над стройной, гибкой Ленкой, подобно скале, казалось, вот-вот раздавит её, но тяжесть лишь добавляла Порче эмоций, заставляла извиваться, кричать, визжать, кусаться и царапаться.

Потом, когда всё закончилось, обнажённая Ленка долго лежала на кровати ничком, изредка вздрагивая всем телом, затем перевернулась, неловко приподнялась на локте, дотянулась до тумбочки, раскурила сигарету, упала на подушки и, глядя в потолок, спросила:

– Ты испытываешь влечение к нашему виду или просто разряжаешься?

Поскольку в той или иной форме и из самых разных уст вопрос звучал не в первый раз, Иннокентий давно научился на него отвечать:

– Испытываю, но не ко всем. В этом отношении я ничем не отличаюсь от ваших самцов.

– Ко мне испытываешь? – поинтересовалась Порча, выпуская к потолку облако дыма.

Не могла не поинтересоваться.

– Да, – сдержанно подтвердил толстяк.

Он надеялся, что правильно разобрался в нынешней подруге и ей понравится сухой, скуповатый тон. Но ошибся. То ли Порча была настроена слишком романтично, то ли изменилась с их прошлой встречи, но ответ девушку не устроил. Она глубоко затянулась, чуть повернула голову, направив на любовника внимательный взгляд, и осведомилась:

– Всем так говоришь?

Пришлось объясняться.

– У нас всё сложнее, – гораздо мягче и душевнее ответил Иннокентий, поглаживая девушку по бедру. – Если я не испытываю влечения, то ничего не могу.

– Бывает, что не можешь? – изумилась Порча.

– Бывает, – не стал скрывать Кросс. – Когда женщина не откликается.

– То есть среди ваших самок попадают фригидные?

– Да.

– Невероятно.

Ленка, только что пережившая один из самых упоительных моментов в жизни, не могла поверить, что существуют женщины, способные остаться равнодушными к умениям толстяка.

– Они крепче вас, – попытался объяснить Иннокентий. – Жёстче. У нас всё жёстче.

– Всё равно невероятно.

Порча затушила сигарету, поднялась, потянулась и направилась на кухню:

– Белое или красное?

– Красное.

Он удобнее устроился на подушках, с удовольствием оглядел вернувшуюся девушку, с удовольствием глотнул принесённого ею вина, а когда Ленка устроилась рядом, спросил:

– Кем тебя назовут, если узнают, что ты спала со мной?

– Ты же знаешь, что Отражению плевать, – с лёгким удивлением ответила Порча. – Отражению на всё плевать.

– И Гаапу?

Она глотнула вина и, не глядя на любовника, поинтересовалась:

– Почему спрашиваешь?

– Говорят, он возглавил Трибунал и устраивает процессы по любому поводу. – Иннокентий помолчал. – Не хочу, чтобы он тебя обвинил.

– Гаапу плевать, – усмехнулась Ленка. – Он скорее заинтересуется тобой, узнав о столь выдающихся способностях.

Намёк получился настолько прозрачным, что Кросс опешил.

– Не боишься так говорить о Гаапе?

– Не секрет, что почти все Первородные – «би», – пожала плечами девушка. – Поэтому, кстати, Элизабет привечала Авадонну – он среди грешников едва ли не единственный твёрдый гетеро.

– Элизабет привечала Авадонну, потому что Шаб привечал Гаапа, – ответил Иннокентий.

– А почему Шаб привечал Гаапа? – хихикнула Ленка. Толстяк покачал головой, но через секунду тоже хмыкнул.

Они немного помолчали, после чего Порча неожиданно спросила:

– А у вас гомо есть?

– Да, – не стал скрывать Кросс.

– Пробовал?

– Я из касты воинов.

– То есть тебе нельзя?

– Нельзя.

– А было бы можно – попробовал бы?

– Не знаю.

– Хорошо, что не соврал.

Иннокентий поставил бокал на тумбочку и вполоборота повернулся к Порче:

– Кстати, я снова испытываю к тебе влечение.

– Дай отдохнуть, – с наигранной грубостью отозвалась Ленка.

Резкость была деланой, но в главном девушка не лгала – толстяк её изрядно вымотал.

– Отдыхай быстрее, – ухмыльнулся Кросс. – У меня ещё дела в городе.

– Кстати, о делах: когда ты собираешься принимать?

Порча спросила почти небрежно, но Иннокентий понял, что она нервничает и вопрос для неё важен.

– Расскажи, что случилось, – тихо и очень серьёзно попросил он в ответ. – Я ведь сразу понял, что ты не в своей тарелке.

– Заметно?

– Заметно.

Порча закурила ещё одну сигарету, помолчала, сделала пару затяжек, потом ответила:

– Сестру убили. – Пауза. – А я никак не могу отыскать убийцу.

– Но ты ищешь, – уточнил Кросс.

– Ты меня знаешь – я не остановлюсь.

– Парню можно только посочувствовать, – без улыбки произнёс Иннокентий, а следующий вопрос задал предельно деловым тоном: – Что у тебя есть?

– Зло её убийства, одежда, которая была на ней во время смерти, земля, на которую упала её кровь...

– Как была убита твоя сестра?

– Он разорвал её куртку, свитер и футболку, – голос Ленки дрогнул. – И вырезал сердце.

– Сердце для убийцы важно?

– Главный приз, – помедлив, ответила девушка. Помедлила не потому, что не знала, а потому, что ей трудно было отвечать. Трудно было думать о том, что её младшую сестру зверски убил проклятый Сердцеед. Трудно, потому, что когда Порча вспоминала Ольгу, она вспоминала белый гроб посреди мрачного московского двора...

– Если убийца искал сердце твоей сестры, он брал его голыми руками, – пробормотал Кросс. И распорядился: – Давай футболку.

* * *

Последний этаж самого высокого в округе дома, окна выходят на большой лесной массив, вытекающий далеко за МКАД – Порча давно отвыкла задёргивать шторы днём. На ночь – конечно, днём – необязательно, и потому зависший напротив спальни дрон с видеокамерой на борту без помех заснял их с Иннокентием игры. От первого до последнего жеста, каждый стон и каждый вскрик. Картинка поступала на монитор Авадонны в режиме онлайн, карлик видел происходящее во всех подробностях и в какой-то момент даже заинтересовался, внимательнейшим образом наблюдая за новыми для себя приёмами.

Затем отвёл дрон от окна и набрал номер Гаапа.

– Друг мой, у нас проблемы.

– Опять? – рассмеялся тот, но тут же смолк, услышав:

– В Москву приехал Иннокентий Кросс.

Ястребиный вздохнул и стал серьёзным:

– Откуда знаешь?

– Его видели в городе.

На самом деле о появлении толстяка Авадонне доложили агенты: вахтёр «Калоши» и бармен «Калоши», но Авадонна не собирался их сдавать и потому отделался общей фразой. Гаап, в свою очередь, понял, что карлик информатора не раскроет, давить не стал и поинтересовался:

– Где Иннокентий сейчас?

– Уехал с Порчей.

– К ней?

– Я ещё не проверял, – соврал Авадонна. А чтобы собеседник не сосредоточился на ответе, тут же спросил: – Интересно, как мог Иннокентий узнать о Безликом?

– Иннокентий приехал не за Безликим, – выдержав паузу, сообщил Гаап.

– Откуда знаешь? – удивлённо повторил вопрос Ястребиного карлик – заявление собеседника стало для него неожиданностью.

– Не только у тебя есть информаторы, – самодовольно произнёс Гаап, но на вопрос ответил: – Молох велел Кроссу отыскать Мастера Камнетёса.

– Скульптора?

– Письменника.

Изумлённый Авадонна не удержался – присвистнул:

– Письменник пропал?

– Да, – подтвердил Гаап.

– В Москве?

– Его ищут по всему Отражению... Неужели не слышал?

– Нет.

– Об этом помалкивают, – сообщил Гаап, безумно довольный тем, что наконец-то умыл всезнайку-карлика. – Письменник исчез в Европе вскоре после гибели Древних, и Молох считает, что эти события связаны.

– Я бы тоже так считал, – проворчал Авадонна. – Почему Молох прислал Иннокентия к нам?

– Кросс объездил весь континент. Москва – его последний пункт.

– А у нас как назло пропала Учётчица... Это обстоятельство наверняка вызовет подозрение Молоха.

– Я тоже об этом подумал, – согласился Гаап. И приказным тоном закончил: – Авадонна, обеспечь постоянную слежку за Иннокентием. Не хочу, чтобы он помешал нашему замыслу.

– Даже если Иннокентий прибыл в Москву по другому делу, он всё

равно прознает о Безликом, – угрюмо произнёс карлик. – Это не случайность, а промысел.

* * *

Нелегко приходится органику, человеку, питающемуся светлой энергией Дня, в переполненном Тьмой мире. Там, где Зло со вкусом догрызало последних противников, обращая на свою сторону даже лучших, высших, имеющих силу бороться, но жаждущих больше, чем готов дать День. Все думали, что после грандиозной Битвы Богов состоится не менее страшное сражение между органиками и грешниками, между Днём и Тьмой, но Первородные оказались хитрее. Они поддались, пустив органиков в города, отдав им реальную власть и признав День равным. Первородные сказали, что следующая Битва уничтожит планету и нужно учиться жить рядом. Органики согласились, потому что принципалы не поняли очень важную вещь: грешники измениться не могут.

И с тех пор мир стал темнеть.

Не быстро, чтобы не смущать высших органиков, но неотвратимо, и сколько Бри себя помнила, вокруг постоянно становилось темнее, жёстче и злее. Мир безжалостно выворачивал обитателей наизнанку, бормоча: «Ну, потерпи, потерпи, обязательно станет лучше...» Но лучше не становилось. А после того как мимо Земли промчалась Проклятая Звезда, окунув планету в бурные потоки Ша, Отражение окончательно рехнулось. Показалось, что гнусная порча сожрала пыльное зеркало, отравила амальгаму ядом подлости и теперь кривляется с той стороны, показывая исключительно чудовищ.

Но это, как выяснилось, были цветочки...

Неожиданная и необъяснимая гибель Древних, которых Бри ненавидела всей душой, заставила мир покатиться в тартарары с удвоенной скоростью: баалы готовили войну, принципалы не мешали, о богах, после Битвы, никто не слышал, и остановить приближающийся Армагеддон оказалось некому.

Мир темнел на глазах, и особенно города, которые изначально Ша, потому что камень особенно красив во Тьме. Чернела даже Москва, хотя считалась одним из самых «органичных» городов, ибо местные принципалы традиционно держались с баалами на равных.

Раньше.

Теперь всё менялось, и Бри старалась держаться подальше от больших

городов, предпочитая жить ближе к природе, благодаря чему накапливала больше сил и выглядела гораздо лучше, чем жители камня. Выглядела так хорошо, что молодой пограничник не удержался и с улыбкой спросил:

– Надолго к нам?

Спросил по-русски, позабыв, что держит в руке американский паспорт. А задумавшаяся Бри машинально ответила:

– На неделю.

Совсем без акцента. И они замолчали, глядя друг на друга.

– Я – журналистка, – улыбнулась пришедшая в себя женщина. – Прислали в командировку.

– Понятно, – пограничник улыбнулся в ответ, и из его взгляда исчезла подозрительность.

Всё-таки хорошая внешность – лучший аргумент для прохождения границы. А с внешностью у Бри всё было в порядке: среднего роста, с прекрасной фигурой, она обладала удивительно приятным, открытым лицом, располагающим к себе с первого взгляда. И влюбляющим в себя с первого взгляда. И не только влюбляющим: лицом Бри владела мастерски, могла одной лишь мимикой отогнать бандита или заставить судорожно забиться сердце закоренелого гомосексуалиста.

– Добро пожаловать в Россию.

– Я обожаю вашу страну, офицер.

Она улыбнулась и прошла через открывшуюся калитку.

Ей действительно нравилось бывать в Москве, но она ни разу не приезжала сюда без дела. Вот и сейчас её связывал контракт – странный, опасный, но необычайно выгодный.

Заказчик контракта пожелал остаться неизвестным, но это его право. Бри не знала, за что он так зол на грешников, но это тоже было его право. И её право. Бри ненавидела Первородных – без исключения, от всей души, и с радостью согласилась на контракт, от которого любой другой органик бежал бы со всех ног.

Авадонна знал, к кому обратиться.

* * *

«Как так получилось? Почему?!»

Чуть позже, задавая себе этот вопрос, Фёдор лишь качал в ответ головой, искренне не понимая, какая сила заставила его поступить именно таким образом, но в тот день происходящее казалось Горелову

естественным.

Поэтому всё получилось само собой.

Как это бывает у нормальных взрослых людей.

Они долго разговаривали с Наиной за столиком кафе. Ну, как разговаривали: он изливал душу, она слушала, не перебивала и лишь изредка вставляла вопросы и замечания, мягко поддерживая беседу. Наина умела слушать, и в какой-то момент Фёдор поймал себя на мысли, что очень давно не выговаривался, не делился искренне тем, что накопело и наболело. Подумал, и ему стало хорошо. Как в тот момент, когда Наина взяла его за руку...

Так же хорошо...

Непонятно, почему...

Рассказ Горелов начал с самого страшного, прошептал: «Она хотела умереть! Честное слово! Сама направила нож себе в сердце! Но кто мне поверит?» Вдохнул, с трудом удержав в горле комок – при воспоминании о смерти Алисы ему хотелось плакать, – сбился и начал говорить о семье, о том, как ценит Оксану, детей и как боится их потерять. Потом вновь перескочил на Алису, назвал себя подонком и предателем, снова едва не заплакал, хотел заказать водки, но передумал и продолжил говорить.

Заказал чай.

И понял, что ему хорошо и тепло рядом с этой внимательной, понимающей женщиной, которая совсем не походила ни на Оксану, ни на Алису. Наина была яркой брюнеткой с коротким каре, которое идеально ей шло. Стройная, хрупкая, даже слегка угловатая, она относилась к тому типу женщин, которых Фёдор до сих пор не привечал, но чем дольше они сидели рядом, тем женственней казалась ему Наина. Горелов стал обращать внимание на лёгкую улыбку, которая то и дело скользила по её тонким губам, заметил бьющуюся на шее жилку – такую трогательную, нежную, но особенно ему понравились глаза Наины – блестящие, манящие и чёрные, отражающие мир в полумраке грёз...

Горелов поверил этим глазам и потому рассказал об убийстве с самого начала и во всех подробностях, не упустив ни одной детали своего пребывания в квартире жёлтого дома. А когда закончил, Наина вновь прикоснулась к его руке и прошептала:

– Она этого хотела.

– Кто? – не понял Фёдор.

– Алиса, – объяснила женщина. – Каждый человек волен распоряжаться своей смертью, это его полное право. Одни безвольно ждут, когда она явится, ждут со страхом, с надеждой, что о них забудут и

никчемная жизнь продлится вечно. Другие устают от старости или болезни, или теряют волю по иным причинам и сами призывают смерть, встречая её с облегчением. Удел третьих – подвиг, гибель во имя высшей цели. Он ведь тоже добровольный...

– Алиса хотела умереть! – перебил женщину Фёдор.

– Значит, ты ни в чём не виноват.

Утверждение прозвучало так просто и так точно, что Горелов удивился тому, что оно до сих пор не приходило ему в голову. Он ни в чём не виноват! Это очевидно всем, кто внимательно выслушает его рассказ! Алиса покончила с собой, то ли устав от жизни, то ли во имя подвига, но суть в том, что он – даже не орудие Судьбы, он просто оказался рядом.

Настроение улучшилось настолько, что Фёдор наконец-то заметил, что во время разговора они с Наиной постепенно двигались друг к другу, и теперь их стулья оказались совсем рядом. Их плечи касаются, а руки сплетены. Он чувствует запах её волос. Она не держит, а нежно поглаживает его руку.

Остывший чай никого не волнует.

Волнует другое...

Горелов кашлянул. Наина улыбнулась, а потом повернула голову, потянулась и мягко поцеловала его в шею.

Подразнив.

И вызвав прилив необыкновенного вожделения.

– Вот уж не думал, что наш разговор закончится таким образом, – тихо произнёс Фёдор, лаская женщину взглядом.

– Наш разговор оказался прекрасной прелюдией, – прошептала она в ответ.

– Согласен.

– Но мы не сможем сделать в баре то, о чём думаем.

– А о чём мы думаем?

– Мы думаем об одном и том же. – Она прильнула к Фёдору, но не вульгарно, как это делает исполнительница приватного танца, а нежно, доверчиво, искренне даря своё тепло. – Я живу рядом. У меня ты сможешь отдохнуть, и мы вместе подумаем, что делать дальше.

– Хорошая идея.

Горелов бросил на стол несколько купюр, они вышли из кафе и, взявшись за руки, направились вверх по улице. Идти и впрямь оказалось близко: один дом к центру, потом в переулок, ещё два дома, во двор, в подъезд, лифт на шестой этаж... А когда за их спинами захлопнулась дверь квартиры, Фёдор подхватил Наину на руки и впился в её тонкие губы так,

словно хотел выпить женщину досуха.

А может, и хотел – в тот момент она сводила Горелова с ума.

Наина ответила столь же страстно, и Фёдор с головой нырнул в ураган эмоций и чувств, яростной страсти, болезненной, дикой, сладкой. Мир за пределами квартиры перестал существовать. Всё затмило Желание. Именно так – с большой буквы. Он хотел и жаждал. Он готов был разорвать и разорваться на части. Он мог всё и сколь угодно долго. Наина стонала, рычала и выла в его руках, царапала ему спину и плечи, кусала в шею и целовала так, что ему становилось жарко. Сколько прошло времени – неизвестно. Он потерял ему счёт и женщина тоже. Он потерял счёт тем местам, где они наслаждались друг другом: в прихожей и ванной, в спальне и гостиной, на полу, на диване, в кресле, на подоконнике... Цель была в том, чтобы довести себя до полного иступления, и цель была достигнута. Фёдор превратился в безудержную машину, но встретил достойную женщину.

Он грезил упоительным финалом.

И финал случился.

На кухонном столе, куда они добрались в конце концов. Она обессилела. Он оставался яростен и усиливал напор. Она почти плакала, он наседал. И в тот миг, когда Фёдор вдруг заторопился, предвкушая изумительную вспышку, Наина достала нож.

Протянула его рукоятью вперёд, не останавливаясь и продолжая двигаться в такт Фёдору.

Молча.

Лишь постанывая от острого наслаждения.

И глядя ему в глаза так, что Фёдор понял: решение принято.

Нет! В тот момент он уже ничего не понимал. Он делал то, что должен, без сомнений и колебаний. Продолжая двигаться – всё быстрее и резче, – он принял у Наины нож, перехватил его в две руки, медленно поднял над собой и в тот момент, когда из его глотки вырвался рёв, уверенно вонзил клинок в сердце женщины.

Замер, тяжело дыша, бросил нож на пол, отстранился и направился в ванную. Неспешным, немного усталым шагом. Ополоснулся, вышел посвежевший, вытерся полотенцем, оделся и ушёл.

* * *

«Моё умение кажется чудом, но это всего лишь особенности

организма, результат долгой эволюции в условиях моей родной планеты. Аммердау – суровый мир, в нём обитает всего один разумный вид, зато полным-полно хищников, и, чтобы выжить, необходимо постоянно оставаться начеку. В результате, за тысячи и тысячи лет естественного отбора мой вид постепенно приобрёл комплекс умений, который земная фауна обозвала странным словом «принюхиваться». Я не отрицаю – распознавание запахов играет в моём умении важную роль, но в целом оно намного сложнее простого обоняния. Я улавливаю звуки, даже едва различимые, я могу связать звуки с запахами и «расставить» их по карте, которую держу в голове. Я умею увязывать звуки и запахи с формой и понимаю, кого чувствую на расстоянии. Я не принюхиваюсь, а «рисую» отражение мира у себя в голове, но ограниченность земной фауны не позволяет ей это осознать...»

блог любознательного инопланетянина

– Мне нравится Москва, – произнёс Иннокентий, стоя на самом краю крыши. – Она и старая, и новая. Её пытались отравить эклектикой, в ответ её стошнило постмодерном. Она сотни лет отбивалась от Ша куполами, а потом их начали рубить, как головы, но не справились. Здесь идёт постоянная война, но она помогает городу жить и хранить себя в вечности. Москва впитала смерть, но не страх смерти, и порой кажется, что сам её камень противится Ша.

– Здесь больше нет сорока сороков церквей, – негромко сказала Порча.

– Их всё ещё достаточно, – качнул головой Кросс. – Всё ещё достаточно...

Дом, где жила Ленка, располагался не в центре, но был весьма высок, и с его крыши открывался отличный вид на город. А сегодня, когда облака разбежались, – почти на весь город, и лишь далёкие окраины терялись в тёмной дымке приближающейся ночи, отзываясь на взгляд Иннокентия едва заметными блёстками освещённых окон. Город стелился под ногами толстяка именно так, как требовалось ему для работы.

– Я никогда не видела, как ты принюхиваешься, – заметила Порча.

– Может, и не надо? – усмехнулся в ответ Кросс.

– Почему?

– Не всем нравится.

– Вряд ли что-нибудь способно изменить моё отношение к тебе.

– Посмотрим...

Он достал из внутреннего кармана плоскую коробочку, по виду – портсигар, потянулся к защёлке, но замер, вспомнив обещание, вернул портсигар обратно и попросил:

– Давай одежду.

Порча протянула испачканную кровью футболку, Иннокентий осторожно взял её в руки, оглядел, поднёс к лицу и закрыл глаза. Помолчал, глубоко дыша и всасывая пропитавшие футболку запахи: крови, пота, смерти, ужаса и убийцы, опустил руки, «переваривая» полученную информацию, а когда закончил, из его головы медленно поползли чувствительные усики: три десятка длинных, с полметра каждое, покрытых бесчисленными щетинками усика.

– Чёрт! – едва слышно прошептала девушка.

Иннокентий вновь глубоко вздохнул, и усики пришли в движение: одни медленно описывали плавные линии, при этом ухитряясь не сталкиваться между собой, другие дрожали, целясь в разные стороны, третьи замирали, вытянувшись в струну, и оживали только для того, чтобы чуть-чуть сместить положение.

Зрелище получилось не для слабонервных: толстяк стал настолько бледен, что в какой-то момент показалось, будто он умер и продолжает стоять на ногах лишь по воле притаившегося внутри чудовища, и потому Порча вздрогнула, услышав голос:

– Запах убийцы слишком слабый или слишком обыкновенный. Он теряется... Я не чувствую твоего врага. Извини.

– Признаться, я не особенно надеялась, – ответила Ленка, забирая футболку и бережно укладывая её в пластиковый пакет. – Он очень, очень осторожен.

– Ты его найдёшь, – усмехнулся Иннокентий, вновь доставая портсигар.

На этот раз толстяк раскрыл золотую вещицу, и Порча увидела два ряда маленьких, плотно запечатанных пробковыми крышечками пробирок с жидкостями разных цветов.

– Это запахи тех, кого я ищу, – объяснил Кросс. Он по-прежнему держал глаза закрытыми, но знал, что девушка заинтересовалась. На ощупь выбрал одну из пробирок, поднёс к ноздре, едва-едва, на миллиметр приподнял крышку и глубоко вздохнул.

Усики вновь пришли в движение. И вновь – ненадолго. Судя по всему, плохие новости Иннокентий узнавал быстро.

– Не чувствую, – разочарованно протянул он, возвращая пробирку в портсигар. – То ли Письменника здесь нет, то ли его очень хорошо прячут.

– От тебя можно спрятаться? – искренне удивилась Порча.
– Можно, – кивнул Кросс. – Трудно, но можно.
– Чем этот Письменник важен?
– Тем, что способен выстроить идеальную крепость, – ответил толстяк, продолжая водить усиками по сторонам. – А значит, его исчезновение – плохой знак.

– Война близко?

Иннокентий понял, что сказал слишком много, и повернул лицо к девушке. Но не открыл глаза. Впрочем, ему и не требовалось: чувствительные усики позволяли аммердау ощущать и представлять происходящее с невероятной точностью. Тем более – на столь близком расстоянии.

Порча улыбнулась:

– Ты ведь знаешь, что я тебя не предаю.

– Знаю, – усики вновь пришли в движение. – Я не чувствую Письменника, но исчезла Учётчица, что весьма подозрительно... – Пауза. – В Москве идёт строительство?

– В Москве всегда идёт строительство.

– Что-нибудь большое?

– Насколько большое? – попросила уточнить Ленка. – Дом? Микрорайон? Стадион? У нас построили несколько стадионов, а за городом лепят один многоэтажный квартал за другим.

– За городом меня не волнует... Стадионы хороши как бастионы, то есть могут являться частью оборонительных сооружений... Нет, должно быть нечто более глобальное, чем стадион, но внутри старых защитных линий.

– Гаап возвёл зиккурат на Садовом.

– Его уже проверили, и Молох убеждён, что Письменник не участвовал в строительстве. И опять же – это не крепость, а в лучшем случае цитадель.

– Тогда что тебя интересует?

– Нечто большее... – Толстяк помолчал. – В своё время стена должна была пройти по вашей кольцевой дороге, для этого её и начали реконструировать, но старый принципал умер, на трон сел малолетний идиот, власть Молоха стала почти абсолютной, и он запретил возведение стены. Ваш большой город сейчас совершенно беззащитен.

– А потом Авадонна, благодаря близости к Элизабет, подвинул Молоха...

– Называй вещи своими именами: потом Авадонна и Гаап

вышвырнули Молоха из Москвы, – усмехнулся Кросс. – Их союз был идеален: карлик обеспечивал прикрытие со стороны Древних, Ястребиный действовал. Но сейчас Гаап стал старшим партнёром...

– И ждёт Молоха с войной?

Иннокентий развёл руками, показывая, что всё возможно, а затем его усики задрожали, заволновались, и толстяк резко повернулся в сторону старого центра.

– Ты кого-то почувствовал? – оживилась Порча.

– Пожалуйста, тихо! – Он снова достал портсигар, перебрал пробирки, приоткрыл одну, принялся, улыбнулся и удивлённо поднял брови.

– Ого!

– Ты нашёл Письменника?

– Нет, – ответил Кросс, продолжая буравить пространство встревоженными усиками. – Но кажется, я смогу немного заработать.

* * *

Адреса и фотографии невест, верой и правдой служащих Древним, Бри получила от таинственного заказчика. Не всех невест, разумеется, а только тех, кто подходил под перечисленные наёмницей критерии возраста и внешности – тех, чьи образы Хамелеон могла использовать. С кого начинать, Бри было абсолютно всё равно, и потому она выбрала ближайший к Смирению адрес. Доехала до нужной станции метро, дальше пешком, благо идти совсем рядом, но ещё на улице почувствовала неладное, а войдя во двор, убедилась, что предчувствия не обманули: у подъезда стояли карета «Скорой помощи», полицейский автомобиль и серый фургон-труповозка.

«Интересно...»

Бри плавно влилась в небольшую толпу зевак, несколько минут просто стояла, внимательно прислушиваясь к идущим вокруг разговорам и давая возможность окружающим привыкнуть к себе, одновременно изучала их, выбирая самого болтливого, переместилась к нему и поинтересовалась:

– Что случилось?

– Старую Наину с шестого этажа убили, – поведал мужичок в спортивном костюме, обрадованный появлению нового слушателя.

– По-настоящему убили? – ахнула Бри.

– Ножом зарезали!

– Грабитель?

– Наверное.

– Никакой не грабитель, – пробубнила дородная женщина, явно недовольная тем, что Бри обратилась не к ней. – Любовник Наину зарезал.

– Фаине сто лет в обед, – напомнил спортивный костюм. – Какой у неё может быть любовник? В себя приди, Элеонора!

– Во-первых, не сто, а семьдесят пять, – холодно сообщила женщина. – А во-вторых, мне участковый шепнул, что Наину нашли голой. – Элеонора высокомерно вскинула голову и, наслаждаясь произведённым эффектом, добавила главную деталь: – На кухонном столе!

– Глупость какая, – не сдержалась молодая мама, покачивающая коляску с дремлющим младенцем. – Какой кухонный стол? Наина была старая.

– Семьдесят пять лет, – повторил спортивный костюм.

– А зачем участковому врать? – пожала плечами Элеонора. – Он сам в шоке, не ожидал такого от нашей старушки.

– Ох.

«Любопытно...»

Бри, медленно пятясь, отошла от зевак – поглощённые разговором, они её манёвра не заметили, – после чего спокойным шагом вышла на улицу и повернула к станции метро.

В совпадения Хамелеон не верила, и потому смерть первой цели вызвала у неё логичный вопрос: «Что происходит?» Вариантов ответа было ровно два. Первый: кто-то ведёт игру одновременно с заказчиком, второй: происходящее гораздо серьёзнее, чем ей представили.

Второй вариант таил в себе множество угроз, но Бри решила не отступать. Она отправилась по следующему адресу – в дом на Шереметьевской улице, – позвонила, а когда услышала за дверью шаркающие шаги, негромко произнесла:

– Я говорю голосом Гаапа.

Как заказчик и обещал, дверь открылась сразу, и перед Хамелеон предстала древняя, под сотню лет, старуха в халате неприятного цвета.

– Что нужно Гаапу? – прошамкала она, недружелюбно разглядывая гостью.

Вместо ответа Бри шагнула в прихожую и, продолжая движение, плавно и предельно точно вогнала под сердце старухи длинную тонкую спицу. Старуха коротко вздохнула, но и только – ни кричать, ни сопротивляться она уже не могла.

– Спица смазана токсином, – холодно произнесла Бри, одной рукой удерживая ошарашенную жертву на спице, а другой закрывая дверь. – Если

хочешь жить и дальше служить нашим Древним господам, скажи, за что вас убивают. И я дам противоядие. – Подумала и добавила: – Я – друг.

Несколько секунд старуха с ненавистью таращилась на Хамелеон, но жажда жизни победила, и она проскрипела:

– Нас не убивают.

– Я видела мёртвую Наину.

– Ты видела, но ничего не поняла. Сестра Наина принесла себя в жертву ради высшей цели.

– Какой?

– Мы поднимаем Безликого.

Бри не сразу поняла, о чём говорит старуха, а когда сообразила – не смогла сдержать изумлённого восклицания:

– Безликий мёртв!

– Жив! – рассмеялась старуха. – И скоро у Земли будет новый хозяин! – А в следующий миг смех превратился в кашель. С кровью. Старуха покачнулась и потребовала: – Противоядие!

– Не сегодня, – отмахнулась Бри.

И отступила на шаг, позволив жертве рухнуть на пол.

Итак, ответ получен – чокнутые невесты готовят возвращение Древних. Заказчик узнал об этом и нанял Бри, чтобы не допустить воцарения Безликого.

– Ну, что ж, я не против, – усмехнулась Бри. – Я только «за».

Хамелеон уселась перед старым трюмо, обмакнула пальцы в крем, который принесла с собой, и стала мягкими, уверенными движениями массировать лицо, начиная со лба. На глазах превращаясь в страшную, морщинистую старуху – точную копию убитой.

* * *

Отражение...

Оно возникает каждую секунду, каждое мгновение и обогащает мир новым взглядом, новым светом или новой тенью. Отражает мир в глазах и воде, зеркалах и окнах, и в миллионах искусственных глаз – в объективах видеокамер, бесстрастно, без души, но с фотографической точностью. Камеры слежения, камеры наблюдения, камеры измерения скорости... Стационарные и на дронах, в смартфонах и автомобилях, связанные с сетью или связанные с сетью втайне от хозяина, они формировали новый мир – лишённый тайн.

Открытый, но не свободный.

Мир искусственный, неживой, лишённый силы, но копирующий всё вокруг.

Мир, который Авадонна знал досконально.

– Интересно, куда же вы идёте, – пробормотал он, наблюдая за перемещениями Порчи и Кросса.

Дрон сейчас находился в резерве, а передвижение подопечных Авадонна контролировал с помощью уличных видеокамер – специалисты «mystiPlex» подключались к городским сетям без труда, в любое время дня и ночи, позволяя карлику не выпускать объекты из поля зрения.

– Кого же ты нашёл?

Карлика так увлекло преследование, что он уже собрался направить к Иннокентию настоящих агентов, но не успел – зазвонил телефон. Авадонна чертыхнулся, достал трубку, намереваясь сбросить звонок, однако увидев, кто пытается до него добраться, чертыхнулся ещё раз, но ответил:

– Что-то важное, Виссарион?

По тону карлика книжник понял, что позвонил не вовремя, но твёрдо ответил:

– Поверьте – очень.

– Я весь внимание, – вздохнул Авадонна, не отрывая взгляд от монитора.

– Я завершил перевод дневника.

– Как я понимаю, главное мы уже услышали.

– Как выяснилось – нет.

Карлик нахмурился:

– Обнаружил что-то важное?

– Я бы даже сказал: чрезвычайно важное.

Авадонна знал Обузу не один десяток лет и прекрасно различал оттенки его голоса. Он понял, что Виссарион необычайно взволнован, отвлёкся от наблюдения за парочкой и сделал несколько шагов по кабинету:

– Говори.

– Послушайте цитату из дневника, – книжник откашлялся и принялся громко читать, без выражения, но чётко произнося каждое слово: – «Я часто думаю над словами, которые бросил Безликий во время обращения в сгусток. Они преследуют меня. Они стали мне сниться – слова. Я не делился ими с Элизабет, но записал, чтобы не забыть, ибо теперь мне кажется, что Безликий пророчествовал, хотя и говорил совершенно невозможные вещи. Он говорил, что мы с Элизабет будем убиты... Убиты! Что может быть глупее? Поэтому я рассмеялся... Но дальнейшие слова

Безликого, его предсказание о том, каким станет мир после нашей смерти, не выходят у меня из головы...»

– Где текст Пророчества? – перебил Виссариона карлик.

– В дневнике его нет, – ответил Обуза. – Вам досталось много книг и записей из особняка Древних?

– Оригинальных – не очень, но я был первым в архиве Элизабет и успел скопировать почти всё. – Авадонна помолчал. – Я доставлю тебе всё, что сочту подозрительным. Я хочу прочесть пророчество Безликого, а ты... – карлик выдержал многозначительную паузу, – а ты должен молчать.

– Авадонна, вы меня знаете: я буду молчать, и если мы найдём Пророчество, и если мы его не найдём, – отозвался Обуза. – Вы можете на меня положиться.

Карлик улыбнулся и с необычайной для высшего Первородного мягкостью произнёс:

– Иногда мне кажется, что я могу положиться только на тебя, Виссарион.

Отключил телефон и вновь повернулся к монитору, продолжив наблюдение за путешествием Кросса и Порчи.

* * *

– Мы не успели совсем чуть-чуть, – пробормотала Ленка, на мгновение присев и прикоснувшись к руке трупа. – Час, может, два.

– К сожалению, я могу определить местонахождение объекта со значительной погрешностью, – печальным тоном произнёс Иннокентий.

– Твои способности велики, – не согласилась Порча. – Я не знаю, кем нужно быть, чтобы унюхать Бри в таком огромном городе, как Москва.

– Инопланетянином.

– Да, точно. Я и забыла.

Толстяк ответил девушке улыбкой.

Им пришлось обыскать четыре дома по Шереметьевской улице – в каждом подъезде Иннокентий выпускал усики и принюхивался, пытаясь определить, в какой квартире побывала Хамелеон. В конце концов Кросс указал на нужную дверь, Порча вскрыла её, они прошли в комнату и увидели мёртвую старуху.

Иннокентий крикнул, а Ленка склонила голову набок, помолчала, изучая рану, и заключила:

– Спица.

Дополнительных объяснений толстяку не требовалось. Он снова крякнул и пробурчал:

– Оружие мастера.

– Хамелеон очень опасна, – кивнула Порча, продолжая оглядывать старуху. – Зачем она тебе?

– Татум Зур объявила награду за её голову, – ответил Кросс. – Но доставить Бри нужно только живой.

– Хамелеон очень опасна, – ровно повторила Порча.

– Только живой, – хмыкнул толстяк. – Иначе Татум объявит награду за голову её убийцы. – Он очень ловко, с неожиданной для его сложения сноровкой, прошёл в комнату, присел возле трупа и качнул головой: – Зачем она убила старушку?

– Это не старушка, – ответила Ленка.

– В смысле? – не понял Иннокентий. – Я не должен верить своим глазам?

– В смысле: это не просто старушка, насекомое, – усмехнулась Порча и указала на виднеющийся из-под халата краешек чёрной татуировки. – Она – невеста Древних.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Гм... – Кросс покачал головой. – Все знают, что Бри ненавидит Первородных, но зачем она стала убивать невест? – Он поднялся, вновь выпустил усики, но глаза не закрыл, огляделся, одновременно «прислушиваясь» к поступающей информации, и указал на трюмо: – Бри сидела там, перед зеркалом, сидела довольно долго и пользовалась магическими препаратами.

– Думаю, она принимала облик убитой, – прищурилась Порча.

– Чтобы проникнуть в Смирение, – кивнул Иннокентий.

– Возникает вопрос: зачем?

Несколько секунд толстяк и девушка смотрели друг на друга, после чего Ленка протянула:

– Ей что-то нужно, насекомое. Бри убила не из ненависти, а по необходимости.

– Согласен. – Кросс широко улыбнулся и поинтересовался: – Где находится московское Смирение?

– Виталик!

Парень повернулся на оклик и широко улыбнулся, увидев подругу. А вместе с парнем повернулся и Фёдор, причём так резко, словно окликнули его, и вперился взглядом в девчонку.

– Машка!

– Привет!

Молодые ребята – парню чуть за двадцать, девушка моложе, лет восемнадцати-девятнадцати, – обнялись и поцеловались. Видимо, не виделись с утра и страшно соскучились друг по другу, потому что сразу, не разрывая объятий, принялись что-то бурно обсуждать: то ли планы на вечер, то ли делаясь впечатлениями о прошедшем дне.

Молодые люди...

Какое ему дело до них? Почему он отозвался на чужое имя?

А через секунду Фёдор понял, почему. Точнее, сообразил, что отозвался не на имя, а на голос. И на площадь Маяковского явился именно для этого: услышать голос, повернуться и увидеть девчонку. Горелов не знал, кто она, но должен был её увидеть и запомнить.

Это было важно.

«Машка... Маша... Мария... Марси».

Фёдор поймал себя на мысли, что знает чуть больше, чем парень по имени Виталик. Он уже знал, что скоро девушка попросит называть себя Марси. Станет задумчивой. Будет плохо спать... Сделается странной...

Скоро Марси изменится.

«И мы обязательно увидимся... – улыбнулся девушке Фёдор. – Обязательно».

Он проводил парочку взглядом – они сели в недорогой седан, кажется, корейский, – и медленно пошёл по Садовому в сторону зиккурата, чувствуя, что старый город дрожит перед ним, как напуганная шлюха: раскинулся, податливо разведя каменные ляжки, готовый на всё, но дрожит, боится, что новый хозяин потребует страшного. Город хныкал накрапывающим дождиком и просил не издеваться.

Город покорился.

Фёдор чувствовал – город покорился.

И не только город. Что-то изменилось за две последние ночи и в городе, и в мире. Мир услышал нечто новое и нечто настолько неожиданное, что боязливо притих, пытаясь понять, что будет дальше. И опасаясь того, что будет дальше. Ни День, ни Отражение не могли пока точно сказать, что именно приближается, но чувствовали, что гроза близко. Чувствовали в набросившейся на прохожих собаке. В злых порывах ветра.

В жестокой драке, возникшей на оживлённом перекрёстке между двумя водителями. В шорохе деревьев, ставшем похожим на смертоносные заклинания.

Мир насторожился.

А Горелов изучал мир и город, как рачительный хозяин присматривается к новому дому. Смотрел на камни, мимоходом решая, нравятся они ему или нет, смотрел на людей, которые станут ему служить, и на отражения, что поблёскивали вокруг, не рискуя приближаться и менять мир своей ложью.

Он знал, что мир изменится из-за него.

Он не знал, почему.

Пока не знал...

И в какие-то мгновения сомневался в том, что ему этого хочется. Фёдор ощущал, что поднимается над миром, но при этом теряет себя. Догадывался, что обретёт невиданное, невозможное могущество, но при этом потеряет себя. Жаждал стать тем, кем суждено, но боялся потерять себя. Он видел грядущее величие, но знал, что первым словом прикажет казнить свою семью.

Свою нынешнюю семью.

Свою прошлую семью.

Он знал, что любит жену и детей, но в какие-то мгновения терял смысл понятия «любовь».

Он сомневался, но шёл туда, где должен был оказаться.

Мимо зиккурата, дальше, по эстакаде, поднявшись к Сухаревке, а затем спустившись к углу Садовой-Спасской, где мрачной, выбравшейся из-под земли печатью встала стена тёмного металла теней, безмолвно кричащих то ли от ужаса, то ли эхом повторяя летящие из Смирения молитвы. Обращённые то ли к Древним, то ли к грешникам, вцепившимся в настоящее...

Не доходя до стены, Фёдор свернул к дому и подошёл к не приметной дверце, возле которой его ждали три древние старухи в чёрных одеяниях.

* * *

Это слово назначила Элизабет – Смирение.

Легенда гласила, что однажды во дворец Древних явились обожающие подданные и униженно попросили дозволения строить храмы в честь владык и повелителей, дабы молитвы и восхваления хозяевам планеты

неслись из всех её уголков. Сначала Шаб хотел казнить презренных, принял Истинный Облик и затоптал то ли сотню, то ли тысячу просителей, но те продолжали преданно умолять, и Шаб развеселился, принялся брать их жён прямо на площади, на глазах почитающего народа. В ответ же слышал громкие молитвы. И глядя на безумие их верности, Элизабет повелела назвать храмы Смирением. А Шаб, несмотря на собственные наклонности, но видя неудовольствие жены, повелел служить в них только женщинам.

Таким получился закон.

Смирения стали центрами поклонения и безудержной преданности Древним, личным развлечением Шаба и объектом его бесчисленных шуток. Случалось, он устраивал в Смирениях затяжные оргии. Случалось – полностью уничтожал, наслаждаясь безропотной кровью невест. Испытывал на них новые яды и казни, отдавал солдатам... получая взамен лишь почитание и верность.

Невесты сносили всё, потому что принимали бога таким, какой он есть – Древним. В их мироздании Древние являлись и центром, и смыслом, невесты не видели Землю без хозяев, и после смерти Шаба и Элизабет делали всё, чтобы отыскать нового владыку.

Ибо таким был закон.

– Они отлично украсили заведение, – хихикнул Гаап, разглядывая главный зал Смирения. – Безликому понравится.

Древнее помещение было выложено кирпичом, причём с гораздо большим искусством, чем грандиозные Соляные подвалы – оно получилось обширным, но обходилось без поддерживающих колонн. Пол был тёмно-серым, как будто из брусчатки, а у дальней, противоположной от карлика и Ястребиного стены возвышался небольшой подиум с алтарным камнем. За камнем прятались две неприметные дверцы. А главные проходы располагались справа и слева от подиума.

Освещался зал скудно, свечами и факелами, но баалы были уверены, что полумрак не помешает задуманному.

– Вряд ли Безликий оценит сдержанную красоту Смирения, – не согласился с компаньоном Авадонна. – Ему всё равно, где устраивать первую массовую казнь.

– Пожалуй, – кивнул Ястребиный. И, оглядывая собирающихся в зале старух, поинтересовался: – Как думаешь, невесты знают, что их перебьют сразу после церемонии?

– Им плевать, – ответил карлик. – Они готовы принять от Древних что

угодно.

– Идеально мотивированные сотрудники.

– Можно сказать и так.

Секретность не позволила Авадонне и Гаапу использовать помощников, и баалы явились в Смирение самолично, воспользовавшись старым потайным ходом, проведённым в храм Древних пару веков назад. Самые храбрые Первородные устроили себе тайную ложу и жадно наблюдали, что вытворял в святилище Шаб, после чего неумело повторяли самые гнусные деяния.

– Где наш агент? – осведомился Ястребиный.

– В толпе, – коротко ответил карлик.

– Каким образом она узнает, что нужно делать?

– Мы на связи. – Авадонна надел гарнитуру и едва слышно произнёс: – Бри, ты меня слышишь?

* * *

Голос заказчика прозвучал громом среди ясного неба. Разумеется, Бри помнила про спрятанную в ухе горошину гарнитуры, знала, что рано или поздно с ней выйдут на связь, но всё равно вздрогнула, услышав в голове чужой голос. Тут же склонилась в очередном поклоне, бубня в тональности молитвы, убедилась, что окружающие невесты не заметили её волнения, и прошептала:

– Всё в порядке.

И это полностью соответствовало действительности.

Хамелеон скопировала внешность убитой, облачилась в её одежду и вела себя точно так, как та должна была себя вести – заказчик выдал Бри подробнейшие инструкции. Никем не узнавая, Бри проскользнула в Смирение, заняла место среди однообразно молящихся старух и теперь ждала сигнал к началу главной фазы операции.

– Мы на позиции, – произнёс заказчик. – Я скажу, что и когда нужно будет сделать.

– Хорошо, – прошептала в ответ Бри и вновь поклонилась, идеально изобразив старческое движение.

* * *

«Кем они хотят меня сделать? Кого я увижу, выйдя из храма? Могущество... Земля станет моей собственностью... Могущество! Мне придётся казнить детей... Кем они хотят меня сделать?»

Я не хочу!

Лестница извивалась червём, заползая всё глубже и глубже в московское чрево. Начавшись обыкновенным, грубо-бетонным спуском в подвал, она вскоре превратилась в винтовой буравчик, каменный и с влажными каменными стенами. Здесь пахло сыростью, но проступающая сквозь щели вода больше напоминала слизь, и случайно прикоснувшись, Фёдор до сих пор не мог отделаться от неприятного ощущения – как-будто вляпался в сопли. Или в гной. В холодный гной, пропитавший землю вокруг Смирения. Гной, на котором способны вырасти лишь тени. Гной, готовящийся сожрать всё вокруг.

Но куда больше вонючих выделений Горелова беспокоило другое – сомнения.

«Я не хочу быть тем, кем должен стать!»

«Могущество...»

Он вздрагивал, принимая себя нового, страшась себя нового, восхищаясь собой и ненавидя. Он хотел убить раболепствующих старух, но сдерживался, чувствуя, что ему новому это понравится. Его тошнило при мысли о крови, он упивался воспоминаниями о смерти Алисы и Наины, двух невинных женщин, двух презренных самок, сумевших обратить свои никчёмные жизни в служение ему, непонятно для чего умерших...

Он до сих пор надеялся, что пребывает во сне. Или в коме. Или сошёл с ума.

Он знал, что станет великим владыкой!

Древним, повелителем планеты.

Он не понимал, не мог осознать, каково это: повелевать миром. Он знал, что этот мир станет его вторым владением.

Он путался в себе, не понимая, где он сам, а где тот, кем ему предстояло стать.

– Мы пришли, господин, – перебила его мысли старуха, с поклоном открывая дверь.

Фёдор уверенно прошёл внутрь, остановился у алтарного камня и ощерился, услышав буйные вопли собравшихся в зале невест.

– Не смей меня трогать! – взвизгнула старуха, со страхом глядя на Иннокентия.

– Почему? – искренне удивился толстяк. – Мне нужно кое-что знать, ты отказываешься говорить, поэтому я тебя не просто трону, я тебя так трону, что тебе станет очень-очень больно!

Невеста запищала.

Кросс догадывался, что времени мало, поэтому они с Порчей просто схватили торопящуюся к Смирению старуху, затолкали в фургон и приступили к допросу. Точнее, собирались приступить к очень жёсткому допросу, но справившаяся со страхом невеста неожиданно заявила:

– Можешь делать со мной, что хочешь, урод: господин отомстит за мои страдания!

И доставший нож Кросс в замешательстве отпрянул, пытаясь сообразить, что он только что услышал.

– Какой ещё господин? – издевательски бросила Ленка. – Шаб сдох.

– Скоро всё изменится, – пообещала старуха.

– Вы собираетесь воскресить Шаб?

– Безликого, – брякнула невеста и тут же заткнулась, сообразив, что проболталась.

– Кого? – растерялась Порча.

– Безликого? – изумился Иннокентий. – Мой господин жив?

– Твой господин? – Ленка перевела взгляд на толстяка. – Чёрт, а ведь верно!

– Безликий жив, – подтвердила старуха, догадавшись, что судьба столкнула её с союзником. – И сегодня будет воскрешён.

Несколько секунд ошарашенный Кросс открывал и закрывал рот, отчаянно напоминая сломанного Щелкунчика, после чего посмотрел на Порчу и прошептал:

– Я знаю, зачем Бри отправилась в Смирение.

* * *

– Это наша цель, – произнёс заказчик, когда из потайной дверцы позади алтаря появился невысокий худощавый мужчина заурядной наружности.

Он вышел и остановился, щерясь на беснующихся невест то ли в ухмылке, то ли в зверином оскале. Бри и сама запрыгала, замахала руками и завyla при его появлении, в точности повторяя поведение товаров, но

при этом мягко, очень аккуратно скользнула по незнакомцу «вторым взглядом» и почуяла в непримечательном мужчине гигантскую внутреннюю силу и невиданную твёрдость. Незнакомец оказался переполнен энергией Ша, но при этом – Хамелеон могла поклясться, – не являлся Первородным.

Но кто, для чего, а главное – как? – наполнил обыкновенного человека таким количеством тёмной силы?

– Скоро вынесут сгусток, – продолжил шептать заказчик. – Как только это произойдёт, мы уберём мужика, а ты должна завладеть сгустком и бежать к южным дверям. Направо от алтаря.

– Оттуда нет выхода, – ответила Бри. – Чтобы оказаться на поверхности, мне придётся обойти зал. Меня поймают.

– Там есть потайной коридор, – хмыкнул заказчик. – Мы тебя выведем и прикроем.

«Будете прикрывать до тех пор, пока я не отдам сгусток...»

Бри прекрасно понимала, сколько ей осталось жить, однако спорить с заказчиком не стала и коротко ответила:

– Безусловно.

Собираясь действовать по собственному плану.

* * *

– Вот и хорошо... – протянул Авадонна, разглядывая Горелова через оптический прицел. – Сосуд на месте, осталось дожидаться содержимого.

– Не ожидал, что Древнему подойдёт столь тщедушное тельце, – пробормотал сидящий рядом Гаап. – Как-то даже неудобно на это смотреть.

– Он далеко не слаб, – не согласился карлик.

– Я вижу, – кивнул Гаап. – Но внешне сосуд не идеален.

– Шаб тоже не отличался красотой.

– Я помню.

– Но получается, что внутри у тщедушного дохляка стальной стержень, – закончил Авадонна. – Он безумно силен и сможет удержать Древнего, невесты не могли ошибиться в выборе сосуда.

Хитрый Шаб рассматривал старух в том числе и как страховку на случай неприятностей и оставил чёткие инструкции по определению подходящего носителя. Ему самому страховка не пригодилась, но Безликому могла помочь.

– Стреляй дохляку в голову, в дырявый сосуд Древний не полезет, –

улыбнулся Гаап и тут же уточнил: – Бри убьём?

– Конечно, – равнодушно ответил карлик. – Ведь кто-то должен ответить за разгром Смирения.

– Кто-то должен... – хмыкнул Гаап, а в следующий миг увидел трясущуюся от старости невесту, выбравшуюся на подиум из другой потайной дверцы, слева от алтаря. В дёргающихся руках, покрытых пигментными пятнами, старуха держала золотой сосуд, и Ястребиный догадался, что...

– Церемония началась, – прошептал Авадонна.

* * *

– Они собираются вернуть Безликого! – проревел Иннокентий, преодолевая по несколько ступенек за прыжок. – И я не позволю им помешать!

– Зачем?! – закричала бегущая следом Порча. – Почему?

– Я хочу домой! – взвыл в ответ Кросс. – Ленка, ты не представляешь, как я хочу домой. А секрет перемещений знает только Безликий! Единственный из Древних! Он придумал его, чтобы добраться до Элизабет! Господин вернёт меня домой!

Один раз им навстречу попалась старуха – толстяк снёс её с дороги, как пушинку, толкнул, уронил и безжалостно пробежал сверху, продолжая кричать:

– Они собираются вернуть Безликого!

И может быть, поэтому их никто не останавливал. Скорее всего, узкая винтовая лестница была надёжно защищена от вторжения, но невесты поняли, что приближается союзник, и не мешали Иннокентию.

Он без помех добрался до нижнего уровня и распахнул потайную дверцу в тот самый миг, когда внутри началась стрельба.

Ведь применять магию Авадонна и Гаап не могли – не хотели быть узванными, и потому использовали автоматическое оружие. Они принесли в «ложу» лёгкие пехотные пулемёты и теперь щедро заливали свинцом зал, безжалостно истребляя невест. Точнее, не только невест: Гаап вёл огонь по толпе, расчищая Бри путь к сгустку, Авадонна стрелял по Фёдору, планируя превратить сосуд в дуршлаг, но...

В тот самый миг, когда карлик надавил на спусковой крючок, ближайшая старуха бросилась вперёд и закричала, принимая в себя предназначенные Фёдору пули, а ещё одна, та, что стояла позади, толкнула

Горелова в сторону.

– Спасайтесь, господин!

Куда спастись? Ведь вокруг – ад. Паника и ужас. Престарелые невесты бестолково носятся по залу, толкая друг друга и затаптывая упавших. Сверху льётся свинцовый дождь, и нет никаких сомнений в том, что выбраться через узенькие двери ему не позволят.

– Сгусток! – слышит Фёдор, поворачивается и видит здоровенного, очень толстого мужика, с трудом продравшегося через потайную дверцу. Но не из зала, а в зал. В руках мужика автоматические пистолеты, из которых он стреляет куда-то вверх, в противоположную стену, но при этом движется к Фёдору и орёт: – Сгусток!

И Горелов понимает, как можно спастись из этого ужаса – довести церемонию до конца.

«Сгусток!»

Стать другим. Стать сильным. Стать тем, кем предначертано.

Стать владыкой Земли.

– Скорее! – кричит здоровяк, стреляя в амбразуры, которые видит благодаря умению.

А в ложе стоит шум.

– Она обманет! – кричит Гаап карлику. – Я ей не верю!

– Иди к южной двери!

– Да!

Ястребиный откатился от амбразуры, схватил короткоствольный автомат и выбежал из ложи, на ходу натягивая на голову чёрную лыжную маску. Авадонна остался один.

Бри, чей путь начался среди перепуганных невест, потеряла много времени. Несмотря на огневую поддержку, ей то и дело приходилось отталкивать и отпихивать перепуганных старух, и потому к алтарному камню Хамелеон добралась позже Иннокентия. Зато с нужной стороны, с той, где держала золотой сосуд престарелая, девяностолетняя Людима, похожая на вырезанный из дерева туземный тотем. Злой, коричневый тотем, впитавший в себя кровь бесчисленных жертвоприношений. Услышав выстрелы, старуха растерялась, бросилась к Горелову, но путь ей перерезала пулемётная очередь. Тогда Людима укрылась за алтарём, выждала несколько секунд, попыталась скрыться через ту дверь, откуда пришла, но Авадонна заметил движение невесты и безжалостно её расстрелял.

Бри оказалась у алтаря в тот самый миг, когда продырявленная Людима повалилась на пол, выпучив глаза и жадно шамкая беззубым ртом

– словно в последний раз пытаюсь кого-то укусить, – схватила сосуд, машинально отметив его тяжесть, и услышала:

– Сюда!

Повернулась и увидела мужика с двумя пистолетами. Вспомнила, что пребывает в обличье невесты, а значит, толстый считает её союзником:

– Сюда!

Глупо проводить церемонию под пулемётным огнём.

– Беги! – крикнул Кросс Горелову, указав на Бри. – Беги!!

А сам выступил на два шага вперёд и продолжил стрелять по небольшому окошку под самым потолком зала, откуда вели огонь неизвестные.

«Беги!»

И стань тем, кто ты есть.

«Беги!»

Чтобы открыть глаза владыкой Земли.

Фёдор вспомнил мёртвую Алису, свой ужас, а затем – равнодушие, с которым он смотрел на мёртвую Наину. На следующий день. Всего лишь на следующий день... Вспомнил свои чувства, точнее, их отсутствие. Вспомнил холод замершего мира и жуткий страх приготовившегося к казни города. Вспомнил решение перебить семью. Вспомнил похожую на оскал усмешку. Вспомнил себя потаённого, себя жестокого и понял, что тот, который явится из сгустка, будет ещё страшнее.

И понял, что не хочет им быть.

Не хочет, чтобы мир его боялся.

Он – маленький человек, песчинка, никто... Но лучше быть никем, чем гением зла.

Ни за какое всемогущество.

И Фёдор тоже сделал шаг вперёд. Не укрываясь за спиной здоровяка, а подставляя грудь под пули Авадонны.

Услышал пронзительное:

– НЕТ!!!

И прошептал:

– Я не хочу...

И улыбнулся, когда первая из десятка пуль разорвала ему грудь.

Я так не могу жить, тени дарить,

Понять не успеваю,

Я – жизнь, я – смерть.

Там так всё уже знают...⁷

Порча понимала, что обязана прикрывать Кросса и «держать» дверь, через которую они проникли в Смирение, и в начале боя действовала именно так – чётко и профессионально. Ленка прекрасно обращалась с огнестрельным оружием, но сейчас закинула автомат за спину, и в её руках появились извивающиеся клубы густого чёрного дыма – порча, которую могла навести Порча. Ленка попыталась метнуть её в пулемётчика, но амбразура оказалась защищена магией, и удар не получился.

Выругавшись, Порча решила взяться за оружие, как вдруг увидела падающую Людиму и невесту, выхватывающую из её рук золотой сосуд. Однако девушка, в отличие от разгорячённого Иннокентия, поняла, что под личиной старухи прячется враг – по слишком ловким движениям. А может, и не поняла, потому что царящий вокруг ад мешал делать выводы, может, просто решила, что сосуд должен оказаться у неё, а не у какой-то старухи.

Ленка проскочила в потайную дверь сразу за Бри, не позволив закрыться на засов, и немедленно ударила «невесту» ногой. Не ожидавшая нападения Хамелеон не устояла и растянулась на каменном полу, выронив из рук драгоценный сосуд. Обрадованная Порча попыталась перепрыгнуть через «старушку», но Бри перевернулась на спину и схватила Ленку за ноги во время прыжка.

– Чёрт!

Порча рухнула рядом с Бри, однако получилось на удивление удачно: в следующую секунду подземный коридор прошила автоматная очередь, и не упав Ленка на пол, словила бы две-три пули.

Гаап подхватил подкатившийся к его ногам сосуд и хотел покончить с девушками, но Ленка не позволила ему прицелиться, резко атаковав магией. Чёрный дым обратился в поток чёрных стрел, и лишь молниеносная реакция помогла Ястребиному остаться в живых. Он выставил защиту, но две стрелы срикошетили от стен и вонзились ему в бок, заставив отступить и скрыться в глубине коридора.

Бри выхватила спицу, намереваясь разобраться с Ленкой, но дым Порчи оказался быстрее и стремительно окутал шею Хамелеон чёрным шарфом.

– Не советую сопротивляться, – прорычала Ленка, забирая из руки пленницы оружие.

И Бри замолчала, никак не реагируя на то, что происходило дальше. Замолчала, потому что проиграла.

Порча и Кросс вывели Бри из Смирения – растерянные старухи не мешали и даже, кажется, не обратили на них внимания, – посадили в фургон, довезли до квартиры, и там, усадив пленницу перед зеркалом, Иннокентий сказал:

– Я знаю, кто ты.

Бри осталась безучастна.

– У меня много вопросов.

Лёгкое пожатие плечами.

– И я получу на них ответы. Не сомневайся.

Толстяк вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, улыбнулся развалившейся на диване Порче и негромко произнёс:

– Пришло послание Молоха. Как я и предполагал, смерть Учётчицы вызвала подозрения, и мне велено задержаться в Москве.

– Надолго?

– На какое-то время.

Порча прищурилась, показывая, что довольна, после чего спросила:

– Расскажешь Молоху о Безликом?

– Ни в коем случае.

– Почему?

– Потому что... – Иннокентий остановился у окна, посмотрел на парящий в сотне метрах от дома дрон, который даже не пытался замаскироваться, – грустно улыбнулся и закончил: – Потому что Молох прикажет начать расследование, но оно сразу же закончится – моей смертью.

* * *

– Она меня ударила! – громко повторил Гаап. – Эта тварь Порча осмелилась мне врезать!

– Ленка не знала, кого атакует, – мягко напомнил Авадонна.

– Какая разница?! – взвился Ястребиный. – Она не имела права прикасаться ко мне! Я её убью!

– Нет.

– Что значит «нет»?

– «Нет» – это значит, пожалуйста, не убивай Порчу в ближайшие пару

часов, – примирительным тоном попросил Авадонна. – Потом остынешь и поймёшь, что не прав.

Гаап помолчал, после чего нехотя произнёс:

– Больно, – и потёр перевязанный бок. – Ленка наводит порчу лучше всех в Москве. Её мерзость впиталась так быстро, что если бы я не отступил – мог бы умереть.

Так Ястребиный извинился перед напарником за то, что не прикончил Бри.

– Главное, ты забрал сгусток, – почтительно произнёс карлик. – Это важнее всего.

– Согласен.

Золотой сосуд, в котором пребывала сущность Безликого, расплавлен. Вожделенный сгусток сожжён в естественном пламени Костра Инквизиции, который Авадонна достал из своих бездонных запасов, а прах Древнего пребывает в серебряном ковчеге, обёрнутом в плотную ткань, поскольку прикасаться к серебру ни Авадонна, ни Гаап не имели права. Их план почти исполнился, но требовалось завершение, последний штрих и он же – окончательная точка в скитаниях Древнего Безликого.

Именно за этим баалы явились на Преображенское кладбище.

Прошли через калитку, отпертую подкупленным охранником, и теперь приближались к небольшому домику, где обыкновенно тесали надгробные камни и куда частенько заглядывал Мастер Скорбных Дел.

– Ты его предупредил? – тихо спросил Ястребиный, глядя на светящееся окошко.

– Он ждёт, – подтвердил Авадонна.

– Он будет молчать?

– Разумеется.

– Ты веришь?

– Ему нет дела до наших проблем, – ответил карлик и уверенно толкнул дверь. – Тёмной ночи, мастер.

– Тёмной ночи, – послышалось в ответ.

Мастера Скорбных Дел связывали День и Отражение со смертью, с тем, что стояло за самой дальней чертой, отделяющей по-настоящему мёртвое от реальности, подвергнутой способностям Некро, и пользовались огромным уважением. Мастеров было очень мало, их услуги требовались всем, и поэтому в общении с ними сдерживались даже самые бешеные баалы.

Все знали, что Мастерам говорили «вы» и Молох, и Мамона.

– У нас есть дело, – сухо сообщил Ястребиный, разглядывая Мастера:

невысокого, очень худого мужчину с острым, словно у мыши, лицом, губами в едва заметную линию и серыми глазами. Мужчина носил очки в тонкой металлической оправе, одевался в потёртую робу и стоптанные ботинки. – Авадонна, покажи.

Карлик ловко запрыгнул на грязный, но крепкий табурет, водрузил на стол ковчег и осторожно развернул ткань.

– Похороните его под именем Безликин Савелий Григорьевич. И примите все меры, чтобы он не поднялся.

– Внутри прах? – поинтересовался Мастер, не прикасаясь к ковчегу.

– Всё, что осталось после Костра Инквизиции.

– Такой прах неспособен подняться.

– Этот – способен.

– Гм... – Мастер посмотрел сначала на Авадонну, затем на Гаапа, вздохнул, но спорить не стал. – Когда нужен камень?

– Мы не хотели бы затягивать процедуру похорон, – Ястребиный растянул в усмешке губы.

– Скоро Великое Полнолуние, – прищурился Мастер. – Если сделаю камень в ту ночь, он обретёт дополнительную силу, и прах точно не поднимется. – Помолчал и добавил: – Даже если он принадлежит Древнему.

– Но ведь мы все знаем, что это не так, – тут же проговорил Авадонна, заметив, как вздрогнул Ястребиный.

– Мы все знаем, что мне всё равно, – бесстрастно ответил Мастер.

– В таком случае, договорились, – подытожил Гаап. – В Великое Полнолуние.

* * *

– Слышал, ты стал Архивариусом?

– Каким?

– Не каким, а кем, – усмехнулся карлик. – Тебе не удастся меня обмануть, Обуза, мы ведь друзья, а друзей не обманывают.

– Мы друзья? – уточнил Виссарион.

– У тебя есть иное мнение на этот счёт? – поднял брови Авадонна.

Ушастый вздохнул и отрицательно покачал головой.

Он не ожидал увидеть карлика. В смысле, ожидал, но не так... в смысле, как посетителя... то есть не думал, что Авадонна догадается об Архиве... В общем, Обуза по обыкновению запутался и привычно

положился на кривую, которая, как правило, его вывозила.

– Письмо от господина Шаба я получил совсем недавно, – сообщил он, как бы извиняясь, что не поделился радостью с другом. – И до сих пор пребываю в некоторой растерянности.

– Прекрасно понимаю, – рассмеялся карлик.

– Правда?

– Нет.

– Но всё равно спасибо за поддержку.

– Не за что... – махнул рукой Авадонна.

Он явился в «Потёртые страницы» неожиданно. Поговорил о Пророчестве – Обуза, который не нашёл ничего похожего даже в Архиве, развёл руками с предельной искренностью, – затем спросил насчёт каких-то книг, старинных, но сейчас совершенно ненужных, и после задал неожиданный вопрос.

– Ты уже начал разбираться в хозяйстве?

– Да, – подтвердил Виссарион. – И с тех пор мало сплю.

– Интересно?

– Безумно.

– А есть в Архиве информация, которую ты имеешь право разглашать? – дипломатично поинтересовался карлик.

В ответ Ушастый тяжело вздохнул.

Несмотря на широко распространённое мнение, Архивариусы не владели информацией, а берегли её, и многие документы, вроде секретных договоров и личных клятв, были им недоступны. Однако открытые разделы Архива содержали такой пласт знаний, что фраза Шаба насчёт «величайшего сокровища» не выглядела преувеличением.

– Что вам нужно? – тихо спросил Виссарион.

– Я... – было видно, что Авадонне нелегко даются слова, ему стыдно признаваться в поражении, но не признаться он не может. – Я переоценил себя, Обуза. Я затеял очень серьёзную интригу, поставил под угрозу свою жизнь... Не положение, а именно жизнь! Но не могу довести дело до конца. Стараюсь, но не могу. У меня не получается то, что я хочу.

– Что вам нужно?

– Библиотека символов Крепости, – быстро ответил карлик. – Она есть в архиве.

– Есть, – кивнул Виссарион. – Я не видел книгу, но название в каталоге указано.

– Принеси! – у Авадонны вспыхнули глаза.

– Взамен вы отдадите мне Книгу Жизни, которой я расплатился с

Барадьером, – твёрдо сказал Обуза. – Она у вас.

Он не спрашивал, а карлик не отрицал.

Книга Жизни, одна из величайших Пяти, попала к Обузе после гибели Древних, но он был вынужден отдать её Авадонне. Потому что тогда он был много слабее баала.

Сейчас они как минимум сравнялись.

– Это очень опасная просьба, – негромко произнёс карлик, пристально глядя на ушастого. – Опасная и жёсткая, потому что у меня нет выбора.

– Помните о том, что мы друзья, – в тон ему отозвался Виссарион. – И сейчас навеки скрепляем нашу дружбу.

– Зачем тебе Книга?

– Она была в моей коллекции, и я хочу её вернуть.

В этом был весь Обуза – когда речь заходила о книгах, он превращался в сумасшедшего, но... С другой стороны, когда речь заходила о Пяти Книгах, в сумасшедших превращались все.

Пять Книг, которые никто и никогда так и не смог собрать в своей библиотеке, считались одной из главных загадок Отражения. Их вожддели. Но сейчас карлику отчаянно требовалось кое-что другое...

– Мой курьер доставит Книгу сегодня, – произнёс Авадонна после паузы. – Готовь первый том библиотеки.

– Универсальный или для конкретного места?

– Для старого города, – ответил карлик. – Тот же курьер доставит тебе план крепости. – Он помолчал и обронил: – Вскоре нам придётся защищаться...

* * *

А вот обращаться к Виссариону по поводу Пророчества не пришлось – текст Авадонна обнаружил в «Книге непрерывных угольников», доставшейся ему при разграблении библиотеки Древних. Перебирая добычу в поисках зашифрованных или написанных на незнакомом языке посланий, карлик пролистал «Книгу» и наткнулся на одинарный лист бумаги, исписанный твёрдым почерком Шаба:

Начнется с крови.

В этот раз изменит своей привычке Отраженья рок.

Знаменьем станет смерть,

И жалкое вокруг, всё то, что мы сегодня миром называем,

Преобразится, отразившись вдруг
В глазах того, кто обладает властью
Грядущее менять.

Мы сдохнем, брат.

Элизабет и Шаб уйдут сначала.
А после, ветер смерти сдует прах с лица Смиренья.
Сдует прах Безликий.
Как, впрочем, всё в моей больной судьбе.
Отравленной предательством, как ядом,
Настолько горькой, что противно мне
Тебе об этом говорить сегодня.

Мы сдохнем, брат.

Когда – не знаю я.
Но вижу двойника огромной силы.
Чьё имя Полнолуние, и в нём
Смешались кровь, отчаянье и тьма.
И ярость, что любовью называют
Презренные и жалкие рабы.
Такая ярость, что сведёт с ума
Колдунью, обуздавшую Порядок.
Колдунью, брат, несчастную настолько,
Что размешать сумеет Отражение с Днём.
И наша кровь, рассеянная в мире.
Провозгласит парад великих четырёх.

Так будет, брат.
Но мы с тобою сдохнем.

Карлик прочёл Пророчество внимательно, но по обыкновению быстро, а дочитывая – споткнулся на последней строчке. На приписке, сделанной другими чернилами, но тем же почерком.

«Авадонна! – написал Шаб примерно сотню лет назад. – Я не знаю, что ты должен сделать, жалкий червяк, но поскольку Пророчество достанется тебе, постарайся не наломать дров. Ненавижу тебя, гнусный

урод, ненавижу...»

МАКАМ VIII

НЕБО НА ЗЕМЛЕ

Берегут до первой смерти, отпевают до второй

Всех святых распяли черти, Бог – он видно – выходной.

Всё – не в масть, да всё – досада, света – тьма, а света нет

Завели хмыри в засаду и пытаются столько лет⁸.

INGRESSO

Хитровские хитрованы хитрят так хитро, что сам Хитрово в гробу ворочается...

Знают всё наперёд, а меж собой говорят особо – не поймёшь. Исчезают на ровном месте, приходят туда, где их не ждали, вынимают ловко, будто слово знают. И смотрят странно, как не люди...

Хитровка стала Москвой, тёмной, тайной, молчаливо разглядывающей прохожих из узких переулков, из-за оград домов, помнящих ещё Белый Город, из маленьких двориков и огромных подвалов. Спать Хитровка не ложилась, силу набирала ночью, пригоршнями черпая её в мрачных лунных тенях и в сбегавшем с Ивановской горки ветре. И именно ночью, за полночь, в самый час Первородных грешников, упивающихся тёмной Ша, около дома Ярошенко остановился большой внедорожник, из которого вышел сухопарый мужчина в чёрном костюме, лёгкой водолазке и элегантных туфлях. Редкие седые волосы мужчины зачёсывал на косой пробор, но при этом он был не старым, а рано поседевшим. Лет ему, на вид, было не больше пятидесяти, а скупые, очень точные движения выдавали в нём человека, привыкшего сражаться.

И не тратить силы попусту.

Выйдя из машины, седой огляделся так, словно собрался брать дом Ярошенко штурмом, однако отдать соответствующий приказ то ли не

захотел, то ли не успел: выскочил служка – рогатый бес с цепью на шее, – изогнулся в угодливом поклоне и указал на распахнутую дверь. Бес то и дело щерился, демонстрируя острые клыки, но угрозы не представлял по причине глубочайшей внутренней трусости. Он проводил гостя до комнаты и закрыл за ним дверь, оставив наедине с невысокой женщиной, облачённой в длинную, до пола, чёрную мантию с капюшоном. Капюшон скрывал лицо, длинные рукава – кисти рук, складки – фигуру, узнать женщину не было возможности, но сухопарый точно знал, что перед ним – Татум Зур, Татум баал, владелица изысканного в своей зловещей тьме Театра Отражений.

При виде мужчины Татум поднялась и негромко произнесла:

– Прошу извинить, что не устроила встречу так, как того требует ваше высокое положение, дьяк, но я гость в Москве и не имею возможности управлять.

– Знаю, – кивнул сухопарый.

– К тому же я привыкла к скромности.

– Мне рассказывали.

– Рада, что мы понимаем друг друга.

Ложь прозвучала органично, как всегда в Отражении, но в действительности ни Зур, ни сухопарый не испытывали радости от встречи и необходимости общаться. Татум ломала свою гордость, ведь Первородные, да ещё с титулом баал, терпеть не могли обитателей Дня, тем более – высших. А сухопарый был высшим, не простым посланником, а дьяком-меченосцем по фамилии Айзерман, членом Первой Свиты принцепала Московского Авдея, предводителем его дружины.

Что было странно, учитывая незначительность повода встречи.

– Поздравляю с высоким назначением, – произнесла Татум, возвращаясь в кресло.

Айзерман недавно вошёл в элиту органиков, сменив убитого в Великое Полнолуние дьяка Лаврича, и Зур не могла не поздравить собеседника.

– Его величество по достоинству оценил мои скромные усилия, – усмехнулся дьяк-меченосец, устраиваясь напротив женщины.

– Желаю принцепалу Авдею долгих лет жизни.

Айзерман кивнул.

– А в качестве моего глубочайшего почтения прошу передать Его величеству этот скромный дар, – закончила Татум и подвинула собеседнику шкатулку с золотом.

Небольшой взнос не мог поразить привыкшего к роскоши принцепала, но являлся обязательным знаком, демонстрацией уважения, оказываемого

предводителю органиков прибывшим в город баалом. Правила требовали, чтобы дьяк принял шкатулку, не заглядывая в неё, передал Татум ярлык и уехал. Но Зур уже поняла, что встреча затянется.

– Вам известно, что Его величество восхищается вашим искусством? – поинтересовался Айзерман, сводя перед собой пальцы.

Взгляд, которым он буравил женщину, был одновременно и безразличным, и не сулящим ничего хорошего, такое вот странное сочетание, и Татум подумала, что предыдущий дьяк-меченосец – Лаврич, при всей своей силе, ярости и несдержанности, был... безобиднее этого сухого, спокойного мужчины с редкими седыми волосами.

«Похоже, у московских Первородных назревает крупная проблема по фамилии Айзерман...»

Но вслух Зур произнесла другое:

– Передайте Его величеству мою искреннюю признательность. Я рада, что мои скромные усилия привлекли внимание бессмертного принципала.

– Все восхищаются вашим искусством, – ровно продолжил дьяк.

– Благодарю.

– Вы слышали о недавних событиях, связанных с неким Кириллом Амоном?

Ничего сверхординарного, что потрясло бы основы мироздания, в Москве давно не случалось, жила она тихой, никого не интересующей жизнью на окраине Отражения. Но, отправляясь на гастроли, Татум в обязательном порядке просматривала местные новости и потому оказалась готова к вопросу.

– Если не ошибаюсь, он прикончил Дагена? Божественного сына самого Дагона.

– Именно, – подтвердил Айзерман.

– Это всё, что я слышала, – призналась женщина. – Он вам интересен?

– Мы хотим, чтобы вы с ним поговорили.

– Зачем?

– Мы предполагаем... – И тут Айзерман совершил немыслимое: перегнулся через стол и едва слышно прошептал ответ Татум на ухо.

Вернулся в кресло и кивнул, подтверждая сказанное.

Несколько секунд Зур молчала, обдумывая услышанное, потом поняла, что отказ неприемлем – не для того на рядовую встречу прибыл дьяк-меченосец, и вздохнула:

– Что нужно сделать, если подозрения подтвердятся?

– Убить Кирилла на месте.

Другого ответа Татум не ожидала.

– А если не подтвердятся?

– Можете отпустить. Можете использовать. – Айзерман небрежно махнул рукой. – В этом случае его судьба нам безразлична.

– Вы уверены, что Амон будет на представлении? – после ещё одной паузы спросила Зур.

– Все восхищаются вашим талантом, Татум, – усмехнулся дьяк. – Кирилл недавно в Отражении и обязательно заинтересуется Театром. – Он положил на стол ярлык на посещение Москвы и поднялся. – Всего хорошего.

Больше они не увидятся, потому что высшие органики не могли официально присутствовать на тех бесчинствах, которые грешники именовали представлениями.

– Предложение принцепала большая честь для меня, – ответила Зур, повторно двигая шкатулку.

Дьяк улыбнулся и взял золото.

Встреча закончилась.

PUNTO

– Кажется, что по ночам мир становится иным. Привычные линии расплываются, обращаясь в новые сущности, меняют очертания и душу. То, что днём было вопросом, ночью становится загадкой. Нам кажется, что Тьма приближается, лишь когда нет Солнца, и мы забываем, что тени появляются днём, отделяя тёмное от настоящего. Крылья теней постоянно скользят над миром, и не проходит секунды, чтобы нас не касался холод настоящего мрака. Мы не замечаем, как много его вокруг. Мы привыкли. И тени скользят прямо в нас. – Кирилл выдержал паузу, давая слушателям возможность обдумать услышанное, и продолжил: – Игра теней завораживает. Они изменчивы и причудливы, но показывают совсем не то, что есть, а то, что им хочется. Тени лгут, обманывают, и в их театре легко заблудиться...

Ночное радио не имеет лица. Считается, что мир спит и некому слушать импровизации и заготовленные шутки ведущих. «Золотые» голоса эфира отдыхают, и тьма накрывает старые камни города под приглушённую музыку.

Считается, что ночью никому нет дела до Слова. Несмотря на то, что именно ночью, когда царствующая Тьма купается в отражённом свете, Слово имеет силу спасения. Его ищут и ждут.

А слышат приглушённую музыку...

Никто не верил, что ночью люди захотят чего-то, кроме развлечений, и потому сюрпризом стал громкий успех «Первого Полночного» – шоу, которое вёл на «НАШЕм радио» Кирилл Амон. Человек, потерявший память, но умеющий подбирать нужные слова. Человек, покаравший убийцу в прямом эфире. Человек, чьё отражение было такой же загадкой, как сам Амон.

– Доброй ночи, брат-полуночник, – произнёс Амон, принимая звонок.

– Доброй ночи, брат Кирилл.

– Хочешь поговорить о тенях?

– В детстве я их боялся, брат Кирилл, – ответил слушатель. – Тени казались живыми, и я до сих пор помню, как дядя Коля показывал нам «театр». Он включил настольную лампу, направил её на стену и стал складывать разные фигуры. Он умел... Сейчас я понимаю, что он владел потрясающим умением игры с тенями, такого мастерства я не видел ни до, ни после, но тогда тени показались живыми. И страшными. Они смотрели на меня со стены и жаждали крови. Они обещали прийти ночью и убить... Я перепугался, зарыдал и выскочил из комнаты.

– Сколько тебе было лет, брат-полуночник?

– Шесть или семь. И я долго боялся темноты.

– Тени живут на свету, брат-полуночник, – тихо напомнил Кирилл.

– Но то, что их порождает, приходит из Тьмы.

– А Тьма – это ночь. Ночью мир отражается в тёмной воде и пьёт украденный у Солнца свет. Ложный свет, не дающий тепла, зато порождающий новые тени, обретающие плоть в наших испуганных глазах. Но глаз мало. Вода слишком темна, и ночью мир отражается в наших душах, сплетается с собой и показывает то, каким мы его сделали. В действительности мир остаётся прежним, но мы получаем способность видеть его иным. Не настоящим, а тем, который незаметен днём.

– Мир делается темнее от зла, брат Кирилл, – вздохнул слушатель.

– Зло приходит не только по ночам.

– Сейчас оно стало наглым.

Фраза прозвучала настолько неожиданно и настолько правильно, что Амон на мгновение осёкся. Сначала ему показалось, что он говорит с собой. Через секунду – что с кем-то из Отражения... И потому следующим прозвучал такой вопрос:

– Скажи, брат-полуночник, как ты относишься к теням сейчас?

– Я знаю, что они лгут.

– Но ты можешь выйти из дома ночью?

– Я каждый день выхожу из дома ночью, – ответил слушатель и тут же

рассмеялся: – Как забавно прозвучало: я каждый день выхожу из дома ночью...

– Мы оба знаем, почему ты так сказал, брат-полуночник, – поддержал шутку Кирилл. – Мы с тобой дети Дня и потому ищем свет, а не ночь. Мы опасаемся теней, но изгоняем их, а если надо – сражаемся. Наш мир наполняется отражениями, прибывает ими, становится ярче и богаче, но мы не любим тёмные копии. Нам не нравится мир, отражённый страхом и жестокостью.

– Но такие отражения существуют, – заметил слушатель.

– Потому что он – мир, он многогранен. И закон в том, что мы не в состоянии победить Тьму. Но если перестанем сражаться – проиграем.

– То есть Тьма сильнее Света?

– Тебе знакомо понятие «жестокость», брат-полуночник? – выдержав короткую паузу, спросил Амон. – Она способна творить чудеса. И помогает Тьме.

– Почему не ответить тем же?

– Потому что Свет и Тьма – не одно и то же, брат-полуночник. И если Свет вытащит чёрный клинок – мир окончательно потускнеет.

– Извини, – помолчав, ответил слушатель. – Я согласен с тем, что тебе виднее, брат Кирилл, ты сражался, тебе довелось убить монстра...

– Не думаю, что это войдет в привычку, – неожиданно для себя перебил собеседника Амон.

– Было трудно?

– Неприятно.

– Наверное, это означает, что ты нормальный и... Можно ещё вопрос?

Амон давно понял, что слишком затянул разговор, но решил пойти навстречу слушателю:

– Да.

Вопрос оказался интересным.

– Скажи, брат Кирилл, в Москве много монстров?

– Не знаю, брат-полуночник, – честно ответил Амон. – Но не сомневаюсь, что по ночам в нашем городе происходят весьма интересные вещи...

* * *

Вереница одинаковых фургонов, едущих глубокой ночью по центру города, наверняка привлекла бы внимание блюстителей порядка, если бы

не «бонус» от высокопоставленных театралов московского Отражения: они похлопотали о предоставлении сопровождения, и впереди колонны Татум двигался белоснежный полицейский автомобиль с включённой «люстрой». Всего один автомобиль, но этого было достаточно.

Театр Отражений много гастролировал, но Зур давно отказалась от больших, многоосных грузовиков – узкие улочки старинных городов становились для них непреодолимым препятствием. Или не улочки, а место выступления. В Москве, например, театр традиционно играл в древних соляных подвалах, проехать в которые гигантские машины попросту не могли. А вот фургоны – с лёгкостью. Колонна поднялась по безлюдному Яузскому бульвару, свернула налево, в Подколокольный, спустилась к Хитровской площади – там полицейский автомобиль остановился, перекрыв дорогу в сторону Солянки, а фургоны по очереди отправились в распахнутые железные ворота с красной буквой «М» и исчезли внутри простенького здания, из которого давным-давно был проложен грузовой въезд в замысловатую подземную «систему» старой Москвы. В огромный, выложенный кирпичом лабиринт высотой в несколько метров и с такими широкими «улицами», что на них могли разъехаться два «УАЗа».

Официально считалось, что некогда этот гигантский подземный город предназначался для хранения соли. И возможно, часть его действительно использовалась для этой цели, но только часть, потому что расположенный в глубине лабиринта амфитеатр вряд ли можно было отнести к складам. Даже с натяжкой.

– Мы подготовили должное количество помещений, Татум баал, – с почтением произнёс Шварц, помогая женщине выйти из фургона. – Грузчики ждут.

Шварц – правая рука Гаапа, исполнитель воли первого из Первородных Москвы, никогда не занимался делами лёгкими или неважными. Его присутствие демонстрировало уважение. Зур это обстоятельство отметила и оценила.

– Я знала, что на вас можно положиться, – прошелестела она из-под капюшона. И прикоснулась к руке грешника. – Ни в одном другом городе Отражения я не чувствую себя столь комфортно.

– Гастроли Театра Отражений – праздник для нас, Татум баал, – склонил голову Шварц. – Мы восхищаемся вашим искусством.

Зур знала, что, в отличие от Гаапа – подлинного ценителя тёмной сцены, Шварц был неимоверно далёк от восприятия прекрасного, но знание не мешало ей принимать лесть.

– Благодарю.

Её прикосновение подарило грешнику «укол удовлетворения» – короткий, но с долгим послевкусием. Шварц неприятно улыбнулся – его портили мелкие, словно сточенные напильником, зубы – и негромко произнёс:

– Мы ожидаем на первом представлении особого гостя, Татум баал. Он явится после начала и останется в ложе баала Гаапа. Не нужно привлекать к нему внимание.

– Никакого внимания, – кивнула Зур.

– Но мы надеемся на какой-нибудь особенный подарок после постановки, – закончил Шварц. – Баал Гаап хочет произвести на гостя впечатление.

– Баал Гаап останется доволен, – пообещала Татум.

Тёмное искусство Театра Отражений являлось табу для высших органиков, но с каждым годом им становилось всё труднее и труднее противиться соблазну запретного. В последнее время Зур часто встречала обитателей Дня на своих постановках, а предосторожности, которые принимал гость Гаапа, намекали на то, что очередной обращенный принадлежит к высшим кругам. Возможно, входит в Первую Свиту. И если так, то грешники одержали в Москве большую победу.

* * *

«Ночью мир отражается в тёмной воде и пьёт украденный у Солнца свет. Ложный свет, не дающий тепла, зато порождающий тени. Слабые тени, умирающие от дуновения ветра, и сильные, обретающие плоть в испуганных глазах. Но глаз мало. Вода слишком темна, и ночью мир отражается в наших душах, сплетается с собой и показывает то, каким мы его сделали. В действительности мир остаётся прежним, но мы получаем способность видеть его иным. Не настоящим, а тем, который незаметен днём...»

Так он говорил.

Так он думал.

И не просто думал: он знал, что так есть.

– Увидимся! – улыбнулся охранник.

– Увидимся, – согласился Кирилл, выводя за ворота мотоцикл – спокойный, как ядерная ракета, и такой же внушительный «чоппер». Без лишних, броских украшений, но тюнингованный вручную.

Московский климат не особенно благоволит всадникам, поэтому

сначала Кирилл хотел научиться водить машину, но, увидев на улице мотоциклиста, понял, что начнёт с двух колёс. И стал обладателем классного «чоппера», на котором так хорошо мчаться по ночной Москве, сливаясь с дорогой и полностью отдав себя во власть инстинктов. Ведь мотоцикл не даёт иллюзию безопасности – в отличие от железной коробки автомобиля, – и всадник чувствует мир таким, какой он есть. И видит его настоящим.

Выйдя из студии на Октябрьском Поле, Кирилл рванул до Ленинградского проспекта, повернул направо и резко помчался в сторону центра. Повезло – полицейских не оказалось, – однако на Тверскую Амон выезжать не рискнул, свернул на Большую Грузинскую, быстро, но без превышения, добрался до набережной Шевченко, немного порезвился на ней, потом подъехал к парапету и вот уже десять минут просто сидел в седле, разглядывая башни Сити и их отражения в чёрной речной воде.

Не думая ни о чём. Просто отдыхая.

И уже хотел уезжать, когда услышал за спиной шаги и нахальное замечание:

– Хороший мопед.

И улыбнулся в ответ на наивную реплику. Но не обернулся.

«Мопед...»

Кирилл знал, кто стоит позади: мальчик на «Порше». За последние пятнадцать минут он несколько раз лихо промчался по набережной, то ли тренируясь, то ли куражась, заметил одинокого всадника и решил «развлечься».

– Почём, говорю, мопед?

«Мальчику» было лет двадцать пять, «Порше», судя по всему, куплен на родительские деньги, а размер свиты – две машины с прихлебателями, – указывал на то, что «мальчик» богат...

Не только!

«Не только богат», – неожиданно понял Кирилл.

В смысле, мальчик безусловно богат, но сначала он органик. Он знает об Отражении, обладает силой, а значит, совсем не боится полиции, и надежда лишь на благоразумие прихлебателей... Один из которых как раз наклонился к жожаку и тихо прошептал:

– Среди мотоциклистов много волколаков.

Но недостаточно тихо, чтобы Амон не расслышал.

– Это не волколак, – мотнул головой «мальчик».

– И много тёмных.

– Будь он тёмным, уже бы вызверился.

Это верно – грешники спокойствием не отличались.

«Давай, вызверимся?» – с ухмылкой предложил зверь. Не «сидящий внутри Амона», а просто – зверь, часть Амона.

Естественная часть.

«Не сейчас...»

– Мне он кажется подозрительным... – Осторожный прихлебатель бросил на так и не обернувшегося Кирилла быстрый взгляд. – Надо его отпустить.

Он говорил очень тихо, неслышно для остальной свиты, и «мальчик» согласился, поскольку сейчас в отступлении не было позора. «Мальчика» тоже смущало железобетонное спокойствие всадника, и он уже пожалел, что решил к нему подойти.

Но всё едва не испортила Нара.

Возле «Порше» остановился серебристый «Мерседес», и выглянувшая из него девчонка громко осведомилась:

– Поймал кого?

Амон почуял, как «набычился» «мальчик», уловил страх осторожного прихлебателя и вздохнул, услышав от зверя:

«Они хотят умереть!»

И мягкое, расслабляющее очарование ночной Москвы уступило место приподнятому настроению ожидания схватки.

«Они хотят умереть!»

Зверь не констатировал факт – он обрадовался.

Кирилл до сих пор ни разу не обернулся, но точно знал, что сейчас позади четыре машины и двенадцать человек. Четыре девушки. Одна ведьма, правда, совсем юная и неопытная. «Мальчик» и осторожный – органики, тоже не старики, остальные – обычные люди.

«Тридцать секунд на всех, – улыбнулся зверь. – Ох, повеселимся... Но будет грязно».

Противиться желанию пустить кровь с каждой секундой становилось труднее.

– Что ты хочешь сделать с этим самокатчиком? – нахально продолжила Нара. – Искупать в Москве-реке?

«ДА! – радостно взвыл зверь. – Начинайте!»

– Я хотел у него прикурить, – твёрдо ответил «мальчик», после чего подошёл к Амону слева и тихо спросил: – Есть огонь?

Кирилл, по-прежнему не оборачиваясь, щёлкнул зажигалкой.

– Спасибо.

Парень выпустил клуб сигаретного дыма и отошёл. Осторожный

прихлебатель с облегчением выдохнул. Зверь недовольно заворчал, но своевольничать не стал. Навострил было уши, когда Нара стала что-то выговаривать о «старом уроде» и «какого чёрта он здесь расселся?», но Амон заставил зверя не слушать малолетку.

– Я сдержался, – с гордостью сказал он себе. – Я молодец.

Амон понимал, что ни в коем случае не должен ослаблять вожжи – поскольку догадывался, что натворит зверь, оказавшись на свободе.

* * *

Тем временем рабы-девоны разгрузили два фургона и взялись за третий. Шварц извинился и отошёл в сторону – ему позвонили, но остаться в одиночестве Татум не позволил заявившийся в соляные подвалы Портной. Как всегда немного рассеянный и не от мира сего.

Он был выше Зур, но лишь на несколько сантиметров, отличался худым, можно сказать – тощим сложением и имел маленькое, морщинистое лицо, делавшее его похожим на постаревшую куклу. К одежде Портной относился без интереса – грязного цвета лонгслив, такие же джинсы и потёртые башмаки. Длинные серые волосы стянуты в хвост, на левой руке два золотых кольца без камней – напоминал заслуженного ветерана тяжёлой музыки и не менее тяжёлых наркотиков.

– Зиновий, дорогой, рада тебя видеть! – Татум прикоснулась к руке старого друга, но на него не посмотрела. Она никогда не смотрела Портному в лицо, опасаясь третьего глаза – обычные люди считали, что лоб доктора Зольке украшает замысловатая татуировка, но Зур знала её подлинную силу.

– Татум, я скучал, – Зиновий изобразил объятия, едва дотронувшись до плеч женщины, и вновь отступил на шаг.

Они были скорее компаньонами, чем врагами, но Портной не позволял себе вольностей с хрупкой владелицей Театра.

– Я писала тебе, но с радостью скажу лично: твои последние работы восхищают, – искренне произнесла Зур. – Твоё мастерство необычайно.

– Наши работы: Татум, я создаю камни, но без твоей огранки они никому не нужны.

Искусство Портного заключалось в уникальном умении создавать живых существ самого разного образа, «сшивая» их из разных, порой не сочетаемых на первый взгляд частей. Его работы поражали воображение даже опытных колдунов и славились на всё Отражение. Из-под иглы

Портного выходили твари, а Зур правила их мозг, обучала пользоваться новым телом и служить.

– Жаль, что ты редко выбираешься из Петрояда, – продолжила Татум, используя европейское название Северной столицы.

– Жаль, что ты редко к нам приезжаешь, – улыбнулся в ответ Портной.

– Отражение огромно, гастролы Театра расписаны на годы вперёд.

– Приятно, когда тебя ждут.

– О чём важном ты хотел поговорить? – поинтересовалась Татум. Она давно знала Зиновия, знала его болезненную привязанность к Санкт-Петербургу вообще и Кунсткамере в частности и понимала, что лишь серьёзная проблема могла заставить доктора Зольке отправиться в путь. – Здесь нет лишних ушей.

– Ты уверена? – нервно уточнил Портной.

– Я в Москве уже два дня, – спокойно ответила Зур. – Я уверена.

Потому что тщательно проверила все места, где собиралась быть. Он кивнул, ещё раз огляделся и начал рассказ:

– Мне предложили необычайно интересную работу, но человек, которого я буду шить, пребывает в подавленном состоянии. Он всё видит, всё понимает, всё чувствует, но единственная реакция, которая ему дозволена, – ярость. Остальное у него забрали. И человек проявляет ярость к месту и не к месту.

– Ты хочешь вернуть ему сознание?

– Да.

– Из альтруизма?

– Мне предлагают огромные деньги, – признался Портной. – Но только за результат.

– Кто заблокировал сознание?

– Кто-то из Божественных.

– Думаю, я справлюсь, – обдумав, ответила Зур. – Не хочу хвастать, но ни один Божественный не способен наложить замки, которые бы я не смогла вскрыть. Мы договоримся.

– А если человек мёртв?

Это было важное уточнение. Татум вздохнула и поинтересовалась:

– Сознание заблокировали до смерти или после?

– Скорее всего – во время.

– Тогда тебе нужен некромант, Зиновий. Сознание мёртвых – это совершенно другое направление, их головы работают иначе, и без некроманта не обойтись. Мне очень жаль.

– Мне жаль, что в этот раз не получится поработать вместе.

– Да уж, не в этот раз... – Татум задумалась. – Я слышала, в колоде Гаапа появилась ведьма, умеющая менять Отражения. Если хочешь, я попробую договориться об услуге.

– Лучше я пойду к некроманту, чем к Гаапу.

– Как хочешь. – Она выдержала паузу. – Жду тебя вечером. В своей ложе.

– Спасибо.

– Это и твой триумф, Зиновий.

К воротам подъехал пятый фургон. Работали девоны споро, но реквизит требовал бережного отношения, поэтому разгрузка шла не так быстро, как хотелось. Шварц исчез, воспользовался тем, что Зур отвлеклась на Портного, и смылся. Зиновий тоже ушёл, промямлив: «Увидимся», однако сполна насладиться увлекательным процессом перемещения тюков и ящиков у Татум не получилось. Не прошло и минуты после ухода Портного, как зазвонил телефон, и, выслушав короткое сообщение: «Посылка на месте», женщина поспешила вглубь подземелий. И если бы в этот миг кто-нибудь смог заглянуть под капюшон, то ни за что не узнал бы обычно холодную и бездушную Зур: её глаза ярко блестели, щёки покраснелись, она в нетерпении покусывала губы и изредка улыбалась.

Несмело улыбалась, словно надеясь на что-то хорошее, но не веря, что получится.

Татум торопилась так, что почти перешла на бег, и лишь в последнем коридоре опомнилась, поняла, что теряет лицо, вернулась к привычному размеренному шагу и в апартаментах появилась с достоинством королевы. Медленно пересекла гостиную, уселась в кресло, лишь после этого посмотрела на Вирана, рядом с которым стояла пленница и...

И не сдержалась:

– Цепи? – изумлённо воскликнула Татум, разглядывая тонкие, но очень прочные кандалы, сковывающие запястья и лодыжки молодой женщины.

Виран побледнел от страха. Он не видел скрытого капюшоном лица, но давно служил Зур и по голосу понял, что хозяйка в ярости.

Татум подняла взгляд выше.

– Мешок?!

Голову пленницы скрывала плотная чёрная ткань.

– Это всё Иннокентий, – пролепетал Виран. – Я не знал... я не думал...

– Сними! – взвизгнула Татум, и её тонкие пальцы скрючились в птичьи лапы с острыми когтями. – Сними немедленно! Почему на ней мешок? Почему она молчит?!

– Молчит из-за кляпа во рту, – негромко сообщил сидящий в дальнем

углу Иннокентий.

Толстяк выглядел по обыкновению элегантно: светлый льняной костюм, идеально белая рубашка и светлые туфли. Справа, на журнальном столике лежала шляпа. Позу Кросс выбрал спокойную до небрежности, костюм носил с врождённым изяществом, и, глядя на него, никто не заподозрил бы, что под прекрасно пошитым пиджаком скрываются две кобуры с автоматическими «Береттами» 93R.

До сих пор Иннокентий молчал, внимательно наблюдая за Татум и видя в её поведении не столько гнев, сколько игру на публику, но сейчас решил вмешаться.

– Зачем? – прошипела Зур, поворачиваясь на голос. Она, разумеется, сразу увидела Кросса, но до сих пор игнорировала, показывая, что толстяк ей не ровня. – Кто тебе позволил вставлять кляп?

– А кого я должен был спрашивать? – удивился Иннокентий.

– Зачем ты это сделал?!

– У твоей подруги длинный язык, – с улыбкой ответил Кросс. – Не вставь я кляп – пришлось бы пристрелить.

– Мужлан!

– Ты объявила награду – я доставил груз. Груз цел и нетронут, а упаковка – на моё усмотрение.

– Это не груз! Мерзавец!

Судя по всему, Иннокентию надоело выслушивать вопли хозяйки театра, потому что на этот раз он глубоко вздохнул, поднял вверх указательный палец и вежливо, но отчётливо холодно произнёс:

– Татум баал, когда захотите в следующий раз меня оскорбить, вспомните, пожалуйста, два важных момента. Первое, ваше знаменитое умение на меня не действует. Второе, учитывая ваши размеры, я могу откусить вам голову не только в переносном смысле.

У пленницы дрогнули плечи, кажется, она засмеялась. Виран съёжился, в ужасе глядя на хозяйку, но Зур, надо отдать ей должное, не взорвалась. Видимо, ухитрилась не только расслышать, но и обдумать слова толстяка.

Она выдержала короткую паузу, возможно, справляясь с бешенством, но ответила спокойно:

– Ты на территории Первородных, Кросс, здесь полно моих слуг.

– Они станут замечательным гарниром, оттенив вкус главного блюда, – приятно улыбнулся в ответ Иннокентий и напомнил: – Мы говорили о деньгах.

Чем дал понять, что не собирается затевать ссору.

– Сколько времени она пробыла у тебя? – по-прежнему спокойно поинтересовалась Зур.

– Довольно долго.

– Почему не доставил сразу?

– У меня дела в Москве.

– Она здорова?

– Как я уже упоминал – да. Но немного помята.

– Ты её бил?

– Сегодня утром. Недолго.

Толстяк ждал очередной вспышки, но не случилось.

– Зачем? – почти равнодушно спросила Татум.

– Не хотела идти к вам, – ответил Кросс, выделив слово «вам».

Из-под мешка послышалось невнятное мычание, словно пленница попыталась выругаться. Зур коротко передохнула и бросила на стол увесистый мешочек с монетами.

– Здесь вся сумма.

– В чём?

– Полные филармоникеры.

Иннокентий весьма резво вскочил с кресла, сгрёб здоровенной рукой мешочек, потряс его, с наслаждением прислушался к звону и расплылся в улыбке:

– С вами приятно иметь дело, Татум баал.

– Убирайся.

Но он не стал торопиться. Отвесил лёгкий поклон, показывая, что готов распрощаться, но с места не сдвинулся, заставив Зур нетерпеливо поинтересоваться:

– Что ещё?

– У вас случайно нет лишнего билетика на завтрашнее представление? – невинно осведомился толстяк.

Несколько секунд женщина изумлённо таращилась на Иннокентия, и веря, и не веря своим ушам, а затем нервно рассмеялась:

– Я слышала, что ты дерзок, но не думала, что настолько.

В ответ Иннокентий вежливо улыбнулся и вопросительно поднял брови.

– Приходи, тебя пропустят.

– Благодарю, Татум баал.

Кросс приподнял шляпу и, насвистывая, покинул апартаменты. Он был очень доволен собой.

– Ты тоже проваливай, – угрюмо велела Зур.

Виран кивнул и боязливо, бочком, выскользнул за дверь. Где с облегчением вздохнул и вытащил из кармана успокоительное.

Татум выждала ещё с минуту, затем встала с кресла и резким движением откинула капюшон.

У неё оказалась маленькая, соразмерная сложению, голова с мелкими чертами: малюсенький носик, скошенный подбородок, едва заметные уши, но при этом – огромные, выразительные глаза необычайного фиолетового цвета.

– Милая! – всхлипнула Зур, бросаясь к пленнице. – Я соскучилась! Ты представить не можешь, как тяжело и одиноко мне без тебя! Милая...

Она сорвала мешок, выдернула кляп и замерла, несмело улыбаясь, ожидая и надеясь, что...

Бри Хамелеон обожгла Зур бешеным взглядом и прорычала:

– Я тебя ненавижу!

И отвернулась.

На прекрасных глазах Татум выступили слезы.

* * *

Сегодня город умывал прохладный летний дождь – чуть сильнее грибного, едва заметного, но всё равно лёгкий, не затянувший небо серой ватой туч, – и солнечные лучи отражались в миллиардах развесёлых капель, что стучали по крышам и шуршали по листьям, стекали по стёклам домов, автобусных остановок и машин... Лучи отражались в тех каплях, что ручейками мчались по хихикающим мостовым, смывали с памятников голубей и затекали за шиворот, призывая рассмеяться или хотя бы улыбнуться. Сегодня Солнце разбежалось по Москве небесными брызгами, и улицы старого города заблестели в мокрых лучах.

Сегодня было хорошо.

И Кирилл ничуть не пожалел, что позабыл зонтик.

Дождь застал его на полпути от «Китай-города», и намокшая рубашка стала приемлемой ценой за редкое в летнем городе ощущение прохлады и свежести. Кирилл не бежал, как многие вокруг, не прятался и даже чуть замедлил шаг, улыбаясь и не смахивая с лица капли. Зачарованная светом вода наполняла его силой, бурлящей энергией, дарила превосходное настроение и меняла хмурый мир миллиардами забавных отражений. Солнечный дождь раскрыл камень старого города и сделал его нежным. Высокие дома перестали подагрически крючиться, словно собираясь

рассыпаться на мостовую, выпрямились и устремились к небу, заблестели купола, шурша смеялись деревья...

Это пройдёт.

Небесные брызги не вечны, их прелесть обязательно высохнет под жаркими лучами, и скоро город вновь замкнётся в правилах своей тверди. Станет серьёзным.

Станет мрачным.

Но пока он улыбался, и люди ему отвечали.

Промокший, но зарядившийся отличным настроением Кирилл добрался до угла Подколокольного переулка и Яузского бульвара и остановился, внимательно разглядывая дом, в котором его ждали. Не старый дом, как тот, что прятался за деревьями с другой стороны переулка, но и не совсем новый, безыскусный. Жёлтый дом был выстроен в прошлом веке, цитаделью встал на перекрёстке, и его массивные стены грозно нависли над московскими мостовыми.

Скрывая тысячи тайн...

Загадки и секреты тенями скользили в окнах, забегали во двор через высокую арку, охраняемую отражёнными в белом камне воинами, прятались за дверями подъездов и квартир. Дом сочился тайнами, но Кирилл не ощущал враждебности. Настороженность – да, но не враждебность.

Он медленно прошёл в арку, покосившись на вымытых дождём стражей, отыскал нужный подъезд, набрал код, который сообщил Машина, потянул на себя дверь, но на секунду замешкался, разглядев на соседней двери табличку: «Школа игры на испанской гитаре». Под табличкой висело расписание занятий, а под ним – объявление: «Строго для двуруких. Оружие и гироскутеры проносить запрещено».

Изнутри доносились плавные, как полусонные волны, звуки – кто-то мастерски перебирал струны испанской гитары, Кирилл хмыкнул и шагнул в подъезд.

* * *

Лифт лязгнул, и на площадку вышел толстый человек в безразмерном льняном костюме соломенного цвета, белой рубашке, светлых туфлях и шляпе. Человек выглядел грузным, но одышкой не страдал и двигался на удивление свободно – безумный вес ничуть его не угнетал. Он огляделся, по очереди задержав взгляд на всех дверях, направился к правой – в меру

потёртой двойной деревянной двери с прорезью для почты – и уверенно крутанул ручку старого звонка. Ответом стала тишина. Гость собрался покрутить звонок повторно, но услышал шаги, правда, не рядом с дверью, а вдали, и короткую фразу:

– Не заперто!

Которую можно было расценить, как приглашение. Надавил на ручку и заглянул внутрь.

– Можно?

Прихожая промолчала. Что же касается шагов, они едва долетали до слуха гостя из глубины квартиры. Толстяк выждал несколько секунд, пожал плечами, снял шляпу, ступил внутрь, отразившись в пыльном зеркале прихожей, и неспешно пошёл по длинному коридору, бросая косые взгляды на двери: одна справа, глухая, закрытая на тяжёлый засов, скреплённый надёжным замком, и две слева, элегантные, межкомнатные, с матовыми стёклами. Закрытые, но, кажется, не запертые.

– Ермолай!

– Я здесь.

Коридор оказался проложен буквой «Т». Дойдя до развилки, толстяк повернул направо, на голос, и оказался в гостиной. Здесь стояли два дивана, столик и кресло-качалка перед большим окном, из которого открывался вид на «высотку». В углу уютно устроился незамысловатый аппарат – в нём гость уверенно опознал самогонный, – производящий, судя по запаху, нечто яблочное.

И крепкое.

Что же до хозяина квартиры, это был кудрявый, ярко-рыжий мужчина с очень простым, круглым лицом, носом-«картошкой», пухлыми щеками и жёлтыми, кошачьими глазами. В его левом ухе чернела коробочка беспроводной гарнитуры.

Мужчина сидел в кресле и никак не отреагировал на появление гостя: смотрел в окно, держа в руке стакан с чем-то прозрачным, и явно пребывал в глубокой задумчивости. Он был одет в чёрные кеды, чёрные брюки-карго с многочисленными карманами и футболку грязно-серого цвета. На груди, на левой стороне, футболку украшала чёрная надпись: ТКСН НЕЙТРИНО, а под ней цифры: 1523166.

По документам хозяин квартиры значился Ермолаем Покрышкиным, но вся отражённая Москва называла рыжего Машиной, и толстяка привело к нему важное дело.

– Ермолай?

– Ага.

– Меня зовут Иннокентий Кросс, – представился гость. – Я вам звонил.
– Присаживайтесь, – предложил Машина, указав стаканом на диван. – Выпьете?
– Не сейчас.
– Метаболизм не позволяет?
– Позволяет, просто не хочу.
– Что у вас случилось?
– Проблема с нахлобучником.
– Теряет форму?
– Падает динамика отзыва, иногда клинит при растяжении, а в последнее время появились хрипы при поступлении дыхательной смеси...
– сообщил толстяк. – В результате я периодически начинаю походить на Дарта Вейдера.
– Неудивительно для скафандра такого размера, – протянул Машина. – Может, нахлобучник изначально был запрограммирован на шум при дыхании? Для достоверности.
– Нет.
– Уверены?
– Нахлобучник барахлит, – вежливо ответил Иннокентий. Однако было видно, что вежливость даётся ему тяжело: толстяка жизненно волновало состояние скафандра. – Я не знал, к кому обратиться, а потом услышал, что вы вернулись в Отражение, и сразу позвонил.
– Давайте нахлобучник, – велел Покрышкин, отправляя стакан на стол. Толстяк выпрямился, глубоко вздохнул, медленно провёл по шее большим пальцем правой руки, в районе кадыка остановил движение, словно нащупывая что-то большим и указательным пальцами, и надавил до щелчка. Затем взялся за голову двумя руками и осторожно снял – она оказалась шлемом, скрывающим настоящую голову Кросса.
– Подождите здесь, – попросил Ермолай, внимательно разглядывая внутренности нахлобучника. – Кажется, я знаю, в чём проблема.
И вышел из гостиной.

* * *

Кирилл ожидал, что нужная квартира окажется в подвале, и сильно удивился, поняв, что придётся подниматься на самый верх – для жителя Отражения выбор последнего этажа был весьма необычен. Подвал, цокольный этаж, пристройка или флигель в глубине двора – вот

излюбленные места тех, кто знал, что мир намного больше, чем видно Днём. В укромных уголках отражённые чувствовали себя, как рыба в воде, не привлекали внимания и могли в любой момент скрыться, став невидимым для самого чуткого детектора.

А куда спрячешься на последнем этаже? В какую щель нырнёшь?

Машина шёл поперёк правил, но Амону это понравилось: он не любил тех, кто предпочитал тень.

Кирилл поднялся на последний этаж, вышел из лязгнувшего лифта и покрутил ручку звонка, обнаруженную рядом с нужной дверью. Старую ручку звонка рядом со старой, деревянной, двустворчатой дверью с почтовой щелью на уровне колена. Владельцы остальных квартир использовали домофоны с видеонаблюдением и стальные двери, способные сделать честь ядерному бункеру.

И, наверное, посмеивались над недавно переехавшим в жёлтый дом недотёпой.

А может, и не посмеивались – если знали об Отражении.

На звонок никто не среагировал. Амон покрутил ручку ещё раз, прислушался, решил, что разобрал прозвучавшее из дальней комнаты: «Не заперто!», открыл дверь и шагнул в тёмный, далеко тянувшийся коридор, едва освещённый двумя тусклыми светильниками. На Т-образном перекрёстке повернул направо и оказался в гостиной, где на диване сидел толстый мужчина в светлом льняном костюме и читал новости на карманном планшете.

Причём читал он их непонятно чем, поскольку голова у мужчины отсутствовала.

То есть она была, но абсолютно не гармонировала с телом, представляя собой нечто ужасное и ужасающее, состоящее, на первый взгляд, лишь из грозной пасти с хищно шевелящимися жвалами. И только потом становились видны маленькие глазки в количестве, кажется, шести и два коротких усика над ними.

При появлении Амона мужчина издал несколько стрекочущих звуков, а его планшет приятным басом перевёл:

– Хозяин занят.

– Я подожду, – кивнул Кирилл.

Уселся на другой диван, взял со столика глянцевого журнала за апрель 2004 года и раскрыл его примерно посередине. Некоторое время в гостиной царила тишина, но через минуту толстяк вновь застрекотал, и планшет поведал:

– Меня зовут Иннокентий Кросс.

– Очень приятно, – вежливо отозвался Амон. – Кирилл Амон.

Однако руки они друг другу пожимать не стали.

– Извините, немного шепелявлю – это из-за отсутствия нахлобучника, – продолжил толстяк. Судя по всему, он пробыл в гостинной достаточно долго и успел заскучать.

– Потеряли? – поинтересовался Амон.

– Отдал в ремонт.

– Этим занят хозяин?

– Да.

– Говорят, он прекрасный специалист.

– Поэтому я здесь – не доверяю больше никому, – оживился Иннокентий: – Ваша планета изрядно отстала от развитых миров, и просто чудо, что я сумел отыскать такого специалиста, как Ермолай. Вы тоже принесли что-то в починку?

– Я по личному вопросу, – улыбнулся в ответ Кирилл и перевернул журнальную страничку, надеясь дать понять собеседнику, что не намерен продолжать разговор.

Но не тут-то было. Толстяк подкрутил громкость на планшете и добродушно сообщил:

– Я откусываю людям головы.

– Хобби или по работе? – не отрываясь от журнала, осведомился Амон.

Кросс немного погрустнел:

– По работе... – но через секунду жвала вновь пришли в движение. – Но я отношусь к работе с душой, как к хобби.

– Наверное, у вас много недоброжелателей.

– Не без этого.

– Часто меняете нахлобучники?

– У меня нет возможности их менять, – вздохнул Иннокентий. – Но ремонтировать приходится. До сих пор кое-как справлялся сам, но теперь стану клиентом Ермолая.

– Вы, наверное, издаека?

– Мой мир называется Аммердау, но вряд ли вы о нём слышали.

– Я только осваиваю географию Отражения.

– Это скорее астрономия Отражения, – уточнил толстяк. – Аммердау – планета, отделённая от Земли сотнями световых лет. Я прибыл в свите господина Безликого, а после его смерти застрял здесь.

На самом деле он не был толстым, а казался таким из-за объёмного скафандра, внутри которого пряталось мощное и необычайно крепкое

существо.

- Безликий – это Древний? – поинтересовался Амон.
- Один из величайших Древних, – с почтением ответил Иннокентий.
- Что с ним случилось?
- Повздорил с господином Шабом.
- Была причина?
- Мы не настолько хорошо знакомы, чтобы сплетничать о Древних.
- Насколько я знаю, их не осталось, – заметил Кирилл. – Бояться

некого.

- Многие баалы с уважением относятся к памяти господ.
- Согласен. – Амон перебрал странички журнала, понял, что почитать толстяк не даст, и задал следующий вопрос: – Почему Шаб не перебил свиту Безликого?

– Кого-то перебил, кого-то оставил... Господин Шаб любил ставить низших в сложные положения. Ведь, по сути, сохранив жизнь, он обрёк меня на медленную смерть.

- Почему вы не улетели домой?
- Господин Безликий строго хранил секрет межзвёздных путешествий и не рассказал его даже под пытками... Хотя кричал на всё Северное полушарие... Господин Шаб умел придавать переговорам перчинку...

- Давно вы здесь?
- Лет сто.
- И сколько ещё протянете?
- Двадцать, может, тридцать... – вздохнул Иннокентий. – Пока не сдохнет скафандр.
- Сочувствую.
- Мы в Отражении, Кирилл, здесь никто никому не сочувствует.
- Не люблю быть таким, как все.
- Тогда спасибо.

Разговорившись, Кирилл был не против продолжить общение со словоохотливым инопланетянином, но беседу прервал хозяин квартиры, вошедший в гостиную с мужской головой в руках. От неожиданности Амон вздрогнул, но через секунду понял, что видит перед собой нахлобучник, и не ошибся.

– Починил, – отрывисто сообщил Ермолай, протягивая голову поднявшемуся с дивана Иннокентию. – Ты напрасно не сказал, что за ухом застряла пуля.

- Не заметил, – развёл руками толстяк. – Или забыл.
- В общем, из-за неё и возникла основная проблема, но теперь всё в

порядке, – Машина почесал затылок. – А чтобы два раза не вставать, я почистил фильтры и смазал искусственные мышцы. Эластичность со временем теряется, так что динамика отзыва будет страдать и дальше, но не так быстро.

– Спасибо, – искренне отозвался Иннокентий, ощупывая голову. – Какими монетами берёшь?

– Только старшими.

То есть весом в полную унцию.

– У меня филармоникеры.

– Не имею ничего против.

Иннокентий положил на стол два золотых кругляша и осторожно нахлобучил искусственную голову поверх настоящей. Послышалось едва слышное жужжание, и ткани сошлись, не оставив на шее ни рубца, ни даже тончайшей линии.

– Отличная маскировка, – одобрил Амон.

– На том и держимся, – рассмеялся толстяк. Голос из нахлобучника звучал гораздо чище и естественней, чем из планшета. – Иначе давно попал бы на костёр.

– Сейчас не жгут, – заметил Машина.

– Ну, пустили бы на изучение, тоже хорошего мало, – Иннокентий покрутил головой, окончательно убедился, что с ней всё в порядке, и поинтересовался: – Я пошёл?

– Всего хорошего.

– До свидания, Ермолай! Кирилл, был рад знакомству.

– Увидимся.

Толстяк вышел в коридор, а через положенное время захлопнул за собой входную дверь. Только после этого рыжий повернулся к гостю и протянул руку:

– Ермолай Покрышкин. Машина.

– Кирилл Амон, – ответил тот, поднявшись. – Кирилл.

– Слышал, у тебя в паспорте написано другое имя?

– Оно чужое, – ответил Амон. – Так же как сам паспорт.

– А это имя? – поинтересовался рыжий.

– Этим я сам себя называл.

– Понятно.

– Правда? – поднял брови Кирилл.

– А что тут непонятного? – удивился Машина. – Ты очнулся, понял, что ничего не помнишь, нашёл себе подходящее имя, и с тех пор так зовёшься. Любой на твоём месте поступил бы так же.

В устах Ермолая недавняя история Кирилла прозвучала несколько фривольно, драма приобрела оттенок комедии, но при этом рыжий ухитрился не исказить ни единого факта.

– Пожалуй, ты мне нравишься, – усмехнулся Кирилл, выдержав короткую паузу.

– А вот я о тебе ещё не составил мнения, – честно ответил Машина. – Зачем явился?

– Знакомиться.

– И всё?

– Нужны патроны.

– Вот это уже разговор, – оживился Ермолай. – Что за оружие?

– Вот, – Кирилл открыл рюкзак и с гордостью продемонстрировал рыжему «РШ-12».

– Достойно, – оценил тот.

– Спасибо.

– Ты-то здесь при чем? Ты его не делал, – хихикнул Машина. – Я выразил уважение мастеру. Заочно.

– Ты можешь не язвить? – возмутился Амон.

– Ещё не пробовал. – Ермолай взвесил револьвер в руке. – Не тяжеловат?

– Для меня – в самый раз.

– Крепкая рука.

– На этот раз ты мне?

– Ой, какие мы обидчивые, – вновь хихикнул рыжий. – Тебе, тебе. Ты знаешь, что за надпись на оружии?

– Пока не выяснял, – не стал врать Амон.

– Гравировка означает, что парень, у которого ты забрал пушку, был членом старинного и весьма уважаемого братства «Mortem Monstrum».

– Истребители чудовищ?

– Слышал о них?

– Догадался по названию.

– Рассказать подробности?

– Это долгая история?

– Достаточно долгая, – подтвердил Покрышкин.

– Тогда давай начнём с патронов, – предложил Кирилл. – Сделаешь?

– Их изготовление не сложнее релятивистской механики.

– Какой?

– Не бери в голову, – махнул рукой Машина. – Пойдём.

И он проводил гостя в комнату напротив гостиной, напоминающую

одновременно кабинет колдуна, слесарную мастерскую и алхимическую лабораторию. Во всяком случае, именно так Амон представил бы себе их смешение. Вдоль стен – шкафы, рабочие столы, стеллажи, пара станков и высокая, до потолка, картотека с выдвижными ящиками. На одних столах разбросаны бумаги, тетради и раскрытые книги; на других установлены конструкции из меди и стекла, реторты, тигли... как по отдельности, так и связанные в странного вида устройства, предназначенные для смешения и разложения элементов; на третьих рассыпаны вещества, рядом с которыми ждут своего часа точнейшие весы. Книги в кожаных переплётах, ноутбук, атласы... Множество склянок с порошками, жидкостями и даже газом... верстак, три станка, инструменты...

Воняло, как в аптеке, в которой решили отремонтировать дизельный двигатель.

Но при этом не было ощущения беспорядка. В мастерской Покрышкина царствовал классический творческий бардак, и хозяин чётко знал, что где лежит.

– На кого нужны патроны? – осведомился Машина, подходя к одному из рабочих столов.

– А на кого есть? – попытался пошутить Кирилл.

Но пошутить не получилось.

– На всех, – серьёзно ответил рыжий. – Врать не буду, отражённых можно убить и обычными пулями: бронебойными или разрывными, но есть множество существ, которым нужны особые боеприпасы.

– Магические?

– Необязательно. Всем грешникам и большинству существ плохо от серебра. Кому-то больше, кому-то меньше, но плохо всем. Если собираешься на волколаков, нужны разрывные пули с повышенным содержанием серебра – им хватит, но вот яомо, хоть и оборотни, серебро «держат» гораздо лучше вервольфов и волколаков, им нужно стрелять точно в голову.

– Голова для них больное место?

– Для всего Отражения, – подтвердил Машина. – Отсечение головы почти всегда приводит к смерти объекта. Но до вражеской головы ещё надо добраться.

– Согласен... – Кирилл помолчал. – Что ещё гарантирует смерть монстра?

– Вижу, ты любознательный.

– Вдруг у меня не окажется патронов?

– Самые верные способы: отрубить голову или сжечь. А лучше:

отрубить голову и сжечь. Во всех остальных случаях возможны варианты.

– Прекрасно.

– Я знал, что тебе понравится.

– Какими патронами убивают Древних?

– Никакими.

– То есть?

– Таких патронов не существует.

– Даже у Братства? – Кирилл кивнул на гравировку «MORTEM MONSTRUM».

– Даже у них, – подтвердил Машина.

– А если я скажу, что стрелял в Древнего, ранил его, а потом убил?

– Если ты так скажешь, я отвечу, что ты каким-то образом усилил те патроны, которые у тебя были. Ты сам, – медленно ответил Ермолай. – И добавлю: никому больше об этом не рассказывай. Шаба никто не любил, но это не значит, что у принципалов или баалов не возникнет к тебе вопросов. Мало кому понравится, что по его городу разгуливает парень, способный завалить Древнего.

– Это круто?

– Это высшая лига, качок.

– Давай ты будешь называть меня Кириллом? – предложил Амон.

– Давай, – легко согласился рыжий. – Я как раз ломал голову, как тебя называть, чтобы не обидеть.

– Голову ломай над релятивистской механикой.

– То, что я о ней уже знаю, вы начнёте осваивать через семьдесят семь лет.

Переделать его было решительно невозможно.

Зверь, сидящий внутри Кирилла, негромко рыкнул и проворчал, что для начала нахалу нужно выбить пару клыков. Потом добавил, что в хорошей стае нужен хороший инженер. Потом заткнулся. Наверное, задремал.

Кирилл понимал, откуда взялось раздражение, но в то же самое время не чувствовал по отношению к Ермолаю злости. Да, он дерзок, но в разговоре Авадонна обронил, что у Машины «сложное прошлое», и Кирилл понял, что ему предлагается попытаться стать другом взрослому, сложившемуся человеку. Или развернуться и уйти.

– Может, сходим куда-нибудь? – предложил он, глядя, как Покрышкин выставляет в ряд гильзы. – Выпьем.

– Ты алкоголик? – осведомился тот, не отрываясь от работы.

– Иногда люблю накатить, – объяснил Амон.

– Накати моего яблочного.

– В отличие от тебя, я недавно в Отражении, и мне всё любопытно.

Некоторое время Ермолай размышлял, продолжая работать над патронами, потом сказал:

– Я знаю неподалеку интересное местечко, – отошёл к шкафу с химическими веществами и добавил: – Но сначала закончим с боеприпасами.

* * *

Перевоплощение...

Умение стать другим не только внешне, но и внутренне. Скопировать человека и «жить» так, как прожил бы он: принимать решения, которые принял бы он, совершать те же подвиги и ошибки.

Перевоплощение...

Величайший дар, доступный лишь гениальным актёрам, людям без лица, без личности, зато с потрясающим умением становиться другим. Талант, возведённый в превосходную степень, колдовство без колдовства, потому что магия перевоплощения идёт изнутри, а не снаружи. Можно накинуть на себя чужую личину, но нельзя надеть чужую личность – только вжиться. Вот почему в Отражении славилась театральная династия Очига – они могли сыграть кого угодно: великих баалов и легендарных принцепалов, богов, Божественных, ведьм и обыкновенных людей, и даже – Древних. Элизабет часто посещала их спектакли и оставалась довольна увиденным.

Потому что Очига досконально овладели искусством перевоплощения.

Им рукоплескал мир.

Они наслаждались славой.

И однажды приняли предложение самого известного театра Отражения...

* * *

Ночью Татум спала плохо: долго ворочалась, вспоминая каждый взгляд, каждый жест и каждую интонацию короткого, но эмоционального разговора с Бри. Однажды заплакала, уткнувшись в подушку, затем вскочила, охваченная дикой яростью, хотела броситься в подвал и бить,

бить проклятую Бри до тех пор, пока та не превратится в визжащий от ужаса кусок мяса.

Окровавленного мяса.

Но представив девушку избитой, Татум громко разрыдалась, с нежностью повторяя про себя имя любимой.

Под утро всё-таки забылась, разметавшись на кровати, но спокойным её сон назвать было нельзя: Татум ворочалась, стонала и снова плакала. Поднялась по будильнику, с больной головой и в отвратительном расположении духа. Хотела кого-нибудь убить, но дел накопилось много, и решила отложить кровопускание до вечера.

Тот факт, что Бри находится рядом, но игнорирует её порывы, терзал раскалёнными щипцами, и в результате генеральную репетицию Татум посмотрела невнимательно, лишь изредка по-настоящему погружаясь в происходящее. Актёры казались бездарными, представление – глупым, а общий фон – серым.

Не радовало ничего.

Даже образ диких пыток...

С трудом дождавшись конца представления, Зур приказала Вирану собрать свободных охранников – Гаап выделил театру десяток волколаков – и показала полученную от дьяка-меченосца фотографию Кирилла Амона.

– Возможно, вы его знаете или слышали о нём, если не знаете – запомните, как этот человек выглядит, – громко произнесла Зур, без восторга разглядывая равнодушные физиономии оборотней. Она терпеть не могла ни усов, ни бород, ни бакенбард, без чего не обходилась ни одна волколачья морда. – Его зовут Кирилл, и он наверняка придёт на представление. Если во время спектакля у него возникнут какие-либо проблемы – помогите ему. Если он захочет меня видеть – проводите. Всё ясно?

– А если он не захочет вас видеть, Татум баал? – подал голос Виран.

– Тогда он уйдёт, – пожала плечами женщина. – Ещё вопросы есть?

Охранники промолчали.

– А теперь самое главное. – Зур выдержала многозначительную паузу. – Вы все знаете, что вчера Иннокентий Кросс доставил мне особую гостью. Очень ценную и важную лично для меня. И я хочу строжайшим образом предупредить, что если с моей гостьей что-нибудь случится, или она каким-то образом исчезнет из своей... комнаты, вы все будете казнены. – Татум улыбнулась. – Хорошего вечера.

Волколаки ответили невнятным рычанием, но спорить с Зур не рискнули: знали, что слово она сдержит.

Покончив с неотложными делами, Татум направилась в подвал. Сначала хотела выдержать долгую паузу в «общении» с Бри, продемонстрировать, что тоже может быть холодной и обидчивой, но не удержалась.

– Из-за одной ошибки... – бормотала она, торопливо спускаясь по лестнице. – Из-за одной проклятой ошибки...

Зур действительно казалось, что всё случившееся между ней и Бри – роковая случайность, нелепое недоразумение, которое можно исправить и за которое можно извиниться... Ей казалось, что если она доходчиво объяснит раздосадованной девушке свою позицию, их отношения обязательно станут прежними.

В конце концов, они любят друг друга!

Когда-то любили, и Зур не верила, что то время уже прошло...

Подземелье, в которое Татум отправила Хамелеон, представляло собой тщательно охраняемый каменный «мешок», расположенный ниже самого низкого уровня соляных подвалов. Это подземелье Зур выделяли всегда, поскольку в труппе Театра Отражений служили и весьма опасные «актёры» в амплуа убийц, насильников, палачей и прочих зверей. А поскольку играли они искренне, от души, их приходилось держать в клетках.

Спустившись, Татум прошла мимо крылатого сатира, тут же сделавшего ей непристойное предложение, мимо клетки со стаей железноклювых воробьёв, мимо человекообразного медведя, морда которого несла на себе самые отвратительные следы обоих видов, и задержалась у темницы таинственного пленника, голову которого скрывала маска осла. Он путешествовал вместе с труппой, но актёром пленник не был и держался скованно: сидел на грязной соломе, ни с кем не разговаривал и никогда не снимал маску. Его появлением в театре Зур закрыла старый долг, но, глядя на пленника, всегда вздыхала, не в силах отогнать предчувствия.

Плохие предчувствия.

А в следующей клетке сидела Бри.

Красивая настолько, что у Татум перехватило дыхание. И холодная, как мрамор Снежной Королевы. Яркая и яростная.

– Бри...

Хамелеон не ответила.

– Бри...

Но к клетке Зур предусмотрительно не приближалась – вчера разъярённая девушка едва не откусила ей пальцы, когда хозяйка театра неосмотрительно вцепилась в металлические прутья. В результате, увы,

пришлось оставить любимую в кандалах, но Татум всё равно верила, что их чувства обязательно вернутся.

– Мы созданы друг для друга.

Бри отвернулась.

– Ты так говорила, – напомнила Зур. – И я верила тебе.

– А я – тебе! – выкрикнула Бри. – Я верила, будь ты проклята!

Любящая Татум не обратила на проклятие внимания.

– Ты всё испортила! Ты сломала мою жизнь!

– Я создала шедевр! – пролепетала Зур.

– Ты уничтожила меня!

– Во имя нас! Ты блистала в тот день.

– Ты уничтожила меня... – Хамелеон отошла к стене и опустилась на грязную солому, став похожей на пленника в маске осла: голова поникла, плечи опущены... В это мгновение Бри выглядела так, словно готовилась позировать скульптору образ безысходности. – Ты сожгла мою жизнь.

– Мы создали шедевр, моя любовь, – убеждённо ответила Зур. – Мы отразили Тьму искусством, и мир стал другим.

– Мир становится другим каждый день, – угрюмо выдохнула Бри. – Почему за мой счёт?

Лучше бы она заорала. Лучше бы вновь накинута, попытавшись откусить пальцы или добраться до глаз. Лучше бы сыпала проклятиями и давала волю ярости, чем эта угрюмая и мрачная тоска.

Бри Хамелеон выглядела полностью опустошённой, и это сводило Татум с ума.

* * *

Доктору Зиновию Зольке в ту ночь тоже не спалось.

Впрочем, Портной потерял спокойствие ещё несколько дней назад, когда один из самых сильных московских баалов пригласил питерского колдуна на тайную встречу. Соглашаться было страшно, но отказаться невозможно, поэтому Зольке отложил дела и отправился в Москву, предполагая заодно побывать на представлении Театра.

И размышляя, что от него понадобилось Авадонне.

Но, несмотря на его усилия, предложение карлика всё равно стало для Зиновия сюрпризом.

– Прекрасный коньяк, – одобрил Портной, с удовольствием смакуя напиток. – Изумительный.

– Я знал, что вам понравится, – тихонько рассмеялся сидящий напротив Авадонна. – Мои личные запасы.

– Для особых случаев? – догадался Портной.

– Именно.

– Я не самая важная персона Отражения.

– Но вы мне нужны, Зиновий, – мягко объяснил карлик. – А значит – случай особый.

Они встретились вдали от посторонних глаз, в подземной квартире Авадонны, предназначенной именно для таких случаев. Где она находится, Портной не знал – он спустился в неё в лифте Аристотеля, – и знать не хотел. Но меры предосторожности произвели на Зиновия впечатление.

Они поужинали, болтая о пустяках, а сейчас открыли бутылку изумительного коньяка и готовились перейти к деловому разговору.

– Вы дружите с Татум, – произнёс Авадонна, глядя Портному в глаза. – Я хочу, чтобы вы свели её с Кириллом Амоном.

– Который потерял память?

– Да.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, справится ли Зур с его амнезией, – вежливо ответил карлик.

– А если честно?

– Хочу посмотреть, справится ли она с его амнезией.

– Гм...

Зиновий сделал следующий глоток – коньяк почему-то перестал вызывать у него щенячий восторг, – и поинтересовался:

– Их встреча может закончиться для Татум плохо?

– Может, – не стал лгать Авадонна. – Почему вас это беспокоит?

В Отражении редко заботились друг о друге, и поведение грешника выглядело неестественным.

– Мы компаньоны, – сообщил Портной. – Впрочем, вы знаете.

– Знаю, – кивнул карлик. Он добавил в бокал Зиновия божественного коньяка, втянул ноздрями аромат, пробормотав: «Великолепно!», вернулся в кресло и улыбнулся: – Как вам наверняка известно, мой дорогой Зиновий, некоторое время назад высшие баалы Отражения унаследовали библиотеку Древних, честно поделив её между собой.

– Архив? – у Портного вспыхнули глаза.

– Нет, не Архив, а книги и документы, хранившиеся в доме. – Авадонна помолчал. – В числе прочего я стал обладателем старого атласа времён правления Сулеймана V, и в этом атласе – вы не поверите, – указано

расположение одного из неразграбленных хранилищ этого великого принципала.

В действительности, атлас карлик выменял у Виссариона, однако он старался избегать искренности в общении с ненадёжными контрагентами.

– Что мне даст этот атлас? – тихо спросил Портной, но Авадонна прекрасно видел, что у него задрожали пальцы.

– Вы знаете, что вам даст атлас, – спокойно ответил карлик. – Вы можете найти то, что безуспешно ищете с Посвящённым Пэном несколько последних лет. – И тут же усмехнулся: – А можете не найти. – Ещё одна пауза. – Я проверил: хранилище действительно запечатано и не разграблено, даю слово.

Несколько секунд Зиновий пронзительно смотрел Авадонне в глаза, а затем залпом выпил остававшийся в бокале коньяк.

Карлик тонко улыбнулся и продолжил:

– Если вы мне поможете, я передам Кириллу атлас – якобы от вас – и уговорю помочь. То есть вам будет служить лучший из возможных наёмников Отражения.

– Даёте слово?

– Могу поклясться на крови.

– Договорились! – Портной ощерился в улыбке. – Давайте вашу клятву!

Они договорились.

Но сегодня доктор Зольке плохо спал, он понял, точнее, вдруг сообразил: если Татум выживет – у него будут крупные неприятности.

* * *

– Заведение рядом? – поинтересовался Кирилл, увидев, что Машина небрежно захлопнул дверь квартиры, даже не проверив, закрылась ли она.

– Придётся пройти, но недалеко, – ответил рыжий, нажимая на кнопку лифта.

– Насколько недалеко?

– На Хитровку.

– На площадь?

– Под неё.

– В канализацию?

– В Систему.

– Что такое «система»?

– Потерпи несколько этажей и узнаешь.

Через мгновение за решётчатыми стенами шахты появилась кабина лифта, но Ермолай, к некоторому удивлению Кирилла, открывать дверцу не стал, дождался, когда она распахнётся изнутри и черноволосый лифтер предложит:

– Прошу.

Лишь после этого Покрышкин шагнул в кабину, Амон за ним, лифт лязгнул, как показалось Кириллу – гораздо унылее, чем раньше, и плавно отправился вниз.

При этом и кабина – кстати, совсем не та, в которой он поднимался на последний этаж жёлтого дома, – и служитель в оливковой униформе показались Амону знакомыми. Жест, которым лифтер предложил войти, тембр голоса...

«Проклятый старый дом!» – вспомнил Кирилл.

– Не сомневался, что мы с вами обязательно встретимся, – улыбнулся лифтер. – Рад, что в тот раз всё закончилось благополучно.

– Ты теперь здесь?

– Я давно здесь, – сообщил черноволосый. – Нужно только знать, как меня вызывать.

– Ты работаешь в этом доме? – уточнил Кирилл.

– В Отражении. – Лифтер улыбнулся. – Меня зовут Аристотель и, предвосхищая ваш вопрос: чаевые приветствуются.

– Вымогатель, – пробормотал Машина.

– Просто бизнес, – не согласился лифтер. – Люди редко замечают и уж тем более – благодарят тех, кто оказывает им небольшие, но очень важные услуги.

– Мелочи нет, – хмыкнул Амон. – Потом переведу на карточку.

– Вот её номер. – Черноволосый сунул в нагрудный карман Кирилла картонный прямоугольник и тут же распахнул дверцу: – Прошу.

И вышедший из лифта Амон удивлённо присвистнул.

Он ожидал увидеть грязный подвал, сырой и тёмный, наполненный кошачьими запахами и подозрительными звуками, а оказался в обширном, выложенном старинным кирпичом помещении со сводчатыми потолками, похожем на холл подземного замка. Здесь царил полумрак, созданный двумя тусклыми фонарями, а по стенам то и дело пробегали тени: Кирилла, Машины и другие, торопящиеся по своим делам, отдыхающие и дерущиеся. Тени тех, кого не было видно.

– Под домом мало кто работает, тут в основном склады, – объяснил Ермолай, поворачивая к широкому коридору. – На Хитровке гораздо

веселее, на Солянке вообще дурдом, а в базарный день – дурдом на выезде.

– Здесь мрачно, – поделился ощущениями Кирилл, заметив, что лифт исчез сразу, едва закрылась дверь – как будто его стёрли со стены.

– Здесь Отражение, – напомнил Покрышкин. – В эту тень веками сваливался образ падшего мира и преломлялся в миллионах тёмных от злобы глаз. Здесь рождается то, чего все боятся, а потом выходит на поверхность, чтобы пожрать Свет.

– В Отражении всегда мрачно?

– Дело не столько в Отражении, сколько в городе, – помолчав, рассказал Машина. – Камни городов притягивают энергию Ша, она путается в них, не может выйти, чтобы рассеяться, и воспроизводит саму себя. Города – это власть Ша.

– Какого Ша?

– Темной энергии Ша, которая плодит всё плохое, что тебе известно, и то, о чём ты пока не знаешь. Энергию Ша излучает Проклятая Звезда, ею питаются Древние, которых больше нет, и Первородные, которых зовут грешниками.

– Почему?

– Почему питаются? – хихикнул рыжий.

– Почему питаются, я могу предположить, – пробурчал в ответ Амон. – Почему их так называют?

– Это долгая история, но если не углубляться, то всё выглядит так: Древние называли себя владельцами Земли и утверждали, что Зло было первым во Вселенной, – ответил Ермолай. – Поэтому последователи Древних, тёмные колдуны, так себя и назвали – Первородными. В честь греха.

– Зло лежало в основе мироздания? – изумился Амон.

– Нужно ли напоминать, что это не моё утверждение? – поинтересовался Машина.

– Нет, не нужно, – после паузы ответил Кирилл. И тут же осведомился: – Ты в это веришь?

– Я не хочу в это верить, – поморщился Покрышкин. – Мне неприятно предполагать, что Зло способно что-то породить, тем более – Вселенную.

– Почему?

– Потому что тогда Вселенная обречена.

– А так?

– А так – есть надежда.

За разговором они преодолели коридор и оказались...

– Чёрт, – пробормотал Амон. – Не верю своим глазам.

– Ты просто не помнишь.

– Но всё равно не верю...

Обширный подземный холл у лифта производил впечатление, но место, где они оказались сейчас, поражало воображение. «Подвал» под Хитровской площадью оказался двухэтажным, с широкими коридорами, в которых без труда разъезжались «Газели», и освещался уличными фонарями. Город под городом. И не пустынный – живой, и хоть люди не толкались, как в метро, их было довольно много. Почти все лавки открыты, купцы нахваливают товар, кто-то отдыхает на скамейках, ковыряясь в мобильном телефоне, кто-то спит, приткнувшись к афишной тумбе, кто-то продаёт себя – между витринами лавок виднеются вывески: «Апартаменты», сотрудницы и сотрудники которых демонстрируют себя во всех позах. А из окон второго этажа долетают стоны... Столики трактиров вынесены на «улицу», между ними бродят фокусники и музыканты.

Однако снаружи Машина не задержался, завёл приятеля в трактир «Каторга», оглядел зал – на взгляд Кирилла, тесный, тёмный и прокуренный, – и выбрал дальний столик, по-татарски низенький, с набросанными вокруг подушками.

– Кальян или грибы? – молоденький половой дождался, когда мужчины разуются, и небрежно бросил на столик заляпанную книжечку меню.

Половой был одет в серую тюремную робу, не по росту длинную, и грязные холщовые штаны. И всё. Лицо чумазое, на руках цыпки, ноги босые.

– Не холодно? – осведомился Амон, кивнув на ступни пацана.

– Он не чувствует, – спокойно ответил Ермолай, раскрывая меню. И, не дожидаясь следующего вопроса, пояснил: – Мёртвый.

– Поднятый, – уточнил половой. И показал Амону татуировку на шее: – Ты слепой?

– Я новенький.

– А я – собственность трактира.

Кирилл покосился на спутника, но тот с таким интересом изучал меню, что отвлекать его Амон не рискнул и продолжил расспросы:

– Чем ты отличаешься от просто мёртвого? Тем, что ходишь?

– Тем, что соображаю.

– Те, которые мёртвые мёртвые – совсем идиоты, – добавил Машина. – А мёртвые поднятые вполне разумны. Только ни черта не чувствуют.

– Говорят, если часто поминать чёрта, можно призвать Молоха, – доверительно сообщил половой.

– Не удивлюсь, если он у вас часто бывает, – пробубнил Амон. – В такой-то грязи...

– Не будь привередливым, – улыбнулся Ермолай. – «Каторга» – весьма приличное заведение.

– Никаких тараканов, – кивнул мёртвый мальчишка. И уточнил: – В супе.

– А рядом?

– Тоже нет, – округлил глаза половой. – Их крысы пожрали.

Кирилл повернулся к рыжему:

– Здесь действительно можно есть?

– Если знать, что заказывать.

– Могут плюнуть в суп?

– Обычно мы себе такого не позволяем, но я могу попросить повара... – протянул мальчишка.

– Заткнись! – не выдержал Амон.

– Некоторые ингредиенты могут тебе не понравиться, поэтому в первое время не забывай уточнять, из чего приготовлено блюдо, – хмыкнул рыжий.

– Например?

– Например, у некоторых змеевидов резкий привкус. На любителя.

Через пару мгновений Кирилл понял, что «змеевид» – это не то же самое, что змея, сглотнул и предложил:

– Ты закажи.

Машина улыбнулся, захлопнул меню и метнул его в мальчишку. Тот поймал «снаряд» на лету, перевернул и расположил сверху записную книжку:

– Слушаю!

– Два больших тухлых пива и тарелку креветок.

– Прекрасный выбор! – сообщив это, половой исчез с такой скоростью, что Кирилл не успел осведомиться насчёт «тухлого» пива. В смысле, сможет ли он его пить. В смысле...

«В конце концов, я сам поручил себя заботам Покрышкина!»

– На самом деле оно называется «Тухлое семи повешенных», – сообщил Машина, словно прочитав мысли приятеля. – Варит его Жиза Акрополь, и знатоки особенно ценят нотку можжевельного гриба во втором послевкусии.

– Попробуем...

– А куда тебе деваться? – Ермолай побарабанил пальцами по липкой столешнице и предложил: – Спрашивай.

– О чём? – растерялся Кирилл.

– О чём угодно, – пожал плечами Покрышкин. – Нам ведь нужно познакомиться. Так что давай искренне спрашивать и так же отвечать.

– Гм-м... – протянул Амон, мысленно согласившись с рыжим: лучшего способа узнать друг друга, как с помощью прямых вопросов и честных ответов, ещё не придумано. А в следующий миг понял, с чего нужно начать: – Что за майка?

И кивнул на грязно-серую футболку Ермолая, украшенную на груди странными цифрами.

И понял, что угадал.

– Ты серьёзно? – изумился Машина. – Это твой первый вопрос?

– Чем он хуже других?

– Он... – Покрышкин явно растерялся. Покрутил головой, обдумывая, отвечать ли, потом вспомнил, что сам предложил Кириллу сыграть честно, и вздохнул: – Эта футболка входила в стандартный комплект формы. ТККСН означает Тяжёлый Космический Крейсер Стратегического Назначения, 1523166 – регистрационный номер. – Ермолай выдержал ещё одну паузу. – «Нейтрино» – название моего корабля.

– Как-нибудь расскажешь, – помолчав, сказал Амон.

– Это длинная история.

– Я планирую жить долго.

– Тогда договорились.

– Ваше пиво. – Половой с грохотом воткнул в стол две кружки. – Кроветки скоро будут.

– Неплохо, – одобрил Кирилл, отхлебнув. – Но гриб не чувствуется.

– Скоро придёт, – пообещал рыжий. И неожиданно сообщил: – Я сделал фильм о том, как ты порвал Дагена. Авадонна дал мне комплект очень хорошей аппаратуры, и я снимал всё, что ты делал. А потом смонтировал.

– Где теперь фильм? – негромко поинтересовался Амон.

– У меня. Точнее, считай, что у тебя. Можешь уничтожить в любой момент. Или посмотреть. Или посмотреть, а потом уничтожить – как решишь.

А как решать?

Сначала Кирилл хотел выкинуть те события из памяти, жить нормальной жизнью, благо работа ему нравилась, карьера шла в гору, и перспективы вырисовывались весьма интересные, но... Но в какой-то момент понял, что Отражение не отпустит.

Потому что он не прикоснулся к нему, а был частью.

Не стал, а был.

Не помнил, хорошей или плохой, но совершенно точно – неотъемлемой частью, и мир, наполненный невозможным, притягивал, манил своими тайнами, не отпускал...

– Можно посмотреть?

– Я прихватил с собой запись. – Машина положил перед Амоном карманный планшет, запустил видео и поднялся: – Схожу, помою руки.

Оставив Кирилла наедине с недавним прошлым.

Как это странно – смотреть на себя со стороны. Вот ты идёшь: хмурый, сосредоточенный, о чём-то думающий... Вот ты говоришь с плечистым убийцей... Вот дерёшься с ним...

Амон изо всех сил старался поверить, что видит себя, но постоянно закидывался на мысли, что смотрит кино. Реалистично снятую сказку, в которой актёр с его лицом играет главную роль. И лишь последние кадры, те, на которых он несёт к приближающимся полицейским спасённую Марси, вызвали хоть какой-то отклик – потому что он помнил тёплое дыхание девчонки, её глаза, её доверчивый голос... и ту лютую злобу, которую ощутил, узнав, что Иола и Даген её похитили.

Фильм закончился, но Кирилл продолжал сидеть, склонившись над погасшим экраном планшета, переживая недавние события и думая, как глубоко он отразится в новом для себя мире. В старом мире, о котором ничего не помнит... Куда попадёт и где вынырнет?

Кем окажется?

– Вы ведь Кирилл Амон?

Тряхнул головой и поднял глаза на замершего у столика человека. А если говорить о хлипком сложении, то уместнее будет сказать – человечка.

– Да, я Амон, – Кирилл откашлялся. – А вы?

– Я видел, как вы расправились с Дагеном, – улыбнулся человечек. – Поверьте, я ваш большой поклонник.

От улыбки кожа на его лбу тоже пришла в движение, и показалось, что искусно вытатуированный третий глаз вот-вот распахнётся.

– Любите наблюдать за убийствами? – неприветливо осведомился Кирилл.

– Не люблю сумасшедших, – уточнил человечек и протянул руку: – Позвольте представиться: доктор Зольке. Зиновий Зольке.

Рука у него оказалась хоть и маленькой, но весьма крепкой.

– Портной.

– Кто? – не понял Амон.

– Твой новый друг умеет сшивать различных существ по своему

желанию, – сообщил вернувшийся за столик Машина. – Может пришить голову змеи к телу зебры.

– Зачем?

– Просто так.

– Я создаю новые сущности, – обиделся Зольке. – А змея с зеброй не сойдутся! Хотя...

Он вдруг задумался.

– Простите, не вы только что сказали, что не любите сумасшедших? – с иронией спросил Амон.

– Привет, Зиновий, – рассмеялся Ермолай, отхлёбывая пива. – Добро пожаловать в наше маленькое, но очень ехидное сообщество.

Зольке нахмурился, с трудом заставив себя перестать думать о скрещивании зебры со змеей, и недовольно заметил:

– Твоя рекомендация настроила Кирилла против меня!

– Присаживайся.

– Ты всё испортил.

– Садись, говорю, в ногах правды нет.

Портной вздохнул, расположился за столиком и посмотрел Амону в глаза:

– Я не издеваюсь над разумными, работаю с ними, лишь получив добровольное согласие. Что же касается опытов над животными, они правомерны по всем законам.

– Чем вызвана наша встреча?

– Хочу оказать вам услугу.

– Ради чего?

– Чтобы потом вы внимательно выслушали моё предложение, позабыв о неприятных словах Машины. – Зольке выразительно посмотрел на рыжего. – Я намерен предложить весьма выгодный контракт...

– Начни разговор с услуги, которую ты готов оказать, – предложил Ермолай. И ухмыльнулся Кириллу: – С грешниками следует говорить только так: не верить обещаниям и не давать в долг.

Зиновий вновь нахмурился, явно собираясь огрызнуться, но так же явно передумал и почти спокойно произнёс:

– Кирилл, я слышал, вы потеряли память?

На рыжего он не смотрел. Даже третьим глазом.

– К сожалению, – подтвердил Амон.

– А в Москве как раз гастролирует Театр Отражений.

– Как раз? – не понял Кирилл.

– Не как раз, – качнул головой Машина. И неожиданно резко

добавил: – Убирайся.

Портной прищурился:

– Вы не хотите, чтобы ваш друг вернул память?

– О чём он говорит? – спросил Амон. Кирилл с удивлением понял, что его рыжий спутник изрядно раздражён.

– Ваши кровати! – Мёртвый мальчик выставил блюдо, но на него не обратили внимания.

– Потом объясню. – Ермолай тяжело посмотрел на Портного: – Зиновий, мне не нравится твоё предложение.

– Главное, чтобы понравилось Кириллу, ведь он потерял память, а не ты. – Доктор Зольке выдержал взгляд Машины, после чего вновь повернулся к Амону: – Дело в том, что Татум Зур, владелица Театра Отражений, – знаменитый мастер сознания. Мы давно знакомы, я могу свести вас и попросить Татум снять блоки, которые скрывают от вас ваше прошлое.

«Я вспомню себя!»

Амона захлестнула радость, но он сдержался, промолчал, повернулся к рыжему и вопросительно поднял брови.

– Я не хочу, чтобы ты связывался с Зур, – спокойно ответил Ермолай.

– Она опасна?

– Все тёмные опасны. Но эта тварь – конченная садистка.

Портной деликатно улыбнулся.

* * *

Татум, Татум, Татум...

Моя любовь, моя боль, моя ошибка, мой кошмар... Я помню каждое мгновение, что провела с ней. И ненавижу себя. И не могу её забыть. А она – я знаю точно – не может забыть меня. И я понятия не имею, что в наших отношениях правда, а что притворство...

Была ли любовь?

Не знаю...

Я помню лишь упоительное чувство полного, невысказанного счастья. Помню подземное озеро с ледяной водой – у Татум есть дом в одной из альпийских пещер, где мы скрывались от всех. Помню её горящие глаза... Знаете, Татум необычайно эмоциональна, но при этом сдержанна, раскрывается лишь тем, кого любит, а любит она только меня... У неё очень красивые глаза... А когда она говорит о театре, они становятся

изумительными, становятся фиолетовыми бриллиантами чистой воды, внутри которых пылает вулкан.

Татум не создаёт искусство – она и есть искусство. Она распылена в каждой реплике своих постановок. В каждом движении. В каждой находке, призванной поразить зрителя в сердце.

В каждом извращении, которое эта маленькая безумная тварь выплёскивает в мир.

Она – воплощение всей грязи, что скопилась на подмостках Отражения.

Но как же она увлечена...

Татум – искусство. И тем подкупает. Увлекает. Очаровывает. Но её искусство требует жертв. Ведь оно отражает Тьму, а Тьма без крови – ненастоящая. Искусство Татум отражает Зло, а Зло без крови – лишь тень себя. Искусство Татум – это мерзость, а мерзость без крови не вливается в душу.

Моего отца четвертовали, а мать насиловали до тех пор, пока она не сошла с ума. Та премьера называлась «Ложь добродетели», в ней издевались над детьми и убивали так часто, как говорили... Я играла главную роль и осталась жива лишь потому, что, по замыслу Татум, требовалось изнасиловать и растерзать не меня, а мою душу...

И у неё получилось...

Премьера прошла с невероятным успехом... Зрители устроили двадцатиминутную овацию, и никогда раньше мои родители, самые знаменитые актёры Отражения, не переживали такого триумфа.

Впрочем... Они его и не пережили...

Бри Очига, которую все знали как Бри Хамелеон, замолчала и отвернулась.

Иннокентий кивнул, вздохнул, одновременно проведя по шее правой рукой, после чего негромко произнёс:

– Очень скоро в Москву приедет Театр Отражений, и ты сможешь отомстить.

– Неужели? – Бри резко повернулась и посмотрела на толстяка. – Зачем это тебе?

– Во-первых, мне нужно проверить одну догадку, – размеренно ответил тот. – Во-вторых, мне противно искусство Тьмы. Оно вызывает у меня отвращение. – Иннокентий помолчал, пристально глядя на девушку, и закончил: – Мы можем договориться, Хамелеон: хочешь – на слове, хочешь – на крови.

Гости начали прибывать за полтора часа до первого звонка. Через те же самые ворота с буквой «М» на Хитровской площади, но не одновременно, а выдерживая интервал, чтобы не привлекать внимания. Лимузины и просто дорогие автомобили по очереди въезжали в подземелье, объездным путём добирались до амфитеатра, высаживали пассажиров и по широким коридорам отправлялись к Солянке, паркуясь в большом гараже, обустроенном в подвалах несколько десятилетий назад. Но там шофёры не задерживались и пешком возвращались к амфитеатру, торопясь занять места на предназначенной для obsługi галёрке, чтобы хоть одним глазком увидеть необыкновенное представление Театра Отражений, одно из тех, о которых в Отражении слагали легенды.

А в амфитеатре царила изысканная роскошь. И немудрено, ведь в подземелье собрался цвет тёмного Отражения: колдуны и чиновники, менялы и ростовщики, оборотни и убийцы, владельцы компаний и массмедиа, вальяжные продюсеры и знаменитые режиссёры, примчавшиеся посмотреть на достижения Татум и поучиться. Другими словами – все высшие грешники Москвы. Дамы в вечерних платьях, кавалеры в смокингах, рабы в набедренных повязках – отобраны особо, по стати и сложению, на любой вкус и любое пристрастие. Рабы вызывали интерес, некоторые гости внимательно приглядывались к ним, подбирая развлечение на ночь, но пока сдерживались: актёры спектакля станут первыми номерами сегодняшнего драфта. А вот те, кому не повезёт со звёздами Театра Отражений, будут утешаться в объятиях рабов.

– Превосходный приём, – раскатистым басом произнёс Иннокентий, целуя Татум руку. – Я был на сорока трёх ваших спектаклях и хочу отметить, что самые роскошные проходят именно в Москве. Здесь на вас не жалеют золота.

Огромный Кросс явился в положенном смокинге, на пошив которого ушло не менее двух складов мануфактуры, в белоснежной сорочке и лаковых туфлях. Он выглядел импозантно и держался с достоинством чистокровного грешника. На его фоне хрупкая Зур, сменившая обычную мантию с капюшоном на шёлковую, казалась особенно маленькой. И крепко из-за этого переживала. Откровенно говоря, Татум завидовала Авадонне, которого абсолютно не стеснял смешной рост. Авадонна, кстати, уже прибыл и оккупировал стойку бара, окружённый толпой девиц, прихлебателей и просто знакомых – оттуда часто долетали взрывы хохота.

Татум с удовольствием присоединилась бы к компании карлика, но положение хозяйки накладывало обязательства, и Зур скользила меж гостей, стараясь уделить внимание большинству, если не каждому. До сих пор привычное занятие не вызывало у неё ничего, кроме лёгкой и тщательно скрываемой усталости, но появление Кросса – хоть и ожидаемое, – отчего-то показалось плохим знаком.

– Не думала, что ты явишься, – прошипела Татум из-под капюшона.

– Находясь на Земле, я не пропустил ни одной постановки Театра Отражений, – предельно вежливо ответил Иннокентий. – Тебе должно быть лестно.

– Кто ты такой, чтобы мне стало лестно?

– Представитель высокоразвитой цивилизации, сумевший преодолеть грандиозные космические пространства.

– Ради моего искусства?

– По твоим спектаклям я изучаю тёмную фауну, – хмыкнул Иннокентий. – К тому же сегодняшнее представление носит интригующее название.

– Я давно хотела отразить своё видение «Проклятой Звезды», – неожиданно ответила Татум. – Я восхищаюсь ею.

– Древние мертвы, – напомнил Кросс. – Прогибаться больше не перед кем.

– Я говорю искренне, – не обидевшись, сказала Зур. – Я всё делаю искренне. И моя постановка – это не реквием по Элизабет и Шабу, а горячее желание отразить их мир в искусстве. Отразить изначальную Тьму так, как она этого заслуживает.

Когда разговор заходил о театре, драматургии, актёрах и образах, Татум преображалась, начинала говорить жарко, с чувством, а главное – с кем угодно. Даже с неприятным толстяком.

– Уверен, твоё отражение Проклятой Звезды потрясёт воображение.

– И не только его... – Зур повернула голову, оглядев зал из-под капюшона. – Все они пропитаны невидимым, но сильным светом Проклятой Звезды. Все они вдыхают Ша и тратят её по своему усмотрению. Все они – грешники, даже если не Первородные, но быть грешником и нести Грех миру – не одно и то же. Власть Зла должна быть всеобъемлющей, и я рада, что баалы это понимают. Солдаты Тьмы рвут плоть непокорных, я – рву их души, и только вместе мы создадим идеальный мир. – Она вдруг осеклась, сообразив, что откровенничает даже не перед грешником, и сухо закончила: – Но тебе этого не понять, насекомое.

– И ещё я совершенно не понимаю, за что ты так искренне меня не любишь, – легко продолжил Иннокентий. – Неужели из чувства неполноценности, которое земная фауна испытывает к моему высокоразвитому роду?

– Заткнись!

– Я ведь не сделал вам ничего дурного, Татум баал, – вздохнул Кросс, и никто на свете не смог бы догадаться, что он лжёт, – ведь истинное лицо аммердау пряталось под маской.

– Ты... – Зур замялась.

Она не хотела говорить правду – о своих предчувствиях, но и молчать было глупо. Быстро найти выход не получилось, и лишь появление самого важного гостя помогло Татум выкрутиться из неприятной ситуации.

– Баал Гаап! – возвестил администратор.

Двери распахнулись, все, без исключения, обернулись и бурно поприветствовали единоличного владыку Москвы.

* * *

– Вот уж не думал, что в этой подземной... – На этом слове Кирилл осёкся, из вежливости не желая использовать слово, готовое слететь с языка.

– Говори, как собирался, – рассмеялся Ермолай. – Никого не стесняйся, особенно меня.

Однако определение Амон изменил.

– Вот уж не думал, что в этой подземной помойке возможна такая роскошь, – он огляделся. – Невероятно.

И для изумления была веская причина – золото.

Холл перед амфитеатром был украшен им от пола до потолка: столовые приборы, подсвечники, бокалы, кубки, тарелки – всё покрыто золотом или выполнено из него, и даже мраморные вазоны с чёрными розами и тюльпанами отделаны отнюдь не привычной бронзой. И это не считая побрякушек, что нацепили гости.

Приём блестел.

– А где ещё они могут показать себя во всей красе, никого не стесняясь и не опасаясь? – развёл руками Покрышкин.

– Ну, не здесь же, не в подвале, – это обстоятельство больше всего смущало Кирилла. – Могли бы арендовать зал, театр...

– Арендуют, – кивнул Машина. – И не только арендуют: им

принадлежат и залы, и театры... Но ни одно помещение не способно органично слиться с тёмными спектаклями Зур. Грешники даже морг снимали для постановок Зур, но нужного эффекта не добились: нигде не получалось подлинного сочетания мерзостей Тьмы и могильного холода – только здесь. – Он обвёл взглядом стены. – Здесь тёмные жили, когда Отражение считалось проклятым и подвергалось преследованиям, когда их жгли на кострах и гнали из домов. Здесь они таились. Отсюда гадили. Отсюда поползли в новое наступление на День. Из камней и земли, что густо перемешана с костями, из мрачной тьмы, в которой пылает жар золота – их металла. Здесь их тёмный дом, а Театр Отражений – их тёмное искусство. Татум не любит большие площадки, вроде Большого – вакханалии на знаменитых сценах устраивают её ученики и подражатели. А сама Татум предпочитает катакомбы Парижа, часовню Кенсал-Грин в Лондоне, небоскрёб Метрополитен в Детройте... Татум выступает только там, где мир отражён мраком и запустением, где Зло делается столь густым, что из него можно сложить новый мир.

– Ты много о ней знаешь, – медленно произнёс Кирилл, провожая взглядом Зур и Гаапа – владелица Театра Отражений лично вела баала в ложу.

– Меня учили собирать и анализировать информацию, – хмыкнул в ответ Машина.

Он изменил привычному одеянию и напялил взятый напрокат смокинг, который ему не шёл и теснил грудь. А вот Кирилл в светском облачении преобразился и выглядел так, словно носил смокинг с детства.

Друзья прибыли в театр пешком и вот уже с час потягивали игристое, развлекая себя изучением тёмной публики.

– Кстати, об информации, – продолжил Амон. – Зачем Портной пригласил нас?

– И не просто пригласил, – Ермолай поднял указательный палец: – Билеты, как ты наверняка догадался, безумно дороги, но их нет – раскуплены полгода назад. А у нас места в третьем ряду.

– Тем более.

– Ты нужен Портному.

– Я не наёмник.

– Значит, ты ему откажешь.

Амон хотел что-то сказать, но прозвучал очередной звонок, и они отправились на свои места.

– С дороги!

Кирилл пинком распахнул дверь, выскочил из зала, увидел в руке уборщицы ведро – после начала спектакля рабы принялись чистить холл, – вырвал его и поднёс к лицу.

Послышались характерные звуки, сопровождающие очищение организма от разного.

Рабы разбежались, не смея наблюдать за неприятностями гостя, а вышедший вслед Покрышкин улыбнулся, прислонившись плечом к кирпичной стене подземелья, и дождавшись, когда тяжело дышащий Кирилл выпрямится, произнёс:

– На самом деле ты молодец. Я на своём первом спектакле Театра Отражений продержался меньше двух минут. А ты – почти пять.

– Ты знал, что этим закончится? – хрипло спросил Амон, сплёвывая в ведро.

– Догадывался.

– Почему?

– Это нормальная реакция нормального человека.

На грязь и мерзость. На выставленные напоказ пороки. На их бесстыдное смешение, которым Зур, словно огненным клинком, резала то, что её зрители называли душой. Резала их чувства. Резала их стыд.

Татум была художником, но свои картины она писала Тьмой.

– Зачем?

– Это искусство.

– Неужели?

– Это их искусство, – уточнил Машина. – Первородные не столько поглощают мир, сколько строят свой: полное боли и дерьма подобие Проклятой Звезды, в котором они – жалкие, выродившиеся наследники, будут изображать Древних. А для того чтобы мир получился законченным, грешникам нужны все его составляющие, и в том числе – искусство. Сейчас они таранят своей мерзостью День, заставляя принимать чужое, заставляя искать добро во зле, а нормальное – в противоестественном, заставляя мириться с тем, что вызывает отвращение, и отказываться от стыда. Но обязательно придёт время, когда грешники объявят своё искусство единственным, и Театр Отражений поглотит все площадки. – Кирилл снова согнулся над ведром, но это обстоятельство не помешало Ермолаю продолжить короткую лекцию: – Попробуй представить мир, в

котором есть только одно искусство – тёмное отражение. Книги, повествующие о пытках, фильмы, воспевающие унижение, картины ада во всех галереях и спектакли о педофилии. А окружающие называют это нормальным... Нет! Считают нормальным и принимают как должное.

– Хватит читать фантастику, – с натугой произнёс Амон. – И пересказывать мне своими словами.

– Меня учили собирать и анализировать информацию, – задумчиво повторил Машина, мысленно сравнивая содержимое ведра с искусством Театра Отражений.

– На самом деле спектакли Татум – обыкновенный эпатаж.

– Ты действительно так думаешь?

Кирилл вздохнул.

Он ничего о себе не помнил, догадывался, что повидал разное, однако отвращение, которое ощутил на спектакле, ему пришлось пережить лишь однажды – при виде Элизабет в истинном облике, впитавшем в себя всю грязь мира и человека. Актёры Театра Отражений уступали Элизабет в мерзости, ни один из них не дышал запредельной злобой Древнего, но тошнотворность того, что они вытворяли, с лихвой компенсировала этот недостаток.

Татум хотела показать Проклятую Звезду и ни в чём себя не ограничивала.

– Демонстрируя тьму и грязь, она наполняет ими души зрителей, – продолжил Ермолай. – В их глазах отражается не мир добра, а зло искусства. Сначала чуть-чуть, потом больше, ещё больше, ещё... а потом смещается понимание зла, и вид замученных детей вызывает усмешку, а не сочувствие.

– У людей?

Машина долго, секунд десять, смотрел Кириллу в глаза, после чего на его губах появилась угрюмая усмешка:

– Какие они после этого люди?

Амон кивнул, помолчал и отставил ведро.

– Пойдём, хочу продолжить просмотр.

– А ты стойкий, – на этот раз усмешка оказалась весёлой.

– А ты тогда вернулся?

– Вернулся.

– Зачем? – удивился Кирилл. Он ожидал другого ответа.

– Один раз через это нужно пройти, посмотреть, что они готовят миру и как воспринимают демонстрацию мерзости, – спокойно объяснил Машина. – И тогда уверенность в правоте никогда тебя не оставит.

Её талант вызывал отвращение.

Точнее, она сознательно использовала талант для создания изысканно жутких постановок, вызывающих отвращение у обитателей Дня и буйный восторг Первородных. Мир отражался в огромных глазах Татум, наполнялся грязью чёрной души Татум и падал на зрителей талантом Татум, пачкая их вонью, которую выдавал за аромат. Порок был символом Театра Отражений. Порок сидел на вырубленном из страстей троне, судил целомудрие и стыд, и приговор не отличался разнообразием – смерть. Смерть запретам, ограничениям и брезгливости. Смерть нежности.

Смерть всему, что мешает, ибо в мире Татум нет места ничему, кроме желаний.

Любых желаний.

Мир Татум обволакивал ощущением вседозволенности, но забывал рассказать, что всё дозволялось лишь тем, кто мог себе это позволить – золотом или силой. Мир Татум уверял, что порок любит всех и все равны удовлетворяться по своему желанию, но учил подчиняться и наслаждаться болью. Наслаждаться тем, что дозволено.

Мир Татум крушил запреты, но создавал рабов.

Театр Теней давно стал чудовищно талантливым эхом Проклятой Звезды, но Татум не останавливалась на достигнутом: она мечтала создать полноценное отражение извращённого мира Древних. Мечтала о постановке, которая даже Первородных заставит холодеть от священного ужаса перед владельцами Земли. Мечтала скрупулёзно воссоздать пороки тех, кто зачал все извращения мира. Мечтала показать грешникам грязь, из которой они вышли.

Татум готовила представление три года и назвала его «Аллегория Проклятая Звезда».

И теперь сотня актёров без стеснения и стыда творили друг с другом то, что Татум понимала как взаимные отношения Древних, где смерть и секс вели бесконечный хоровод во имя Зла, смешивая кровь, похоть и ярость...

«Ты сможешь отомстить», – сказал тогда Иннокентий.

Это случилось на пятый или седьмой день пленения, когда Бри обессилела от бесплодных криков и проклятий, но всё ещё не принимала ни воду, ни пищу. Она догадалась, для кого Кросс её похитил, и приняла решение умереть. Она ослабла настолько, что не могла даже сидеть, и вот тогда, в полубреду, рассказала свою историю. Кросс выслушал внимательно, не пропустив ни слова, а ответил неожиданно:

– Ты сможешь отомстить.

И Бри поверила.

Может, от отчаяния, а может, потому, что Иннокентий превосходно сыграл искренность.

– Вот уже несколько месяцев я ищу одного человека. Мы уверены, что он в Европе, но ни я, ни другие охотники до сих пор не попали на след. И тогда я подумал, что его перевозят с места на место. Причём перевозит тот, кто способен спрятать человека от поиска.

– В Театре Отражений большой зоопарк, – догадалась Бри.

– Именно, – кивнул толстяк. – А поскольку каждая постановка Татум уникальна, она, не желая выдавать секрет, прячет от публики многих актёров. К этому привыкли. – Кросс подался вперёд. – Человек, которого я ищу, очень важен, и если выяснится, что Татум его прятала, её убьют.

– Кто? – угрюмо спросила Хамелеон.

– Молох, – ответил Кросс, и Бри поняла – убьют. Молох не прощает тех, кто идёт против.

Но оставался один вопрос:

– А если ты ошибся и Татум ни при чём?

– Я всё равно тебя продам, Хамелеон, – пожал плечами Иннокентий. – Но сделка со мной оставляет тебе шанс и на жизнь, и на месть, и даже на свободу...

* * *

Проблема заключалась в том, что охранник находился внутри каменного мешка и был ему под стать – одна из тех каменных обезьян, что вошли в моду с лёгкой руки Элизабет. Уродец стоял возле двери и походил на статую... собственно, он и был статуей – до тех пор, пока не начиналась тревога. Каменный страж реагировал только на тревогу, и это обстоятельство должно было помочь Бри в её затее.

Она подошла к краю клетки и негромко позвала:

– Письменник.

Крылатый сатир почувствовал женщину, шумно выдохнул и буквально бросился на решётку, подвывая и облизываясь. Судя по всему, Зур держала мохнатого сластолюбца на голодном пайке, и он совсем осатанел без женщин.

А вот страж остался недвижим: ведь заключённые оставались в клетках.

– Письменник!

Мужчина в маске осла поднял голову.

– Это вы?

Тишина.

– Я ваш друг.

– У меня нет друзей, – безжизненным голосом ответил мужчина. – У меня нет мира. У меня нет имени. Я соткан из мастерства колдуньи и расплачиваюсь за грехи, которые ещё не совершил. Я отражение слова, которое перестало звучать...

Хамелеон поморщилась. В первый момент она испугалась, решила, что Зур свела несчастного с ума, но потом вспомнила, что речь идёт о маскировке, и успокоилась. Охотники в Отражении встречались разные: одни искали тело, другие – разум, и Татум скрыла от мира и то, и другое. Сейчас Письменник вёл себя как абсолютный дегенерат, но когда заклятие спадёт, он вновь станет таким, как прежде.

– Мир изменится, порождённый любовью и ненавистью. Я – камень, который его скрепит. Моя печать отвергнет страх. Принеси мне вишни, женщина. Тьма отразилась во Тьме и стала отвратительна себе... Я видел, как Тьма сошла с ума, увидев себя... Я знаю, что День будет смеяться... У меня тысячи камней... Я хочу переделать вишни в слова...

Бри особым образом сжала кандалы – те самые, в которых её привёз Иннокентий и которые Татум оставила после нападения, – сжала до щелчка, после чего осторожно, стараясь не шуметь, сняла, прижала цепь к железу решётки и прошептала:

– Кросс, он здесь. Я нашла Письменника.

* * *

– Я хочу ту женщину, которая играла Элизабет, – капризно произнёс Господин Инкогнито. – Её хочу.

Таинственный гость появился в ложе Гаапа после начала представления, никем не увиденный и не узнанный. Лицо и фигуру

Господина Инкогнито скрывал чёрный плащ с капюшоном, во время представления он молча сидел, чуть повернувшись к стене, то есть делал всё, чтобы сохранить инкогнито. Но, услышав голос Господина Инкогнито, Татум окончательно поняла, кто пожаловал на аллегория.

– И двух мальчиков, которые были пажами Безликого, – добавил Господин Инкогнито.

Зур молча поклонилась и повернула голову в сторону Гаапа.

– Пусть их отвезут в мои апартаменты, – улыбнулся Ястребиный. – Добавь к ним двух змеевидов и ту хвостатую девицу, что чудно обходится с кнутом.

– Да, баал.

Татум поклонилась ещё раз и вышла из ложи, чтобы отдать нужные распоряжения. Однако в её голове билась одна мысль:

«Баал Гаап устраивает совместную оргию с бессмертным принцепалом Авдеем!»

Невозможное и невероятное свершилось.

Зур, так же как всё Отражение, видела, что органики и Божественные постепенно темнели – шаг за шагом, вслед за миром, который отравляли Первородные, но впервые в сети грешников угодил органик столь высокого ранга.

«А прежний дьяк-меченосец оказался Сердцеедом... – припомнила она недавний скандал. – Видимо, не случайно».

– Татум баал... – Как только Зур вышла из ложи, к ней тут же подбежал Виран. – Татум баал, Шварц сказал, что хочет забрать посылку.

«Шварц? Значит, за похищением Письменника стоит Гаап...»

В этом тоже не было ничего неожиданного: из московских баалов бросить вызов Молоху мог только он.

– Отдай, – распорядилась Татум.

– И вас хочет видеть Амон, – закончил Виран.

«Амон... Ах да, Айзерман...»

Зур впервые оказалась в центре сплетения такого количества интриг, и стремительность событий стала её немного смущать. А ведь ещё нужно принять поздравления, поговорить с другими гостями, провести аукцион актёров...

– Я всё устрою, – прошептал Виран, вкладывая в руку Зур бокал с игристым. – Выйдите к гостям, Татум баал, примите почести!

– Где ты находишься? – прошептал Иннокентий. – Я не могу засечь твоё местонахождение.

– Внизу, – ответила Бри.

– Это понятно.

– Не перебивай меня! – Хамелеон выдержала паузу. – Рядом с гримёрками есть грузовой подъёмник, спустись на три уровня вниз.

– Как мне попасть к гримёркам? – проворчал Кросс. – Тут полно народу.

– Придумай что-нибудь!

– Договоримся так: захвати Письменника и поднимайся, а я организую коридор на улицу.

– Договорились... – вздохнула Бри, но через секунду выругалась: – Стоп!

– Что случилось? – насторожился толстяк.

– За Письменником пришли.

– Проклятье! Кто?

– Не вижу... они в тёмных плащах. С ними Виран, но остальные прячут лица... – Бри выдержала паузу. – Шесть воинов, скорее всего – волколаки. Я с ними не справлюсь.

– Я встречу их наверху, – решил Кросс. – А ты действуй, как сочтёшь нужным. Не потеряй наручники.

– Кандалы, – поправила его девушка.

– Это для вас, ущербных, кандалы, – хихикнул Иннокентий. – А для меня – игрушечные наручники.

* * *

– Странно, что совсем недавно вы говорили о тенях, – проворковала Татум, с улыбкой разглядывая Кирилла. – Как будто о моём театре.

– Вы слушаете шоу? – удивился Амон.

– Довольно часто.

– Не ожидал.

– Вы удивитесь, когда узнаете, сколько людей на самом деле вас слушает, Кирилл Амон, – Зур сделала глоток вина – бокал на мгновение полностью скрылся под капюшоном, но почти сразу вернулся на свет. – Вы интересны Отражению.

– И вам?

– Всем.

- Звонили мне?
- Звонила, но меня всё время опережали, – вздохнула женщина.
- У вас есть возможность задать вопрос сейчас.
- Я думала, это вы хотите задать мне вопрос, Кирилл Амон. Ведь сегодня вы пришли ко мне, а не наоборот.

Он неожиданно понравился Татум: высокий, плечистый, раскрепощённый и совершенно чужой здесь, на празднике Первородных, в грязной и бездонной трясине московской Тьмы. Но при этом – ни капли страха или смущения, хотя вокруг одни только грешники. Абсолютное спокойствие, и лишь иногда по лицу скользит лёгкая тень, как будто Амон хочет скривиться, но дипломатично сдерживается.

«Сдерживайся, демонстрируй воспитание, прячь отвращение глубже! Сначала будет неприятно, потом войдёт в привычку, а в конце концов ты станешь равнодушным ко Злу!»

Татум видела подобное не один раз и не сдержала улыбки. Невидимой из-за низко надвинутого капюшона.

Дипломатичный дурачок ей понравился, будет приятно видеть его потемневшим.

«А возможно, милый мальчик, я сама возьму тебя за руку и отведу к сердцу Тьмы... Интересно, тебе нравятся миниатюрные женщины? А крупные мужчины?»

Портной, который подвёл к Зур Кирилла и его рыжего приятеля, выбрал идеальное время: хвалебные возгласы и вдумчивые поздравления закончились, гости занялись аукционом актёров, раскупая удовольствие на ближайший день, и позабыли о хозяйке театра. И место Зиновий подобрал правильное: Татум встретила с мужчинами в углу, у двери, за которой находились гримёрки, и они могли в любой момент войти в коридор и скрыться от любопытных глаз.

Портной их свёл, а сам исчез, что тоже было на руку Зур.

– Как вы заставляете актёров творить те мерзости на сцене? – хмуро спросил Амон. – Подчиняете их разум?

– И да, и нет, – мягко ответила Татум. – Я действительно могу подавить чью угодно волю, превратить в игрушку и заставить делать всё, что мне угодно. При этом я обрету марионетку, но потеряю актёра. Потеряю талант... Я давно убедилась, что талант несовместим с искусством прямого подчинения, и отыскала иной способ...

– Не столь жестокий?

– Более действенный, – уточнила Зур. – Если вы понимаете разницу...
– И свободно продолжила: – Всё дело в тених, Кирилл Амон. Тени – это

часть мира внешнего, который вы видите каждый день, но при этом – часть вас самого. Тень живёт внутри каждого, и я вижу разум шахматной доской – чёрные и белые клетки, на ней фигуры – чёрные и белые, а вокруг – тени, только чёрные. Главный секрет заключается в том, что я умею наделять тени силой, помогаю им закрыть белые квадраты и белые фигуры. Я не подчиняю чужой разум, Кирилл Амон, не делаю актёров марионетками, а дарю им новую жизнь. Новое ощущение мира. Все мои актёры наслаждаются на сцене, потому что у них внутри нет ничего, кроме теней. А то, что вы назвали мерзостью, для них есть способ обретения счастья.

– Они понимают происходящее? – изумился молчавший до сих пор Машина. – Они не под наркотой и не под гипнозом?

– Они понимают происходящее и наслаждаются, – подтвердила Зур. – Они не играют – они живут. Они так живут.

Амон вновь почувствовал приступ дурноты, и снова – от омерзения.

– Это ещё чудовищнее, чем я ожидал.

– Спасибо, Кирилл Амон. Ваши слова много для меня значат.

А Машина вдруг подумал, что Татум напрасно острит – она просто не понимает, кто перед ней, не догадывается, что если Кирилл в какой-то момент решит её убить – он её убьёт. И ни многочисленная охрана, ни гости-колдуны, ни присутствие Гаапа его не остановят. А Кирилл, судя по выражению глаз, был близок к тому, чтобы порвать женщину в клочья голыми руками.

Потому что до сих пор его ни разу не тошнило от омерзения.

– Я не хвалил вас, – мрачно произнёс Амон, сдержавшись.

– Вы изумлены, – кивнула Зур и тем чуть-чуть сняла возникшую напряжённость. – С другой стороны, это ведь не первая эпатажная постановка, которую вы посетили.

– Ваша – самая талантливая.

– Вам наверняка обо мне рассказывали, – капюшон качнулся в сторону Покрышкина. – И вы искали встречи не для того, чтобы расспросить об актёрах.

– Мы можем поговорить без свидетелей?

– Вас смущают гости?

– Я приехал к вам.

– Прошу. – Татум поставила недопитый бокал на поднос официанта, первой шагнула в коридор и вошла в третью дверь справа. Знала, что предыдущие комнаты уже превращены в «кабинеты», где нетерпеливых гостей ублажают актёры. Пока – в «кабинетах», но скоро веселье охватит весь амфитеатр: и холл, и зал, и сцену. Все постановки Театра Теней

обязательно заканчивались оргией.

Стоявшие в коридоре охранники – два волколака, – проводили троицу внимательными взглядами.

– Тут нам будет удобно.

Зеркала с подсветкой, диван, кресло, столики с косметикой, вешалки... Привычная атмосфера театрального закулисья, но... Но Зур вдруг испытала приступ необъяснимого страха. Или предчувствия? Или страха? На мгновение показалось, что поручение Айзермана невыполнимо и несёт лично ей страшную угрозу. Захотелось рывком вернуться в коридор и бежать...

Бежать...

Бежать прочь, как можно дальше от элегантного мужчины в смокинге. От мужчины, который ей неожиданно понравился. Который из вежливости не морщился, но при этом ни на грань не стал равнодушнее к злу. А возможно – возможно! – злился на себя за вынужденное дипломатичное поведение и с нетерпением ждал, когда можно будет приступить к резне.

«Это вам не молоденький развратный принципал...»

– Я хотел узнать, что вы умеете, – светским тоном произнёс Амон, разглядывая Татум через зеркало.

– Хотите вернуть память? – Ей удалось взять себя в руки. – Доверите мне свою голову?

– Не уверен, что у вас получится с ней разобраться.

– Не надо меня задирать, Кирилл Амон, я знаю, что ваш случай – вызов для меня, и готова его принять. Если у меня получится вернуть вам память, вы заплатите сто полных золотых любой чеканки.

– Почему так дорого? – возмутился Машина.

Кирилл уже заметил, что рыжий достаточно прижимист.

– Потому что я не знаю, что увижу в голове вашего друга, Ермолай, – объяснила женщина. – И никто не знает. Возможно, это меня напугает. Или убьёт.

– И вы просите всего сотню золотых? – рассмеялся Амон. – Всего сотню за то, что может вас убить?

– Это приятный бонус, Кирилл Амон, мне интересно побывать в вашей голове.

– Даже если это вас убьёт?

– Даже если так.

– Хорошо, побывайте. – Кирилл уселся в кресло. – Я готов.

– Оставьте нас, – распорядилась Татум, потирая пальцами виски.

– Я побуду здесь, – коротко ответил Машина.

– Зачем?

– Чтобы быть уверенным, что всё будет в порядке.

Присутствие свидетеля в планы Зур не вписывалось, но поскольку приказывать Покрышкину она не могла, пришлось уговаривать:

– Уважаемый Ермолай, скажите, как вы поймёте, что всё в порядке? – с иронией осведомилась Татум. – Вы ведь ничего не смыслите в гипнозе. Но оставшись в комнате, способны помешать.

– Машина, пожалуйста, – попросил Амон. – Только я и она.

– Я буду в коридоре, – рыжий зло прищурился на Зур и закрыл за собой дверь.

– Начнём? – усмехнулся Кирилл.

– Почему вы думаете, что мы уже не начали? – рассмеялась в ответ Татум. И резко сбросила капюшон, вперившись в Амона огромными фиолетовыми глазами. – Возможно, наш разговор выдуман, и на самом деле вы давно спите в кресле, а я препарирую ваш мозг.

– Это так? – небрежно осведомился Кирилл.

– А как вы думаете?

– Я не думаю... Я вижу...

* * *

А в следующий миг Амон увидел себя – в клетке из мощных, в руку толщиной, чёрно-белых прутьев. Клетка парила в нигде, пребывая в хрупком равновесии между омутом тёмной воды и бесконечностью лазурного неба, а Кирилл парил в ней – не касаясь прутьев, – рассматривая отражения себя во Тьме и Свете.

– Что я вижу? – спросил себя Кирилл.

Но услышан не был. Ему не с кем было говорить, потому что зверь, сидевший в нём, был им и не годился в собеседники.

– Что я вижу в отражениях?

– Жизнь, – прошелестел ответ из-за предела мира клетки.

Это говорила Зур.

– Я хочу видеть свою жизнь, – сказал Кирилл.

– Сейчас твоя жизнь занята – её смотришь ты и никому не позволяешь видеть.

– Но я её не вижу!

– Тогда спроси о ней меня, – предложила Зур.

– Зачем?

– Когда ты спросишь, я увижу твою жизнь твоими глазами.
– С чего началась моя жизнь? – немедленно поинтересовался Амон.
Ему показалось, что это будет важный вопрос.

Тишина.

Но Кирилл понял, что его глаза видят. Нет... не его глаза, а его глазами... видит не он... он лишь понимает, что видит, но не понимает, что видит... он...

– С чего началась моя жизнь?

Тишина.

– Татум!

Тишина.

– Ответь!

– Ты был рождён старым... – прошелестело вновь.

– Что?

– Твоя вторая жизнь...

Тишина.

– О чём ты говоришь? Точнее!

– Древние не могли тебя убить, потому что... – Зур снова замолчала.

– Татум!

А потом случилось вот что: парящий в клетке Амон неожиданно приблизился, повернулся, посмотрел на парящего в клетке Амона, глазами которого смотрела Зур, и очень холодно сказал:

– Тебе запрещено знать меня, грешница.

И Кирилл понял – что-то пошло не так.

* * *

Я знаю, ты мне не веришь, – сказал Иннокентий. – Я тоже далёк от того, чтобы считать тебя подругой, но сейчас я в тебе нуждаюсь и потому отдам один из ценнейших оставшихся у меня приборов».

«Кандалы?» – изумилась Бри.

И лишь потом поняла, насколько хитрое устройство пряталось под их личиной.

Она отняла их от решётки, расцепила, перекрутила цепь, вновь сцепила наручники, встряхнула и улыбнулась, увидев, что цепь затвердела, превратившись в клинок.

«Батарейка старая, заряд держит плохо, так что у тебя есть два, может быть, три удара...»

Но Хамелеонхватило и двух. Первым она снесла замок в своей клетке, а вторым – перерезала каменного стража. И направилась к подъёмнику, слыша за спиной похотливые стоны измученного воздержанием сатира.

* * *

Татум завизжала так, что у Машины заложило уши.

– Я никому ничего не скажу! – завизжала отчаянно, разрывая голосовые связки. Завизжала, как в последний раз. – Ты сам этого хотел!

– Открой! – Ермолай подскочил к двери и пнул её ногой. – Пусти! – Он не ожидал, что дверь окажется закрытой, и слегка растерялся. – Открой!

Подоспели охранники, заколотили тяжёлыми кулаками, и через пару секунд дверь им ответила. Татум резко и с необыкновенной для своего сложения силой распахнула её, и твёрдое деревянное полотно врезалось Ермолаю в лоб.

– Чёрт!

Машина отлетел в сторону и машинально закрыл лицо руками. Но на него никто не обращал внимания.

– Он убьёт меня! Спасите!

Зур вихрем вылетела в коридор и помчалась в зал приёмов.

– ...ть! – С чувством произнес Ермолай, поднимаясь на ноги.

Сделал шаг, намереваясь последовать за хозяйкой театра, но услышал короткий, полный боли хрип, краем глаза увидел рухнувшего на пол охранника – на его животе расплывалось кровавое пятно, – и отскочил, сообразив, что дело плохо.

Из комнаты появился Амон. Спокойный, немного медлительный, но очевидно целеустремлённый. В его левой руке Машина разглядел окровавленный меч и понял, что зверь на что-то разозлился.

* * *

Иннокентий знал, где находится подъёмник, поэтому быстро разработал самую примитивную из всех возможных легенду: «Я ищу туалет», пару раз отрепетировал её, пока добирался до коридора, и не сомневался, что произнесёт фразу предельно искренне.

По правилам, гости с оружием в Театр не допускались, но Кросса это обстоятельство не смущало, он рассчитывал встретить в коридоре двух-

трёх охранников и забрать оружие у них. Ну а дальше будет легче.

И в целом Иннокентий не ошибся. Охранников оказалось двое, вот только они не наблюдали за порядком, а лихорадочно колотили в запертую дверь. А за их спинами, дальше по коридору, Кросс разглядел подъёмник и группу мужчин в чёрных плащах, быстродвигающихся в противоположном от него направлении, вглубь подземного лабиринта.

Между плащами виднелся человек в маске осла.

«Я опоздал!»

Иннокентий разгадал загадку, вычислил местонахождение Письменника, оказался рядом... Но опоздал на минуту, может, на две. И его захлестнула обида. Не видя ничего и никого, кроме уходящих мужчин, Кросс сжал кулаки, широко шагнул в коридор и...

Вздрыгнул, когда резко распахнулась дверь, с удивлением посмотрел на визжащую Зур, а затем получил настолько крепкий удар в челюсть от Амона, что врезался в стену и потерял сознание.

* * *

Татум знала, что ей никто не поможет: не в традициях Первородных вступаться за того, кому грозит опасность, и уж тем более – прикрывать жертву, рискуя собственной жизнью. Татум знала, но бежать ей было некуда, только в холл, и гости, которых в нём было предостаточно, дружно разошлись при её появлении, устроив большой круг в центре.

«Мерзавцы!»

Но вслух она не сказала ничего – некогда было.

Нужно было спастись.

Зур остановилась, развела в стороны руки и стала медленно плести чёрную паутину, возбуждая тени в душах находящихся в зале актёров. И требуя от них ярости. Требуя помощи. Требуя зла...

И тени отозвались.

Но не совсем так, как надеялась Татум.

Страх сыграл с хозяйкой Театра Отражений злую шутку: она не рассчитала силу воздействия, «рванула» тени слишком резко, приведя в неистовство за сотую долю секунды, а те «рванули» свои тела, заменив эмоции и разум жадой смерти и разрушения. Разъярённые актёры не поняли, от кого должны хранить Татум, бросились на гостей, и всё смешалось: вечерние платья, смокинги, обнажённые тела и кровь. В ход пошли осколки бутылок, столовые приборы, когти и зубы. Ополумевшие

лицедеи рвали важных гостей на части, и каждая оторванная часть удесятерила их ярость, а Первородное собрание отражалось в лужах собственной крови. Зал наполнился рёвом, стонами и проклятиями. Чавканьем и хрустом. И ненавистью, которая поглотила всё. Первородное собрание внезапно и неожиданно для себя окунулось в свою суть и взвыло от ужаса и боли.

Став невольным участником «Аллегии Проклятой Звезды».

Безумие царило в зале, безумие Зла. И Татум хохотала, глядя на кровавую импровизацию, которая наверняка пришлась бы по душе Древним.

А московские грешники не хохотали – они обратились в зверей, отчаянно дерущихся за жизнь: рвали взбесившихся актёров и друг друга, дрались или пытались убежать, бросали им своих женщин и колдовали.

Долгожданной оргии не случилось, вместо неё пришла резня.

Выскочивший из коридора Амон вспорол ближайшего волколака, уклонился от удара, насадил на клинок актёра, за ним – бегущего грешника, стряхнул тела с меча, сделал шаг, снёс голову какой-то размалёванной ведьме, взмахнул мечом вновь – каждый шаг приходилось кого-нибудь убивать, заревел от возбуждения, забрызганный тёплой, свежей кровью, но неожиданно замер, услышав за спиной резкий окрик:

– Стой!

И отступил, словно проснувшись. Словно голос Машины имел над ним мистическую силу. Отступил, даже не поняв, почему.

Лишь коротко проворчав что-то обиженно...

А вот Бри не остановилась.

Она проскользнула мимо Кирилла, ворвалась в дерущуюся толпу, в кровавый бедлам Первородных, ловко уклонилась, увернулась, снова уклонилась – от всех, кто попался на пути, и добралась до замершей в центре холла Татум.

– Ты пришла... – улыбнулась Зур, разводя в стороны руки – для объятий. – Я так ждала...

Её лицо и плащ забрызганы чужой кровью, её обходит стороной сражение, словно полоумные участники Импровизации способны себя контролировать, словно знают, что посреди зала замер режиссёр, чёрный талант которого призвал их к смерти, и боятся ему навредить. Словно захватившие актёров тени берегут хозяйку, мечтая о новых спектаклях.

В центре зала сверкает бриллиант грешного Искусства.

Но бриллиант безумен и верит подошедшей женщине, как себе.

– Моя любовь, – улыбнулась Зур. – Я знала, что ты поймёшь и

придёшь...

– Будь ты проклята! – И Хамелеон вонзила в грудь Татум сотканный из цепи клинок.

– Бри... – Татум протянула к убийце руки. – Бри, я люблю тебя...

– А я тебя ненавижу!

Хамелеон взмахивает мечом, намереваясь снести Зур голову, но застывает. Её глаза расширяются от боли и недоумения, которое всегда появляется в глазах умирающих.

Ведь мало кто готов принять весть о собственной смерти.

А Хамелеон убили – ударили сзади ножом, пронзив клинком сердце.

– Они не были счастливы, но умерли вместе, – шепчет Зур, делая шаг к любимой. Падает на неё и закрывает глаза. – Бри...

Их кровь смешивается на каменном полу.

А озверевшие Первородные продолжают рвать артистов Театра Отражений.

Сегодняшний спектакль стал последним.

* * *

– Эпическое сражение, – оценил Авадонна, изучая идущую на экране схватку. – Не каждый день зрители становятся полноправными участниками представления.

Бойню в амфитеатре сняли камеры наблюдения, в которых там недостатка не было и к которым на удивление вовремя подключились помощники карлика. И теперь Авадонна, Амон и Покрышкин изучали кровавую Импровизацию, сидя в креслах напротив монитора. Звук, правда, отсутствовал, но и без него картинка завораживала кровью и неподдельным ожесточением.

– Вы знали, как среагирует Кирилл на вторжение в его разум, – негромко, но уверенно произнёс Ермолай.

– Догадывался, – не стал отрицать карлик, не отрывая взгляд от экрана. Он был слишком умён, чтобы спорить с Машиной.

– Почему не предупредили?

– Потому что хотел точно знать, как среагирует Кирилл на вторжение в его разум.

– Надеюсь, я вас не разочаровал, – пробормотал Амон.

– Меня – нет. Но те, кто попросил Татум вас исследовать, получили пищу для размышлений.

– У меня есть враги? – поднял брови Амон.
– Если у вас нет врагов, значит, вы умерли.
– Вторая часть не про меня.
– Значит, первая тоже не о вас, – усмехнулся Авадонна. И тут же стал серьёзным: – Вы помнили себя во время нападения на Татум?

– Отчасти.
А следующий вопрос прозвучал неожиданно:
– Кого вы хотели убить, Кирилл? – живо спросил карлик. – Только Зур?

И стало ясно, что вопрос задан далеко не просто так.
Машина нахмурился. Амон поколебался, но ответил честно:
– Первородных.
Авадонна улыбнулся.
– Всех?
– Всех, – качнул головой Кирилл. – Я вспомнил «Аллегорию» и захотел убить всех.

Учитывая, что они говорили с баалом грешников, заявление прозвучало необычайно смело. Но Авадонна, к удивлению собеседников, не разозлился, принял слова Амона как должное.

– Сейчас вы несёте Отражению Слово, – тихо сказал карлик, глядя Кириллу в глаза. – Но можете дать миру чуть больше – Надежду.
– Кто я такой, чтобы обещать её? – не менее серьёзно ответил Амон.
– Вы тот, кто есть, и сейчас стали на шаг ближе к себе.
– Мне не понравилось, что я выбрал путь смерти.
– Есть вещи, которые выше нас, выше нашего понимания, а главное – выше наших желаний, – продолжил Авадонна. – Они прячутся глубоко внутри, и порой кажется, что они ясны, понятны... Ермолай – человек. Я – грешник, хоть и полукровка. Вы... Я не знаю, кто вы. Ермолай не знает, кто вы. Вы сами не знаете, кто вы, но я чувствую: вы боитесь того, кто вы.

Амон дёрнул щекой, но промолчал.
– Вы ничего о себе не знаете, вы тот, чья душа спряталась ото всех, но всё дело в том, что пока вы не станете тем, кто вы есть, тем, кого вы сейчас боитесь – вы себя не обретёте. И никакая Татум вам не поможет.

Кирилл встал, сделал два шага к дверям, остановился и через плечо бросил:

– Я не наёмник и не убийца.
– Вы боитесь себя, Амон, – вздохнул карлик. – А Отражение боится вас.

МАКАМ XIV СУЩЕСТВО

*И вот без причины, опять без причины,
Исчезнешь, на свет появившись едва,
Ведь только песчинка, ты только песчинка
В руке божества.
Так чем же кичишься, что резво так
празднуешь?
Ничтожно твоё торжество...
Зачем в этом мире, да мире неназванном,
Зачем ты живешь, существо?⁹*

INGRESSO

– Доброй ночи всем, кто к нам только что присоединился! С вами Кирилл Амон, и в сегодняшнем выпуске «Первого Полночного» мы говорим о друзьях. – У диктора был приятный, великолепно поставленный баритон, одновременно мягкий и уверенный. Не обволакивающий, но привлекательный, не позволяющий оторваться от радиоприёмника. – Мы говорим о друзьях, которым верили, как себе, но с которыми пришлось расстаться. Почему это произошло? Как получилось, что тот, кому ты мог доверить жизнь, стал чужим? Что должно случиться? И у нас есть звонок...

– Доброй ночи, – вежливо поздоровался слушатель.

– Доброй ночи, брат-полуночник, у тебя есть что сказать о дружбе или друзьях?

– Разве предатель может считаться другом?

– А кем он был до того, как стал предателем? Кем ты его считал, брат-полуночник, разве не другом?

– Не важно, кем я его считал, – вздохнул мужчина. – Он лжец.

– Что у тебя случилось, брат-полуночник?

– Пошлая история, брат Кирилл: я узнал, что друг спал с моей женой.

– Переспал?

– Спал всё то время, что мы были женаты. И даже до нашей свадьбы.

– Это не ложь, брат-полуночник, это подлость.
– Я тоже так думаю, брат Кирилл. Но получилось, что я потерял всех.
– Два человека – это не все.
– Для меня – все, – вздохнул мужчина. – Больше у меня никого не было.

– Ближе у тебя никого не было, брат-полуночник, не путай, – поправил собеседника Амон. – Я уверен, что рядом есть достойные люди, которые в состоянии тебе помочь. Не бойся им верить, брат-полуночник.

– Чтобы снова оказаться преданным?

– Чтобы жить дальше...

...В главном зале «Потёртых страниц», известного книжного магазина на Забелина, часто царила тишина. Не благоговейная, вызванная уважением к сокровищнице знаний, а заурядная – из-за отсутствия клиентов. Хозяин магазина не торговал беллетристикой, не выкладывал на витрину модные новинки и крайне редко устраивал встречи с авторами по той причине, что большинство из них уже покинуло наш мир – в «Потёртых страницах» искали букинистику и древности. Только старые, проверенные временем книги. Ничего иного.

Однако отсутствие клиентов хозяина магазина не смущало – Виссарион Обуза терпеть не мог суеты и с радостью проводил время в кресле с интересной книгой, благо собрание «Страниц» было огромным и до многих томов он ещё не добрался. А с недавних пор рядом с креслом появился радиоприёмник, и теперь Обуза изредка слушал его, закрыв глаза и отложив на время книгу. В такие моменты он погружался в глубокую задумчивость, полностью отдаваясь мыслям, но звякнувший колокольчик заставил Виссариона вздохнуть и подняться навстречу посетителю.

И подумать, что в следующий раз дверь нужно закрыть и снабдить табличкой «Учёт», которую он отыскал на прошлой неделе, разбирая сборники проклятий XX века.

– Добрый день.

– Это что, радио? – неожиданно спросил посетитель, прислушиваясь к голосу из приёмника.

– Да... – протянул Обуза и тут же, смутившись, добавил: – Точнее, нет.

– То есть? – не понял посетитель.

– Это записанная передача, – объяснил Виссарион. – Ночная. Я не имею возможности слушать радио ночью, поэтому записываю и потом...

– Любишь спать по ночам?

К Обузе часто обращались на «ты», и он давно перестал реагировать на такие мелочи, рассудив, что жизнь сама расставляет всё по своим

местам, и кто-то в итоге заслуживает право на вольность, а кого-то ждёт наказание.

– Днём я работаю, – сухо ответил Виссарион, выключая запись. – Чем могу помочь?

– Мне нужна книга, – усмехнулся незнакомец.

– Неожиданно, – пробубнил Обуза.

– Что? – поднял брови посетитель.

– Я сказал: выбирайте, – отозвался книжник. – У меня как раз есть несколько.

Мужчина замер и долго, секунд двадцать, не мигая смотрел на Виссариона, прикидывая, бить его или повременить. Решил повременить, вновь усмехнулся, несколько жёстче, чем в первый раз, и продолжил:

– Говорят, у тебя лучший книжный магазин в Отражении.

– Говорят много.

– Согласен, – не стал спорить посетитель. – Все охотно болтают о разном, даже те, кто любит читать.

– Что предпочитаете вы? Болтать или читать?

Снова возникла пауза. На этот раз более короткая, но зелёные глаза мужчины стали холодными-холодными.

– Не слишком ли много ты себе позволяешь?

– Столько, сколько привык.

– Чувствуешь себя в безопасности?

– Что именно привело вас в мой магазин?

Посетитель не был знаком Обuze, но по его повадкам чувствовалось, что он Первородный – грешники славились несдержанностью и впадали в гнев по любому, даже самому незначительному поводу.

– Мое имя – Фокалор, – произнёс посетитель, мрачно глядя на книжника. – Баал Фокалор.

– Очень приятно, баал Фокалор.

– Мне нравится, как ты лицемеришь.

– Не только вам, – улыбнулся Виссарион. – У меня много друзей.

И тем заставил посетителя сбиться: баал счёл замечание намёком на покровительство Авадонны, поскольку все знали, что карлик частенько заезжал в магазин покопаться в пыльных книгах. А с Авадонной мало кто желал связываться.

Хотел Обуза намекнуть Фокалору на высокое знакомство или случайно получилось – неизвестно, но тон баал сменил.

– Мне нужна книга, – протянул он, заложив руки в карманы брюк.

– У меня неплохое собрание, – кивнул Обуза. – Что вас интересует?

– Техническая литература.

– Насколько техническая? Гримуары?

– Нет, именно техническая. С недавних пор я неожиданно увлёкся путешествиями под землю.

– Вы стали спелеологом?

– Скорее, диггером, – уточнил Фокалор. – Мне интересны рукотворные пещеры: лабиринты, подземные ходы, военные бункеры...

– Вам нужны схемы подземных коммуникаций?

– Отражённых коммуникаций.

– У меня есть атласы интересующей вас тематики, баал Фокалор, – поразмыслив, ответил Виссарион. – Какой город?

– Севастополь. Мне нужна Севастопольская тетрадь.

А вот это заявление вызвало довольно длинную паузу.

Обуза прищурился, внимательно глядя на гостя, и негромко сообщил:

– Она утеряна.

– Их было две.

– Одна.

– Две, – твёрдо произнёс Фокалор. – Я дружил с Кородобом и знаю, что он составил вторую Тетрадь – для меня. За что и был убит.

– Казнён, – уточнил Обуза. – И я не хочу повторить его ошибку.

– В твоём случае можно будет точно говорить об убийстве, – хмыкнул баал.

– Это угроза?

На вопрос посетитель не ответил.

– Древние забрали вторую Тетрадь, а ты, как говорят, стал Архивариусом...

– Откуда вы знаете?

– ...и ты был их любимцем, – с нажимом продолжил Фокалор, не обращая внимания на вопрос книжника.

– Нет.

– Мне нужна Тетрадь.

Виссарион вздрогнул, дёрнул плечом, нервно среагировав на резкую и весьма напористую фразу посетителя, облизнул губы и неуверенно ответил:

– Это невозможно.

– Почему?

– Шаб лично запретил Севастопольскую тетрадь.

– Тогда бы он её уничтожил.

– Он её запретил, этого достаточно.

- Шаб мёртв.
- Я всё равно его боюсь.
- Какое неожиданное признание, – с издёвкой бросил баал.
- Вы не боитесь? – поднял брови Виссарион.

Фокалор не ответил: Древние покинули мир не так давно, их культ не исчез, и за слишком вольные замечания всё ещё можно было угодить на костёр.

Он медленно прошёл по залу, остановился у прилавка, взял в руку лежавшую на нём книгу, посмотрел на обложку и негромко произнёс:

- Тетрадь у тебя.
- Откуда вы знаете?
- Мне рассказывали, что ты дурной актер, Обуза, но я не ожидал, что настолько. Когда я спросил, ответ появился на твоём лице.
- Это не так.
- И ещё ты прав в том, что я не трону Архивариуса – лучше сразу оторвать себе голову...
- Приятно иметь дело с умным грешником. Это большая редкость.

Баал улыбнулся, показывая, что оценил шутку, помолчал и мягко продолжил:

– Все боялись Шаб, Обуза, и все обрадовались, когда он сдох, но до сих пор никто толком не знает, что именно случилось в старом доме. – Рассказ, который затеял Фокалор, не имел прямой связи с его вопросом, но Виссарион слушал очень внимательно. Он понимал, что мягкость в голосе баала родилась не просто так, и рассказ обязательно обретёт смысл. – Мой господин, Молох, повелел провести расследование. Я потянул за все ниточки, за которые можно было ухватиться, и в том числе, не особенно надеясь на успех, обратился к местным полицейским, попросив проверить совпадения по камерам уличного наблюдения. Представь моё удивление, когда я узнал, что вечером того таинственного дня шофёр Элизабет посещал заведение «Подпольный Шомпол»... Оно недалеко отсюда, в Спасоглинищевском...

– В Большом Спасоглинищевском, – машинально поправил Виссарион.

- Верно, – улыбнулся посетитель. – Интересное совпадение, да?
- В чём вы видите совпадение, баал Фокалор? – спросил Обуза. – В заведении тоже кого-то убили той ночью?

– Той ночью – нет. Зато сегодня скончался владелец «Подпольного Шомпола», господин Му. Он умер по естественным причинам, никто ничего не заподозрит... – в чёрных глазах гостя загорелся нехороший

огонёк. – Но перед смертью господин Му успел ответить на несколько моих вопросов. Среди которых был такой: с кем встречался шофёр Элизабет той ночью?

Он действительно не собирался трогать Виссариона, в конце концов, ему была нужна Тетрадь, а не мёртвый Архивариус, зато он знал цену, за которую вожделенную, а главное – запретную – вещь можно приобрести.

– Вечером, – поправил гостя Виссарион. – Шофёр приезжал в «Шомпол» вечером.

– Совершенно верно, – улыбнулся баал. – И я думаю, тем вечером ты его убил, Обуза.

– Шофёр вышел из заведения и уехал – это видели все.

– Но за время вашей встречи у него появилась беспроводная гарнитура, которой он никогда не пользовался – я проверил. – Баал выдержал ещё одну паузу. – Я не знаю, кто тебе помогал, и у меня нет желания с вами связываться, ребята. Я просто хочу книгу.

– Вряд ли Молоху нужна Севастопольская тетрадь, – неожиданно твёрдо произнёс Обуза. И таким же тоном почти приказал: – Перестаньте лапать книги, баал Фокалор, они не любят чужих.

– Вижу, мы заговорили по-деловому? – рассмеялся гость, послушно оставляя старый том в покое.

– Я задал вопрос.

– Тетрадь нужна лично мне, – Фокалор намеренно выделил слово «лично». – Молох ничего не узнает ни о ней, ни о том, где был и с кем встречался шофёр Элизабет. Тем вечером.

– При всём уважении, баал, одного слова недостаточно, – Виссарион покусал губу. – Если вам действительно нужна Севастопольская тетрадь, придётся клясться на крови.

– Договорились!

PUNTO

– Морские коты особые, – негромко произнёс художник, разглядывая греющегося на солнце рыжего. – Они не терпят воду, но ходят в дальние страны, не любят волны, но обожают на них качаться, смотрят на бескрайний океан, а он шепчет им свои тайны.

– Чем коты его подкупили?

– Море порождает миллиарды отражений, и кошки видят их все, даже скрытые. Кошки видят те Отражения, какие были, какие будут и какие поменяют мир. Кошки проходят сквозь все отражения, безошибочно

выбирая то, которое реальное. Море удивляется и любит их.

– А они любят?

– Они принимают любовь как должное.

И Марси улыбнулась пушистому рыжему наглецу, растянувшемуся на разогретом севастопольском камне, спящему во всех отражениях разом или где-то бодрствующему, знающему, что мир постоянно меняется, и зевающему на это. Марси улыбнулась, а кот поднял голову и уставился на девушку пронзительно-зелёными глазами. Уставился так, что не понять: к добру или худу, можно лишь смотреть в ответ и ждать, что получится.

«Морские коты особые...»

Море всё делает особым, заставляет жить своим дыханием и учит заглядывать за горизонт, потому что оно – бесконечность. Море отражает небо и прячет в глубине своей души, чтобы завтра вернуть его образ разбегающимися по свету облаками. Море отражает ветер, искажая миллиарды отражений, которые он приносит из всех уголков реальности. Море жонглирует отражениями, а кошки бродят между ними, выбирая настоящее. Для них это игра, и Море смеётся.

Наверное, поэтому Марси приехала в Севастополь: из Питера девушка собиралась вернуться в Москву, но услышала смех другого моря и выбрала самолёт в Крым. И теперь дышала ветром Артбукты, любовалась рыжим котом и слушала хромого художника Редьку, в чьих картинах время смешивалось с фантазией, порождая отражения невозможного.

Которые он не знал, но видел.

– Иногда мне кажется, что море – это не часть мира, а другой, особый мир, случайно соединённый с нашим во время Великого Делания, – продолжил Редька, переводя взгляд с кота на волны. – Миры слились, но не смешались, отразились, но остались чужими, ревностно хранящими свои тайны друг от друга. Когда я так думаю, то вижу города, парящие в толще воды без якорей и крыльев, вижу корабли, летящие по волнам и облакам, и дельфинов, прыгающих из Моря в Небо.

– Ты отражаешь море в своём сердце.

– Мир моря, – поправил девушку художник.

– Мир, который ты видишь в калейдоскопе миллиардов отражений.

– Мир, который я придумал.

– Мир, который ты создаёшь.

Редька посмотрел на выставленные полотна, хмыкнул и качнул головой. Ему было приятно слышать эти слова, но не верилось в них.

Трудно представить себя создателем...

И странно слышать подобные размышления от молодой, лет двадцати,

не больше, девчонки, с густыми светлыми волосами, небрежно сплетёнными в толстую косу. От красивой девчонки в шортах, лёгкой майке и очках в чёрной пластиковой оправе, в кроссовках и с рюкзаком, которая подошла к выставленным работам, какое-то время смотрела на них, а потом заговорила о том, как Море меняет мир, играя с дерзкими котами.

– Кто ты? – тихо спросил Редька.

– Я путешествую, – коротко ответила Марси. – Недавно на меня накатила тоска, я отправилась в Питер и нашла себя. Хотела вернуться домой, но услышала смех моря и поняла, что должна оказаться в другом городе. Я не знала, в каком. На Невском я встретила женщину, с которой обменяла свой билет до Москвы на её – в Симферополь. Я вышла из аэропорта, а водитель крикнул: «Девушка, у нас есть свободное место! Бесплатно!» Я согласилась составить ему компанию и по дороге узнала, что еду в Севастополь.

– Интересная история.

– Думаю, всё связано с Пророчеством, – продолжила Марси, то ли не расслышав, то ли не обратив внимания на замечание художника. – В последнее время я часто о нём думаю.

– Что за пророчество? – насторожился Редька.

– Не знаю. Я его не читала, но знаю, что оно есть, и я не просто так оказалась в Севастополе, – девушка улыбнулась. – Когда я ехала в Питер, я не понимала, что происходит, думала, что меня несёт тоска, и лишь потом осознала, что всё в моей жизни имеет смысл. Просто я его не понимаю... Не всегда понимаю... сразу... Возможно, в нашей встрече тоже есть смысл.

– Наша встреча была предопределена, – рассмеялся в ответ художник. – В сезон я здесь каждый день – продаю работы.

– Раздаёшь людям кусочек себя, – Марси помолчала.

– Звучит немного пафосно, но мне нравится.

– Какими ты видишь свои лучшие работы? – вдруг спросила девушка.

– Они заставляют молчать.

– Почему это важно?

– Потому что сильные чувства переживают молча. Люди впитывают картину и не видят ничего вокруг – им становится не с кем говорить.

– Может быть... – Марси вновь повернулась к работам Редьки. К парусникам в Море и Небе, котам, гуляющим где вздумается, и удивительным подводным городам. К работам, в которых прошлое сплеталось с невозможным, создавая будущее. Повернулась, посмотрела примерно с минуту, молча впитывая в себя холсты, а затем негромко сказала: – Кажется, я поняла, зачем мы встретились.

– Зачем?

– Ты должен написать Пророчество.

– Я ничего о нём не знаю.

– Я тоже, – пожала плечами девушка. – Но оно должно быть связано с морем и небом, которые отражаются друг в друге, наполняя мир светом и силой. Где-то в их смешении скрыто зерно древних слов, но его нельзя пощупать – только почувствовать. И я думаю, Редька, тебе нужно почувствовать это зерно и вырастить из него новое отражение. Ты должен написать Пророчество.

Растерянный художник поднялся, тут же вернулся на табурет, погладил бёдра, встал, потоптался рядом с Марси, разглядывая собственные картины так, словно впервые увидел, и неожиданно для самого себя ответил:

– Я постараюсь.

– Почему? – тут же спросила девушка, незаметно подмигнув рыжему коту. – Я сделала очень странное предложение.

– Ты и сама странная, – хмыкнул Редька. – Но ты права: мне давно пора написать что-нибудь новое.

– Не новое, – покачала головой девушка. – Ты должен написать то, что видишь только ты.

– В любом случае, я согласен.

– Договорились, – кивнула Марси. И добавила: – Ты дал слово.

– Но не назвал сроки.

– Ты напишешь быстро, – уверенно ответила девушка. – Я чувствую.

Они помолчали.

К картинам подошли люди, пара туристов в панамах, легчайших одеждах и солнечных очках, которые они не сняли, разглядывая выставленные работы. Что они могли увидеть в очках? «Просто рисунки»?

– Смотри, какая киса! – засмеялась женщина, устав от созерцания картин.

В ответ поднявшийся рыжий выгнул спину и зашипел.

– Наверное, дикий.

Туристы направились дальше, к памятнику Кораблям, а Редька спросил:

– Что ты делаешь в путешествиях? Любуешься миром?

– Вспоминаю его.

– Ты слишком молода, чтобы ничего не помнить.

– Я умею видеть отражённое.

– Это талант?

– Это жизнь.

– И каким ты видишь мой город?

– Сильным.

Несколько секунд художник обдумывал ответ, а затем кивнул:

– Да, он такой.

– Такой, – подтвердила Марси. – Твой город очень сильный.

И она не лгала.

Севастополь встретил девушку солнцем, но в прищуре старых домов прятались тени. Севастополь казался по-южному сонным, расслабленным, но каждый его камень знал кровь, много раз отразился в алых каплях, выпитал её, горячую, спрятал под пылью минувших дней и запомнил навсегда. Каждый камень знал подвиг, но не кричал о том хвастливо, потому что подвиг – это кровь, а кровь делает молчаливым. Каждый камень отразился в небе моря, и море отступило, признав Севастополь твердью.

Поэтому Марси видела его сильным.

И даже трипалы, низшие грешники, захватившие крепость после смерти предыдущего принцепала, не смогли унижить город и превратить в грязное место. Трипалы ушли, оставив после себя лишь резкую вонь, брезгливо рассеянную развеселившимся ветром. Трипалы ушли, но демоны, их пославшие, не собирались мириться с поражением, и Марси знала, что они обязательно вернуться.

«И один из них поблизости, – неожиданно подумала девушка, ощутив ауру высшего Первородного. – Где-то совсем рядом...»

Рыжий кот зевнул и повернул толстую башку в сторону Тридцатой батареи.

* * *

«Проклятый Виссарион! Обманул! Специально подстроил! Задурил голову!»

Умом Фокалор понимал, что ругается напрасно: Обуза сдержал слово и отдал ему подлинную Тетрадь, но ругаться не прекращал, потому что кого-то нужно было назначить виноватым за неудачу.

За то, что ничего не получалось.

В Севастопольской тетради Кородоб отобразил весь подземный мир старой русской крепости, скрупулёзно указав входы и выходы, основные помещения и даже даты постройки. Некоторые участки открывались легко, попасть в них можно было через поверхность, проходы в другие скрывались в подвалах военных объектов и жилых домов; но та подземная

зона, на которую нацелился Фокалор, в которой, он это знал, Древние прятали главную тайну, – оказалась закрыта и запечатана.

Сначала Фокалор собирался проникнуть в неё через Тридцатую батарею, прошёл до самого нижнего уровня, заваленного ещё во время Вторжения, и с тех пор не тронутого, пробил дорогу через твердь, но споткнулся о зачарованный люк, вскрыть который не смог даже с помощью герметических таблиц «Наложение силы» – самого современного сборника грешных заклинаний. Фокалор пытался сокрушить старинный заслон целых шесть часов, но в конце концов сдался, убедившись, что чары Древних ему не по зубам, отправился в Константиновский равелин, промучился два часа, но тоже ничего не добился. Поднялся на поверхность злой как собака, вернулся к машине, возле которой его дожидались взятые для подсобных работ трипалы, и угрюмо оглядел помощников.

Словно выбирая, кого убить.

И удивляясь, как этим низшим удавалось два с лишним десятилетия удерживать власть над городом.

Смерть старого московского principala заставила оживиться его врагов. Империя зашаталась, на чудесный полуостров предъявили права и азиаты, и европейцы, назревала война, но всех переиграл Молох: предложил Элизабет на время «заморозить» вопрос полуострова, отдав его тем, кто гарантированно не сможет владеть жемчужиной вечно.

Власть перешла к трипалам, над которыми Молох принялся устанавливать власть, однако Фокалор всё равно не смог добраться до подземелий: Шаб прямо запретил копать в севастопольских секретах, и Элизабет подтвердила распоряжение. И только после смерти Древних Фокалор обрёл возможность заняться городом по-настоящему. К сожалению, к этому времени москвичи выкинули с полуострова низших, слово Молоха потеряло власть, и работать приходилось в партизанских условиях.

Но и отказываться от затеи Фокалор не собирался – он ждал этой возможности двести с лишним лет.

«У меня получится, – сказал себе баал. – Тетрадь у меня. Если не сумею войти через обозначенные ворота – пробьюсь в какой-нибудь тоннель из соседнего подземного хода. Я сумею!»

Но это потом, если не получится пройти через последние ворота.

Фокалор подозвал к себе главаря трипалов – мрачного здоровяка по прозвищу Гріцо, и сообщил:

– Отправляемся на Корабельную сторону.

Если Москва – это семь холмов, то Севастополь – три стороны: гордая Северная, парадная Южная и рабочая Корабельная, с морским заводом и грандиозными Лазаревскими казармами. Завод Марси не увлёк, а вот казармы заинтересовали настолько, что она специально поднялась к ним, пробралась за ограду и медленно обошла задремавшие в тёплой крымской ночи дома, помнящие и великих адмиралов, и великие войны, прокатившиеся по камням южного оплота Империи. Помнящие взрывы и кровь, наступающих чужаков и убегających прочь, помнящие силу и упрямство наших.

Старые казармы...

Внутри зданий девушка не пошла, побродила вокруг, по залитому лунным светом плацу, отошла к ограде, полюбоваться с высоты холма на бухту, как вдруг услышала за спиной ехидный голос:

– Не спится?

Улыбнулась и, не оборачиваясь, ответила:

– Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на сон. Или сериалы. Или глупые споры...

– На что нужно тратить жизнь?

– На эмоции и чувства. На то, что недоступно мёртвым.

Следующий вопрос прошелестел чуточку обиженно:

– Откуда ты знаешь, что я мёртвый?

Похоже, кое-кто хотел устроить ночной гостё сюрприз и теперь расстроился.

– Мы оба знаем, что ты не мёртвый, – усмехнулась девушка. – Мёртвым может быть только тело, а ты – бесплотный. Но тоже бесчувственный.

Он бесшумно возник справа, потому что бесплотный, и представился:

– Жан-Люк.

– Марси.

– Очень приятно, – он церемонно поклонился и поцеловал девушке руку.

Бесплотно и неощутимо. Но элегантно.

В лживом лунном свете призрак казался почти настоящим – чёрные ботинки с белыми гетрами, красные брюки и кепи с вышитым номером полка – 90. Вместо шинели – белая сорочка, видимо, из-за жары. Черноволосый, с лихо подкрученными усиками, не старый, лет сорока на

вид... Но безмерная грусть в глазах, грусть, совершенно невозможная для живого, и некоторая прозрачность чётко указывали на то, что рядом с Марси появился призрак.

– Я слышала о вас, Жан-Люк.

– И приехала посмотреть? – в его голосе вновь скользнула обида: туристы частенько забредали в Лазаревские казармы в надежде хоть краешком глаза увидеть знаменитое привидение. Француз, конечно, привык, но ему не нравилось ощущать себя экспонатом.

– Я приехала на смех моря.

– Море радуется тому, что будет.

– А что будет, Жан-Люк? – заинтересовалась девушка. – Ты что-нибудь видишь?

– Нет, – развёл руками призрак. – Никто не знает, что будет. Но море всегда радуется тому, что будет, потому что то, что было, спрятано в его глубинах.

– Море огромно и помнит всё.

– Море помнит каждую секунду мира, – уточнил Француз и с важным видом поднял указательный палец, на мгновение став похожим на школьного учителя.

– Зачем ему такая память?

– Морю интересно... – объяснил Жан-Люк. Покусал ус и спросил: – Ты приехала поглазеть на призрака Лазаревских казарм?

– Я ведь сказала, что нет.

– Тогда зачем?

Он был любопытным. Или просто заскучал в казармах за полторы сотни лет.

– Зачем? – девушка глубоко вздохнула и улыбнулась спящей бухте. – Я приехала в город, где смеётся море. В город, старый и сильный, в крепость, знавшую много грусти, но не ставшую угрюмой. Я приехала в город, где гордость – это принцип.

– Это славный город, Марси, а там, где слава, там всегда кровь, такой уж у людей закон, – отозвался Француз. – Здесь мало земли, песка... здесь камень. И кровь пропитывала его веками. Зачем ты здесь?

– Не знаю.

– Я тоже не знал, – он задумчиво улыбнулся. – Нас погрузили на корабль и отправили воевать. Мы хотели сюда прийти, а русские не хотели уходить. Мы добавили много крови к здешним камням... и своей, и русской.

– Наверное, тяжело быть призраком в чужой стране? – обронила

Марси.

Не ожидала, что услышит ответ, но Жан-Люк разговорился и, похоже, не мог остановиться.

– Трудно было первые семь лет, пока я не научился бегло говорить по-русски. До этого все признавали во мне француза и относились с неприязнью... Однажды чуть не распылили: вызвали батюшку и окропили казармы святой водой.

– Как же ты выкрутился? – улыбнулась девушка.

– Неделью сидел в подвале госпиталя, – рассказал Жан-Люк. – Потом вернулся.

– Зачем?

– Привык. – Он помолчал, тоже глядя на бухту. – Я несколько раз хотел пробраться на какое-нибудь судно и вернуться во Францию, но оставался.

– Привык? – эхом спросила Марси.

– Я до сих пор не знаю, почему остался, но верю, что не просто так. Должен быть смысл в том, что Лазаревские казармы стали моим домом.

– Ты обрусел, Жан-Люк, и стал во всём искать смысл.

– Разве его нет? – удивился призрак.

– Он есть, – подтвердила Марси. – И мне жаль, что ты не нашёл его, до того как погиб.

– Не всем везёт... Чёрт!

Мощный поток света ударил им в спины и отшвырнул призрака прочь. Бесплотный едва не улетел в холодное железо ограды, но в последний момент ухватился за ветку дерева и повис, не в силах ничем помочь девушке.

– Отпустите! – крикнула она, пытаясь вырваться. – Пустите!

Но в ответ – лишь сопение. Подкрававшиеся здоровяки стянули руки Марси пластиковой петлёй, накинули на голову чёрный мешок и потащили к воротам, за которыми их ждал большой внедорожник.

* * *

«Форнеус! Друг мой! Брат мой! Я приду! Где бы ты ни был – я отыщу тебя! Кем бы ты ни стал – я приму тебя. Если тебе плохо – спасу, если хорошо... если тебе хорошо, я хочу быть рядом с тобой, Форнеус...»

Они познакомились на Крите, который тогда был турецким, на тёплом южном берегу, полном изящных скалистых бухт, в которых так приятно уединяться: на день, на неделю, даже на целый месяц... И они провели в

уединённом доме целый месяц, не замечая времени и позабыв о мире. Форнеуса тогда нанял ближневосточный принципал – помочь турецкому султану укрепить власть на море, а Фокалор путешествовал, испросив у своего тогдашнего господина годичный отпуск. Их встреча показалась случайной, но выглядела предопределённой. И встретившись, они уже не расставались.

С Крита Форнеус и Фокалор отправились в Венецию, перезимовали, повеселились на карнавале, после чего вернулись в Англию, откуда направились осваивать новый континент. И вот там, во время войны, когда Молох объявил себя независимым от Мамона, случилась беда – все морские демоны поддержали Мамона. А Шаб неожиданно для всего Отражения поддержал Молоха и помог ему укрепиться. Поговаривали, что Мамон был слишком большим другом Элизабет, но легкомысленная Древняя не стала его защищать...

Как бы там ни было, Шаб покрошил морских демонов в питательный планктон, а Форнеуса, их гордого предводителя, пленил.

И потянулись годы разлуки...

И каждый день – словно удар ножом в сердце.

Каждый день Фокалор открывал глаза с мыслью о Форнеусе... Иногда начинал злиться, клял себя за слабость, гнал воспоминания прочь, пил, забывался в вине и наркотиках... Но на следующее утро первая мысль была о Форнеусе.

Таким было его проклятие.

Его счастье, ставшее проклятием.

«Форнеус...»

...На «Севморзаводе» получилось даже хуже, чем на Тридцатой батарее. Издевательски получилось, говоря откровенно. Здесь была дверь, здесь абсолютно точно была дверь в тайную зону, и дверь мог видеть даже трипал. Её встроили в стену подземного коридора, она показывалась по первому требованию и... И всё. Ни одно известное Фокалору заклинание вскрытия замка не сработало. Ни одно заклятие не принесло результата. Ни отмычки, ни взрывчатка – ничего не действовало. Несложный замок оказался непреодолимой преградой, и это обстоятельство выводило Фокалора из себя. А самое страшное заключалось в том, что позорное фиаско он потерпел на глазах у трипалов, сосредоточенно наблюдавших за действиями баала. Низшие, разумеется, никак не комментировали происходящее – инстинкт самосохранения у них был развит идеально, – но Фокалор знал, что в душе они над ним посмеиваются, и бесился.

«Может, устроить жертвоприношение? – неожиданная мысль

понравилась настолько, что Фокалор ухватился за неё всерьёз. – В конце концов, это одна из самых результативных мер воздействия и наверняка поможет справиться с замком. Трипалы, конечно, не лучшие кандидаты для процедуры, зато их много, а потребуется – пригоню ещё. Пользы от них всё равно никакой...»

Низшие почуяли угрозу и насторожились, с тревогой поглядывая на увлечённого баала, а тот уже распределял роли.

«Их тут трое... четверо патрулируют окрестности... Мало, но для начала хватит. Из двоих выцедить кровь для начертания символов, ещё двое откроют церемонию, оживив своими смертями Круг Приношения, а трое пойдут непосредственно на жертву... Мало!»

Но попробовать стоило, поскольку дыхание смерти приумножит вызываемую силу, и, возможно, он сумеет одолеть проклятый замок.

Фокалор ещё раз посмотрел на дверь, прикинул, где и как следует начертить Круг, чтобы основной поток вызванной силы пошёл на магический замок, с сожалением припомнил, что не прихватил с собой ритуальный кинжал, и решил обойтись простым ножом.

«Однако его придётся подготовить в крови очистительной жертвы... Чёрт!»

Трипалов отчаянно не хватало, но Фокалор твёрдо решил довести дело до конца и обязательно дошёл бы, не зазвони телефон.

Увидев, кто вызывает, Фокалор выругался, отошёл от любопытных и болтливых трипалов подальше и нажал кнопку ответа:

– Да?

Резкий, отрывистый голос должен был показать Авадонне, что звонок неуместен и нужно подождать, однако карлик тоже умел быть резким и тоже не поприветствовал собеседника. Демонстративно.

– Ты должен покинуть город.

Даже по имени не назвал.

– С тех пор как Шаб оставил Землю, Севастополь стал свободным, – язвительно напомнил Фокалор.

– С тех пор как Шаб оставил Землю, возникли новые договорённости, – с оскорбительной тягучестью произнёс карлик. – Я уведомил Первородных, что желаю сохранить для Севастополя правила Шаба, и Первородные восприняли моё слово с пониманием. Севастополь – это правила Шаба и мой протекторат. Вопрос закрыт.

Всё так, но... но Фокалор не мог уехать, не попытавшись сделать то, что задумал.

– Я имею право здесь находиться.

– Я вот что подумал, – сказал карлик. Возможно, с издевательской улыбочкой. Да, наверное, с ней! Фокалор представил, как маленький баал усмехается, и едва не зарычал от злости. – Впредь обращай ко мне «баал Авадонна». Так будет правильно, поскольку протекторат – мой.

И правила, хоть и Шаба, но его. Он их вернул.

– Я тоже баал, – напомнил Фокалор.

– Придётся потерпеть.

Видимо, придётся. Древние установили только один титул для Первородных, и пока ситуация не изменится, баалом будут звать тех, у кого больше власти. Фокалор, несмотря на происхождение и положение, не имел в Севастополе власти, а коротышка Авадонна – имел. Собственно, он был здесь хозяином.

– Да... баал Авадонна, – смиренно произнёс Фокалор, мысленно проклиная уродо-полукровку.

– Зачем ты приехал в мой город?

– У меня личное дело.

– Если ты откроешь тайну Шаба или попытаешься её открыть, я стану преследовать тебя, пока не убью. И буду в своём праве.

И даже Молох, сюзерен Фокалора, не посмеет вступить, опасаясь поссориться со всеми Первородными. Ибо Авадонна будет в своём праве.

– Вы так верны Древним?

– Фокалор, не прикидывайся глупцом, мне прекрасно известны границы твоего ума, – усмехнулся наглый карлик. – Шаб боялся того, что спрятано. Боялся настолько, что закрыл город и отдал его принципалам. Дважды Молох пытался взять Севастополь вопреки воле Шаба, и дважды терпел неудачу, хотя Шаб не помогал принципалам. А ты даже не Молох.

– У меня личное дело, баал Авадонна. Я униженно прошу у вас ещё один день.

– Шесть часов.

Карлик бросил трубку.

«Значит, жертвоприношение!»

Теперь судьба трипалов была окончательно решена, оставалось лишь пригнать в тоннель остальных бойцов да велеть им разыскать где-нибудь ещё с пяток сородичей, но отдать необходимые указания Фокалор вновь не успел. Едва он открыл рот, как говоривший по телефону Гріцо убрал от уха аппарат и, преданно глядя хозяину в глаза, сообщил:

– Баал, у меня хорошие новости.

– Какие? – изумился Фокалор, который ожидал от трипалов чего угодно, только не хорошего.

- Наши взяли пленную.
- Кого? – не понял баал.
- Пленную.

Несколько секунд тёмный рассматривал довольного, словно украшенная Сваровски вышиванка Гріцо, сожалея о том, что не приступил к обряду жертвоприношения ещё на Тридцатой батарее, после чего напомнил:

- Вы не на войне, идиоты.
- А нам говорили, что на войне, – растерялся низший. – На самой настоящей, потому что электрической.
- На какой?!
- Ну... – Гріцо сбился. – Как японская машина у полиции.

Понятие «гибридный» отложилось в его голове настолько запутанными образами, что Фокалор едва понял, что имел в виду трипал. А когда понял, глубоко вздохнул, потому что спорить или что-то объяснять не имело смысла.

Мысленно досчитал до десяти и спросил:

- Что за пленная?
- Говорят, красивая.
- Человек?
- Да.
- Зачем твои сородичи похитили девчонку?

Гріцо пожал плечами:

- Её заперли на Багрия.
- «Видимо, придётся ехать... А впрочем, почему нет?»

Фокалор посмотрел на часы и распорядился:

- Ты сможешь найти ещё пятерых бойцов?
- Сейчас?
- Да.

Гріцо поскрёб себя по физиономии и кивнул:

- Найду. Позвоню и вызову.
- Пусть приезжают на Багрия.

И Фокалор быстрым шагом направился к эскалатору.

* * *

Похитителями оказались уродливые и вонючие люди. Или существа. В Отражении многие звери прикидываются людьми, а люди – зверьми,

поэтому Марси их пока путала. С виду похитители напоминали людей и даже облапали пленницу, почувствовав к ней влечение, однако невнятная, булькающая речь и примитивный лексикон указывали на то, что Марси имеет дело с существами, а когда мешок сорвали и девушка увидела характерные лапы похитителей с тремя уродливыми пальцами, последние сомнения отпали – перед ней были трипалы. Низшие тёмные Молоха.

Они притащили Марси в сырой подвал, загромождённый мешками и ящиками, усадили на стул, снова облапали и пообещали «Много любви после допроса», с гнусным хихиканьем указав на стоящий в углу топчан с вонючим полосатым матрасом и грязным одеялом. Похихикали ещё, смердя распахнутыми ртами, потолкались, жадно разглядывая пленницу, но выскочили в соседнее помещение, едва заслышав на лестнице шаги.

«А вот и главный... – поняла девушка, с интересом глядя на дверь. – И ты отнюдь не трипал...»

И не ошиблась.

Хозяином похитителей оказался высокий, красивый мужчина с крупным «породистым» лицом средневекового дворянина. На лице отражались скука и высокомерие и продолжили отражаться даже после того, как мужчина увидел девушку. То ли она ему не понравилась, то ли он просто устал. Мужчина был одет в элегантный чёрный костюм лёгкой ткани, чёрную же сорочку и чёрные ботинки. На руках – тончайшие чёрные перчатки. Вместо галстука – шейный платок, заколотый золотой булавкой. На левой руке часы, на правой – браслет крупного плетения, тоже из золота.

– Зачем ты здесь? – поинтересовался он, не представившись.

От неожиданности Марси поперхнулась:

– Зачем я что?

– Зачем ты здесь? – терпеливо повторил мужчина. И мягким жестом поправил прядь волос. Они у него были красивые: чёрные, с крупными кудрями.

– Меня похитили! – возмущённо сообщила девушка.

– Почему?

– Я думала, мне объяснят! Но если вам нужны деньги, то вы ошиблись: я не богата. И родители у меня не богаты. И мой друг, Виталик, отнюдь не Рокфеллер. Правда, мой другой друг, Андрей, судя по всему, состоятельный мужчина, но он сейчас в Питере...

– Подожди, пожалуйста, – красавчик устало махнул рукой, и Марси тут же замолчала.

Послушание произвело на брюнета хорошее впечатление. Он

улыбнулся уголками губ, кивнул, вздохнул, сказал:

– Меня зовут Фокалор.

– Марси.

Он кивнул снова, чуть понизил голос и доверительным тоном продолжил:

– Понимаешь, Марси, трипалы очень тупые. Как в анекдотах и даже ещё хуже. Иногда мне приходится отрезать им уши только для того, чтобы привлечь внимание. – Фокалор вздохнул. – Я их не виню: их такими вывели австрийские баалы, но иногда мне трудно.

– Кажется, я вас понимаю, – поддержала разговор девушка. – У меня есть младший брат, правда, двоюродный, он учится в школе и...

– Не сомневаюсь, что он тоже туп и надоедлив, – мягко перебил Марси красавчик.

– Ну, не совсем туп, он хорошо учится, но приставучий...

– Ты уверена, что мы должны обсуждать манеры твоего брата? – поинтересовался Фокалор.

– Разве у нас есть другие темы?

Баал похлопал глазами, пытаясь понять, дерзит она от страха или действительно храбра, после чего продолжил:

– Вернёмся к трипалам. При всём своём идиотизме, они не похищают людей просто так – должен быть хоть какой-то повод. Поэтому скажи, что ты делала?

– Гуляла, – пожала плечами Марси.

– Ночью?

– Вы тоже не спите.

– Трипалы доложили, что ты разговаривала с Французом.

– Это запрещено? – удивилась девушка.

– Его бояться, – мягко объяснил Фокалор.

– Почему я должна его бояться?

– Он же призрак!

– О том, что Жан-Люк призрак, я узнала, когда он запутался в ветвях дерева, – ответила Марси. – Но тогда бояться было поздно, потому что ваши вонючки вязали мне руки и лапали.

– То есть тебя не смутил тот факт, что ночью к тебе подошёл мужчина в военной форме XIX века?

– Обычный реконструктор.

– Кто?

– Реконструктор, – повторила девушка. – Мало ли, почему он ночью шляется?

Было видно, что Фокалору трудно и он едва сдерживается. К счастью, баал понял, что девушка отнюдь не глупа, просто он не понимает значения некоторых слов, и уши Марси остались в неприкосновенности.

– Что ты знаешь об Отражении?

– Там меняется лево и право.

– Что?

– А что я ещё должна знать?

– Ты издеваешься? – но Фокалор задал вопрос без зла – разговор начал его забавлять.

– Я пытаюсь узнать, почему меня похитили? – округлила глаза девушка.

– Почему ты ничего не боишься?

– А должна?

– Тебя похитили.

– Может, я ещё не поверила в происходящее? – предположила Марси. – Или думаю, что вы мне снится. Или мне всё равно... нет, скорее думаю, что вы ненастоящие.

– А если я прикажу тебя изнасиловать?

– А ты прикажешь?

– Ты выводешь меня из себя.

– Это повод для насилия?

– Мне не нужен повод для насилия.

– Тогда ты скоро умрёшь.

– Что? – Фокалор вздрогнул от неожиданности.

И немного – от страха.

Но в этом он себе не признался.

Разговор забавлял настолько, что в какой-то момент баал потерял настороженность и расслабился, перестал оценивать девчонку, но увлёкся её словами. И в какой-то момент она его «уболтала» – старого, опытного, умного баала, сумевшего пережить многих врагов. Фокалор заслушался, и резкая фраза заставила его вздрогнуть.

– Если тебе не нужен повод для насилия, значит, ты неадекватен и скоро умрёшь, – объяснила Марси. – Свои же прибьют.

– Мои – такие же.

– Вот и оставайся среди них, – ещё более жёстко бросила девушка. – Не лезь в пределы, которых не понимаешь.

Так жёстко, что баал даже отступил на шаг. И понял, что сердце бьётся очень часто, как после долгой пробежки, а по спине стекает струйка пота. Сознательно или нет, но связанная по рукам и ногам девчонка ухитрилась

нагнать на него страху.

– Кто ты? – сглотнув, спросил он.

– Не твоё дело.

Фокалор понимал, что теряет лицо, что растерянность делает его слабее, чем в действительности, но не находил выхода, отчего ещё больше терялся, и телефонный звонок, в буквальном смысле слова, спас баала. Смартфон подал голос, Фокалор достал трубку, посмотрел на экран, скривился и свистнул трипалам:

– Она ваша.

Низшие довольно заворчали, а Гріцо не сдержал радостного восклицания.

– Но не до смерти, – строго предупредил Фокалор. – Я вернусь через пять минут и продолжу разговор. Подготовьте её.

– О чём девка должна рассказать? – спросил Гріцо.

– Ни о чём, – пожал плечами Фокалор. – Она просто ваша. – И перевёл взгляд на Марси: – Я буду учить тебя страху.

Вновь скривился, когда низшие принялись жадно лапать девчонку, вышел в дальнюю комнату, машинально заперся и нажал на кнопку ответа:

– Долгих лет вам, баал Молох.

– Ты в Севастополе?

Фокалор прекрасно понимал, какой вопрос станет первым, и ответил на него хладнокровно:

– Да, баал.

И услышал ожидаемое:

– Авадонна недоволен.

Пока разговор развивался именно так, как планировал Фокалор, и его ответы звучали почтительно, но при этом – уверенно.

– Разве мы должны обращать внимание на недовольство уродливого карлика?

– Пока должны, – буркнул Молох. – Авадонна только что убрал Гаапа и подмял под себя все московские владения, включая Севастополь. Пусть насладится достижениями. – Многозначительная пауза. – Пока.

– Не имею права спорить с вами, баал, – произнёс Фокалор.

– Зачем ты отправился в город? – повторил Молох. – Твоя задача – змей.

– Он вот-вот появится, – ответил Фокалор, желая перевести разговор на другую тему. На змея, которого мечтал заполучить сюзерен.

– Вот именно, – подтвердил Молох. – Ты должен быть в море, с кораблями, которые я тебе выделил, а вместо этого шляешься по

Севастополю. Что ты там забыл?

Отвечать не хотелось. Очень не хотелось, потому что в городе Фокалор тоже искал змея. Но не для того, чтобы поймать, как мечталось Молоху, а в надежде освободить. Фокалор не знал, но чувствовал, что город должен быть связан с этой тайной, и потому явился к Обузе за Тетрадью, а потом пытался прорваться в запретную зону и рискнул пойти против господина. Молоху требовалось чудовище, а Фокалор трепетно хотел для друга свободы. И надеялся раскрыть тайну подземелий.

– У меня возникло предположение, что змей появляется из города, – ответил Фокалор, понимая, что чистую ложь сюзерен распознает без труда, а полуправду может и проглотить.

– Появляется из города, после чего плывёт к Карадагу? – недоверчиво протянул Молох.

– Да, баал.

– Ерунда!

– Да, баал.

– Но мне нравится, что ты подошёл к делу творчески, – закончил Молох. – А теперь отправляйся в море. Авадонну я успокою.

– Да, баал...

* * *

Марси понимала, что трипалы едва сдерживаются, но не ожидала, что они набросятся сразу, едва за Фокалором закроется дверь. А они набросились. Все скопом, со всех сторон разом, толкаясь, ругаясь и мешая друг другу. Срывая одежду и жадно вцепляясь в тело...

И Марси закричала... хотела закричать, но не успела – заорал вожак:

– Тихо! Стоять!

И не просто заорал, а могучими кулаками отогнал от девушки распалённых сородичей.

– Что?

– Зачем?

– Себе оставить хочешь? – прошипел один из низших. – Обмануть решил?

– Первым желает, – ощерился другой, готовясь выхватить нож.

– Разом навалимся – порвём девку, – объяснил Гріцо, сплёвывая. – Не волнуйтесь – всем достанется.

Трипалы поняли, что хотел сказать вожак, но соглашаться не спешили:

- Так пять минут всего!
- Не успеем!
- Кто не успеет – продолжит после допроса, – вывернулся Гріцо.
- От то дело!

Упоминание Фокалора и обещание решить с девкой «по совести» привели трипалов в чувство. Они переглянулись и быстро соорудили очередь, в которой чётко отразился уровень физической готовности бойцов. Вожак, разумеется, подошёл к Марси первым и, расстёгивая ремень, поинтересовался:

– Готова?

И только теперь она заметила, что у него отсутствует левое ухо.

– Меня тошнит, – заявила в ответ девушка и закашлялась, словно действительно накатила дурнота.

– Да плевать! – признался Гріцо, а его сородичи весело захрюкали. – Я тебя по-любому смогу, пусть тебя даже тошнит в процессе, бо не интеллигент... – А в следующий миг увидел пошедший изо рта Марси дым и вздрогнул: – Ты что творишь?

– Она ведьма? – поинтересовался самый хилый три-пал, радуясь тому, что оказался дальше всех от фигуристой, но, как выясняется, опасной девки.

– Ты что делаешь?! – рявкнул главарь.

Но Марси не отвечала. Наклонилась вперёд и судорожно выдавливала из себя чёрные клубы, которые не разлетались по подвалу, а продолжали виться рядом с девушкой, становясь всё гуще и гуще.

– Надо позвать баала, – пролепетал хилый. – Я сбегаяю?

– Сбегай, – кивнул Гріцо, замерший с приспущенными штанами.

Но хилый не успел.

Просто не успел.

Дым загустел, сконцентрировался, собрался в вертикальное «веретено», а затем – в невысокого, очень плотного чёрного человека, одетого в одну лишь набедренную повязку, на поясе которой висели в ножнах два коротких, изогнутых ножа. Не африканца, а именно чёрного, словно вырезанного из мрамора. Человек сделал маленький шаг, закрывая девушку собой, оглядел растерявшихся трипа-лов пустыми, словно у мертвеца, глазами, выхватил ножи и молча бросился в атаку.

Марси отвернулась.

Чтобы и в самом деле не стошнило.

Фокалор убрал телефон в карман и улыбнулся: разговор прошёл прекрасно, сюзерен ничего не заподозрил, и у него есть несколько часов, отсрочки от Авадонны для реализации задуманного. Можно попробовать успеть: закончить с девкой, устроить жертвоприношение, вскрыть дверь на Севморзаводе и пройти в запретную зону.

Баал повернулся к дверям и... замер в недоумении.

Разговаривая с Молохом, а после – размышляя, он совершенно не обращал внимания на доносящийся из соседнего помещения шум. То есть какие-то вопли до него долетали, судя по грубости – вопли низших, но Фокалор не вслушивался и лишь мельком подумал, что напрасно отдал тупым трипалам такую красавицу – нужно было попробовать её первым.

Однако сейчас в подвале царила тишина.

Времени прошло немного, удовлетвориться трипалы не могли, но ни гогота, ни молеб о пощаде, ни стонов, ни ритмичных звуков соития не слышно. Почему?

Фокалор осторожно приоткрыл дверь, заглянул в подвал и присвистнул:

– Проклятье!

...изумлённо разглядывая мёртвых трипалов.

Только мёртвых трипалов. Валяющихся на залитом кровью полу.

Тот, кто это сделал, действовал профессионально и проворно: за те несколько минут, что Фокалор отсутствовал, неизвестный ухитрился перебить абсолютно всех остававшихся в подвале низших. Подвигом это действие не назовёшь, но скорость расправы произвела на Фокалора впечатление.

«Какие интересные особи водятся в Севастополе...»

А самое главное – это сделала не девчонка. Марси стояла посреди комнаты спиной к нему, разминала освобождённые руки и не производила впечатление особы, которая только что расправилась с семьёй трипалами.

«Но кто?»

А в следующий миг дверь, которую Фокалор осторожно приоткрыл, резко вернулась обратно и приложила баала по голове. Удар оказался настолько силён, что красавчик рухнул на грязный пол и потерял сознание.

Вид с Лазаревских казарм открывался не самый лучший: на Южную бухту, где плавучий госпиталь и суда размагничивания соседствовали с игрушками миллионеров, на город, крепко спящий перед новым днём, на кусочек моря вдали... Именно так: на небольшой кусочек моря, и потому Француз, стоящий позади Редьки с подсвечником в прозрачной руке, не удержался от ехидного замечания:

– У тебя на холсте слишком много моря для вида отсюда.
– Знаю, – коротко ответил художник, чья кисть летала по холсту так уверенно, словно он работал солнечным днём.

– Надо было ехать на Фиолент.
– Кто бы мне там держал свечку?
– В Фиоленте нет призраков? – притворно удивился Француз.
– Не встречал.
– Если ты такой привереда – пиши картину днём, а не ночью.
– Я тороплюсь.
– Взял бы с собой кого-нибудь.
– Мне показалось, что рядом должен быть ты, – подумав, ответил Редька.

– Почему? – удивился Жан-Люк.
– Ты можешь понять, что я пишу.
– Правда? – призрак поднялся на цыпочки, внимательно оглядел полотно и пожал плечами: – Я не знаю.

– Я не сказал, что ты знаешь, – хмыкнул художник. – Я сказал: ты можешь догадаться.

– Конечно, это многое меняет, – проворчал Француз, вновь поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше видеть незаконченную работу. – У тебя грубый мазок.

– И перестань заглядывать через плечо.
– Ты сам сказал...
– Ничего такого я не говорил. Я не просил тебя отвлекать.
Жан-Люк негромко выругался.
– И держи подсвечник ровно, ты рвёшь мне свет.
Жан-Люк выругался повторно, после чего вздохнул и произнёс:
– Ты пишешь Пророчество.
– Да, – коротко ответил Редька.
– Но почему здесь?

– Я пробовал писать на берегу, но не получилось. Я стоял перед холстом с кистями в руках и не мог сделать ни одного мазка. Я не чувствовал картину, не видел образов, ничего не видел, кроме моря.

– Море смутило тебя?

– Не думаю, – ответил художник, останавливая работу. – Море – моя любовь. Когда я стою на берегу, а волны набегают, наперебой сплетничая друг о друге... а по ним скользит сёрфер-ветер, и я дышу вместе с ними – с волнами и ветром, и прикасаюсь к этой громадине... то понимаю, что Море вечно. Оно не смущает, а вдохновляет. Ведь Море – это бесконечность.

– Время – это бесконечность, – не согласился призрак. – Миры горят, как спички, а время вечно. Рано или поздно останется только оно.

– Время – это ложь.

– Не смей спорить, – хмыкнул Француз. – Я знаю о времени намного больше тебя.

– Не знаешь.

– Знаю!

– Его у тебя нет, Жан-Люк, оно закончилось, когда пуля пробила твоё сердце.

– Но с тех пор оно тянется, как сонный ослик по пыльной дороге Прованса.

– Нет, Жан-Люк, с тех пор его у тебя нет, – проворчал художник, вновь принимаясь за работу. – А когда не останется ничего, время тоже исчезнет – ведь оно потеряет смысл.

– Разве живо только то, что имеет смысл?

– Ты вот живёшь.

– Я имею смысл? – заинтересовался призрак.

– Возможно.

– Имею?

– Ну... получается, – признал художник, лишь бы приставучее привидение отстало.

– Какой?

– Ты мне скажи.

Несколько секунд Француз молчал, наблюдая за работой Редьки и обдумывая последние фразы, после чего покачал головой и заявил:

– Вы, русские, все идиоты.

– Поэтому ты решил остаться?

Жан-Люк развёл руками и вздохнул. И едва не выронил подсвечник, за что удостоился очередной порции брани. Помолчал, глядя на холст, – художник вновь отступил, разглядывая работу, и призраку не пришлось выглядывать из-за спины, – и спросил:

– Почему ты решил взяться за Пророчество?

– Сегодня я встретил девушку, – медленно ответил Редька, коротким

мазком поправляя центральную фигуру. – Необычную... Странную...

– Марси? – тут же спросил Француз.

– Как ты догадался? – удивился художник.

– Попробуй сообразить, умник.

– Ты тоже её видел? – Редька резко посмотрел на призрака. – Когда?

– Девушка очень странная, даже по моим меркам, – рассмеялся тот. –

Но с ней было интересно.

– Кто она?

– Понятия не имею.

– Или не хочешь говорить?

– Я не разобрался, – честно ответил Француз. – Но думаю, тебе не нужно её бояться.

– Почему сразу бояться? – растерялся художник.

– А почему ты спрашиваешь?

– Я хотел ей помочь, – объяснил Редька. – Мне показалось, что она плохо понимает происходящее.

– Помощь потребуется тем, кто с ней столкнётся.

– Она кажется слабой.

– Кажется.

– Что ты знаешь о ней? – повторил вопрос художник.

– Ещё меньше, чем она знает о себе.

Мудрёные ответы Жан-Люка в конце концов привели к закономерному итогу: Редьке надоел разговор, и он снова взялся за работу.

– О Пророчестве она тоже ничего не знает, но я могу ей помочь. – Теперь художник занимался морем. – Свети лучше, Жан-Люк, и молчи, когда я работаю.

– Мог бы не напоминать, – проворчал Француз. – Я самое молчаливое привидение в истории этого мира.

* * *

Это место называли «Капитанской гаванью». Не дом – квартиру. Дом был старый, благородной постройки, с колоннами и большими окнами, не растерявший горделивого облика даже под оккупацией трипалов. В нём не появилось ни пошлых магазинов, торгующих поддельным алкоголем и водкой «в розлив», ни притонов, даже «богемных», с кокаином и дорогими шлюхами, ни меняльной конторы или «бутика» с китайским ширпотребом «для избранных». Дом сохранил себя в строгости, хотя фасад за время

хозяйничанья низших обветшал, но морщины не позорят, а говорят о возрасте.

Позора дом не допустил.

Именно в нём располагалась просторная трёхкомнатная квартира с балконом на море, которую местные и прозвали «Капитанской гаванью» – её жильцами всегда были капитаны. Не адмиралы, нет, только три большие звёздочки на погонах, кортик и орденские планки солидного размера. Одинокое, вышедшие в отставку капитаны появлялись в «гавани» с минимальным количеством вещей и скромно доживали свой век в самой морской из всех крепостей России. Уходили с воинскими почестями, под залпы салюта, а через положенное время в «гавани» появлялся новый капитан.

Не адмирал.

Ходили слухи, что квартира принадлежит флоту и предназначена для тех, кто женат на Море, кто не знал и не хотел знать другой жизни и не мог расстаться с ней, даже списавшись на берег. И по всему выходило, что слухи имели под собой основание.

Нынешнего жильца «гавани» звали капитаном Казарским – так он представился соседям и так требовал себя называть. Ни имени, ни отчества, просто капитан Казарский. Чаще всего его видели курящим трубку на балконе да прогуливающимся по набережной. Причём свидетели уверяли, что в его присутствии чайки начинали летать строго по уставу, не нарушая выделенный эшелон и синхронно взмахивая крыльями. Море капитан тоже не забывал – в его распоряжении находился небольшой моторный катер, на котором Казарский частенько ходил вокруг Крыма, то ли патрулируя, то ли просто наслаждаясь морскими прогулками. И ещё его встречали в ресторанах, в компаниях действующих моряков, относящихся к капитану с видимым уважением.

Другими словами, Казарский жил обычной жизнью военного пенсионера, но жил ею очень давно, гораздо дольше, чем могли представить соседи. Собственно, именно тот человек, которого сейчас все знали под именем капитан Казарский, и жил все эти многочисленные жизни, изредка отправляя на кладбище обветшавшее тело и возвращаясь в новом обличье...

* * *

«Не зря, получается, меня тянуло на Корабельную... – подумала

Марси, закрывая Севастопольскую тетрадь. – Теперь я знаю, где должна была оказаться после Лазаревских казарм».

Сбежав от похитителей – оказалось, что её отвезли не так уж и далеко, на Багрия, – девушка на попутке добралась до Рабочей улицы, отыскала проходную Севморзавода и с улыбкой убедилась, что ведущая в неё дверь взломана. Сегодня здесь уже кто-то побывал.

«Кажется, я знаю, кто...»

Холл едва освещался, горел один светильник из трёх, да и то слабо, словно лампочка готовилась преставиться, но куда идти, Марси поняла сразу – в чёрный зев уходящего вниз тоннеля. В подземный проход, прорубленный в скале под железнодорожными путями. Официально – под железнодорожными путями, а для чего на самом деле был сделан столь глубокий тоннель, никто не спрашивал. Ведь город – крепость, а в крепостях лишние вопросы не приветствуются.

Эскалатор не работал, но девушку это обстоятельство не смутило: она осторожно ступила на замершую лестницу, перенесла на ногу вес тела, убедилась, что устройство её выдержит, и стала неспешно спускаться, внимательно прислушиваясь к тишине подземелья. На эскалаторе горел лишь каждый четвёртый светильник, и Марси казалось, что она проходит мимо освещённых подземных этажей: площадка – тёмный пролёт – площадка... По изогнутой стене вились тени, пытаясь обмануть или напугать, но девушка не обращала внимания на их лживый театр, лишь улыбалась, когда тени показывали смешные сценки.

Безмолвные, как всё вокруг.

Эскалатор привёл Марси в широкий коридор, едва освещённый тусклой лампой в проволочном каркасе. Лампа торчала из стены точно посередине тоннеля, а под лампой стоял высокий, подтянутый мужчина в чёрной фуражке, чёрной офицерской тужурке без знаков различия, чёрных брюках и таких же ботинках. Мужчина стоял безмолвно и бездвижно, напоминая мрачную скульптуру, идеально соответствующую этому неприветливому месту, а когда Марси подошла, поднёс к козырьку два пальца правой руки и представился:

– Капитан Казарский.

– Очень... очень приятно, – девушка не знала, как следует приветствовать офицеров, и ответила привычно. – Марси.

– Очень хорошо, Марси, – капитан выдержал короткую паузу. – Вы знаете, что я вам не служу?

Девушка понятия не имела, о чём говорит моряк, но без труда отыскала правильный ответ:

- Да.
- Да, капитан, – поправил её Казарский.
- Да, капитан, – послушно повторила Марси.
- У нас существует старинная договорённость, которую я соблюдаю.

Не более, но и не менее.

- Да, капитан.

– Я должен был задать этот вопрос, чтобы точно знать, хорошо ли вы понимаете принципы наших отношений и знаете ли черту, за которую я никогда не зайду. Теперь мы можем отправляться.

Всё правильно: дверь должна быть здесь. Моряк, безусловно, знает, как её открыть, но помогать не собирается, хочет увидеть, справится ли новенькая.

А она...

Она впиалась взглядом в кафельную стену и поняла, что мир раздвоился, отразился в её глазах, но вернулся другим, таким же во всём, кроме едва заметной ряби на грязной стене... Мир отразился в глазах Марси, вызвал рябь, и справа от капитана появилась «голограмма», изображающая жёлтый круг с алыми символами. Магический замок, видимый только тем, кто имеет право. Чтобы его открыть, требовалось ввести код, последовательно меняя местами символы, но девушка знала другой способ... Точнее, она и только она имела право открыть замок своим собственным способом.

Марси положила руку в центр круга и чуть надавила.

Круг и символы сменили цвет на зелёный, стена со скрипом разошлась, и девушка увидела кабину старого лифта. Металлическая дверь распахнулась изнутри, и черноволосый лифтьёр в оливковой униформе склонился в вежливом поклоне:

- Прошу.
- Благодарю, – Марси прошла внутрь и встала за спиной лифтьёра.
- Аристотель, найди работу приличнее, – желчно произнёс проследовавший за девушкой капитан.

Лифтьёр закатил глаза – судя по всему, он слышал этот совет не в первый и даже не в сотый раз.

- Как всегда?
- Как всегда, знает мой официант.
- Ему вы тоже предлагаете сменить работу?

Капитан ответил холодным взглядом, но промолчал. Аристотель закрыл дверцу и нажал на кнопку «Рыба». Кабина пришла в движение.

- Вижу, вы много путешествуете, – светским тоном произнёс лифтьёр,

обращаясь к Марси.

– Не сидится дома, – не стала скрывать девушка.

– Как вам морские офицеры? – Аристотель бросил взгляд на Казарского. – Грубоваты, не так ли?

– Я успела познакомиться только с одним, и он показался мне строгим, не более.

– Завидую вашему оптимизму.

– Не люблю болтунов, – вставил своё слово капитан.

Лифтёр ответил Казарскому приятной улыбкой.

Следующую минуту ехали молча, а когда кабина остановилась, Аристотель распахнул дверцу и придержал её, помогая пассажирам выйти. Марси хотела его поблагодарить, но, повернувшись, с удивлением увидела, что лифт исчез.

– Он знает, что обратно мы выйдем другой дорогой, и не стал задерживаться, – объяснил капитан.

– Как я сама не догадалась...

– Наверное, задумались о чём-то, – Казарский щёлкнул выключателем, и тоннель, в котором они оказались, залил яркий, необычайно яркий, по сравнению с коридором Севморзавода, свет. А это был именно тоннель: уходящий вдаль и теряющийся за плавным изгибом. Для удобства путешественников по нему были проложены рельсы, на которых девушка увидела электрическую дрезину.

И попыталась пошутить:

– Где грузовые вагоны?

– За стеной, – тут же ответил капитан. – В депо есть вагоны любого вида.

– Я пошутила, – растерялась Марси.

– А я – нет. – Казарский вздохнул и поправил фуражку. – Мы планировали сделать более разветвлённую сеть тоннелей, но времени не хватило: из-за смерти principala дело остановилось. С тех пор пользуемся тем, что успели построить.

– Для чего?

– Для войны, – пожал плечами капитан, всем своим видом показывая, что глупее вопроса не придумать. – Мы ведь в крепости.

Он уселся в дрезину, снял фуражку и надавил на кнопку запуска. Двигатель мягко заурчал, и Марси поспешила присоединиться к спутнику, заняв соседнее сиденье.

Сразу после этого дрезина тронулась в путь.

Сознание вернулось, но осторожный Фокалор продолжал лежать с закрытыми глазами, внимательно прислушиваясь к происходящему и пытаясь понять, кто бродит по подвалу: случайные люди, трипалы или то страшное существо, которое прикончило низших и с одного удара вырубил его, баала и чистокровного Первородного. Фокалор не представлял, как долго пробыл без сознания, и решил не рисковать, лежал настолько неподвижно, что его действительно можно было принять за труп.

– Умер? – слышался осторожный вопрос.

– Не знаю.

– Вдруг умер?

– Нам за это ничего не будет, – рассудительно произнёс второй.

– Нас накажут?

– Мы просто его нашли...

– Вот за это и накажут, – проныл трус. – Первородные и без повода наказывают, а уж за то, что мы мёртвого баала нашли – вообще убьют.

– Давайте его съедим, – предложил третий голос. – Тогда нас точно не накажут.

– Почему? – удивился второй.

– Потому что баала не найдут, – хихикнул третий. – И мы скажем, что не нашли.

На несколько секунд в подвале установилась тишина. Трипалы – а Фокалор уже понял, что это они, – задумались.

– Говорят, если съесть демона, можно обрести его силу, – негромко протянул рассудительный.

– Вдруг отравимся? – вздохнул трус.

– Окорок у него выглядит аппетитно, – сказал рассудительный, наклоняясь над Фокалором.

И умер. Не открывая глаз, баал резко выбросил вперёд и вверх левую руку, и выскочивший из потайных ножен клинок вонзился рассудительному в глаз. Остальные три-палы в страхе отшатнулись, но не побежали, знали, что Первородный всё равно догонит, и решили не мучить себя бессмысленными упражнениями. В ужасе застыли, глядя на хрипящего на грязном полу рассудительного.

Трипалов оказалось пятеро, включая убитого, и Фокалор понял, что это те самые вонючки, которым Гріцо велел явиться на подмогу.

А получилось – на замену.

– Как звать? – спросил баал, посмотрев на третьего, того, который предложил его съесть.

– Мікцо, – уныло ответил тот, ожидая смерти.

– Что в комнате, Мікцо?

– Все мертвы.

– Девчонка?

– Какая?

Удивлённое выражение, посетившее круглую физиономию Мікцо, стало прекрасным ответом на вопрос.

Девчонка ушла, прихватив с собой карманного монстра.

«Что это было? Случайность, атака или предупреждение? – попытался понять Фокалор, продолжая лежать на полу. – На кого я наварлся?»

Вариант обдуманного нападения он отнёс сразу – в этом случае его бы тоже убили. Точнее, убили бы в первую очередь. Случайность? Севастополь – город с историей, здесь достаточно отражённых, в том числе – сильных, встреча с которыми не сулила ничего хорошего даже баалу. И Шаб, и московские принципалы заботились о безопасности крепости, а значит, девчонка могла оказаться стражем севастопольских тайн, намекнувшим непрошеному гостю, что он ведёт себя чересчур дерзко.

– Баал, с вами всё в порядке? – поинтересовался Мікцо, обеспокоенный тем, что Первородный до сих пор лежит на грязном и холодном полу.

– Сколько прошло времени? – спросил Фокалор.

– С когда?

«Действительно, откуда им знать, когда случилось побоище?»

Фокалор вытащил телефон и увидел, что разговор с Молохом состоялся два с половиной часа назад.

«Неплохой удар...»

Встал и вытер о мертвого трипала клинок. Спрятал оружие в рукаве. Осенённый внезапной догадкой, прикоснулся к карману пиджака и понял, что Тетрадь пропала.

«Всё правильно, девчонка не могла её не забрать».

Но при этом нахалка оставила записку, небрежно нацарапанную его золотой авторучкой на клочке бумаги, вырванном из его же записной книжки:

«Уходи!»

«Значит, предупреждение... Она напала, но не убила. Почему не убила? Потому что приближается очередной цикл! Форнеус должен появиться, и она опасается, что моя смерть привлечёт внимание Молоха!»

Фокалор ошибался – его оставили в живых не из страха перед Молохом, которого Марси не помнила, а потому что девушка не хотела понапрасну лить кровь. Что же касается Форнеуса, то он действительно должен был появиться в ближайшее время, и поэтому следующие шаги баала были абсолютно верными. Фокалор набрал номер капитана Хьюстона, командира дрейфующего в нейтральных водах эсминца «Вильям Келли», и распорядился:

– Забирайте к востоку, капитан. Мы выходим в море, и я надеюсь быть на борту часа через два. Передайте Якобсону, чтобы запускал акустический буй.

– Спутники ничего не видят, баал, змея нет.

– Разумеется, не видят, капитан, Форнеус ещё спит, – Фокалор помолчал. – Но скоро проснётся.

* * *

Было бы ложью сказать, что дрезина ехала плавно и бесшумно. Она постукивала и лязгала на стыках рельсов, поскрипывала на виражах и дважды начинала гудеть, заставляя Казарского торопливо давить на кнопки панели управления. Но всё это было сущей ерундой по сравнению с тем, что Марси видела вокруг, по сравнению с грандиозными подземными сооружениями, найти которые девушка совсем не ожидала.

– Основные штольни пробиты под бухтой и соединяют все стороны Севастополя...

– Зачем?

– Не знаю, – качнул головой капитан. – Шаб отдал нам только одну зону, ведущую в дальний элинг, и запретил вести собственные разработки. Остальные подземелья он приписал крепости, кто ими занимается, мне неизвестно.

– Почему Шаб отдал тайну принципалам?

На этот вопрос Казарский ответил не сразу. Выдержал паузу, словно размышляя, достойна ли девушка откровений, но ответил:

– Шаб был жестоким, как все Древние, но не был дураком. Я думаю, тайна как-то связана с будущим, причём с тем будущим, которое пугало Шабана, и поэтому он решил отдать её принципалам.

– Может быть, тайна связана с Пророчеством? – осторожно спросила Марси.

– Я в него не верю, – сказал Казарский.

– Так вы знаете о нём?
– Не верю, что оно сбудется.
– Почему?
– Слишком фантастично.
– А это? – девушка обвела подземелье рукой. – Это не фантастично?
– Всё, что вы видите вокруг, – результат точного расчёта и аккуратной, кропотливой работы. Всё построено в тридцатых годах XX века, видимо, когда Шаб окончательно поверил в Пророчество и стал принимать меры.

За исключением первого отрезка, тоннель освещался так же скудно, как все остальные подземелья, в которых Марси довелось сегодня побывать, но несмотря на полумрак, она то и дело замечала приметы того, что подземный мир Севастополя не ограничивался одной лишь веткой к неведомому эллингу. Вот дрезина проехала мимо платформы «Глубокая», от которой поднималась широкая труба грузового лифта – судя по шлюзовой двери, лифт шёл сквозь толщу воды. Вот развилка на Инкерман, охраняемая, на перекрёстке установлен «стакан» из бронестекла, и Марси могла бы поклясться, что видела внутри дремлющего матроса. Вот указатель: «Нижний арсенал», «Цистерны», «П. Склады»...

– Продуктовые, – уточнил капитан, заметив замешательство девушки.
– Там хранится еда?
– Севастополь – крепость, – в очередной раз напомнил военный. – Нам разрешили использовать эти пространства, и мы их используем так, как должно в крепости.

– Понятно...
– Правда? – удивился Казарский.
Марси фыркнула, но промолчала.

Тем временем, дрезина стала постепенно замедляться и мягко остановилась у платформы с лаконичным названием «30».

– Над нами Тридцатая батарея, – объяснил капитан, хотя девушка уже догадалась, где находится. – Дальше идём пешком.

– В эллинг?
– В эллинг, – подтвердил Казарский.
– Разве туда не проложены пути? – Рельсы на платформе «30» не закончились, тоннель уходил дальше, как раз в том направлении, куда указывал капитан, что и вызвало естественный вопрос.

– Проложены, – кивнул Казарский. – Но только в технические отсеки. В штаб нужно идти.

– Как скажете, – пробурчала девушка, искренне надеясь, что шагать придётся не в темноте. И не в полумраке. Потому что начала уставать от

нехватки света. Не от долгого перехода, не от того, что оставалась на ногах уже больше суток, а именно от нехватки яркого света, пусть даже искусственного. Тьма вызывала отвращение, и капитан, словно поняв её желание, повернул рубильник, заставив зажечься все лампы не очень длинного и довольно широкого коридора, который привёл путников к тяжёлой металлической двери, типично армейской, с мощным замком и чужеродным кодовым устройством – слишком современным для этой преграды.

– На всякий случай поставил, – объяснил Казарский. – Зона полностью заблокирована, но бережёного Бог бережёт.

Ну да, знаменитое армейское правило: «Нормальное положение двери – закрытое. Вход строго по пропускам. Часовой стреляет без предупреждения...» Девушка прошла через заскрипевшую при открывании дверь, ожидая увидеть типичный военный бункер, наполненный некрасивой металлической мебелью и непонятной аппаратурой, и ахнула, оказавшись в просторном кабинете, широкая стена которого представляла собой панорамное окно, выходящее на огромный, другого слова не подберёшь, подземный элинг с несколькими причалами и сухим доком. У центрального причала Марси увидела подводную лодку, ещё раз ахнула, повернулась к Казарскому, раскрыв рот для вопроса, но тот опередил, с улыбкой поинтересовавшись:

– Идём вниз?

Но девушка сдержалась и отрицательно покачала головой:

– Вы ведь не просто так привели меня сюда, правда?

– Правда, – серьёзно подтвердил Казарский. – Это ваш кабинет, Марси. То есть ваше рабочее место в вашей крепости.

Прозвучало очень строго и по-военному, но при этом – как-то по-настоящему. Настолько по-настоящему, что девушке не захотелось шутить. Она кивнула:

– Спасибо, капитан.

И услышала короткое:

– Не за что.

Мебель не прагматичная, металлическая, некрасивая, которую успела представить себе девушка, а резная, тёмно-красного дерева, с «излишествами», в виде завитушек и прекрасных ненужных выступов: массивные книжные шкафы, в которых с достоинством дремлют старинные тома в кожаных переплётах, книги и атласы; письменный стол с двумя тумбами чист, на нём лишь бронзовый чернильный прибор – ждёт, когда хозяйка примется за работу; четыре массивных глобуса почти в рост

Марси, деревянные, с искусно вырезанными континентами и островами, горами, реками и озёрами. Первый очень точно изображает Землю, второй помечен табличкой: Аммердау, третий – Липре, четвёртый – Ска-Ракс. Очертания континентов незнакомы, но вырезаны они с той же точностью, что и континенты Земли.

– Что это? – Марси посмотрела на Казарского.

Тот развёл руками и кивнул на ближайший к глобусам книжный шкаф. Девушка подошла и посмотрела сквозь стеклянные дверцы: на торце верхней полки вырезано «Аммердау», на следующей – «Липре», на третьей – «Ска-Ракс». И на каждой полке – толстые книги в кожаных переплётах, старые, но не пыльные, видимо, в кабинете регулярно убирали.

– Нужно их прочитать?

– Полагаю, да.

– Когда экранизация?

– Боюсь, не в ближайшее время.

– Жаль, – Марси улыбнулась, но открывать шкаф не стала, отошла к панорамному окну, окинула взглядом эллинг и предложила: – Давайте посмотрим на лодку?

– С удовольствием. – Казарский взглянул на хронометр. – Мы и так немного задерживаемся.

– Мы торопимся?

– Нужно выдерживать цикл.

– Цикл чего?

– Прошу в лифт.

На этот раз никакого лифтёра: капитан сам открыл дверь, пропустил девушку в кабину и нажал на кнопку. Других остановок, кроме эллинга и кабинета, не предусматривалось.

– Я не видела внизу людей, – произнесла Марси. – База пуста?

– Команда выстроена под окном и ожидает вас, – доложил офицер.

– Давно?

– Чуть больше двадцати лет.

Удивиться Марси не успела: лифт остановился, Казарский распахнул дверь, и девушка увидела команду – два десятка мужчин в чёрных рабочих комбинезонах, застывших в положении «вольно» с закрытыми глазами. Неподвижные и лишённые волос...

– Мёртвые? – догадалась девушка.

– Вижу, вам уже доводилось с ними встречаться, – скупно улыбнулся капитан.

– Доводилось, – не стала отрицать Марси, мельком припоминив визит в

Санкт-Петербург. – Их специально убили?

– Нет, убили потому, что сюда их никто не звал, – усмехнулся капитан.

«Ах да, это же крепость! Здесь действуют другие законы».

– Немцы? – догадалась девушка.

– Да. – Казарский вновь посмотрел на часы. – Разрешите приступить?

– Приказываю приступить, – твёрдо ответила Марси.

Капитан небрежно вскинул к козырьку правую руку, резко повернулся к строю и рывкнул:

– Mannschaft¹⁰! – На этом слове мёртвые распахнули глаза. – Zur Befrachtung! Maschinen laufen lassen!¹¹ – Строй рассыпался – моряки бросились исполнять распоряжения, а Казарский вновь обратился к девушке: – Мы выйдем в море сразу, как только завершится погрузка.

– Что именно вы будете грузить?

– Давайте взойдём на борт, – предложил капитан, указав на трап.

А когда они оказались на верхней палубе, подвёл Марси к распахнутому люку в трюм. В очень большой трюм, девушка не ожидала увидеть подобный отсек на субмарине.

– Немцы строили эти лодки, как грузовые, потом переделали в крейсерские, – объяснил Казарский. – Но мы вновь изменили конструкцию и теперь используем трюм по прямому назначению.

На этих словах ожил кран. Стрела сначала пошла к берегу, к большому бассейну с чёрной жижей, где к ней подцепили гигантский стеклянный цилиндр в металлической оправе, а затем неспешно, под внимательными взглядами занимающихся погрузкой моряков, стрела повернулась к лодке и плавно опустила цилиндр в трюм, на заранее подготовленное место, где цилиндр сноровисто закрепили мёртвые немцы. Сразу после этого трюм стал наполняться такой же, как в бассейне, жижей, поступающей из толстого шланга.

– Кто это? – растерянно спросила Марси, разглядывая «упакованное» в цилиндр чудовище.

– Форнеус, – ровно ответил капитан Казарский. – И хочу сказать, что за двадцать лет он ничуть не изменился.

* * *

Выйти из русских территориальных вод удалось просто, а главное, гораздо быстрее, чем ожидал Фокалор – благодаря мощнейшему катеру

«Nor-Tech 5200». Он ждал баала в Южной бухте, экипаж заранее получил необходимые для пересечения границы бумаги, и в результате они домчались до эсминца за пару часов. И всё это время баал не сидел в кресле, подобно его вонючим спутникам-трипалам, а стоял, подставляя лицо бешеному встречному ветру и вглядываясь в просыпающееся море таким взглядом, будто надеялся разглядеть Форнеуса.

Он надеялся.

И знал, что встреча обязательно состоится.

Но чуть позже, поскольку её нужно подготовить.

– Я найду тебя, Форнеус, и мы снова будем вместе... – Ветер подхватывал слова и уносил их в море. Как будто хотел послужить Первородному почтальоном. – Ты не представляешь, как я соскучился!

Целью Фокалора был не эсминец, который по приказу Молоха обеспечивал силовую поддержку операции, а дрейфующий неподалёку от него танкер «Катрин», под началом капитана Якобсона – именно он являлся охотником.

Поднявшись по шторм-трапу, Фокалор немедленно отправился на мостик и там, едва поздоровавшись, затребовал отчёт.

– Никаких новостей, баал, – вежливо сообщил Якоб-сон. – Иначе я позвонил бы.

– Вы запустили акустический буй?

– Как только получил приказ, – подтвердил моряк. – Я уверен, что ультразвук добивает до побережья.

– Прекрасно, – одобрил Фокалор. – Распорядитесь готовить белковую наживку.

Он планировал охоту последние сто лет, продумал каждый шаг и точно знал, как привлечь внимание Форнеуса.

– Хочу напомнить, что на борту всего пять подходящих существ, – осторожно доложил Якобсон. – Я бы рекомендовал готовить наживку только в том случае, если змей...

– Своих существ не трогайте, – перебил капитана Фокалор. – Со мной в катере ехало несколько низших – используйте их.

– Я отдам распоряжение.

– Спасибо, капитан.

И Фокалор отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Теперь остаётся только ждать...

Завершив погрузку, Казарский приказал: «Малый вперёд!», лодка неспешно, очень-очень аккуратно отошла от причала и двинулась к широкому тоннелю, пробитому в скале прямо по курсу. Марси решила, что тоннель выведет их в открытое море, но через некоторое время капитан велел: «Maschine stop¹²!», заглянувшая в перископ девушка увидела впереди металлические ворота и догадалась:

– Шлюз?

– Так точно, – кивнул Казарский.

Позади остановившейся субмарины медленно опустилась металлическая плита – вторые ворота, надёжно отгородившие шлюз от эллинга, – уровень воды стал подниматься, а лодка – погружаться.

– Необходимо уравнивать давление с той стороной, – объяснил капитан. – Потом мы откроем внешние ворота и окажемся...

– Под водой! – догадалась Марси.

– Именно.

– Чтобы нас никто не заметил?

– Нас видят только русские акустики и радары, а на них мы всегда определяемся как «свой».

– Тогда зачем?

– Чтобы никто не знал, откуда мы пришли.

Так и получилось. Когда шлюз наполнился водой, лодка мягко выскользнула в море и стремительно пошла на восток, обходя полуостров по дуге. Мёртвые немцы с равнодушной педантичностью исполняли свои обязанности, машина гудела в штатном режиме, короткие, отрывистые приказы и доклады стали обыденностью, и Марси немного заскучала.

– Что мы делаем, капитан? – спросила девушка, дождавшись подходящего, как ей показалось, момента.

– Имеете в виду что-то конкретное?

– Что мы делаем?

– Выгуливаем вашу зверушку.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Марси несколько секунд его «переваривала». После чего рискнула пошутить:

– Выгуливаем в трюме?

– Мы его выпустим, – пообещал Казарский и улыбнулся. Кажется, впервые с момента их встречи. – Форнеуса необходимо выгуливать примерно раз в двадцать лет, он должен порезвиться, поохотиться и оплодотворить пару морских кобылиц. Обычно мы отвозим Форнеуса к Карадагу, но мне доложили о большой стае дельфинов неподалёку, и я рекомендую выпустить змея сейчас.

– Капитан, вы серьёзно?! – девушка до сих пор не очень верила в происходящее.

– Да, – подтвердил Казарский.

– Мы пасём чудовище?

– Можно сказать и так.

Занятие, конечно, интересное, но отнюдь не героическое, в то время как Марси успела придумать множество иных, куда более важных дел, на которые можно отправиться в подводной лодке с морским змеем на борту.

– А какова моя роль?

– После того как Форнеус наиграется, вы загоните его в трюм.

– Ага... – Совсем не героическая роль. От слова «абсолютно». – А потом?

– Потом вернёмся на базу.

– И всё?

– Обычно – да.

Скучно. Не просто скучно, а жутко скучно. Можно даже сказать: унизительно скучно. Как будто кто-то рассказывал-рассказывал увлекательную, полную неожиданных поворотов историю, а закончил тем, что она ему приснилась.

– Кто он, капитан? – поинтересовалась девушка, в надежде, что эта тайна вернёт ей интерес к происходящему.

Марси не ожидала, что Казарский ответит, вспоминая его поведение в кабинете, он должен был перечислить названия книг, где упомянут их попутчик, но капитан неожиданно сжалился и сообщил:

– Последний из морских демонов.

– Чудовище? – переспросила Марси.

– Демон по имени Форнеус – Первородный, способный обращаться в чудовище.

– То есть обычно он выглядит как человек? – подняла брови девушка.

– Давно не выглядит, – покачал головой Казарский. – Примерно двести лет назад Шаб личным заклятием запретил Форнеусу менять облик.

– Почему?

– Не знаю.

Один из мёртвых поднялся и протянул капитану листок бумаги. Казарский быстро проглядел текст, кивнул, что-то коротко добавив по-немецки, и вновь посмотрел на девушку:

– Мы откроем трюм, находясь в подводном положении, выпустим Форнеуса и поднимемся сами. Сначала он будет охотиться на дельфинов, а потом поплывёт к Карадагу – там живут кобылицы.

– Мы его засекли! – закричал Якобсон так громко, что погружённый в свои мысли Фокалор вздрогнул. – Мы его видим!

– Где?! – Баал подскочил к капитану, уставился на монитор локатора и дрожащим пальцем ткнул в яркую точку: – Это он?

– Да.

– Змей?

– Да.

– Вы уверены?

– Абсолютно!

– Как далеко?

– Около трёх миль.

– Откуда он взялся?

– Не знаю. Просто вынырнул из-под воды.

«Просто вынырнул?»

Но сейчас Фокалору было некогда размышлять над тем, откуда явился Форнеус, он схватил передатчик и нажал на кнопку вызова:

– Хьюстон! Капитан Хьюстон!

– На связи, сэр, – коротко отозвался командир эсминца.

– Видите объект?

– Так точно, сэр.

– Откуда он взялся?

– Не знаю, сэр, он просто вынырнул из глубины.

«Удивительно совпадающие ответы! Похоже, капитаны учились в одной морской школе».

– Ага... – Фокалор помолчал. – Спасибо.

– Да, сэр.

– Будьте наготове.

– Да, сэр... – Хьюстон помолчал. – Играть тревогу?

– Да. – Фокалор отключил связь и вновь повернулся к капитану танкера: – Акустический буй?

– Работает, – подтвердил Якобсон. – Но змей не реагирует на акустику, судя по всему, он охотится на дельфинов.

– Если не среагирует в течение десяти минут – запускайте белковую приманку, – распорядился Фокалор. – Свежая приманка ему обязательно понравится.

– Да, свежая, – согласился капитан «Катрин».

И поморщился, припомнив процесс изготовления наживки из визжащих трипалов.

* * *

– Почему мы не всплываем? – поинтересовалась Марси, припомнив, что говорил Казарский об их планах.

И пока, как девушке казалось, всё шло так, как было задумано: Форнеус стрелой вылетел из трюма, на ходу разворачивая огромные кольца, стремглав домчался до запаниковавших дельфинов и начал резню. В смысле – охоту. В смысле – свой единственный за двадцать лет обед. Капитан и девушка контролировали перемещения змея с помощью вживлённого чипа, мёртвые немцы молчали, ожидая инструкций, и в какой-то момент Марси вновь стало скучно.

– Почему мы до сих пор под водой?

– К югу от нас находятся две цели, – помолчав, ответил Казарский. – Чужой эсминец и танкер. А поскольку мы в нейтральных водах, я не хочу мозолить им глаза.

Слово «танкер» девушка пропустила мимо ушей, а вот первое название заставило её встревожиться. Марси знала, что «эсминец» – это что-то военное, а значит, вооружённое, а если ещё и чужое, как выразился Казарский, то дело и вовсе могло принять неприятный оборот.

– Раньше вы их не видели? – нервно поинтересовалась девушка.

– Видел, – спокойно сказал капитан.

– Тогда зачем выпустили змея?

– Они не мешают. Удаление свыше пяти миль, движения нет и...

И в тот самый миг, когда Казарский сообщил, что «движения нет», Форнеус стремительно направился на юг. Как раз в направлении «двух целей»...

– Так и должно быть? – с иронией осведомилась Марси.

Однако вывести капитана из себя оказалось для неё непосильной задачей. Казарский поправил фуражку и хладнокровно приказал:

– Volle Kraft voraus¹³!

* * *

Всё шло как надо, и даже лучше.

Намного лучше!

Белковая наживка из четырёх трипалов сработала идеально: Форнеус, как Фокалор и предполагал, соскучился по земной пище и помчался к танкеру, едва учуяв кровь.

– Он идёт! – у Фокалора задрожали пальцы. – Он среагировал на приманку! – Баал повернулся и резко схватил капитана за грудки. – Если упустите – следующую порцию наживки сварю из вас!

– Я понял!

Не ожидавший такого выпада Якобсон принялся выкрикивать команды в переговорное устройство, и по танкеру забежали матросы, в последний раз проверяя давно подготовленные механизмы.

Танкер был танкером лишь частично: по требованию Фокалора судно оснастили тралом, подъёмным краном и кое-какими дополнительными устройствами, облегчающими захват крупного морского животного. Грузить змея планировалось в танк, который уже набрал забортной воды, и дело оставалось за малым – подхватить накинувшегося на приманку Форнеуса и переместить внутрь.

– Приготовиться, – распорядился Якобсон, напряжённо наблюдая за приближающимся к наживке чудовищем – спинной плавник змея то и дело показывался над водой. – Начинаем строго по команде...

А на мостике эсминца «Вильям Келли» царило не меньшее напряжение, вызванное в том числе и тем, что некоторые офицеры не верили своим глазам.

– Это Несси? – прошептал молоденький лейтенант.

– Несси в Шотландии, – отрезал капитан Хьюстон. – Это другой змей.

Далеко не все члены экипажа эсминца знали об Отражении, о том, для чего корабль в действительности прибыл к русским берегам и по чьему приказу организован поход. Однако все они дали подписку о неразглашении и будут молчать об увиденном: никому из моряков не хотелось провести следующие двадцать пять лет в федеральной тюрьме, из которой их не вытащит ни одна правозащита в мире.

А вот удивляться им никто не запрещал.

– Кто это?!

– Какое вам дело, лейтенант? – усмехнулся Хьюстон. – Мы должны помочь парням выловить монстра и отконвоировать судно в безопасный порт.

– Интересно, кто нам может помешать? – пробубнил себе под нос старпом, а в следующий миг офицеры увидели характерное бурление воды неподалёку от танкера, и ошарашенный Хьюстон завопил:

– Акустики! Как вы посмели прозевать подлодку?!

* * *

– Что происходит? – пролепетала Марси, растерянно глядя в перископ. – Форнеуса похитили!

– Похищают, – уточнил не менее растерянный Казарский.

Происходящее выглядело дурацкой шуткой. Или эпизодом фантастического фильма. Или дурацким для девушки, но великолепно снятым эпизодом фантастического фильма.

Форнеуса схватили.

К удивлению Марси, змей оказался огромным: не менее пятидесяти метров в длину и трёх-четырёх в диаметре, с крепкими передними лапами, когтями, острыми рогами, клыками в жуткой пасти, с сильным телом, но... но сейчас совершенно беспомощным. Змей запутался в гигантской сети, растерялся и, возможно, испугался: его жалобный рёв то и дело пролетал над морем и был отчётливо слышен через внешние микрофоны. Форнеус отчаянно сопротивлялся похищению, извивался, пытался разрезать сеть когтями и острыми плавниками, но ничего не мог поделать – несмотря на трепыхания, его медленно, но уверенно вытаскивали из воды и намеревались вот-вот взять на борт.

– Танкер, – прищурился Казарский. – Форнеуса спрячут в цистерну. – Подумал и добавил: – Разумно.

– Надо ему помочь! – опомнилась Марси. – Это наш змей!

– Alarm¹⁴! – почти одновременно с ней рывкнул капитан. – Torpedowaffe Achtung¹⁵!

Завыла сирена, и по лодке забежали мёртвые немцы.

– Что вы им сказали?

– Приказал, – поправил гражданскую Казарский. – Разговаривает врач с пациентом, а я – команду.

– Что вы им приказали, капитан? – поправилась Марси.

– Подготовить торпедные аппараты.

– Торпедные... – повторила девушка, припоминая, что означает услышанное прилагательное, и через секунду округлила глаза: – Вы хотите потопить корабль?

– Судно, – вновь поправил пассажирку Казарский. – А что?

– Ну-у... – Марси вдруг подумала, что Форнеуса, разумеется, нужно

спасать, но пускать на дно целый танкер – это как-то чересчур. – Другие варианты есть?

– Другой вариант стоит правее, – хмуро ответил капитан. – Чужой эсминец, о котором я вам говорил.

В переговорных устройствах звучали отрывистые доклады и вопросы, мёртвые немцы деловито, без суеты, общались между собой, лодка готовилась к атаке, Марси не знала, что делать.

– Капитан, я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал.

– Они захватили змея не случайно, – спокойно произнёс Казарский. – Они ждали, когда Форнеус появится, приготовили ловушку и транспорт. И взяли с собой эсминец, на котором в данный момент играют тревогу. – Он выдержал короткую паузу и жёстко закончил: – Там ваши враги, Марси, и они сделают всё, чтобы вас убить.

Несколько секунд девушка смотрела Казарскому в глаза, затем её взгляд стал холодным, но не жестоким, и прозвучало решение:

– Я видела на палубе пушку.

– Да, – кивнул капитан. – У моей субмарины есть орудие.

– Сбейте кран и освободите Форнеуса... – Марси вздохнула, побарабанила пальцами по столешнице рабочего стола, но всё-таки произнесла то, что ждал Казарский: – Продолжайте готовить торпедные аппараты. Если сочтёте нужным – атакуйте без моего приказа.

* * *

– Это старая субмарина! – пробормотал ошарашенный Якобсон. – Скорее всего, времён Первой мировой.

– Откуда она здесь? – выдохнул Фокалор.

– Вы у меня спрашиваете?

– А у кого?

– Это ваша операция.

– Чёрт!

Подлодка, возможно, действительно была очень старой, однако шла она изумительно быстро, а экипаж действовал с изумительной слаженностью. Не прошло и минуты после всплытия, как на верхнюю палубу высыпали моряки и принялись стремительно готовить орудие к бою. Без суеты, но с такой скоростью и точностью, словно были не живыми людьми, а роботами из фантастического фильма.

– Они собираются стрелять? – пробормотал Якобсон. И подумал, что

позицию противник выбрал прекрасную: закрылся от эсминца танкером и может делать с «Катрин» всё, что угодно.

А Фокалор посмотрел в бинокль на лодку, затем перевёл взгляд на извивающегося в сетях Форнеуса – его наконец-то удалось целиком поднять из воды, – и сообразил:

– Они хотят освободить змея!

– Что?

– Нас бы они торпедировали, – резанул Фокалор. – Они хотят освободить змея!

В следующий миг гроыхнул выстрел. Якобсон вскрикнул, зажмурился, а через секунду сообщил:

– Высоко!

– Они целятся в кран! – Фокалор схватил рацию. – Хьюстон! Хьюстон, у нас проблемы! Появилась подлодка.

– Мы видим, «Катрин», то есть видели, – без восторга отозвался капитан эсминца. – Русские?

– Немцы.

– Что?

– Долго объяснять, – отмахнулся Фокалор. – Капитан, у вас есть ракеты или что-нибудь в этом роде? Подбейте её!

– Вы уверены?

Чувствовалось, что старому и опытному Хьюстону очень не хочется затевать «войнушку» неподалёку от Крыма, пусть даже в нейтральных водах – с тех пор как двести с лишним лет назад русские взвалили на себя ответственность за безопасность Чёрного моря, в его акватории даже бензиновой зажигалкой не рекомендовалось чиркать без разрешения.

Однако Фокалор закусил удила:

– Субмарина старая, незарегистрированная, флага нет, на связь не вышла, без предупреждения открыла огонь по гражданскому судну – чего вам ещё надо?! Не тяните время, капитан! Вы знаете, чем это может для вас закончиться!

И мало кто понял, что «представитель федерального правительства» Фокалор говорит отнюдь не о карьере. Капитан знал, что за операцией следит скорый на расправу Молох, и не посмел отказаться.

– Я всё понял, сэр. – Хьюстон коротко выдохнул и рявкнул: – Боевая тревога! Цель – неопознанная субмарина!

В это мгновение прогремел второй выстрел с субмарины, снаряд попал точно в цель, подъёмный кран «Катрин» закрипел, зашатался и плавно, словно в замедленной съёмке, рухнул за борт.

– Он освободился? – Фокалора не волновали ни люди, ни состояние судна – всё внимание баала было отдано Форнеусу. – Где змей?
– Надеюсь, утонул, – пробормотал Якобсон.
– Это ещё почему?
– Потому что мы его сильно разозлили, – ответил капитан танкера. – Очень сильно...

* * *

– Мы его освободили! – радостно закричала Марси. – Освободили!
– Форнеус не всплыл, – заметил Казарский.
– Всплывёт, – уверенно ответила девушка. – Прикажите артиллеристам возвращаться.

– А как быть с танкером?
– Пусть уходит.
– Полностью с вами согласен...

И тут субмарину тряхнуло.

Слева направо и вверх, а затем – вниз. Тряхнуло так, что показалось – сейчас перевернётся, однако лодка удержала горизонт. Пока удержала. Но внутри пронзительно завывала сирена.

– Что это было?! – крикнула Марси, поднимаясь с палубы и потирая ушибленное бедро.

– Ракета, – спокойно ответил Казарский. – Эсминец не сдержался.

– Das Leck rechts¹⁶, – бесстрастно доложил мёртвый немец. – Wir sinken¹⁷.

– Torpedoeinsatz¹⁸, – ровно, в тон немцу произнёс капитан. И вновь поправил фуражку: на этот раз её действительно слегка перекосило. – Das erste und das zweite Torpedorohr! Los¹⁹!

Лодку дважды тряхнуло, но на этот раз – аккуратно. И девушка поняла, что прозвучали выстрелы.

– Капитан, вы пустили торпеды? – выдохнула Марси.

– Вы разрешили мне действовать по усмотрению, – напомнил Казарский. – А я привык давать сдачи.

– Das erste²⁰, – сообщил немец.

Девушка различила лёгкое подрагивание, как будто где-то далеко, за толщей воды, случился злой взрыв.

– Das zweite²¹... – А ещё через несколько секунд мёртвый повернулся

и доложил: – Zwei Torpedotreffer²²!

– Dankt der Gefechtsbesatzung von mir²³.

– Я не хотела, чтобы кто-нибудь пострадал, – вздохнула Марси.

– Кстати, мы продолжаем забирать воду, а значит – тонем, – любезно сообщил Казарский. – И скоро ляжем на грунт.

– Вы серьёзно? – похолодела девушка.

– Не волнуйтесь, корпус должен выдержать. Потерь среди экипажа нет.

Капитан Казарский был спокоен, как статуя Будды...

Капитан Хьюстон – тоже.

Он внимательно выслушал требование разъярённого Фокалора:

– Хьюстон, повторите атаку!

И жёстко ответил:

– Не могу, сэр!

– Почему?

– Русские требуют объяснений, сэр.

– Скажите, что мы в нейтральных водах.

– Но неподалёку от их главной базы, что делает русских немного нервными, – хмуро напомнил капитан эсминца. – Береговые батареи ведут нас оружием.

– Что это значит? – Фокалор чуть сбавил тон.

– Это значит, они готовы стрелять, сэр. – Хьюстон помолчал. – Я им солгал о произвольном срабатывании ракетной установки, но второй раз эта байка не пройдёт. К тому же русские истребители на подходе, и теперь они будут долго нас сопровождать. Да и лодка всё равно ушла под воду...

– Мы скоро к ней присоединимся.

– Вижу, сэр. Очень жаль, что так получилось.

Две торпеды подряд с убийственно короткой дистанции сделали своё дело: «Катрин» тонула. Не быстро, но неотвратно. Моряки спускали шлюпки и рассаживались в них с таким спокойствием, будто им каждую неделю доводилось покидать тонущее судно. Хьюстон приказал подготовить места для размещения экипажа танкера, спустить на воду вельбот с командой спасателей – на всякий случай, и проводил взглядом пару любопытных Су-30, с рёвом прошедших над эсминцем. Распорядился доложить портовым службам об инциденте: «Танкер «Катрин» затонул после столкновения с эсминцем, жертв нет...»

Затем услышал изумлённое:

«Боже мой!»

Повернулся и закусил губу, увидев вынырнувшего из воды змея. Который почти сразу скрылся от глаз военных за тонущей «Катрин».

* * *

– Форнеус! Друг мой! Брат!! – обрадованный Фока-лор вскочил на ноги, перебрался на нос шлюпки и развёл в стороны руки. – Форнеус!

Не утонул! Не погиб! С трудом, но освободился от сетей, в бешенстве разорвав их когтями, и помчался наверх глотнуть воздуха и «посмотреть» на тех, кто едва не лишил его свободы.

Змей стрелой вылетел из воды, на секунду завис в воздухе, яростно оглядываясь и оценивая обстановку, вновь нырнул, но на этот раз неглубоко, вновь появился над водой, выгнувшись в боевую стойку, и стремительно поплыл к шлюпкам. Неизвестно, насколько разумным был сейчас Форнеус, но рассудил он верно: «Катрин» тонет, на неё нападать бессмысленно, закованный в броню эсминец слишком крепок, а потому наилучшая цель – шлюпки. Ничем не защищённые. Полные еды.

На них можно сорвать злость и заодно подкрепиться.

– Я – твоя свобода! – закричал Фокалор, вытягиваясь навстречу другу. – Я – твоё счастье!

А в шлюпках началась паника. Кто-то кричал, проклиная и баала, и чудовище, кто-то плакал, кто-то прыгал в воду, но Фокалор ни на секунду не мог предположить, что существо, в которое обратил Форнеуса Шаб, не вспомнит его.

Двести лет Фокалор ждал этой минуты.

Двести лет искал любимого.

Двести лет мечтал вновь посмотреть в его глаза.

И не было для него ничего важнее, чем те слова, которые он выкрикивал, стоя на носу шлюпки.

– Я – твоё возвращение, Форнеус! Я – твой мир! Ты помнишь меня, я знаю! Ты не мог забыть! Ведь я – твоя любовь!

И змей замер.

Изогнулся над шлюпкой, распахнул пасть, заставив завопить от страха даже тех моряков, кто до сих пор не давал волю эмоциям, чтобы они не помешали добраться до эсминца... даже они теперь кричали, окончательно потеряв веру в спасение. А змей навис над ними, но замер, глядя в упор на черноволосого Фокалора. Глядя, словно вспоминая... словно пытаюсь вспомнить... словно Чёрное море неожиданно обратилось в тёплые воды

Крита...

Словно существо осознало себя.

Страшные когти на передних лапах медленно шевелились, будто Форнеус перебирал в воздухе пальцами, а огромные жёлтые глаза не отрывались от баала.

Они смотрели друг на друга.

Спустя двести лет.

Один, кажется, ошеломлённый. Второй – боящийся поверить в удачу.

– Ты не мог меня забыть! – закричал Фокалор, стоя перед другом, братом и любовником. – Я ведь не забыл!

И показалось, что в глазах Форнеуса вспыхнул огонёк... тот самый демонический огонёк с привкусом солёной воды, который Фокалор так сильно любил. Искра, которая когда-то привлекла и затянула. Показалось, что Форнеус справился с существом, надетым на него Шабом, узнал Фокалора и между ними...

Нет.

Показалось.

Шаб не просто запретил Форнеусу принимать облик человека – Шаб отобрал у последнего морского демона личность, навсегда обратив в чудовище, знающее лишь одну жизнь.

– Форнеус! – закричал Фокалор в последней попытке достучаться до старого друга.

Змей издал короткий рык и перекусил баала пополам.

* * *

– Мы легли на грунт, – коротко доложил Казарский после того, как Марси вновь поднялась с палубы. То есть мог бы и не докладывать.

Девушка потёрла ушибленную ногу и задумчиво протянула:

– Так вот, как это происходит...

– Именно так, – подтвердил капитан. – Мы сумели удержать корабль по горизонту, но всплыть самостоятельно не получится – набрали слишком много воды.

Ну, не совсем удержали: палуба накренилась градусов на семь, но учитывая обстоятельства, это было вполне терпимо.

– Не слишком обнадеживающий доклад, – вздохнула девушка.

– Мы живы, – пожал плечами Казарский, – на мой взгляд, это внушает определённый оптимизм.

– Пожалуй. – Марси заставила себя улыбнуться. – Что ещё плохого? Девушка не ожидала услышать продолжение, но оно последовало:

– Хода нет, – сообщил капитан. – Рация повреждена коротким замыканием, так что подать сигнал бедствия не получится. Радисты пытаются привести аппаратуру в чувство, но я не стал бы рассчитывать на их усилия.

– То есть ситуация плачевная? – девушка старалась держать себя в руках, но получалось, если честно, так себе – голос дрожал.

Впрочем, у кого бы не задрожал при таких обстоятельствах? Непробиваемая толща воды над головой ещё никому не добавляла хорошего настроения.

– Мы сделаем всё, чтобы спасти вас, Марси, – пообещал Казарский.

– Я не хочу терять корабль, капитан.

И в его глазах девушка впервые разглядела нечто вроде уважения. Старику понравилось то, что он услышал, и потому ответил он предельно мягко:

– Вы не потеряете корабль, Марси. Гибель «Катрин» не осталась без внимания, скоро сюда подойдут наши пограничники. Как только они появятся, вы наденете водолазное снаряжение, покинете корабль через торпедный аппарат, подниметесь на поверхность и подадите сигнал бедствия. Пограничники, разумеется, начнут задавать вам вопросы, но вы попросите позвонить по телефону, номер которого я вам продиктую, и все формальности будут улажены.

– А вы?

– Если сочтёте нужным, вы прикажете поднять корабль, – ровным голосом продолжил Казарский, не ответив на вопрос девушки. – Спасательная операция займёт некоторое время, но команда, как вы понимаете, будет ждать вас столько, сколько потребуется.

– А вы? – с нажимом повторила Марси, глядя капитану в глаза.

– В нашу следующую встречу я буду иначе выглядеть, а вы станете называть меня другим именем, – улыбнулся тот. – Только и всего.

– На борту лишь один водолазный костюм? – удивилась девушка.

– Я никогда не брал в поход второй.

– Почему?

– Из суеверия. – Ему не было стыдно в этом признаваться.

Несколько секунд Марси выразительно смотрела на спокойного капитана, после чего покачала головой:

– Я вас не оставляю.

Фраза прозвучала искренне и очень по-человечески, слишком по-

человечески, что заставило Казарского улыбнуться:

– Вы не готовы к жизни в Отражении, Марси, вы для него слишком хороши.

Ответить девушка не успела.

– Steuerbordschlagseite²⁴, – доложил немец.

А в следующий миг лодка покачнулась, ощутимо накренившись влево. Марси привычно рухнула на палубу и недовольно завопила:

– Что опять происходит?

– Понятия не имею! – Капитан успел за что-то ухватиться и удержался на ногах – сказывалась морская школа.

– Это ваш любимый ответ!

– Wir werden bewegt²⁵, – бесстрастно продолжил мёртвый. – Jemand bergt uns²⁶...

И девушка сообразила:

– Форнеус! – Лодка вновь покачнулась. – Он пришёл на помощь!

– Неподдалёку есть банка, – прошептал капитан. – Если змей догадается дотащить нас до неё, мы сможем закрыть пробойну, откачать воду и своим ходом вернуться на базу.

– Он догадается, он умный, – сказала Марси, усаживаясь на пол и упираясь спиной в стену – ей надоело постоянно падать.

Села и отчётливо представила, как обхвативший корпус змей тянет корабль с глубины. Тянет упрямо и упорно, прикладывая все силы и очень экономно расходуя запас кислорода, потому что не хочет оставлять лодку на дне и возвращаться. Представила и улыбнулась. И снова обратилась к капитану:

– Из вашего рассказа следовало, что Шаб превратил Форнеуса в безмозглое существо.

– Он такой и есть.

– Но Форнеус нам помогает.

– Не помогает, нет... – Казарский усмехнулся. – Шаб создал это существо, чтобы оно служило вам, Марси, и сейчас оно служит. Если потребуется – оно умрёт за вас, если потребуется – убьёт за вас, но оно – существо, в котором ничего не осталось от демона моря.

* * *

Потому что Море – это другой мир.

Находящийся рядом, но совершенно особый; допускающий к себе, но отделённый стеной; опасный, но готовый дружить. Тот, кто чувствует Море, знает, что его немыслимая глубина хранит все тайны Вселенной, потому что Море – её отражение. Потому что в нём прячется Небо, рассеянно рассыпая по волнам бриллианты звёзд и королевский алмаз Солнца. Потому что им дышит ветер, вольный бродяга и верный друг. Потому что к нему прижимается твердь, робко вглядываясь в бездонную глубину. В такую глубину, где понятия Тьмы и Света теряют смысл, поглощённые бесконечным Морем, не знающим ни Добра, ни Зла.

И не знающим преград.

– Не верю, – прошептал Редька, глядя на море. – Это невозможно!

– Ты его видел, – тепло улыбнулась Марси. – Разве нет?

– Никогда в жизни... – художник судорожно сглотнул. – Я слышал рассказы, говорил с теми, кто вроде бы видел, ездил сюда несколько раз... Но сам – ни разу.

– Но ты его написал, – заметила девушка. – И написал очень точно.

– Я его выдумал.

– Всё, что мыслимо – материально, – негромко произнёс капитан Казарский. И поднял ворот тужурки с таким видом, словно лёгкий ночной ветерок должен вот-вот смениться резким осенним порывом. – Всё, что отражается, наполняет мир и становится его частью. В этом суть вечного создания нового.

– То есть я выдумал змея, и он появился? – Редька окончательно растерялся.

– Его зовут Форнеус.

– Его выдумали до тебя, – рассмеялась девушка.

– Кто?

Капитан свысока – он был выше художника на голову, – посмотрел на Редьку и объяснил:

– Марси пошутила, Николай, Форнеус всегда был частью нашего мира.

– Невероятно...

Они стояли на обрыве Карадага, высоко над морем, словно паря между волнами и звёздами, и наблюдали, как громадный змей склоняет к близости морских кобылиц в гигантской чаше лунного света, в которую обратился залив при полной Луне. А справа расположилась на треноге новая картина Редьки, увидев которую Марси и велела капитану пригласить художника с собой.

– Теперь я видел всё, – улыбнулся Редька, не сводя горящих глаз с резвящегося Форнеуса. – Спасибо.

– Ещё не всё, – тихо сказал Казарский.

– Ещё не всё, – эхом повторила Марси и взяла художника за руку. Мягко потянула за собой, а точнее – к себе, в Отражение, поскольку имела власть показывать скрытое, и прошептала: – Всё ты увидишь сейчас.

И Редька изумлённо вскрикнул:

– Как?!! – и схватился за голову, не в силах ни понять, ни принять увиденное. В силах лишь лепетать: – Как?!

И верить, и не верить одновременно.

Как?!

– Пророчество сбылось, – улыбаясь, ответила Мар-си, крепко держа его за руку и глядя, так же как художник, на небо. – Ведь всё, что мыслимо – осуществимо. И теперь наш мир выглядит так... Во всяком случае – в Отражении.

– Не верю, – прошептал Редька. – Не верю...

– Но вы это написали, Николай, – заметил капитан, бросив быстрый взгляд на картину, словно удостовераясь, что она по-прежнему здесь и не изменилась. – Вы это видели, Николай, вы знали, что так будет.

– Я не знал! – Редька машинально шагнул вперёд и едва не сорвался с обрыва. – Мне просто казалось, что должно случиться именно так.

И так случилось.

Пророчество сбылось.

МАКАМ XII

ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ

*А если там, под сердцем, лёд,
То почему так больно жжёт?
Не потому ли, что у льда
Сестра – кипящая вода²⁷...*

INGRESSO

Где отражаются мечты?

В душе? В глазах? Или в замечательных, очень добрых снах, что приходят после тусклого, переполненного чужими отражениями дня? В столь прекрасных снах, что после пробуждения они вызывают горький привкус тоски, а красота Вселенной блекнет серостью поздней осени, не в силах соперничать с отражением вечной мечты о счастье.

О простом человеческом счастье, смысл которого невозможно передать словами, потому что никто, абсолютно никто не знает, где он будет счастлив. С кем? Когда... Однако все к нему стремятся, видя в счастье смысл. Все стремятся, потому что этот приз – самый ценный. Все стремятся, потому что стремление дарит надежду на избавление от стылой повседневности.

Но где отражается счастье?

Где можно увидеть тепло души? В глазах? В снах? В мечтах?

И что оно – счастье?

Сила? Богатство? Власть? Вершина?

Что успокоит душу и сделает её счастливой?

Что заставит позабыть о скуке будничного движения? А что вылечит душу, если она кровоточит?

Не стонет, не болит, не беспокоится, а кровоточит, как пронзённая кинжалом невеста: только что счастливая, полная мечтаний и надежд, и вдруг – изумлённая, потерявшая всё, ещё живая, но почти умершая...

Умирающую душу легко узнать – она живёт лишь в снах. И даже не живёт – оживает, ненадолго сбрасывая с себя тёмную пелену смерти, когда

снится тот, чья улыбка сводила с ума. Когда снится, как берёт он за руку и ведёт за собой, прочь... прочь от тьмы городов и зла их камня, от чудовища, которым она стала, и чудовищ, которые с ней рядом. Когда он берёт за руку и уводит в мир, где она не рыдает по ночам, мечтая повернуть вспять время, а кинжал остался в ножнах и не пронзил душу.

Не было никакого кинжала.

Что сделает счастливой душу, которая умерла, но продолжает помнить?

А значит, ещё не умерла... Навсегда осталась в прекрасном, добром сне, в котором любимый мужчина жив и мягко берёт её за руку...

Неужели счастье можно отыскать лишь во сне? В эфемерном, красивом, как россыпь звёзд, и таком же далёком... в тёплом, как дыхание матери... в ненастоящем...

Неужели счастье может быть только ненастоящим?

Она как безумная, ждала сны, в которых любимый мужчина улыбался и брал её за руку. И люто ненавидела их. Была счастлива и горько рыдала, открывая глаза. Мечтала найти место, где не отражается её горе, а потом поняла, что в мире такого места нет. И если она хочет быть счастливой, нужно изменить мир.

Или сжечь его.

Дотла.

PUNTO

Мир несправедлив.

А его Отражение несправедливо вдвойне – опасное, жестокое, подлое... Оно не ждёт удобного момента, бьёт всегда, и всегда – наотмашь, и плевать, отбилась ты, ускользнул или выставил блок: следующий удар последует обязательно, хоть по живому, хоть по мёртвому, чтобы убить и поиздеваться над бездыханным телом. Если не готов к бою – уйдёшь без мучений, не успев сообразить, что произошло. Если готов – сопротивляйся, сражайся изо всех сил, как в последний раз, и, может быть, тебе улыбнётся удача.

Может быть, останешься в живых...

На этот раз.

Ориген хорошо знал правила Отражения и бился насмерть, хотя на удачу не рассчитывал. Понимал: не для того его выследили в горной балканской глуши, одурманили то ли наркотиком, то ли магией и увезли за несколько тысяч километров, чтобы оставить хоть один шанс на спасение.

Нет. И удача, и надежда отвернулись, его обязательно убьют, и Ориген мечтал только о том, чтобы захватить с собой как можно больше охотников. При этом понимал, что главных врагов, тех, для услады которых его изловили, убить не сможет, и готов был удовлетвориться слугами. Пусть прольётся их кровь – неблагородная. Главное, что она прольётся!

Напоследок.

И пока у Оригена получалось.

Первой жертвой стал сторож, неосторожно приблизившийся к очнувшемуся, но продолжавшему лежать на полу клетки пленнику: Ориген выждал удобный момент, резко вскочил и ударил врага передним копытом, раскроив череп и крепко разозлив его дружков. Пленника вырубил электрошокером и, возможно, попинали ногами – на это намекали ссадины и ноющие рёбра. В следующий раз Ориген очнулся в заповеднике, посреди небольшой лесной поляны, и понял, что ему уготована участь дичи. Гордость почти заставила Оригена отказаться от грязной и унижительной игры с предсказуемым финалом, но ярость потребовала: «Убивай!», и он не стал противиться.

«Убивай!»

Ориген принялся, прислушался, вычислил, где находятся охотники, и побежал... Но не прочь, а на них, атаковал, неожиданно зайдя с фланга, не пытаясь вырваться, а чтобы убить, чтобы пролить как можно больше крови, и прежде чем охотники это поняли, отправил на тот свет ещё двоих: загонщика и зазевавшегося псаря. И отступил, наслаждаясь злобными воплями смердов, которые не могли отомстить. Не имели права. Охота устроена для хозяев, и того, кто хоть пальцем тронет «дичь», до смерти забьют палками.

У псаря Ориген забрал карабин с двумя десятками патронов, а поскольку стрелял он великолепно, в заповеднике началась бойня.

* * *

– У нас ещё два трупа, баал, – доложил Шварц, останавливаясь в шаге от прискакавшего Ястребиного. – Ориген застрелил загонщиков и пополнил запас патронов.

Трусливый Шварц ожидал от хозяина вспышки лютого гнева, но ошибся.

– Это лучшая охота в моей жизни! – расхохотался Гаап. И тут же поправился: – Одна из лучших! Мне весело, Шварц! Мне очень весело!

И с удовольствием прислушался к доносящимся из леса выстрелам.

Запах пороха и крови, крики и хрипы умирающих, страх, отчётливо читающийся в глазах ещё живых смердов – смешение смертельных чувств будоражило Ястребиного, он бы с радостью вернулся в лес, в погоню, в горячку по-настоящему опасной охоты, но неотложный разговор заставил Гаапа отправиться к базе – комплексу бревенчатых домов с баней и конюшней, стоящих на берегу искусственного пруда. Ястребиный срочно вызвал Авадонну и не хотел заставлять карлика ждать.

– Прекрасная охота! Шварц, ты молодец.

– Спасибо, баал, – склонил голову помощник.

Гаап спрыгнул с лошади, кинул поводья рабу и потрепал Шварца по плечу:

– Где ты отыскал этого зверя?

– Оригена давно рекомендовали, как яростного бойца, баал, но я не торопился его привозить: берёг для особого случая.

– И правильно делал, – одобрил Ястребиный, доставая из карманного футляра сигару и срезая кончик. Шварц тут же поднёс хозяину зажигалку. – Охота удивительно хороша, Авдей резвится, как ребёнок, и считает, что мы постоянно так веселимся...

– Да, баал.

– Проследи, чтобы именно Авдей поставил точку в представлении.

– Разумеется, баал.

Шварц исчез, повинувшись едва заметному движению бровей хозяина, и Гаап уверенной походкой направился к карлику, терпеливо дожидаясь аудиенции у лимузина. Пошёл, хотя по этикету примчаться должен был младший по статусу Авадонна, но Гаап рассудил, что карлик достаточно прогнулся, явившись в заповедник по первому зову, и заслуживает поощрения.

– Привет, Авадонна.

– Добрый день, Гаап.

Сладкий голос карлика прозвучал настолько почтительно, что вместо «Гаап» послышалось «баал». Ястребиный улыбнулся и кивнул, показывая, что доволен.

Держался Авадонна соответственно: немного скованно и без привычной вальяжности, по сторонам не смотрел, сосредоточив всё внимание на Гаапе, так что даже по жестам было понятно, что Ястребиный – главный. Несмотря на то, что карлик щеголял по заповеднику в дорогом костюме, а Гаап пришёл на встречу в грязном камуфляже.

– Хороша ли охота? – светским тоном осведомился Авадонна.

– Прекрасна, – Гаап пыхнул ароматным дымом и растянул губы в знаменитой «ястребиной» улыбке. – Шварц отыскал великолепную дичь, уже семь смердов сдохли.

– Слышал, ты дрессируешь Авдея? – обронил Авадонна.

– А что не так?

– Вас не должны видеть вместе, – поспешил объясниться карлик, опасаясь вспышки гнева.

Но её не последовало: Гаап пребывал в отличном настроении, которое ничто не могло испортить.

– Знаю, – поморщился он. – Но Авдей такой игривый, так искренне желает познать Тьму... Мне нравится доставлять мальчику удовольствие... Во всех смыслах слова.

Чувствовалось, что баал увлечён молоденьким принципалом больше, чем пытался продемонстрировать, но Ястребиный мог себе это позволить: Первородному его ранга путь к свету заказан, так что грешники лишь посмеются, узнав о новом фаворите своего баала. А вот органики...

– Из-за вашей связи могут взбунтоваться органики, – негромко произнёс Авадонна. – Я понимаю, что Авдей – бессмертный принципал, но он не должен забывать, что все его умершие предки тоже были бессмертными принципалами. – Карлик выдержал короткую паузу. – Надо объяснить мальчику, что власть устроена гораздо сложнее, чем ему кажется, а его личное бессмертие может спасовать перед ловкостью убийцы.

– Надо... – согласился Ястребиный. – И дело, из-за которого я попросил тебя приехать, как раз связано с ними, с органиками.

– Объявляем войну? – пошутил карлик.

– Не сейчас. – Гаап попыттел сигарой, огляделся и чуть понизил голос: – Авдей хороший мальчик и высоко ценит нашу дружбу, поэтому постеснялся сказать лично... но передал через дьяка-меченосца Айзермана своё неудовольствие смертью Лаврича.

– Что значит «неудовольствие»? – не понял карлик.

– Сколько значений есть у этого слова? – поднял брови Ястребиный, удивлённый непонятливостью обычно смышлёного Авадонны.

А карлик действительно растерялся, поскольку считал историю Лаврича законченной и закрытой. И ещё считал её выгодной Первородным: предыдущий дьяк-меченосец, член Первой Свиты Лаврич оказался бешеным Сердцеедом, запятнавшим себя многочисленными убийствами детей и в конце концов погибшим от руки мстителя, двойника, рождённого в Великое Полнолуние. Скандал привёл органиков в смущение и стал

очередной победой Тьмы.

– Авдей высказывает нам претензии за смерть Лаврича? – выдавил из себя карлик, сообразив, что пауза неприлично затягивается.

– Да, – кивнул Гаап, попыхивая сигарой.

– Почему?

– Потому что Ольгин – тёмный, – объяснил Ястребиный. – Ольгин – сын Великого Полнолуния, вскормленный энергией Ша и вызванный Порчей.

– Лавричу надо было внимательнее выбирать жертву и не трогать сестру Первородной, – пожал плечами опомнившийся Авадонна. – Он забыл, что Москва – не его ферма, на которой можно кормиться, как душе угодно и кем угодно. Ольгин и Порча отомстили...

– Лаврич мёртв, а бессмертный принципал органиков недоволен, – сухо перебил карлика Гаап. – Моему мальчику кажется, что его оскорбили, он стал задумчивым и хмурится, а мне не нравится, когда он хмурится. И не нравится, когда он становится обидчивым. Ты меня понимаешь?

В ответ Авадонна едва не выругался. Вслух.

В отличие от подавляющего большинства грешников, карлик был не «би-», а чётко выраженным «гетеро», о его любовных подвигах слагали легенды, но при этом он не подпускал многочисленных любовниц к серьёзным вопросам, жёстко отделяя дело от удовольствий.

И до сих пор не замечал подобного за Гаапом.

– Чего хочет Авдей? – спросил карлик, постаравшись, чтобы имя мальчика прозвучало уважительно.

– Дьяк-меченосец Айзерман сказал, что до сих пор органики не трогали Ольгина из вежливости, ждали, что мы сами с ним разберёмся. И я думаю, нужно пойти им навстречу, – ответил Ястребиный. – Авдей молод, ему понравится знак внимания.

– Молод и глуп, – добавил Авадонна.

– Да, – не стал отрицать Гаап. – Но его глупость нам на руку, а его красота и молодость меня возбуждают. И мы сделаем так, как юноша хочет.

– Конечно, сделаем, – кивнул карлик. Он уже взял себя в руки и вернулся к обычному деловому тону. – Твоё слово – закон, Гаап, но я прошу не забывать, что мальчик всё равно наш враг. День – наш враг. Органики – наши враги.

– Почему же ты не сражаешься? – усмехнулся Ястребиный.

Авадонна осёкся.

– Ты не сражаешься, друг мой, потому что всем доволен, – ответил на свой вопрос Гаап, пыхнув сигарным дымом почти в лицо собеседнику.

Сверху вниз. – Потому что Божественные пляшут в твоих сетевых шоу вместе с органиками. Потому что они убивают с тем же безразличием, что и грешники, и с таким же азартом пытаются врагов... Ты не сражаешься, друг мой, поскольку знаешь, что я действую правильно, и всякий раз, когда я трахаю Авдея, он становится чуточку темнее, а вместе с ним темнеют его подданные. Тьма привлекательна, Тьма обещает гораздо больше Дня: больше удовольствий, больше власти. Рано или поздно мы растворим органиков в себе, но ты... – Ястребиный наклонился к карлику, – ты – молодец, друг мой, твоя твёрдость необходима на тот случай, если я чересчур увлекусь сладким мальчиком и совсем потеряю голову.

– Такого не случится, – сглотнув, прошептал Авадонна. – Ты темнее всех, кого я знаю.

– Но ты всё равно приглядывай за мной, – рассмеялся Гаап. И вернулся к делам: – Мы не можем сами устранить Ольгина, не хочу, чтобы по городу ползли ненужные слухи о том, что мы пляшем под дудку органиков.

– С этим я полностью согласен.

– Надо использовать Братство, – закончил Ястребиный, не обратив внимания на то, что карлик его перебил.

– «Mortem Monstrum»?

– Ты знаешь другое?

– Извини, Гаап, сглупил, – опомнился Авадонна. – Использовать Братство – хорошая идея, они любят устраивать публичные расправы.

– Мне кажется, или я слышу в твоём голосе презрение? – неожиданно поинтересовался Ястребиный.

– Я знал настоящих истребителей и когда-то еле отбил от них, – с улыбкой напомнил карлик. – А теперь они едят у нас с ладони и не трогают Первородных без разрешения.

– Я понимаю твоё отношение, друг мой, но будь политиком, – Ястребиный вновь попыттел сигарой. – Держи себя в руках, как держу себя в руках я. Улыбайся им, показывай, что уважаешь. И помни: Первородные уже выше всех без всякой войны. Мы сделали Зло глобальной идеей и скоро сбросим маски. Нужно немного потерпеть.

– Гаап, ты ведь знаешь, что я всё понимаю, – кивнул Авадонна. – Я переговорю с Братством и организую устранение Ольгина. – Он выдержал паузу. – Но Ленку мы не тронем.

– Она тебе нравится?

– Если Братство уберёт Порчу, все поймут, что органики мстят за Лаврича.

– И хорошо: мстить за Сердцееда – моветон.

– Но от нас будут ждать ответных действий, – продолжил карлик. – Смерть Ольгина не привлечёт внимания – он бирюк, а убийство Порчи может закончиться войной.

Несколько секунд Ястребиный обдумывал слова Авадонны, после чего кивнул:

– Порчу не трогаем.

– Хорошо...

Тем временем стрельба в лесу прекратилась и сменилась рёвом двигателей, сначала далёким, путающимся среди равнодушных деревьев рычанием, но постепенно приближающимся, и в тот момент, когда Гаап вынес решение по поводу Порчи, к базе подъехали четыре квадроцикла.

– Мы сделали! – закричал сидящий в первой машине юноша, специально притормозив у парковки. – Мы его поймали! Я его поймал! Я выстрелил в него сетью и поймал!

И помчался дальше.

– Разве он не прелесть? – улыбнулся Гаап.

– Шустрый мальчишка, – согласился Авадонна. – А главное – совсем ручной.

– Ещё нет, но будет, – Ястребиный негромко рассмеялся. – Зачем воевать, если можно затуманить им головы толерантностью? Если можно сказать, что мы – невинные жертвы безумия Древних, что мы не хотели воевать... Зачем воевать, если можно без усталости повторять о «тяготах войны» и врать о том, что творили воины-меченосцы с «невинными ведьмами». Повторять враньё так долго, что дети органиков начнут верить, что их отцы и деды ничем не отличались от наших... Зачем воевать, если можно объяснить, что мы все одинаковы и способны «мирно сосуществовать»? Зачем воевать, если можно постепенно сделать их такими, как мы? Они ведь не замечают, как темнеют... просто живут, перенимают наши принципы, меняются... Пусть не сразу, но я терпелив.

– Изменятся не все, – заметил Авадонна.

– Знаю, – рассмеялся Ястребиный. – Тех, кто не изменится – убьём.

– Гаап, полюбуйся!

Вслед за квадроциклами появился грузовик, в кузове которого стояла клетка с бешено орущим, бьющимся о прутья гигантским кентавром, раза в полтора превосходящим обычных сородичей, а значит, из королевского клана. Седая борода и многочисленные шрамы на торсе указывали, что кентавр изрядно пожил, а лютая ненависть в глазах – что хотел бы пожить ещё.

– Ориген? – тихо спросил Авадонна.

Удивлённо.

– Знаешь его? – поднял брови Гаап.

– Встречались, – медленно ответил карлик, разглядывая ярящегося кентавра. – Что с ним станет?

И чувствовалось, что судьба Оригена ему небезразлична.

– Ответишь на мой вопрос? – молниеносно сменил тему Ястребиный.

– Конечно, – вздохнул Авадонна.

И мысленно попрощался со старым собутыльником.

– Ты спал с Элизабет?

– Да.

– Так я и думал... – Гаап бросил сигару на землю и растоптал. – А этот дурак Шаб считал, что лишние рога ему наставил я.

– Извини.

– Забудь.

Прозвучало очень понятно: забудь. Оба забудем обо всём: ты о кентавре, я – о том, что сделал со мной Шаб, поверив ложным слухам. Не спрашивай о том, что тебя не касается.

Прозвучало так, что Авадонна, даже если бы хотел, спорить бы не стал. А он не хотел, поскольку понимал, чем может закончиться спор, и не собирался раздражать Гаапа.

«Прости, Ориген... прости, старый приятель...»

Ориген тряс прутья клетки и сыпал проклятиями, охотники – и органики, и грешники – толпились вокруг, тыкали в него пальцами и громко хохотали, не забывая нахваливать напыщенного юнца, напоминающего прелестную куколку, зачем-то наряженную в мужской, сшитый на заказ комбинезон. И лишь один органик – сухопарый, угрюмый мужик, не принимал участия в издевательствах и молча стоял у квадроцикла, равнодушно глядя на толпу. Но за маской его безразличия отчётливо читалось презрение.

– Мне не нравится Айзерман, – произнёс Авадонна, глядя на сухопарого. – Он нас ненавидит. Он такой же, как я, только с той стороны.

– Сейчас это нормально, – проворчал Ястребиный. – А потом останешься только ты.

Карлик поднял глаза и твёрдо пообещал:

– Я всегда буду исполнять твои приказы, Гаап. Любые приказы.

– Поклянёшься? – очень серьёзно спросил Ястребиный.

– Поклянусь. – Авадонна знал, что скоро придётся поклясться, был к этому готов, и потому ответ получился искренним. – Явлюсь, когда прикажешь, и поклянусь на крови.

– Наш мир не так прекрасен, каким казался в детстве, но не настолько плох, чтобы опускать руки. Он разный, и в этом его достоинство: иногда мир страшен, иногда – вызывает восхищение, иногда мы его не замечаем, двигаясь по жизни с шорами на глазах, иногда обижаемся, считая, что недополучили подарков. Мир переменчив, но мало кто задумывается об этом, предпочитая жить теми эмоциями, которые вспыхивают здесь и сейчас: радуемся, когда нам хорошо, и стискиваем зубы, преодолевая трудности. Мы торопимся и часто не замечаем, что счастливы, принимаем подлинное счастье за очередную светлую полосу, не понимая, что вот оно – долгожданное, то самое, ради которого стоит жить. Торопимся так, что пропускаем его, теряем, а обвиняем в потере мир, несправедливый и безжалостный лично к нам...

– Разве не так? – тихо спросила женщина.

Кирилл вздрогнул, посмотрел на пульт и удивлённо покачал головой: заговорившись, он машинально принял телефонный звонок и не заметил, что монолог превратился в диалог.

– Добрый вечер, сестра-полуночица, – улыбнулся он, спасая положение.

– Добрый вечер, Амон, – грустно ответила женщина.

– Как мне тебя называть?

– Неважно.

– Вижу, ты крепко обижена на мир?

– Чёрная полоса изрядно затянулась, – подтвердила женщина.

– Что случилось?

– Иногда кажется, что меня прокляли.

– Всё сыплется из рук?

– Не всё, – вздохнула она. – Высыпалось однажды, а получилось – навсегда. И я не могу собрать жизнь обратно.

– Рассыпанную жизнь невозможно собрать, её нужно строить заново. Шаг за шагом, кирпичик за кирпичиком, а главное – из другого материала.

– Мне нравится тот материал, который у меня был.

– Ты любила, сестра, – догадался Кирилл. – Крепко любила.

– Какая разница? – грубовато отозвалась женщина.

– Разница в том, что я ничего о тебе не знаю, сестра-полуночица, а ты вряд ли позвонила, чтобы соврать. Здесь только ты, я, ночь... и миллионы слушателей, но для них и для меня ты – всего лишь голос в темноте. Тебе

не перед кем держать лицо, сестра-полуночница, а лживый разговор не имеет смысла – ты лишь потратишь моё время и не позволишь поговорить с тем, кому действительно нужно что-то сказать. Или крикнуть. Или спросить совета. Если ты не готова открыться, то положи трубку, подумай, вздохни глубоко...

– Я любила! – перебила Кирилла женщина. – Теперь я понимаю, что любила так, как никогда в жизни. И я была счастлива. А потом... Потом я обрела всё на свете, Амон, действительно, всё, поверь, включая власть, но потеряла любовь. – Она выдержала короткую паузу. – Как думаешь, Амон, любовь стоит всего на свете?

– Ты мне скажи, – тихо ответил Кирилл. – Ты знаешь правильный ответ.

– Если я знаю ответ, то зачем звоню?

– Потому, что боишься его произнести, сестра-полуночница, не вслух – себе. Ты боишься сказать себе то, что давно знаешь, и потому хочешь, чтобы ответил я.

– А ты не ответишь?

– Я никогда не отвечаю, сестра – только советую, и только тем, кто растерян и не знает, чего хочет.

– Я не знаю!

– Ты снова лжёшь, – размеренно произнёс Кирилл. – Точнее, пытаешься солгать. И пытаешься сказать себе, что слаба, хотя давным-давно забыла, что такое слабость.

– Мир несправедлив!

– К тебе?

– Ко всем!

– И что же делать, сестра? Как поступить с миром, который несправедлив?

Несколько секунд в эфире царила полная тишина, затем женщина едва слышно ответила:

– Есть отражение, в котором я счастлива... и я хочу его отыскать.

– Отражение?

– Счастье... – Она судорожно вздохнула. – Я потеряла счастье, рассыпала вместе с жизнью и любовью, и теперь перебираю отражения, пытаюсь отыскать то, в котором до сих пор живёт моё счастье. Такое отражение есть, обязательно есть... Я отыщу его и верну.

– Отражения наполняют мир, а не подменяют его.

– Это – подменит, – твёрдо возразила женщина.

– Что в этом случае станет с миром? – вдруг спросил Кирилл.

– Мир станет чуточку справедливее.

И она отключила связь.

Несколько секунд Амон молчал, слушая короткие гудки, а затем негромко сказал:

– Я не знаю, что произошло у нашей сестры, но догадываюсь, что очень страшное. Я не могу её судить и не стану оскорблять жалостью. Скажу лишь, что тот, кто гонится за тенью, обязательно позабудет дорогу на свет. И я... я хочу поставить для нашей сестры замечательную песню.

Послышался щелчок, и ночную тишину эфира наполнили грустные слова:

Лети, моя душа,
Лети, мой тяжкий рок,
Под облаками блакитными,
Под облаками зенитками в небо,
Под облаками блакитными,
Под облаками зенитками в небо²⁸...

* * *

Небо нависало бетонной ватой – мрачной и несъедобной. Её разложили над Кремлём так густо, словно хотели упаковать хрупкие башни перед переездом, но передумали, или отвлеклись, или переезд отменили, а башни так и оставили – наполовину закутанными в вату облаков, сквозь которую едва проступали яркие звёзды.

Серая панорама казалась нарисованной на широком окне, но Авадонне старая крепость нравилась в любых декорациях, и нынешняя картинка радовала его так же, как любая другая.

– Согласитесь, красиво, – улыбнулся карлик, решив, что они с посетителем достаточно полюбовались на затуманенный Кремль.

– Полагаю, вы специально не меняете этот небольшой офис на что-нибудь более напыщенное, чтобы не лишать себя удовольствия, – улыбнулся в ответ Кросс. – Замечательный вид.

– Вам нравится?

– Безусловно.

– Я провожу в кабинете изрядную часть жизни, Иннокентий, и тщательно продумывал каждую деталь, в том числе – вид из окна. Чтобы не

пришлось переезжать.

– Не любите переезды?

– Я несколько консервативен, – улыбнулся Авадонна. – Дом принадлежит мне больше ста лет, земля под ним – ещё дольше, и я не вижу необходимости что-то менять... Чаю?

– Кофе, – ответил толстяк, поняв, что начинается деловой разговор.

– Сейчас принесут, – карлик распорядился, затем жестом указал гостю кресло, расположился напротив и свёл перед собой пальцы: – Вы слышали об убийстве дьяка-меченосца Лаврича?

– Об убийстве Сердцееда? – мягко уточнил Иннокентий.

– И о нём тоже, – кивнул Авадонна. Но не улыбнулся, показав, что шутки закончились.

– Это одно из тех немногих московских событий, которое заинтересовало всё Отражение, – сказал Кросс, откровенно намекнув на провинциальность здешних мест.

Но карлик пропустил шпильку мимо ушей.

– Лаврича убил тёмный, – протянул он, принимая у секретаря чашку с кофе.

– Я бы использовал термин «отомстил», – поразмыслив, ответил Кросс. – Сейчас этот парень работает на кладбище, где похоронена девочка...

– ...которой Лаврич вырезал сердце, – подхватил Авадонна. – Да, грустная история.

– Он назвал себя Ольгиным, – закончил толстяк. – В честь девочки.

Несколько секунд в кабинете царила тишина. Карлик сосредоточенно мешал сахар, а Кросс выпил свой кофе залпом и вертел пустую чашку, ожидая продолжения разговора. Каждый думал о своём.

– Вам он нравится... – протянул Авадонна, поняв, что толстяк нарушать молчание не собирается.

– Нравится, – не стал скрывать Иннокентий. – И я сочувствую Ольгину.

– Он двойник, сын Великого Полнолуния, – поморщился карлик. – В нём нет ничего, кроме зла.

– В нём нет ничего, кроме Тьмы и любви к мёртвой девочке, – поправил баала Кросс. – Я ему сочувствую.

– Не ожидал услышать от вас подобные слова, – признался Авадонна.

– Вы постоянно забываете, что я инопланетянин, – обезоруживающе улыбнулся толстяк. – На Аммердау нет такого разнообразия видов, как на Земле, там живёт лишь мой род, а мы – органики. Безликий тысячи лет

занимался нашим воспитанием и добился очевидного успеха. Я жесток, силен, безразличен к смерти во всех её проявлениях, но вот здесь, в той своей части, которую вы, люди, называете душой, я по-прежнему органик. – Иннокентий прикоснулся к груди. – Я ценю благородство и понимаю любовь. Я полностью на стороне Ольгина и сожалею лишь о том, что он не заставил дьяка мучиться перед смертью так, как тот заслуживал.

– Говорят, Элизабет тоже стала понимать любовь, – проворчал Авадонна. – Это её и сгубило.

– Да, я слышал, что на Земле без любви никуда, – усмехнулся Кросс. – Вы даже Древних совратили.

– С Безликим ты вёл себя столь же дерзко? – вдруг поинтересовался карлик, одновременно напомним собеседнику, с кем тот говорит.

Но особенного впечатления не произвёл: инопланетянин выбранному тону не изменил.

– Я лишён надежды вернуться домой, баал, и дерзость – единственное, что меня спасает от сумасшествия, – размеренно объяснил он, глядя карлику в глаза. – Но если я вас чем-то обидел...

– Меня трудно обидеть, Иннокентий.

– Я имел в виду...

– Я понимаю, что ты имел в виду.

– Спасибо.

Карлик вздохнул. Толстяк приятно улыбнулся.

Иннокентий знал, что находится в полной власти Авадонны, и карлик волен безнаказанно убить его в любое мгновение, но... Но последние десятилетия Иннокентий не жил – существовал и давно перестал ценить то, что мог безнаказанно забрать карлик. Угрозы на него не действовали.

– Я вызвал тебя вот по какому поводу... – сказал Авадонна, медленно допивая кофе. Судя по всему, казнь строптивого инопланетянина откладывалась на неопределённый срок. – Братство планирует устранить Ольгина, хочет показать Отражению, что тёмные не имеют права на столь наглые выходки.

– Осмелюсь напомнить, что Ольгин один на один справился с дьяком-меченосцем, – в тон карлику ответил Кросс. При этом было видно, что новость его не обрадовала. – Он необычайно силен.

– Братство его достанет.

– Вы могли бы оказать бедолаге своё покровительство.

– Бедолага мог бы попросить моего покровительства, но не стал. А сейчас его смерти требует принципал, так что вмешиваться я не намерен.

– Понимаю, баал.

– Ольгина убьют, в этом нет сомнений, – твёрдо продолжил Авадонна. И после паузы добавил: – Но можешь не беспокоиться – Порчу Братство не тронет.

– Спасибо, – обронил Иннокентий.

– Не просто «спасибо», – обронил карлик.

Мужчины вновь помолчали.

– Что я должен сделать? – тихо спросил Кросс, глядя на Кремль – серая вата стала медленно подниматься в серое небо, подталкиваемая разозлившимся ветром, и теперь старые стены виделись настолько чётко, что можно было разглядеть каждый кирпичик.

– Получилось так, что на Преображенском кладбище работает Мастер Скорбных Дел – по моему приказу, – негромко сообщил Авадонна. – Я не хочу, чтобы истребители помешали ему или даже просто заглянули в Каменный цех. Ты должен проследить за этим.

Задание показалось лёгким, слишком простым за услугу, которую оказал карлик, выведя Ленку из-под удара, и толстяк осторожно уточнил:

– До какой степени вы этого не хотите, баал?

– Ты волен делать всё, что сочтёшь необходимым.

В переводе на обычный русский, без дипломатических экивоков: можешь перебить истребителей, если того потребуют обстоятельства.

Жёстко. Очень жёстко, если учесть, что Братство и Первородные старались не выходить за давным-давно установленные рамки, а в последнее время их нейтралитет стал всё больше приобретать черты крепкой дружбы. Распоряжение карлика могло взорвать сложившуюся картину, но...

Но Иннокентия интересовало другое:

– Я тоже не должен видеть работу Мастера?

– Если увидишь, у тебя останется два пути: стать моим верным псом или застрелиться.

– Почему именно застрелиться? – растерялся толстяк.

– Из вежливости, – холодно ответил Авадонна. – Чтобы я не тратил время.

– Но почему застрелиться?

– Вряд ли ты сможешь повеситься, – язвительно ответил карлик. – Насколько мне известно, чтобы перекрыть трахею насекомому...

– Понятно, понятно... – Кросс задумчиво улыбнулся. – А что с Ольгиным?

– Мне на Ольгина плевать, – пожал плечами Авадонна и посмотрел на часы, показывая, что разговор затянулся. – Я ему не враг, и Авдею не враг, и

тебя я не нанимал. Я – старый, маленький баал, и мне нужно одно: чтобы Мастеру Скорбных Дел не мешали. Всё остальное на твоё усмотрение.

* * *

На кладбищах всегда холодно...

Сначала это утверждение покажется смешным и нелогичным суеверием, не имеющим никакого отношения к реальности: как может быть холодно в тридцатиградусную жару? Или тому, кто тепло оделся зимой? Но если отбросить предубеждения, то суеверие неожиданно окажется фактом: на кладбищах холодно. Хоть зимой, хоть в летний день, как ни одевайся, как ни кутайся – холод обязательно достанет. Скользнёт по щеке леденящим поцелуем, погладит руку, пробежится по пальцам, мягко обнимет за шею или вцепится в ноги... или, что самое неприятное, заползёт внутрь и прикоснётся к душе, напоминая, что когда-нибудь ей обязательно станет холодно... смертельно холодно...

На кладбищах всегда так.

Может, потому, что они отражают жизнь?

Саму жизнь?

Отражают в фотографиях и полированном камне, в каплях росы на ограде, в стеклянных вазах и лампадах. В тенях, которые пламя свечей бросает на обелиски...

Жизнь отражается в образе кладбища и возвращается в мир, наполняя его жгучим холодом той стороны, и поэтому Виссарион Обуза на кладбищах бывать не любил, ни днём, ни ночью. Но бывать приходилось. С недавнего времени – на Преображенском кладбище и довольно часто. О своих визитах Виссарион обязательно предупреждал, и потому калитка, несмотря на поздний час, была открыта. А вот сторож отсутствовал, но это обстоятельство Обузу не смутило – он хорошо знал, где проводит ночи Ольгин, и не ждал его увидеть. Пройдя через калитку и не заперев, а лишь прикрыв её за собой, книжник неспешно добрался до Каменного цеха, постучал, тут же открыл дверь, вошёл, снял шляпу и вежливо кивнул Мастеру Скорбных Дел:

– Желаю здравствовать.

– Желаю, – отозвался тот, спокойно разглядывая длинного и ушастого посетителя. – Вы принесли?

– Конечно. – Обуза достал из потёртого портфеля толстый фолиант в тиснёном кожаном переплёте и протянул Мастеру. – Это финальная

библиотека символов Крепости, подобранная для Садового кольца.

– Порядок следования камней?

– Указан.

– Очень хорошо.

– Двое ворот: Ленинградские и Таганские, – добавил Виссарион. – Как хотел Авадонна.

– Прекрасно.

Мастер помолчал, переложил книгу из правой руки в левую, а затем кивнул:

– До свидания.

Судя по всему, ему не терпелось вернуться к работе.

– Вы обещали разрешить... посмотреть, – напомнил Обуза. Он отдал книгу и теперь мямлял в руках шляпу. – Мне очень интересно увидеть... – Из соседнего помещения, которое, собственно, и было цехом, слышался стук молотка. – Я ведь не помешаю?

– Не мешаете, – улыбнулся Мастер. – Но внутрь я вас не пущу, смотрите с порога.

– Хорошо, – обрадовался Виссарион. – Я одним глазком...

Мастер подвёл книжника к дверям, чуть приоткрыл створку и позволил заглянуть в щель.

В довольно большое помещение, в центре которого сидел за верстаком крепкий мужчина в сером от пыли комбинезоне. Уникальный резчик по камню, пропавший «где-то в Европе» – Письменник, спрятавшийся от глаз Отражения на старом московском кладбище.

Мужчина работал: смотрел в раскрытую книгу, определяя следующий символ, затем, не глядя, брал с верстака нужный инструмент – в этот момент раб слева подносил чистую плитку, – сноровисто вырезал на оборотной стороне нужный символ, и готовый камень тут же забирал раб справа. Письменник же вновь обращался к книге, иногда слюнявя палец, чтобы перевернуть страницу. И вновь брался за работу, вырезая очередной знак на очередном камне, который ляжет на московскую улицу.

Плитка за плиткой...

Иннокентий ошибался, когда спрашивал о большом строительстве: Авадонна возводил магические стены, скрытые и от Дня, и от Отражения, и ему не требовалось их каменное воплощение – достаточно выложить в правильной последовательности символы, образующие заклятие Крепости, и в нужный момент они сольются, превратившись в непреодолимую преграду.

– Он быстро работает, – прошептал Обуза, с уважением глядя на

Письменника.

– Он молодец, – так же тихо произнёс Мастер. – Мы закончим Садовое кольцо через пару месяцев и надёжно защитим старый город. Затем двинемся дальше...

Ответить Виссарион не успел: снаружи послышались едва различимые хлопки, Мастер Скорбных Дел тут же закрыл дверь, на цыпочках подбежал к окну, пару секунд постоял, не шевелясь, после чего вздохнул:

– У нас какой-то кавардак со стрельбой.

– Я тогда побуду здесь, – просительным тоном произнёс Обуза. – Не хочу попасть под пули.

* * *

Мужчины, подъехавшие к Преображенскому кладбищу в большом чёрном внедорожнике, были полны решимости вернуть проклятое существо во мрак, из которого оно вылезло. Мужчин было четверо: разного возраста, цвета кожи и сложения, походящих друг на друга лишь удобной чёрной одеждой – короткие куртки, под которыми легко прятать оружие, широкие штаны, точно подогнанные ботинки, – и аурой опасности. Не зла, а именно опасности, чётко говорящей о том, что четверо – воины. У самого длинного когда-то была порвана шея, не ножом – когтями, и потому его звали Рваным. Коротышке сломали нос, вдавили в лицо мощным ударом, но убить не смогли. Третий, по кличке Классик, «щеголял» скрюченным ухом, а левая щека четвёртого – главаря – была сильно обожжена. В Москве его знали под псевдонимом Сапёр.

– Ты уверен, что Ольгин здесь? – негромко спросил сидящий за рулём Классик.

– А где ему быть? – хмыкнул Сапёр. – Ночь ведь...

– И дождь накрапывает, – добавил Коротышка. – В такую погоду твари любят погулять.

– Ольгин редко уходит с кладбища, – закончил Сапёр, не особенно довольный вмешательством Коротышки. – Он здесь сторож.

– Смешно, – вставил своё слово Рваный.

– Скорее, логично, – не согласился Классик. – Мрак к мраку, смерть к смерти.

– Это мы ему обеспечим.

– Ольгин каждую ночь сидит у могилы девочки, за которую мстил, – буркнул Сапёр. – Она была чистой душой и не хотела, чтобы он стал

зверем. Но парень не смог пересилить себя, принял Первородный грех, чтобы отомстить за смерть любимой, и теперь пытается вымолить прощение.

– Откуда ты знаешь? – удивился Рваный.

– Я обязательно изучаю тех, кого предстоит убить, – ответил командир. – Поэтому до сих пор жив.

– Ольгин всё равно монстр, – сухо сказал Классик. – Он – двойник, рождённый в Великое Полнолуние на крови человека. В нём есть только Тьма, и он должен сдохнуть.

– Сдохнет, – спокойно пообещал Коротышка, доставая из кобуры пистолет.

На котором отчётливо виднелась гравировка «MORTEM MONSTRUM».

* * *

– Днём я ездил в Александровский сад. Накатили воспоминания о том, как мы гуляли и я рассказывал тебе историю Кремля и каждой его башни... Помнишь? Наверное, помнишь, ведь тебе нравились мои рассказы, как ты могла их забыть... А нравились они потому, что я изо всех сил старался сделать их интересными. Ты даже не представляешь, сколько книг мне пришлось прочитать... – Мужчина вздохнул. – Мы садились на лавочку напротив башни или стояли, если не находили свободного места, и я принимался за очередную историю... Поверь, это не был простой пересказ того, что я прочитал днём – я создавал новые истории, привносил в них нечто своё... – Ольгин помолчал. – В саду сейчас много туристов, не протолкнуться, но всё равно хорошо. Башни на месте, строго смотрят сверху вниз, и среди суеты сада кто-то – я в этом уверен – рассказывает истории тому, кого любит. И я пожелал, чтобы у них всё сложилось лучше, чем у нас. Я пожелал им счастья...

В темноте холодного кладбища Ольгин казался несокрушимой глыбой, массивным надгробием, зачем-то поставленным рядом с могилой пятнадцатилетней девочки. Высокий, больше двух метров ростом, феноменально сильный, он даже сидя на лавочке казался скалой, а уж когда вставал, и вовсе превращался в немыслимого гиганта. В одежде он предпочитал чёрное – короткий плащ, футболка, джинсы и тяжёлые ботинки, на пальцах – чёрные перстни, а на его лицо навсегда легла мрачная печать Великого Полнолуния. И с тех пор как Ольгин взялся

сторожить кладбище, хулиганы обходили это место стороной.

Поэтому никто не мешал ему ночи напролёт говорить со своей умершей душой.

– Мне уже не так больно, как раньше, – вздохнул Ольгин, разглядывая белый крест, утопающий в белых цветах. В свежих цветах – он менял их каждый день. – Ты скажешь, что прошло время, и будешь права – время лечит. Но если ты скажешь, что скоро я тебя забуду, то ошибёшься: моё сердце меньше болит, потому что я каждый день рядом с тобой. Я смирился – наверное, но я никогда тебя не забуду, принцесса, и жизнь моя пройдёт здесь...

Он резко замолчал, повернул голову и прищурился, вслушиваясь и вглядываясь во тьму холодного кладбища.

Его внимание привлекли шаги.

Едва слышные, очень осторожные шаги. Приближающиеся... сзади. И слева тоже. Ольгин закрыл глаза, «включил» обострённые чувства и теперь «видел» происходящее со стороны, разглядывал, словно на видео с дрона, «рисую» картинку тем, что чувствовал. Мягкие шаги очень опытных бойцов. Едва слышный шорох одежды. Едва различимый запах оружейной смазки. И справа шаги...

Его окружают.

«Вот и всё?»

Он не знал, кто пришёл, но сразу понял – зачем. И удивился тому, что они так задержались – за дьяка следовало отомстить много раньше. И улыбнулся фотографии, словно говоря: «Видишь, душа моя, мы скоро окажемся вместе...»

А в следующий миг случились две вещи.

Случились одновременно.

Тот, кто приближался справа, решил, что находится достаточно близко, и выстрелил, целясь Ольгину в голову. А здоровяк вдруг вспомнил, что принцесса, в отличие от него, не соткана из лютой Тьмы Великого Полнолуния, а значит, они вряд ли будут вместе... И дёрнулся, уклоняясь. Но неудачно – пуля резанула по плечу, глубоко вспахав мышцу, не столько ранив, сколько разозлив. Ольгин взревел, кувырком ушёл от следующих выстрелов, на секунду укрылся от врага за могилой, а потом бросился на того, кто приближался слева. Прыгнул с места, с земли: оттолкнулся, взлетел в воздух, выгибаясь в боевую стойку, мягко приземлился, оказавшись в полуметре от опешившего охотника, и рванул его за руку, жёстко ломая сустав. Кладбище огласил дикий вопль. Оборванный через секунду ударом снизу, в подбородок: голова Коротышки резко дёрнулась, а

шейные позвонки – хрустнули.

Всё.

Мёртвый охотник ещё стоял на ногах, а Ольгин уже мчался к ограде.

– Держи его! – заорал Сапёр. – Рваный! Слева!!

И бросился следом, костеря себя за то, что взял на дело всего лишь трёх истребителей.

* * *

«А вот это уже интересно, – подумал Иннокентий. Он выпустил две антенны и внимательно принюхивался к событиям. – Очень интересно».

Кросс занял позицию в тени, метрах в пятидесяти от Каменного цеха, и прекрасно ощущал происходящее: слышал каждый выстрел, несмотря на то, что высокочлассные глушители «съедали» резкие звуки выстрелов, слышал все шаги истребителей, их тяжёлое дыхание и приглушённые ругательства. На Преображенском шла охота, и толстяк знал, кто жертва. Точнее, кого назначили жертвой. Сам Ольгин так не думал и сумел дать истребителям достойный отпор, о чём свидетельствовал жуткий вопль, только что пролетевший над кладбищем. А поскольку болезненных стонов Иннокентий не слышал, вывод напрашивался сам собой: один охотник или мёртв, или без сознания.

«Неплохо, здоровяк, действительно, неплохо...»

Но что дальше? Если следовать логике, Ольгин должен срочно покинуть кладбище и затеряться в городе. Он побежит к ограде, причём – самым коротким путём, то есть станет предсказуемым...

«Истребители с самого начала оставили ему одно направление, – усмехнулся про себя Кросс. – И кто-то терпеливо ждёт появления цели...»

Иннокентий не знал, хочет ли он помочь Ольгину, не знал, потребуется ли одинокому грешнику помощь, но ноги сами понесли толстяка к ограде – посмотреть, чем закончится охота.

И закончится ли она...

* * *

– Проклятье!

Ольгин перепрыгнул ограду с ходу, заранее перешёл на широкий шаг, взмыл в воздух с толчковой правой, но не взял препятствие, как барьер, без

касания, а наступил на верх ограды и только потом соскочил на улицу, выиграв несколько метров.

И именно в этот миг прозвучало разочарованное:

– Проклятье!

Потому что прямо на Ольгина мчался тяжёлый внедорожник, водитель которого уже открыл огонь из короткоствольного автомата. Обострённые чувства помогли Ольгину: он видел пули и мог представить их траекторию. Но не сумел увернуться от всех. И одна пуля порвала многострадальное, уже раненное плечо прежде, чем здоровяк отпрыгнул к ограде. Там он пригнулся, пропуская следующую очередь над собой, прыгнул в сторону и различил за стеной голоса охотников. Они рядом и скоро начнут стрелять... А силы тают, потому что раны тяжелее, чем показалось изначально... Он держится только потому, что родился в Великое Полнолуние и обладает колоссальным запасом сил.

Но этот запас не беспределен.

Ольгин стремительно взял влево, оказался сбоку от машины, чем заставил водителя резко дать по тормозам, тут же прыгнул, наступил на крышу внедорожника, улетел на противоположную сторону улицы и нырнул в ближайший тёмный двор.

– Где он?! – крикнул перебравшийся через ограду Сапёр.

– Туда! – махнул рукой Классик.

– Вызывай подмогу!

Сапёр и Рваный побежали за Ольгиным, а Классик достал телефон.

* * *

Любопытный Иннокентий улыбнулся, пробормотал: «Ищите, ищите, только не надорвитесь...», вернулся к Каменному цеху и осторожно постучал в дверь. В маленьком окне горел свет, изнутри доносилось постукивание молотка, Мастер Скорбных Дел не спал, и Кросс решил кое-что прояснить.

– Привет!

Открывший дверь мужчина был худ, невысок и бледен, с острым, словно у мыши, носом, который оседлали старые очки в тонкой металлической оправе. Одет в пыльную робу и стоптанные башмаки.

На Иннокентия мужчина смотрел неприветливо, явно зная, кто перед ним, и не испытывая от встречи восторга.

– Привет!

– Я занят, – отрывисто бросил Мастер. – Следующий заказ приму не раньше пятницы.

– Я ещё не умер.

– Вот и радуйся.

Он хотел закрыть дверь, но толстяк просунул в щель ногу и приятно улыбнулся:

– Почему Авадонна приказал охранять тебя от истребителей?

– Потому что я не люблю, когда мешают.

– Резонно.

– Всего хорошего.

– А всё же? – продолжил Иннокентий, глядя на щуплого собеседника в упор. – Почему?

Смутить Мастера не получилось: тот знал свою силу и предел, за который Кросс ни за что не зайдёт. Но при этом в репутации Иннокентия не было написано: «мягок, как плюшевый мишка», возможная ссора могла закончиться любыми неприятностями, поэтому Мастер решил до предела не доводить и недружелюбно ответил:

– Я занимаюсь Скорбными Делами, насекомое, я собираю Тьму с тех, кто хочет уйти чистым, и только за сегодняшний день накопил два ведра отборного мрака. Могу облить тебя, потом не отмоешься.

– То есть разговор не получится?

– Делай то, что тебе приказано. А ко мне не лезь.

– Мы оба знаем, что есть приказы явные, а есть скрытые, – прищурился Кросс. – Авадонна ничего не делает просто так, всегда имеется второе дно. Я догадываюсь, что он послал меня на кладбище не только для защиты, ему нужно, чтобы я что-то увидел. Но я до сих пор не понимаю – что?

– Я не стану тебе помогать, – отрезал Мастер.

– Потому что я тебе не нравлюсь?

– Потому что Авадонна сказал, что если ты настолько тупой, что не догадаешься, то тебе это и не нужно.

– Э-э... – неожиданный ответ заставил Кросса сбиться. Он протянул жалкое «э-э», улыбнулся и нервно пожал могучими плечами: – Э-э... баал... наверное, прав.

– Уже уходишь, насекомое?

– Я прогуляюсь тут?

– Да хоть ночуй, – Мастер неожиданно хмыкнул. – Я не сторож.

– За сторожем сейчас Братство гонится, – доверительно сообщил толстяк.

– Мне Ольгин никогда не нравился.
Ответ вызвал предсказуемый вопрос:
– Тебе вообще кто-нибудь нравится?
– Ты его не знаешь.
– Ну, хоть так... – Кросс убрал ногу и вежливо приподнял шляпу. –
Спокойной ночи.

– Не возвращайся.

Мастер с силой захлопнул дверь.

«Рабочий человек, не любит, когда мешают...» – Иннокентий пошёл по главной аллее, бездумно разглядывая скорбные камни, несколько раз свернул наугад, решив положиться на случай, почувствовал свежую могилу, побрёл к ней, но вдруг остановился и присвистнул, неожиданно задавшись вопросом, который должен был появиться много раньше:

«Кто стучал молотком, пока Мастер говорил со мной?»

* * *

Пули у охотников оказались не просто серебряными, а с какой-то ядовитой примесью – раненая рука почернела и стала опухать. К счастью, обе пули прошли по касательной, лишь разорвав мышцы и пустив кровь, отравы Ольгину досталось немного, но её хватило, чтобы рука онемела. Судя по всему, истребители точно знали, кто служит ночным сторожем на Преображенском кладбище, и подготовили боеприпасы специально.

Но несмотря на дикую боль, Ольгину удалось уйти.

Однако побежал он не в Измайловский парк, через который можно было незаметно покинуть город, не в Сокольники, хотя есть где спрятаться, а в центр – неожиданно для преследователей. Ольгин стряхнул охотников в промышленных закоулках Электрозаводской, перебрался через Язу до того, как на мостах встали истребители, и быстро, но осторожно, дворами и закоулками, направился к Бульварному кольцу.

Он не убегал. Он шёл за помощью.

И жуткая темень, которая неожиданно окутала Москву короткой летней ночью, стала хорошей подмогой – Тьма хранила своего ребёнка.

Его никто не заметил.

Садовое кольцо Ольгин преодолел по подземному переходу у Курского вокзала, затем углубился в переулки, немного попетлял, проверяя, действительно ли охотники потеряли след, и лишь затем направился к большому жёлтому дому на углу Яузского бульвара и Подколокольного

переулка. Вошёл в высокую арку, огляделся, оставаясь в тени, убедился, что засады нет – хотя кто мог ожидать, что он соберётся именно сюда? – и направился к нужному подъезду.

К кому идти в случае опасности, Ольгин решил давно: он жил бирюком, никого не привечая и не общаясь с отражёнными, но внимательно следил за происходящим и знал, кто не откажет в помощи даже грешнику. Точнее, ему казалось, что он знает. Точнее, ему хотелось верить в благородство того, кого он выбрал. А если совсем честно – Ольгину некуда было больше податься.

Только в жёлтый дом...

Но добравшись, он замер у подъезда, не решаясь набрать на домофоне номер квартиры, засомневался, поскольку речь шла о жизни и смерти, повертел головой и машинально прочёл табличку на соседней двери:

«Обувная мастерская. Режим работы – круглосуточно. Пошив, ремонт, разноска новой обуви. Гибкие цены». Чуть ниже, на отдельном листочке, значилось важное уточнение: «Принимаются заказы на накопытники».

На дворе стояла глубокая ночь, но из-за двери слышалось жужжание станка.

«Надо решаться!»

В конце концов, не мальчик...

Ольгин вздохнул, потянулся к домофону, услышал приглушённый звук двигателя, повернулся и увидел медленно вкатившийся во двор чоппер. Всадник остановил мотоцикл у подъезда, снял шлем, прищурился, разглядывая незваного гостя, и Ольгин понял, что перед ним Кирилл Амон.

Тот самый человек, которого он искал.

– Добрый вечер, – пробормотал здоровяк, поглаживая раненую руку.

Временами боль становилась нестерпимой.

– Добрый... – Кирилл без страха оглядел здоровенного мужика, преградившего ему дорогу, и поинтересовался: – Мы знакомы?

– Ольгин.

Пауза, после которой Амон припомнил:

– Ты завалил Сердцееда.

– Отомстил, – уточнил здоровяк.

– Знаю, – кивнул Кирилл и отрывисто поинтересовался: – Чего хочешь?

– Помощи.

– Ты – Первородный, – заметил Амон. – Один из самых чистокровных.

– А Сердцеед был органиком, – пожал плечами Ольгин. – А Даген, которого ты завалил, – Божественным. – Он помолчал. – Будем и дальше

копаться в личных делах?

И снова погладил руку. Ему хотелось закричать, но он боялся напугать собеседника и разбудить местных.

– Обиделся? – улыбнулся Кирилл.

– Нет... знаю, что я – грешник, ты меня не удивил, – Ольгин снова помолчал. – Я живу на кладбище и провожу всё свободное время, вымаливая прощение у моей принцессы. Я был рождён, чтобы убивать, но моя миссия завершилась – я убил. И ты убил бы, окажись на моём месте. Любой убил бы! – Он выкрикнул, потому что руку резануло огнём. Но тут же замолчал и через секунду продолжил спокойно: – Но теперь я пуст, Амон, я кончился, месть свершилась, и моя жизнь – плакать на могиле. Я не жалею – таков мой выбор. Ты знаешь, что я мог бы податься к Гаапу, или Авадонне, или к Молоху – он звал, я мог бы стать напарником Порчи, однако мой выбор – плакать на могиле. Там лежит моя душа, Амон, моя любовь и моё сердце. Я знаю, что мы с Ольгой никогда не воссоединимся, и хочу успеть вымолить прощение.

Вот так.

И не верить нельзя, потому что всё, что Ольгин сказал, – правда, абсолютно всё, каждое слово. И про органиков, и про убитого Божественного, и про него, грешника, сотканного из самой злой Луны Вселенной, но любящего так, что становилось завидно. Парень, двойником которого стал Ольгин, хотел мести и ненависти, но в его крови оказалась только любовь.

А ненависть была всего лишь чувством...

– Ты ранен, – заметил Амон, переведя взгляд на неподвижную руку гиганта.

– Сегодня за мной пришли.

– Органики?

– Братство. – Ольгин поморщился и погладил рану. – Я хочу справедливости, Амон. Я не скрываю, что я – первосортный Первородный, глупо скрывать, ведь моя мать – Тьма Великого Полнолуния. Я признаю, что казнил дьяка-меченосца Лаврича – и горжусь этим, потому что мерзавец получил по заслугам. Но если кто-то хочет за него отомстить – пусть скажет открыто. Если Братство нанял принципал, пусть щенок честно скажет, что не осуждает Лаврича и плевать хотел на убийства, на то, что дьяк-меченосец, подлый член Первой Свиты, жрал детские сердца. Пусть скажет...

Ольгин резко замолчал и скривился. И тихонько застонал. Показал, что даже сила Великого Полнолуния имеет предел.

– Мой друг разбирается в ранах, – сказал Кирилл, открывая подъездную дверь. – Давай поднимемся и закончим разговор в квартире.

* * *

– Глубже... – прерывисто прошептала Ксана, изгибаясь на заднем диванчике машины. – Глубже... сильнее... Не стесняйся, сучка! Глубже!

Стоящая на коленях рабыня старалась изо всех сил, услаждая хозяйку языком и пальцами, и её искусство вот-вот должно было вознести Ксану на вершину блаженства.

– Сильнее...

Рабыня стала подвывать.

– Сильнее, сучка! Сильнее!

А ещё через секунду Ксана громко застонала, заёрзала, заколотила рукой по мягкой спинке диванчика, а левой ногой – по спинке пассажирского сиденья, шумно задышала, и обмякла. Рабыня подняла голову над бесстыдно расставленными ногами хозяйки, внимательно посмотрела и улыбнулась, поняв, что та довольна. Ксана взяла девушку за волосы, притянула к себе и поцеловала в губы.

– Умница.

– Я хочу сделать для вас больше, госпожа... – Рука рабыни скользнула по внутренней стороне хозяйского бедра, но шофёр всё испортил – кашлянул и сообщил:

– Будем на месте минут через пять.

При этом, разумеется, не повернулся и даже в зеркало не посмотрел. Шофёр был хорошо обучен и наблюдал за хозяйскими играми, лишь получив разрешение. Такое бывало, но не сегодня.

Услышав сообщение, Ксана ещё раз поцеловала рабыню, прошептала:

– Потом.

Выпрямилась, поправила короткую юбку, натянув её до середины бедра, застегнула на три нижние пуговицы прозрачную блузку, сделала большой глоток воды из поданного рабыней бокала и посмотрелась в зеркальце – лёгкий, едва наброшенный макияж во время игр не пострадал.

Ночной звонок Ястребиного выдернул Ксану из кровати в самый разгар веселья, вот ведьма и прихватила удовольствие с собой, чтобы не терять время. Не потеряла, сполна насладилась рабыней, а теперь бездумно наблюдала за вырастающим в унылой предутренней серости гигантским зиккуратом, любимым дворцом Гаапа, нависшим над старым городом,

подобно окаменевшему Голиафу, бросившему тень на улицы и переулки.

Тень зиккурата несла Москве холод и сообщала, что готовится пришествие Владыки.

Тень зиккурата стала одним из символов будущей власти Гаапа.

– Прекрасно выглядишь, – произнёс он, когда женщина переступила порог кабинета.

– Спасибо, баал, – поклонилась Ксана. – Теперь это не трудно.

Ей было тридцать, но она сохранила, а точнее – вновь приобрела, – влекущую свежесть и стройность ранней молодости, когда прекрасный цветок лишь распускается и входит в силу. Высокая, черноволосая, с полной грудью и длинными ногами, Ксана прекрасно выглядела и раньше, а обретя силу ведьмы, превратилась в сногшибательную красотку, избавившись от мелких недостатков в виде слишком длинного носа и лишних, как ей казалось, килограммов.

Ксана тратила на внешность и фигуру изрядную часть силы и много времени.

– Ты кажешься удовлетворённой, – усмехнулся Ястребиный.

– Я имею всё, что нужно, баал, – женщина вновь поклонилась. – Благодаря вам.

Она знала, что Гаапу нравится лезть, в том числе – грубая.

– Благодаря своему таланту.

– Необработанный алмаз всего лишь камень, баал, который могут не заметить. Для настоящей драгоценности нужен опытный ювелир. – Женщина многозначительно посмотрела на Ястребиного. – Мне достался самый лучший.

– Хорошо, что ты это понимаешь.

В действительности, Гаап, несмотря на свою силу и проницательность, не знал, как ему относиться к Ксане. С одной стороны, она изменилась, потемнела, почти обратилась в настоящую грешницу – бездушную и беспощадную. Но именно почти... К тому же её главное умение, талант, из-за которого Ястребиный заинтересовался Ксаной – менять отражения по своему желанию, – не проявлялся с момента инициации, поэтому Гаап считал, что Тьма не овладела женщиной полностью. И это обстоятельство его нервировало. Ястребиный видел, что Ксана не сопротивляется Тьме, охотно отдаётся пороку, перепробовала все прелести жизни Первородных, искусно управляла течением Ша, выстраивая весьма непростые заклęcia, но что-то внутри неё не сдавалось и продолжало сопротивляться Злу, не позволяя раскрыться полностью.

И Гаап решил, что Ксане нужно пролить больше крови.

– Требуется твоя помощь.
– Просто помощь? – улыбнулась женщина.
– Ты слышала об Ольгине?
– О нём все слышали, баал.
– Пожалуй... – усмехнулся Гаап. Но тут же стал серьёзным: – Существует политический запрос на устранение Ольгина, поскольку его дурацкая выходка вызвала раздражение... у всех... – Он сбился чуть-чуть, почти незаметно. – Сегодня ночью на Преображенское кладбище ездили истребители, но эти идиоты его упустили.
– Я должна убить Ольгина? – равнодушно уточнила Ксана.
– Ты должна контролировать происходящее, и если Братство не справится, – убить и Ольгина, и тех дураков, которых он не прикончит.
– Где сейчас Ольгин?
– В том-то и дело, что никто не знает, – развёл руками Ястребиный. – Тебе придётся провести расследование.
– Я всё сделаю, баал, считайте, что Ольгин уже мёртв.
«Вот и хорошо, девочка, делай, – усмехнулся про себя Гаап. – Распутство и порок – это хорошо, но на тебе должна быть кровь. На тебе должно быть много крови. Только она сделает тебя по-настоящему грешной...»

* * *

– Если за тебя взялись по заказу кого-то из высших, то обязательно отыщут, где бы ты ни спрятался, – произнёс Кирилл, нажимая кнопку вызова лифта. – Учётчицы в Москве всё ещё нет, но твоё обнаружение всё равно вопрос времени, поскольку нужное умение есть не только у неё. В конце концов, истребители могут обратиться к Иннокентию, а он вынюхивает беглецов профессионально.

– Я понимаю, – вздохнул Ольгин, поглаживая перебинтованную руку.
Ермолай не подвёл, поворчал, конечно, напомнив, что он инженер, а не коновал, но ворча, достал из шкафа алюминиевую банку с дурнопахнущей мазью подозрительного ядовито-зелёного цвета, натянул грубые резиновые перчатки – «Чтобы не обжечься и не воняло потом», – и щедро обмазал раненую руку Ольгина. В первый момент здоровяку показалось, что мазь содержала кислоту – так яростно она в него вцепилась, потом Ольгин десять минут орал, катаясь по полу гостиной, проклинал и ругался – всё это время Амон и Машина хладнокровно хлебали яблочный самогон, и лишь

когда тёмный пришёл в себя, его перевязали и усадили в кресло.

Но при этом рука приобрела нормальный, здоровый цвет и перестала болеть. А на естественный вопрос, что за чудодейственное снадобье он применил, Ермолай отмахнулся: «Входила в стандартную аптечку «Нейтрино», намекнув на своё прошлое, когда его учили по программам будущего.

– В общем, тебя нужно спрятать, – продолжил Кирилл. – А мы пока оглядимся и определим, насколько сильно ты влип.

– Я сильно влип.

– Как ты правильно сказал: никто не хочет откровенно вступаться за Сердцееда, – буркнул Амон. – Попробуем сыграть на этом.

– А если не получится?

– Если не получится – придумаем что-нибудь ещё.

– Спасибо, – тихо сказал Ольгин.

– Пока не за что.

Лифт отчего-то не ехал, но паузы в разговоре не возникло – гигант продолжил уточнять:

– Долго мне прятаться?

– Долго ты там не просидишь, – лаконично ответил Кирилл.

– Звучит не очень хорошо, – насторожился Ольгин.

– А в реальности получится ещё хуже, – пообещал Амон. – Тебе будет больно.

– Куда ты меня ведёшь?

Но ответить Кирилл не успел: лифт приехал, дверца открылась, и Ольгин изумлённо замер, уставившись на черноволосого парня в оливковой униформе.

– Вызывали?

– В первый раз я тоже удивился, – хмыкнул Кирилл, подталкивая тёмного в кабину.

– Доброй ночи, господин Амон, рад вас видеть.

– Доброй ночи, Аристотель.

– Обзавелись новым другом?

– Скорее, новой проблемой.

– Часто это равнозначные понятия.

Лифтёр закрыл дверь, и кабина плавно поехала вниз. – Он не нажал на кнопку этажа, – заметил Ольгин. – Невежливо говорить о присутствующем собеседнике в третьем лице, – заметил в ответ Аристотель.

– Правда? – притворно изумился здоровяк.

– Правда, – бесстрастно подтвердил Кирилл. – Невежливо.

Несколько секунд мужчины молчали, после чего Ольгин осторожно спросил:

– То есть ты знаешь, куда мы едем?

– Разумеется.

Короткий вопрос – короткий ответ, и на этом – всё. Ольгин рассчитывал, что Амон добавит подробностей, а когда понял, что этого не произойдёт, уточнил:

– То, куда мы едем, находится в нашей реальности? – Смотря что ты подразумеваешь под реальностью, – серьёзно ответил Кирилл. – Мы ведь в Отражении.

– Мы всегда в Отражении. Оно – часть Вселенной.

– Тогда почему ты беспокоишься о реальности?

– Не хочется покидать этот мир.

– Даже чтобы выжить?

Кабина остановилась.

– Всего хорошего, господин Амон, – произнёс лифтёр, открывая дверь.

– Увидимся, Аристотель.

– Не сомневаюсь.

Дверца закрылась и тут же исчезла, Ольгин вопросительно посмотрел на Кирилла, а тот пожал плечами:

– Обратно мы сами.

– В смысле?

– Другой дорогой.

– А «обратно» точно будет?

– Обязательно.

– Ты так и не сказал, куда мы направляемся.

– В Серебряный погреб, – коротко сообщил Амон.

– Он существует?! – изумился Ольгин. – Я думал, это миф.

А как ещё относиться к историям об убежище, стены которого сложены из непроницаемого для ведьм серебра? Об убежище, которое постоянно меняет местонахождение, а его хозяйка общается с миром исключительно по телефону.

– Погреб – единственное место, где ты можешь укрыться, – скупко поведал Амон.

Несколько секунд Ольгин молчал, только теперь осознав, что означало предупреждение Кирилла: «Будет очень больно», а затем глухо сказал:

– Я вытерплю.

– Придётся вытерпеть, – жёстко закончил Амон.

Они прошли по выложенному тёмным кирпичом коридору, свернули в

боковое ответвление – здесь Кириллу пришлось включить фонарик, – прошли ещё с полсотни метров и оказались у тяжёлой деревянной двери, отворившейся с таким скрипом, словно путники подняли крышку древнего гроба. К удивлению Ольгина, за дверью он увидел не коридор или помещение, а винтовую лестницу, которая повела их ещё глубже.

– Хозяйка Погреба даёт стопроцентную гарантию безопасности и требует от новых клиентов рекомендации, – объяснил Кирилл, начиная спускаться по крутым ступеням. – Нам повезло, что Машина давно с ней дружит.

– Но теперь я знаю дорогу, – заметил Ольгин. – И могу о ней кому-нибудь рассказать.

– Ты знаешь сегодняшнюю дорогу, – уточнил Амон. – Более того – дорогу, проложенную специально для нас. Другие клиенты пойдут другим путём.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

Минут через пять лестница закончилась, и путники оказались на небольшой площадке, тускло освещённой пыльной лампочкой, висящей на голом проводе перед очень красивой резной дверью светлого металла.

– Не прикасайся, – предупредил Амон.

– Хорошо, – кивнул Ольгин, замерев на последней ступеньке.

Дверь была сделана из серебра, и ему следовало держаться от неё подальше. Кирилл же спокойно надавил на ручку, заглянул внутрь и негромко позвал:

– Мария Фёдоровна.

– Явился? – послышался в ответ старческий голос.

– Куда же я денусь? – рассмеялся Амон. – Привет вам от Ермолая.

– Да поняла я, кто ты, поняла...

Из погреба донеслось подозрительное шуршание, то есть это Ольгин счёл его подозрительным, поскольку рядом с таким количеством серебра его чувства болезненно обострились, затем дверь распахнулась, и в проёме появилась высокая старуха в строгом чёрном платье старинного кроя с юбкой в пол. Длинные седые волосы хозяйки были заколоты серебряным гребнем, из ушей свисали серебряные серьги, на груди – устроилось тяжёлое ожерелье, на руках браслеты, на пальцах кольца – тоже серебряные.

Старуха недружелюбно оглядела гостей и осведомилась:

– Кто из вас Кирилл?

– Тот, кто не боится серебра.

– Неправильный ответ, мальчик, – проскрипела в ответ хозяйка Погреба. – Кирилл из вас тот, у кого в кармане мешочек с золотом.

Амон усмехнулся и протянул старухе кожаный кошель:

– Как договаривались.

– Сколько? – дёрнулся Ольгин.

– Не твоё дело.

Здоровяк покачал головой:

– Не люблю быть обязанным.

– Об этом надо было думать раньше, – усмехнулся Амон. – Теперь молчи.

Старуха потрясла мешочек, внимательно прислушиваясь к звону, улыбнулась, видимо, звук её удовлетворил, облизнула губы и бросила Ольгину серую тряпку:

– Надень поверх... себя. И на голову накинь.

– Зачем? – не понял гигант.

– Поможет.

– Делай, как велят, – добавил Кирилл. И демонстративно посмотрел на часы.

Первородный поморщился, но послушно развернул тряпку, оказавшуюся такой дырявой, что походила на сеть, и накинул на плечи.

– Так сойдёт?

Ответа не последовало.

– Внутри клетка, так что ты не вырвешься, голубок, – сказала старуха, глядя Ольгину в глаза. – Я за тобой присмотрю, когда станет совсем плохо – помогу. Но сколько ты выдержишь – не знаю, тут у всех по-разному.

– Я постараюсь побыстрее, – негромко произнёс Амон.

Ольгин не ответил.

Он закусил губу и медленно вошёл в Погреб.

* * *

Полицию на Преображенское кладбище никто не вызвал. Потому что делать ей там было нечего. Своего мёртвого истребители забрали, Ольгин сбежал, выстрелов никто не слышал – спасибо глушителям, заметных повреждений кладбищенской собственности не случилось, и потому, когда Ксана явилась в скорбное место, то окунулась в сообразную тишину и прохладу, и течение жизни печального места не обезобразили деловые полицейские мероприятия.

Пять утра. Деревья едва слышно шуршат, полной грудью вдыхая утренний ветерок, светло, как днём, но пусто – люди ещё спят, им ещё нет дела до мёртвых. Надгробные камни замерли, недовольные ранним визитом, окна мастерских темны, из-за ограды доносится шум просыпающегося города, но ещё приглушённый, невнятный и не беспокойный.

Но для целей Ксаны отсутствие людей было на руку – для поисков ей требовалось изучить Ольгина, «поймать» его образ, а объясняться со сторожами не хотелось.

Сначала ведьма побывала в убогой сторожке, где сын Великого Полнолуния коротал скучные дни, посидела в продавленном кресле, налила воды в железную кружку, сделала глоток, представляя, как пьёт из неё гигант – жадно, большими глотками, посмотрела на упаковки лапши быстрого приготовления, на грязный чайник, покачала головой, вздохнула, вышла и направилась к известной всему Отражению могиле пятнадцатилетней девочки, зверски убитой дьяком-меченосцем Лавричем. Осмотрелась, оглядела фотографию, отметив прелесть несчастной Ольги, но приближаться к могиле не стала, проявила уважение к труду Мастера Скорбных Дел, избавившего ребёнка от Тьмы страшного убийства. Прогулялась по следам ночной погони, задержавшись там, где Ольгин убил истребителя, направилась к ограде, но замерла, услышав из глубины кладбища характерные звуки втыкающейся в землю лопаты. Удивилась, пошла на звук и через пару минут оказалась у разрытой могилы.

– Не помешаю?

Стоящий на дне ямы толстяк поднял голову, прищурившись, посмотрел на женщину, явно узнал, но здороваться не стал. Мотнул головой:

– Туда встань.

И вернулся к работе: продолжил копать, резкими движениями выбрасывая из ямы землю. Работал он давно, споро, однако ухитрился не запачкать светлые брюки и не вспотеть. И если первое ещё могло вызвать удивление, то почему толстяк не вспотел, Ксана знала наверняка – она тоже его узнала.

– Потерял чего? – тягуче поинтересовалась ведьма.

– Нужно проверить, – отрывисто ответил толстяк, не прекращая орудовать лопатой.

– Жив покойный или нет?

– Вроде того.

– Понятно... – Ксана сделала несколько шагов, остановилась напротив

покосившегося камня и громко прочитала: – Безликин Савелий Григорьевич... Дядя твой?

– Вроде того, – мрачно повторил Иннокентий, пытаясь сообразить, издевается ведьма или действительно не понимает смысл происходящего.

– Могила свежая, этого года, – продолжила Ксана. – На ней лежала печать Авадонны, а ты на неё наплевал и просто сорвал... Но Авадонна не появился, значит, знает, что ты здесь вытворяешь.

– Я не вытворяю, я нашёл яму и решил её осмотреть.

– Ты ведь Кросс, да? – поинтересовалась ведьма. – Лютое насекомое карлика.

– А ты – Ксана, новая стерва Гаапа.

– Вот и познакомились, – резюмировала женщина. – Что ты здесь делаешь, насекомое?

– Копаю, – хмуро ответил Иннокентий.

– А на кладбище?

– Приглядывал, чтобы истребители не упустили Ольгина.

– Плохо приглядывал, – с иронией заметила Ксана.

– Я опоздал, – соврал Кросс. – Когда приехал, Ольгин уже удрал... – он вдруг остановился, опёрся на лопату и поднял голову на ведьму. – А ты здесь зачем?

– Гаап отправил подчистить за вами, – с улыбкой сообщила Ксана.

– За ними, – уточнил Иннокентий.

– Ах да, ты же застрял в песочнице... Так скажешь, кто такой Безликин?

– Ты действительно не догадалась?

Несколько секунд ведьма внимательно смотрела на толстяка, припоминая, что она о нём знает, а затем её брови поползли вверх:

– Не может быть!

– Мы в Отражении, красавица, здесь всё может, – Кросс снова взялся за работу. – В могиле покоится мой хозяин.

– Зачем тебе прах?

– Не знал, пока не увидел тебя, – проворчал Иннокентий.

– При чём тут я? – удивилась ведьма.

– Ты правишь отражения.

Ксане очень хотелось сказать правду, признаться, что слухи врут – или пока врут, – что ей ни разу не удалось повторить опыт, который привёл её в Отражение, и сейчас она – обычная ведьма... Но...

Но ей удалось справиться с собой и промолчать.

Во-первых, потому что в Отражении нельзя признаваться в слабости.

Во-вторых, потому что слова толстяка её заинтриговали.

– Не удивлюсь, если Авадонна знал, что Гаап отправит тебя чистить за Братством, – продолжил Кросс, не заметивший терзаний женщины. – В смысле – предвидел твоё появление и потому послал на кладбище меня.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Ксана. – Объяснись.

– Я с самого начала не понимал, зачем Авадонна отправил меня на кладбище, поскольку ему явно было плевать на судьбу Ольгина, – поведал Кросс. – А теперь цепочка сложилась: он знал, что я отыщу могилу и начну её раскапывать, а Гаап пришлёт тебя.

– Мне кажется, ты слишком высокого мнения о карлике.

– Но ведь ты здесь, – хмыкнул толстяк.

Это утверждение оспорить было невозможно.

– Я здесь, ты в яме, – Ксана передёрнула плечами – утренняя прохлада заползла под легчайшую блузку. – И что это значит? Какую связь разглядел Авадонна?

– Я хочу домой, – просто ответил Кросс.

– А я ищу счастливое отражение, – неожиданно для себя брякнула Ксана.

И тут же замолчала, закусив губу.

Оказавшись в Отражении, она никогда ни с кем не откровенничала, потому что любое откровение – слабость. А сейчас вдруг вслух ляпнула то, что хранила в глубине души. Так глубоко, куда никого не подпускала.

– Вот и связь, – грустно улыбнулся Иннокентий. – У каждого из нас есть неосуществимая мечта, а под этим камнем лежит...

– Прах.

– Очень мощный прах – прах Древнего, – поправил женщину Кросс. – Возможно, он и есть ключ к нашим желаниям.

– Не знаю, можно ли отправить тебя на другую планету, насекомое, но моя мечта действительно неосуществима, – зло бросила ведьма, ругая себя за длинный язык, но не в в силах остановиться. – Я не просто ищу счастливое отражение, я хочу вернуть прошлое, хочу оказаться там, где умела мечтать и любить. Когда на мне не было этой грязи, а лучший в мире мужчина держал меня за руку... Ты понимаешь?! Вот чего я хочу! – Она замолчала, так же резко, как сорвалась на крик, и очень спокойно продолжила: – Но даже Древние неспособны повернуть время вспять. Моя мечта никогда не осуществится.

– Если ты не можешь изменить время – нужно изменить мир, – рассудительно произнёс Иннокентий. – Нужно вернуть то отражение, в котором ты была счастлива.

– Оно уже улетело.

– Отражения вечны, – не согласился Кросс. – Оно стало слабым, незаметным, но по-прежнему где-то живёт: может, притаилось в слезинке в уголке твоего глаза, может, на дне твоей души, в глубинах памяти или в том куске льда, в который обратилось твоё сердце. То отражение до сих пор где-то дышит, и ты можешь его отыскать.

– Не уверена, что могу, – честно ответила Ксана, не заметив, как по щеке скатилась слеза.

– Можешь, – отчеканил Иннокентий, в очередной раз нажимая на лопату. – Поэтому ты здесь: цепочка событий потянула тебя за собой и привела туда, где ты способна отыскать счастье, а я – построить мост домой. – Лопата глухо стукнулась обо что-то твёрдое, толстяк отставил её, наклонился и вытащил из земли серебряную урну. Красивую, достойную великого Древнего, но запачканную землёй. – Я нашёл силу, а ты способна с ней управиться.

«Я смогу изменить мир!»

И всё, что нужно – отыскать Отражение, ускользнувшее от неё в ту ночь. Отыскать тот счастливый момент, где она приняла правильное решение и отвергла предложение Гаапа, где гордыня не превратила её в чудовище. Отыскать тот мир, который до сих пор живёт в её мыслях, а то, что мыслимо – осуществимо.

Таков закон.

Ей нужно отыскать счастливое Отражение и обратить его в реальность...

– Что скажешь? – спросил Иннокентий.

– В нём действительно полно силы, – оценила ведьма, быстрым движением смахнув со щеки слезу. – Даже в мёртвом.

Причём не просто силы, а концентрированной Ша, чистой, как Тьма, как дистиллированное Зло в склянках Скупщика, невероятно мощной Ша, тоскующей в образе праха и рвущейся на свободу.

– В нём полно силы...

Кросс выбрался из ямы, поставил урну на землю, взял женщину за руку и посмотрел в полные слёз глаза:

– Ксана, я хочу домой, ты хочешь стереть с себя грязь Первородного греха. Нас обоих не устраивает этот мир, так давай побудем эгоистами и...

– ...и всё поменяем? – с надеждой спросила ведьма.

– К чёртовой матери, – кивнул инопланетянин.

Ксана улыбнулась Иннокентию сквозь слёзы и согласилась:

– Давай.

И Вселенная, кажется, усмехнулась, с интересом прикидывая, что будет дальше.

* * *

– Иду, иду... – недовольно проворчал Машина, неспешно двигаясь по коридору ко входной двери. – Слышу я, слышу... чего надрываться?

А надрывался неизвестный от всей души и уже с минуту не отрывал палец от кнопки звонка, наполняя квартиру режущим ухо звоном и не среагировав на громкое хозяйское сообщение: «Не заперто!», прозвучавшее из гостиной. Пришлось Покрышкину выбираться из кресла и тащиться по длинному коридору, чему он был настолько не рад, что на ходу бормотал:

– Я тебе так скажу: если дело окажется несерьёзным, тебе потребуется консультация хорошего хирурга... и травматолога... и проктолога...

Машина резко распахнул дверь, на несколько мгновений замер, разглядывая пустую площадку, а затем перевёл взгляд вниз, под ноги, и увидел на входном коврике небольшую картонную коробочку, перевязанную строгой бечёвкой.

Звонок умолк два шага назад, но Ермолай не услышал топота ног убегающего хулигана: то ли тот воспользовался лифтом, то ли наложил на звонок чары.

– Посылка, значит, – вздохнул рыжий, не прикасаясь к коробочке. – Похоже, визит Ольгина стал лишь первым звеном цепочки.

Увидев грешника, прагматичный Машина молниеносно предложил Кириллу избавиться от гиганта любым способом: хоть прогнать, хоть пристрелить. Амон ожидаемо отказался. В ответ Покрышкин сказал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и теперь мысленно поздравил себя с удивительно верным предсказанием. Больше ему поздравлять себя было не с чем, поскольку впереди Ермолаю виделись исключительно неприятности.

Машина вздохнул, но только собрался забрать коробочку и вернуться в квартиру, как лифт пришёл в движение, и Ермолай решил посмотреть, на каком этаже остановится кабина. Кабина, в свою очередь, решила не обманывать ожиданий рыжего: остановилась на самой верхней площадке, распахнула дверцы и выпустила из себя двух мужчин. У первого на левой щеке красовался омерзительный ожог, второй носил на шее следы чьих-то когтей. Одеты мужчины были в чёрное, держались уверенно, и по всему выходило, что на последний этаж жёлтого дома прибыли истребители «Mortem Monstrum», которые решительно направились к распахнутым

дверям и столь же решительно остановились, увидев на коврике коробочку.

– Вряд ли это бомба, – дружелюбно сообщил Ермолай.

– Тогда почему она на полу? – с подозрением спросил обладатель шрамов.

Вопрос вызвал у Покрышкина секундное замешательство, затем последовал ответ:

– Чтобы не замёрзла.

– Зачем?

– Если замёрзнет – испортится.

– А что там?

– Понятия не имею.

Истребители переглянулись, поняли, что ничего не поняли, и обожжённый осведомился:

– Знаешь, кто мы?

– Плевать, – равнодушно ответил Машина, вновь переводя взгляд на коробочку. – Думаю, через минуту сварится.

Но это замечание истребители сообразили пропустить мимо ушей.

– Мы из Братства.

– И зачем явились?

Рванный хотел возмутиться, но Сапёр жестом велел подчинённому не открывать рот. Сам задал вертящийся на языке вопрос:

– Тебе часто говорят, что ты наглый?

– Нет, не часто, – тут же ответил Ермолай. – Но возможно, не хотят огорчать.

– Почему ты так себя ведёшь?

– Потому что вы мне не нравитесь.

– Лично мы или Братство? – не сдержался Рванный.

– Не нагнетай, – оборвал его Сапёр. И жёстко посмотрел на Машину: – Знаешь, зачем мы здесь?

– Плевать.

– Мы преследуем зверя.

– Ольгина, – добавил Рванный.

Покрышкин почесал затылок и проворчал:

– Ольгин никого не трогал: сидел на кладбище и выл от горя. Зачем вы на него напали?

– Он всё равно монстр.

– Хотите убить монстра – пристрелите Гаапа, – предложил Ермолай. – Или это он вас нанял?

Этот вопрос заставил истребителей побелеть от бешенства.

- Следи за языком! – рявкнул Рваный.
- Теперь поняли, почему вы мне не нравитесь?
- Дай, я ему врежу!

Но Сапёр, в отличие от вспыльчивого Рваного, хорошо знал историю Машины и понимал, что с рыжим лучше не связываться. Тем более – на его территории. Покрышкин считался лучшим инженером и самым лучшим оружейником Отражения, мог за пять минут сделать робота-трансформера из кубика Рубика, и не было никаких сомнений в том, что его жилище защищено не хуже атомной электростанции. А если честно, то лучше, намного лучше. Сапёр не сомневался, что они с Рваным оказались на прицеле ещё в кабине лифта.

– Зачем явились? – без интереса спросил Ермолай.

– Ольгин удрал, – сообщил Сапёр. – Если он придёт к вам с Амоном в поисках защиты – откажите. Так будет лучше для всех.

Машина молча кивнул, наклонился, поднял с пола коробочку, не выпуская из поля зрения истребителей, выпрямился и спиной отступил в квартиру.

– И следи за языком! – крикнул ему вслед Рваный.

«А ведь когда-то я искренне уважал Братство, – вздохнул про себя Ермолай, закрывая дверь. – Всё меняется...»

Снаружи послышались шаги: истребители отправились вниз пешком. Дождавшись, когда они удалятся на пару лестничных пролётов, Машина развязал бечёвку, открыл крышку и, не прикасаясь, оглядел лежащий на дне коробочки мобильный телефон. Судя по внешнему виду, аппарат долго пробыл в воде.

* * *

Кирилл заглядывал в офис Авадонны лишь однажды, запомнил его обыкновенным, если можно так выразиться, в меру шумным и деловым, но при этом слегка расслабленным, как это бывает в штаб-квартирах творческих компаний, благодушным и весёлым. Никакого дресс-кода, минимум строгих правил и турникеты на входе, вместо привычных охранников. Но сегодня Амон обратил внимание на трёх крепких парней справа от турникетов – они внимательно изучали входящих в здание, заметил массивный внедорожник у подъезда, явно бронированный и явно с охраной внутри, двух девушек, изображавших молоденьких стажёрок, которые встретили его на этаже, и «уборщика» с тележкой, застрявшего

неподалёку от дверей директорского кабинета. Сегодня офис «mystiPlex» напоминал осаждённую крепость, и Кирилл не мог не поинтересоваться:

– Чего-то опасаетесь?

– Необдуманных действий друзей, – любезно ответил Авадонна, дождавшись, когда секретарь плотно закроет дверь кабинета.

– Которые могут спровоцировать ваших врагов?

– Именно.

– Хорошо, что я вам не друг, – рассмеялся Амон, без спроса располагаясь в кресле.

– Но вы провоцируете, – заметил карлик, устраиваясь напротив. – И сильно будоражите Отражение.

– Разве не этого от меня ждут?

– Ждать можно чего угодно, но вот хотят все тишины, покоя или, хотя бы, предсказуемости, – неожиданно серьёзно ответил Авадонна. – Пожалуй... больше всего – предсказуемости, потому что тишина и покой остались в прошлом.

– Вы тоже ждёте войны? – вдруг спросил Кирилл.

– Я не жду, я к ней готовлюсь.

Прохладно произнесённая фраза заставила Амона вздрогнуть. Он знал, что смерть Древних ввергла Отражение в период нестабильности, догадывался, что борьба за власть уже началась, но надеялся, что она ограничится грызнёй бульдогов под ковром. Уверенность Авадонны Амону не понравилась.

– Война неизбежна?

– Война уже идёт, – пожал плечами карлик. И тут же поинтересовался: – Зачем вы защищаете Ольгина?

– Ему больше не к кому податься.

– А вам? – поднял брови карлик. – Вам есть куда податься?

– Я здесь новенький. – Кирилл заставил себя откинуться на спинку кресла и ответить Авадонне вальяжно. Немного расслабленно. В стиле старого «mystiPlex». – Я ничего толком не знаю об Отражении, ничего не помню и никому ничем не обязан. Меня попросили о помощи – я пообещал, если истребители явятся с претензиями – перестреляю их к чёртовой матери и лягу спать.

– И тем восстановите против себя абсолютно всех.

Это замечание вызвало у Кирилла ироническую усмешку:

– Баал Авадонна, только честно: разве сейчас в Отражении не все друг против друга?

– Так было, есть и будет, – подтвердил, после паузы, карлик. – В этом

День отчаянно похож на Отражение.

– А вы к этому привыкли, – тихо сказал Амон. – Отражение – ваш дом, и вы давно наплевали на то, что он рехнулся от крови.

– Не наплевал, – в тон Кириллу произнёс Авадонна. Он не собирался откровенничать, но неожиданно для себя «завёлся» и не смог остановиться: – Раньше я думал, что Древние ведут Землю во Тьму, а точнее – в пропасть Тьмы, но я ошибался: Древние мертвы, а стало только хуже. Зло катится по миру, подобно снежному кому, увеличиваясь в размерах, притягивая и органиков, и Божественных – всех, кто обладает силой. Зло говорит, что силу можно использовать как вздумается, что главное – это твои желания, а если не получается взять – можно отнять. Зло туманит головы всем подряд, не делая исключений, и теперь Тьмы стало так много, что она вызывает омерзение.

– Даже у вас? – изумился Амон.

– Я полукровка, – напомнил карлик.

– Вы давно доказали, что это не так.

– Так будет всегда, Кирилл, потому что я не в состоянии вытащить из себя кровь органика... – Авадонна хмыкнул. – Я давно доказал, что выбрал сторону, а это немного другое.

– Тогда почему вы против Зла?

– Потому что когда оно победит – пропадёт смысл.

– Разве во всём есть смысл?

– Абсолютно во всём, – подтвердил карлик.

– И в чём смысл Зла?

– В наличии выбора.

– И только?

– Разве этого мало?

Мужчины помолчали, прекрасно понимая, что уже наговорили на обвинение в ереси отрицания Зла, после чего Авадонна невозмутимо продолжил:

– Тьма даёт много, и цена, которую она требует, на первый взгляд не кажется чрезмерной. Но только на первый. В действительности, вся жизнь постепенно становится ценой, потому что идея Зла начинает управлять принявшим её. Потому что исчезает всё, кроме неё... Первородным проще, ведь грех для них естественное состояние, Первородные растут с пониманием Зла. Органики же начинают терзаться, мучиться сомнениями, но в большинстве своём мирятся с выбранным путём и окончательно звереют. Понимая, что потеряли, органики превращаются в чудовищ, и их деяния превосходят выходки Первородных. Органикам нельзя во Тьму,

потому что их исступление обрушит мир в тартарары. Нужно любым способом остановить снежный ком Зла.

– И вы готовитесь к войне.

– А что бы ты делал на моём месте?

– Я за то, чтобы каждый занимался своим делом, – сухо ответил Амон. – Кто в действительности преследует Ольгина? Кто нанял Братство? Гаап?

– Мы вместе, – не стал лгать Авадонна.

– Но вы не в восторге от происходящего, – понял Кирилл.

– Но это не значит, что я стану вам помогать, – обозначил свою позицию карлик.

– Ольгина можно спасти? – спросил Амон. – Что нужно пообещать? С кем переговорить? У его жизни есть цена?

Он не шутил, когда говорил: «перестреляю всех и лягу спать», но не хотел до этого доводить. В первую очередь нужно искать компромисс.

– Не уверен, – вздохнул Авадонна. – Авдей считает, что убийство Лаврича нанесло ему оскорбление, но понимая, что натворил Сердцеед, не хочет мстить в открытую. Дьяк-меченосец Айзерман пачкаться об эту историю отказался, и Авдей обратился к Гаапу. Гаап велел мне нанять Братство, а когда они облажались, отправил за вашим недобрым великаном Ксану. Знаете её?

– Нет.

– Новая, очень перспективная ведьма. Гаап хочет натаскать её на кровь и потому отправил на охоту... – карлик выдержал короткую паузу. – Она придёт к вам, Кирилл.

– Зачем?

– Все понимают, что Ольгин может получить помощь только от вас с Машиной – больше никто не рискнёт противостоять Братству, так что в первую очередь охотники пойдут к вам.

– Все понимают? – уточнил Амон, барабанил пальцами по столешнице.

– Все, – подтвердил карлик.

– Если я действительно такой гвоздь в стуле, то почему меня до сих пор не убили?

– Считайте эту историю первой серьёзной проверкой, Кирилл, – улыбнулся Авадонна. – Либо вы отступите и потеряете уважение, превратившись в некое подобие Братства, либо вас начнут убивать.

– Все?

– Пока – нет, но какая, в сущности, разница? Что же касается гвоздя... – карлик свёл перед собой пальцы и внимательно посмотрел Амону в

глаза. – Невозможно идти против своей природы, Кирилл. И пусть вы ничего о себе не помните, там, внутри, за стеной беспамятства, вы всё равно тот, кто вы есть. И всегда будете поступать сообразно своему воспитанию, убеждениям и принципам. Даже если ни черта не помните.

– Хотите сказать, что я всегда был гвоздём?

– Боюсь, всё намного хуже...

* * *

«Я никогда не выйду за границу себя? Всегда буду поступать так, как меня научили? Всегда буду поступать правильно, даже не зная, как это – правильно? А как правильно? Я чувствую отвращение к Тьме, но помогаю Ольгину. Я убиваю, спасая жизни, и не испытываю угрызений совести... А должен? Если должен, то почему? Если не должен – то почему? Потому что я воин? Я убиваю равнодушно, как воин, но Отражение слушает моё слово... Что я несу миру: меч или книгу? Кто я?»

Кто?

Каждая встреча с Авадонной заканчивалась для Кирилла подобными мыслями. После каждой встречи Амон задумывался о себе и злился, не в силах пробить стену беспамятства и добраться до настоящего. Скрытого внутри, но живого, а главное – управляющего им... И ругался на того Кирилла, которого называл настоящим.

После каждой встречи.

Распрощавшись с карликом, Амон отправился домой: принять душ и переодеться, но, подойдя к двери, понял, что она открыта. Не взломана, а именно открыта, то ли отмычкой, то ли точной копией ключа. Качнул головой, усмехнулся, едва слышно пробормотал: «Ну, разумеется, история ведь только началась...», вытащил из кобуры «12», прикрыл за собой дверь, но не захлопнул, избегая ненужного шума, и медленно прошёл в квартиру, внимательно прислушиваясь к её тишине. Ничего подозрительного не услышал. Зато увидел: на диване гостиной уютно устроилась красивая черноволосая женщина в короткой юбке и прозрачной белой блузке. Настолько прозрачной, что не скрывала ни чёрный бюстгальтер, поддерживающий полную грудь, ни замысловатую татуировку, бегущую по левому плечу к шее. Второй, не менее искусный узор, украшал правое бедро незнакомки. Женщина скинула туфли, забравшись на диван с ногами, и смотрела в окно, выходящее на зелёный двор.

– У тебя тихо.

– Хорошие стеклопакеты, – объяснил Амон. – На самом деле здесь, в центре, можно сойти с ума от шума.

– У тебя тихо, – повторила женщина, не поворачивая головы. – Машины, голоса, шум города – проходящая ерунда. Кожура, которая легко слетает, открывая подлинную суть выбранного тобой места – здесь удивительно тихо.

– Поэтому и выбрал, – улыбнулся Кирилл, тоже посмотрев в окно, на едва видную среди деревьев колокольню церкви Всех Скорбящих Радости.

– Умеешь выбирать?

– Как видишь, умею, – подтвердил он и светским тоном осведомился: – Чаю?

– Может, позже.

– Бокал вина?

– Белое полусухое холодное.

– У меня как раз есть.

Амон вернул «12» в кобуру, бросил мотоциклетный шлем в кресло, сходил на кухню и вскоре вернулся с двумя бокалами. Женщина за это время даже не пошевелилась, продолжала смотреть в окно, но при его возвращении обронила:

– Спасибо.

И сделала малюсенький глоток.

– Твоё здоровье... – Амон выдержал короткую паузу.

– И твоё, – кивнула она. Глотнула вина ещё и заметила: – Ты не удивился, увидев меня.

– Я привык к вниманию женщин.

Ответ Ксану задел.

– Я не женщина, я ведьма, – сообщила она, впервые посмотрев на Амона.

– Знаю, – ответил он, усаживаясь в кресло. Шлем переместился на пол.

– Кто тебя предупредил?

– Скандал разрастается, – объяснил Кирилл. – К нам уже приходили ребята из Братства, так что твоё появление было вопросом времени.

– Я настолько предсказуема?

– Не ты – Гаап. Он явно хочет побыстрее избавиться от Ольгина. – Амон повертел в руке бокал. – Мне нравятся итальянские вина, насыщенные и ароматные... С ними могут сравниться только крымские.

– С Южного берега.

– Именно, – согласился Кирилл. – Вижу, наши вкусы во многом совпадают.

Ведьма помолчала, не понимая, для чего мужчина заговорил о винах, после чего продолжила:

– Гаап велел помочь Братству, но я... – Ксана передёрнула плечами. – Я не в настроении.

– Зачем же пришла? – Амон сделал вид, что удивился.

– Не хочу ругаться с Ястребиным, а визит к тебе позволит выиграть время и... подумать.

– Тебе есть о чём подумать?

– Что в этом удивительного? – подняла брови женщина. И тихонько рассмеялась: – А вдруг я решила, что настало время нам с тобой познакомиться?

Он выдержал её взгляд, прищурился и мягко ответил:

– Я не знаю своего настоящего имени.

– Не хочу называть своё, – помолчав, произнесла Ксана. – Оно мне противно.

– Имя или человек?

Бокал в её руке дрогнул. Едва заметно.

– Ты не сделаешь мне большее, чем есть, – улыбнулась женщина. – Зря стараешься.

– Я пытаюсь понять, с кем говорю, – объяснил Амон, сделав глоток.

– С ведьмой.

– Ты ею не стала.

Этот удар она тоже пропустила – бокал дрогнул повторно, – однако ответить сумела жёстко:

– Откуда ты знаешь, кем я уже стала, а кем ещё нет?

– Читаю по глазам.

– Один из твоих талантов?

– Именно.

Она явно захотела вспылить. И так же явно передумала. Она разозлилась, но ухитрилась сдержаться. Несмотря на бахвальство, он всё-таки сделал ей больно, но то был не удар ножом, а надрез скальпелем, хирургическое вмешательство. Кирилл прикоснулся к кровоточащей ране, но показал, что хочет помочь.

И не жалость услышала в его голосе Ксана, а сочувствие.

И потому не стала бить бокал о стену, как захотелось, а поставила стекляшку на пол и вновь посмотрела Амону в глаза:

– Это я звонила прошлой ночью.

– Знаю.

– Мы не встречались.

– Узнал, когда ты заговорила.
– Хорошая память на голоса?
– Просто: хорошая память.
– А говорят, ты ничего не помнишь.
– Поэтому стараюсь ничего не упускать, – он тоже отставил бокал и подпёр подбородок кулаком. – Почему ты не попросила Гаапа сжечь прошлое? Почему не захотела всё забыть?

– Как ты? – скривилась женщина.
– Я забыл не по своей воле.
– Откуда ты знаешь?
– Я не знаю – я уверен.
– Хорошо быть в чём-то уверенным, – усмехнулась Ксана и резко вскинула подбородок, несчастная и гордая: – Я не хочу ничего забывать, Амон. Не хочу, чтобы эта красивая, сильная и самодовольная сука перестала испытывать боль. Не хочу, чтобы она перестала рыдать по ночам. Не хочу, чтобы она свыклась с тем дерьмом, в котором оказалась и научилась получать от него удовольствие. Не хочу, понимаешь? Пусть эта сука грызёт себя!

Ведьма отвернулась к окну, уставившись на колокольню.
– Как его звали? – тихо спросил Кирилл.
– Герман. – Сейчас Ксана не стала скрывать очевидное. – Его звали Герман, и рядом с ним я была счастлива, но гордыня и гнев затуманили мне голову... Я потеряла счастье, потеряла Германа и... потеряла себя. С тех пор я ни разу не была с мужчиной... по своей воле. Ни разу.

А тень, что скользнула по лицу женщины на словах: «по своей воле», поведала Кириллу о многом. Он достаточно узнал об Отражении и представлял, чем занимаются ведьмы на сборищах Первородных.

– Всё-таки сделаю чай...
Но у него не получилось.
– Не уходи. – Она вдруг поднялась, подошла к креслу и села на подлокотник. Спина к Кириллу. Продолжая смотреть в окно. – Я слушаю тебя с тех пор, как ты явился на «НАШЕ радио», я слышала все твои шоу и вот что: слушая тебя, я не испытываю боли. Я не забываю о том, что сделала, и о том, что потеряла – я перестаю чувствовать боль. Я помню о ней, я не перестаю плакать, но когда ты говоришь, в моих слезах нет крови... Ты лекарь?

– Возможно.
– Говорят, ты – Божественный.
– Возможно.

– А ещё говорят, что ты – один из Богов, каким-то образом пропустивший Битву.

– Возможно.

Женщина улыбнулась, продолжая сидеть спиной к Кириллу. И чувствуя скрытую в нём силу. Очень мощную силу, которой Кирилл способен делиться. Его сила пряталась, старалась не привлекать к себе внимание, но Ксана чувствовала – именно чувствовала, – что скрытое в Амоне могущество превосходит всё, с чем ей доводилось сталкиваться до сих пор.

А потом она вспомнила его слова, летящие в эфир сквозь ночь, почувствовала, что запершило в горле, и попросила:

– Расскажи о чём-нибудь. – И совсем по-детски добавила: – Пожалуйста.

Он мягко улыбнулся и накрыл своей ладонью холодную руку ведьмы.

– Это будет удивительная история от сказочника, который ничего не помнит, маленькой девочке, которая ничего не хочет знать.

– Зато, пока девочка будет слушать, она не будет плакать, – пообещала ведьма.

На её глазах вновь выступили слёзы.

– А в конце она заснёт?

– Нет, – покачала головой Ксана, чувствуя тепло Амона. – Но может быть, ей станет легче.

– Тогда слушай...

* * *

Дверь оказалась незаперта, что было странно, поскольку Амон никогда не забывал её захлопнуть. Никогда. Кирилл прекрасно понимал, что закрытая дверь мало кого остановит, тем более – в Отражении, но не забывал. А сегодня не захлопнул, что заставило Машину насторожиться и... Нет, доставать оружие инженер не стал, зато вытащил из кармана рюкзака миниатюрный, размером с ладонь, дрон и запустил его в квартиру – двигалась «игрушка» практически бесшумно. Проскользнул в коридор, остановился и негромко позвал:

– Кирилл?

– Входи! – раздался голос из гостиной. – Я забыл запереть.

– Ага.

Стало спокойнее, но дрона предусмотрительный Ермолай отзывать не

стал, рассудив – пускай летает, широким шагом прошёл в гостиную, плюхнулся в кресло, которое ещё в самый первый визит признал «своим», и посмотрел на развалившегося на диване Кирилла. Умиротворённого и спокойного. Одетого в халат на голое тело и с влажными волосами, свидетельствующими о недавнем пребывании в душе. Или в ванне.

– Отдыхаешь?

– Ага.

– Ни дня без развлечений?

Разбросанное по полу гостиной бельё не оставляло сомнений в том, что у Кирилла был повод для усталости, а лёгкая улыбка, призрачно блуждающая по губам, – что усталость была очень и очень приятной.

– На самом деле я не планировал... – протянул Амон, запуская левую руку в волосы. – Оно как-то само...

– То есть, как бывает обычно, – кивнул Ермолай.

Он был далёк от зависти, но амурные успехи друга периодически вызывали у рыжего искреннее восхищение.

– Нет, не так... – протянул Амон. – Тут получилось...

– Кирилл, кто пришёл? – И прежде чем тот успел ответить, в гостиную вошла Ксана. Полностью обнажённая. Вытирающая на ходу волосы. Увидев Машину, женщина прикрываться не стала, хотя и держала в руках полотенце, расправила плечи и вопросительно подняла брови: – Я не помешала?

– Что она здесь делает? – опомнился Ермолай, спешно отворачиваясь от голой ведьмы.

– Не твоё дело! – опомнилась Ксана.

– Только не ругайтесь... – пробубнил Амон.

– Кирилл!

– А что я могу?

– Рыжий, ты чего разволновался? Никогда не видел женщину голой?

– Ты слышала такое слово: «приличия»?

– У меня всё прилично, – парировала Ксана. – Спроси у своего друга.

– Дура!

Ведьма рассмеялась, швырнула в Машину полотенце, наклонилась и подняла трусики. Кирилл наблюдал за ней с удовольствием. Покрышкин же сначала помял полотенце, затем перевёл взгляд на окно, но через пару секунд резко повернулся к натягивающей трусики женщине и громко спросил:

– Зачем ты явилась?

– Сказала же: не твоё дело. – Ведьма выпрямилась, мягко оттянула

резинку трусиков и улыбнулась Амону.

– Ты пришла, потому что не могла не прийти, – произнёс Машина, продолжая смотреть на женщину. Но не на её обнажённую грудь, а в глаза. – У Братства не получилось убить Ольгина, Гаап отправил тебя на помощь, ты прикинула, к кому мог обратиться Ольгин, и поехала к Кириллу – это логично, а здесь ты встретила меня – это было предопределено.

– Не усложняй, – попросила ведьма, наклоняясь за лифчиком.

Однако на этот раз Амон за ней не следил – он смотрел на друга.

– Я не усложняю, а упрощаю, – спокойно ответил рыжий. – Я выстраиваю... точнее, уже выстроил цепочку и теперь должен принять решение: попробовать её порвать или добавить следующее звено? Правда, я не уверен, что смогу порвать, потому что это не цепочка, а цепь событий, но интуиция подсказывает, что нужно попытаться.

– Не нужно, – буркнула Ксана. Лифчик она не надела, помяла в руке и наклонилась за чулками. – Говори, что случилось, или проваливай.

Она не удивилась: вспомнила разговор с Иннокентием и поняла, что сейчас следует его продолжение. Цепь, о которой говорил Покрышкин, существовала на самом деле.

– Сегодня утром я получил посылку, – Машина покопался в своём рюкзаке, вытащил телефон и бросил женщине. – Узнаёшь?

Ксана машинально поймала чёрный аппарат, но тут же, словно обжёгшись, выронила его на ковёр и удивлённо уставилась на Ермолая:

– Достал со дна?

– Что это? – насторожился Амон.

– Старый телефон твоей девушки, – объяснил Машина.

– Мы просто друзья.

– Откуда он у тебя? – спросила Ксана, надевая лифчик.

– Я не видел курьера.

– Почему ты заговорил о цепи событий?

– Потому что не верю в совпадения.

Ксана села на диван рядом с Кириллом и принялась неспешно натягивать чулки. Форма её ног была близка к идеальной.

Телефон валялся на полу.

– Ни у кого из вас не было ощущения, что мы любимся грандиозным закатом? – тихо спросил Ермолай, особенно ни к кому не обращаясь. – День был сумрачный, Солнце то и дело закрывали набегающие тучи, а под вечер случилась крупная неприятность: умерли Древние. И всё, что мы видим теперь, – это закат нашего прошлого мира.

– Как поэтично, – пробормотала женщина.

Она медленно выпрямила ногу идеальной формы и провела по ней ладонями, разглаживая чулки и краем глаза наблюдая за реакцией Кирилла. Кирилл слушал друга.

– В магии термин «Закат» означает не только смерть или конец чего-либо, в некоторых случаях так называют неотвратимое событие, наступлению которого ничто не способно помешать. Как закат, который обязательно случится в конце дня.

– Могли бы назвать восходом, – проворчал Амон.

– Они решили нас запутать, – усмехнулась Ксана. Ведьма надела всё, что нашла на полу гостиной, но не ушла, сидела, закинув ногу на ногу и в упор глядя на Машину. Не на телефон.

– Неотвратимое в буквальном смысле слова, – продолжил Ермолай, отвечая на взгляд женщины. – И потому незадолго до его наступления предшествующие события выстраиваются в цепочку, которую невозможно разорвать – в этом суть понятия «неотвратимость». Наша встреча могла не состояться, но ты всё равно заполучила бы свою трубку. И если я сейчас промолчу, ты всё равно всё узнаешь.

Ксана наклонилась, взяла телефон и, продолжая движение, поднялась с дивана:

– Я загляну в уборную.

И вышла из гостиной.

– Убей её, – задумчиво предложил Машина, не глядя на друга. – Мы стоим у последней развилки и ещё можем что-то изменить.

– А как же понятие «неотвратимость»?

– Оно войдёт в силу чуть позже, сразу после развилки. – Ермолай пожевал губами и повторил: – Убей её.

– Ты знаешь, что я этого не сделаю, – ответил Кирилл, проводя пальцем по подлокотнику дивана.

– Знаю, – вздохнул рыжий. – Но надеялся, что ты пересилишь себя.

– Напрасно.

– Я ухожу.

Ксана оделась, добавив к чулкам и белью туфли, юбку и блузку, и теперь стояла в дверях гостиной, внимательно разглядывая мужчин. Оценивая разглядывая, выжидая, не соберётся ли кто-нибудь ей помешать.

– Мы не станем тебя задерживать или преследовать, – сказал Амон, правильно истолковав взгляд женщины. – Но я прошу тебя ещё раз подумать: может, будет лучше, если ты останешься с нами?

Ведьма закусила губу:

– Поздно.

– Мы оба знаем, что не поздно, – очень мягко произнёс Кирилл. – Тебе просто нужна новая жизнь.

– И ты мне её подаришь?

– Подарю.

На мгновение показалось, что Ксана согласится. Показалось, что она чуть пошатнулась, подавшись в комнату, почти сделала шаг, но...

– Нет, – тихо ответила ведьма. – Мне нужен не твой подарок, а мой новый мир.

И пятась, отступила в коридор. Готовая к бою.

Она всё ещё не верила, что её отпустят.

– Останься... – попросил Амон.

– И вот что, – негромко продолжила женщина, – я знаю, что ты спрятал Ольгина в Серебряном Погребе – больше просто негде. А раз догадалась я, скоро сообразят и другие.

Входная дверь хлопнула. Мужчины остались одни.

Помолчали, переживая разговор, после чего Амон кашлянул и осведомился:

– Почему телефон так важен?

– На него прислали видео измены её тогдашнего мужа.

– А ты выяснил, кто это сделал... – вздохнул Кирилл.

– Было трудно, но ты меня знаешь – я упорный. – Машина поправил гарнитуру беспроводной связи в левом ухе. – Я всё узнал.

– Кто?

– Он очень хорошо замаскировал следы, использовал чужой телефон, но я проследил файл...

– Кто?! – перебил друга Амон.

– Шварц, главный помощник Гаапа.

– Получается, Ястребиный с самого начала вёл Ксану в Отражение? Гаап отнял у неё жизнь?

– У Ксаны потрясающий талант, – объяснил Машина. – Ястребиный не мог её упустить.

– Сегодня в Москве будет весело. – Амон резко поднялся на ноги. – Нужно съездить в Погреб.

Ермолай покачал головой:

– Марии Фёдоровне много чего довелось пережить, она осторожнее всех, кого я знаю, так что поверь: Погреб в полной безопасности.

Боль.

Нестерпимая, лютая боль...

Ольгину казалось, что знал о ней всё. Он думал, ничто и никогда не сравнится с терзаниями его души, его умершей души, полной печали и страдания, думал, что ничто на свете не сможет превзойти муки, испытанные им в тоске по Ольге...

Но ошибся.

Нынешний кошмар превзошёл всё, что он испытывал до сих пор.

Серебро проявило свой бешеный нрав не сразу. Какое-то время выжидало, оценивая жертву, примерялось, как сподручнее будет рвать сотканное из Тьмы тело, и лишь затем повело первую, очень медленную атаку на ненавистную плоть Великого Полнолуния.

Медленно...

Серебро знало, что в Погреб приходят надолго, и не торопилось.

Металлическое дыхание скользнуло по щеке Ольгина небрежным, обещающим много плохого поцелуем, и здоровяку вдруг стало непривычно и неприятно холодно. Он плотнее закутался в тряпку, с удивлением заметив, что ткань, похожая на грубую сеть, и греет тело, и смягчает боль, и замер неподвижной и недовольной совой, подобравшись в центре клетки и не прикасаясь к серебру.

Для Первородных в Погреб проложили узкие деревянные мостки, но одного лишь соседства огромного количества металла хватило Ольгину для мучений. Серебро дышало совсем рядом, постепенно приближаясь, пропитывая гиганта собой и принося жуткую боль. Нет, не сразу... Боль напознала постепенно, сначала – едва ощутимой ломотой в суставах... потом заныли мышцы, не от неподвижности, нет – Ольгин мог не шевелясь просидеть целую ночь, – заныли, отравленные серебром, пропитанные серебром, заныли, потому что отражение злого металла проникло в них... Потом стали покалывать подушечки пальцев. Как будто кто-то невидимый проверял их чувствительность, ведь они... замёрзли!

В тот миг Ольгин понял, что от лютого серебряного холода его спасает только тряпка, завернулся в неё плотнее, постаравшись укрыться с головой... и вот тогда пришла настоящая боль. Как будто Погреб разозлился за то, что Ольгин спрятался от холода, и врезал ему по настоящему.

Невидимые стрелы вонзились в гиганта разом и со всех сторон.

Прошли навывлет, разрывая грешную плоть без крови, но от того ещё более страшно. Ольгин выгнулся, едва не свалился с мостков, закричал, стуча руками и ногами по доскам, затем собрался, сжав зубы, думал перетерпеть, но взвыл, когда серебряные стрелы сменились миллиардами невидимых игл, вылетевших из серебряных стен и вонзившихся в него, наполнивших жилы стылым металлом, потёкшим из ушей и глаз, затопившим лёгкие так, что не продохнуть... Взвыл, скрючил пальцы, стал рвать грудь, пытаясь добраться до забравшегося под кожу серебра, проклиная тех, кто его сюда привёл, и тех, из-за кого он прячется, взвыл от лютой муки, заплакал серебром и едва разглядел вошедшую в Погреб старуху.

– Выпей, – коротко велела Мария Фёдоровна, протягивая Ольгину фарфоровую пиалу.

– Уйди! – прохрипел он.

Старуха поняла, что немного опоздала, вздохнула, присела, грубо и крепко обхватила голову грешника, заставила раскрыть рот и влила в горло густую, отвратительно воняющую жидкость. Горячую и терпкую. Настолько горячую, что ободрала до крови глотку, но неожиданно вкусную, а главное – принёсшую облегчение.

– Вижу, серебро тебя совсем не любит, – хихикнула старуха.

– Правда? – выдавил из себя Ольгин. – А я думаю, с чего мне так хреново?

И закашлялся, повалившись обратно на мостки.

– Дальше будет так же, – пообещала Мария Фёдоровна. – Терпи.

– Я постараюсь.

Она укрыла его тёмного тряпкой и погладила по плечу, Ольгин тихо заскулил.

* * *

– Сюда? – угрюмо спросил Сапёр, разглядывая тоннель.

– Да, – подтвердил проводник.

Истребитель шагнул в проход и через плечо бросил вопрос:

– Она одна?

– Ей давно никто не нужен.

– Я имел в виду охрану.

– Я тоже.

– Шутник.

– Спасибо.

Сапёр вздохнул и машинально поправил кобуру – прикосновение к оружию его успокаивало.

Командиру истребителей не нравился проводник – скользкий тип из органиков по имени Мика, ему не нравилось задание – любой ценой добраться до Серебряного Погреба, в котором, скорее всего, укрылся монстр, и даже сама охота на Ольгина перестала ему нравиться. То есть Сапёр безусловно хотел расквитаться за Коротышку, но радости не испытывал – ни от предстоящей мести, ни, тем более, от смерти друга.

А ещё Сапёр ловил себя на мысли, что принявший бой Ольгин нравился ему гораздо больше, чем скользкий Мика, подло договорившийся о встрече с Марией Фёдоровной и ведущий к ней истребителей. И от этого становилось особенно тошно.

Дорога в Серебряный Погреб лежала через метро. Трое истребителей встретились с проводником на «Таганской-кольцевой», затем направились в переход на радиальную и там по очереди нырнули в неприметную дверь «Только для персонала», которую Мика открыл своим ключом. За дверью оказался коридор, стены которого были выкрашены в казённый зелёный цвет, но в нём истребители не задержались: проводник открыл следующую дверь и вывел их на лестничную площадку, от которой уходили вниз стандартные бетонные пролёты. Следующие десять минут путники провели бодро шагая по ступенькам и в конце концов оказались перед старой деревянной дверью, уныло-обшарпанной и с хулиганской надписью в правом нижнем углу.

Мика позвонил, через десять, примерно, секунд послышались шаркающие шаги, и старуха скрипуче спросила:

– Кто с тобой?

– Друзья, – выдавил проводник.

«Глазок» в двери отсутствовал... точнее, его не было видно, но хозяйка Погреба прекрасно видела площадку и всех присутствующих. И холодно распорядилась:

– Пусть они уйдут.

– Мария Фёдоровна... – попытался занять Мика, но был грубо прерван:

– Я всё сказала!

Сапёр понял, что настал его черёд вести переговоры, подошёл к двери, оттерев Мику плечом, и негромко спросил:

– Знаешь меня?

– Братство? – чуть помолчав, уточнила старуха.

– Да.

– Всё равно уходи.

Он знал, что услышит, а Мария Фёдоровна догадывалась, как ей ответит истребитель:

– Отдай грешника, и я уйду.

– Не могу.

– Я не прошу, я приказываю, – по-прежнему тихо и почти равнодушно произнёс Сапёр. – Ты спрятала зверя, виновного в смерти моего друга. Тебе придётся его отдать.

– Нет...

Выстрел прозвучал громом.

Братство «Mortem Monstrum» существовало много веков и накопило достаточно знаний об Отражении. Сапёр не мог самостоятельно добраться до двери Погребца, но хорошо знал, как её прострелить, и первый патрон в его пистолете был особым – именно для этой двери. А целиться не требовалось – Сапёр стрелял на голос. Тяжёлая пуля пробила крепкое полотно и вонзилась Марии Фёдоровне в голову.

– Зачем?! – взвизгнул проводник.

И тут же захрипел – Рваный ударил Мику ножом в шею. Потому что в данном случае оставлять свидетелей было нельзя. Мика постоял, булькая кровью, затем повалился на пол. Чтобы тело не мешало, Рваный толкнул его в угол. А над проходом уже колдовал Классик: заложил в замочную скважину заряд взрывчатки, а после гроыхнувшего взрыва распахнул дверь ударом ноги.

Сапёр перешагнул через тело старухи и уверенно направился к клетке.

Его, чистокровного органика, серебро не беспокоило.

* * *

«Получается, меня подставили? Получается, мою жизнь порвали в лоскуты из-за таланта, который с тех пор ни разу не проявился? Меня подставили из-за того, что я умею управлять отражениями. Только из-за этого! Из-за проклятого таланта! Меня превратили в инструмент и разбудили зло, что дремало внутри... Растоптали мою любовь и заставили отказаться от Германа... И всё из-за того, что я умею управлять отражениями?! Из меня сделали ведьму и окунули в грязь. Заставили сотворить все те мерзости...

Ненавижу!

Я могла не поддаваться!»

И ведь действительно – могла. У неё была возможность отказаться от мести, стерпеть унижение и счастливо жить с Германом, не зная ни силы, ни грязи. У неё была возможность остаться собой и видеть на поверхности реки только отражения, а не их мир. Не вторую половинку Вселенной, что прячется в каплях дождя и едва заметной тенью сопутствует миру Дня.

Не видеть её!

Её прежний мир был не полным, в нём не хватало массы отражений, но она считала его настоящим. И таким он был для неё.

«В том мире я была собой!»

И могла оставаться собой, но не сумела превозмочь гордыню.

«Гордость!»

Нет, всё-таки гордыню, потому что гордость требует благородства, а не крови. Гордость – это умение не сдаваться, а не желание отомстить. Гордость делает сильной, а гордыня ведёт в никуда.

«Я сильная!»

Да.

Ещё она красивая, умная, сексуальная, обладает властью и... и каждую ночь рыдает в подушку, вспоминая, чего лишилась. Рыдает, чувствуя себя страшно одинокой в огромном, абсолютно чужом мире. В мире, где она красивая, умная, сексуальная и обладает властью. В мире, который она ненавидит так люто, как может ненавидеть женщина, прошедшая через Тьму.

В мире, который ей подарил Гаап.

«Я сильная... Я ошиблась... ошиблась тогда, но я всё исправлю. Обязательно исправлю!»

Ксана посмотрела на рабыню, которой она свернула шею, бросила взгляд на уткнувшегося в руль шофера – ему она пробила затылок, вышла из машины и остановилась, холодно глядя на роскошный фасад знаменитого клуба «Гастрономический оргазм».

* * *

– Мария Фёдоровна не отвечает! – угрюмо сообщил Кирилл, убирая телефон в карман и тут же снова доставая – быстрым, нервным жестом.

– Позвони ещё раз, – предложил Машина.

– Я уже десять минут названиваю! – Амон топнул ногой. – Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Главная проблема заключалась в том, что осторожная старуха

постоянно меняла путь к Погребу, и без предварительной договорённости к ней невозможно было попасть.

– Должен быть выход!

– Скорее, вход, – хмыкнул Ермолай.

– Тебе смешно? – поднял брови Кирилл.

Рыжий открыл рот, собираясь отпустить какую-то шутку, но посмотрел Амону в глаза и передумал.

Кирилл – и это стало для Покрышкина полной неожиданностью – воспринял происходящее очень лично и очень болезненно. Посчитал себя ответственным за любые последствия, связанные с появлением в Погребе Ольгина, сильно переживал за старуху и набирал её номер всё то время, пока одевался и готовил оружие.

– Как вариант, можно обратиться к Авадонне, – подумав, сказал рыжий.

– Почему к нему? – не понял Кирилл.

– Вдруг у грешников есть способ добраться до Погреба?

– Думаешь, такое возможно? – Амон вновь взялся за телефон.

– Не знаю, возможно ли, но других идей у меня нет, – честно ответил Машина.

Они вышли из квартиры, Амон с силой захлопнул за собой дверь, сделал два шага к лестнице, но остановился и развернулся к стене, уставившись на металлическую дверцу.

– Что случилось? – поинтересовался Ермолай.

– В моём доме нет лифта.

Для трёхэтажного особняка постройки XIX века это приспособление действительно выглядело излишним.

– Кажется, кто-то узнал о нашей проблеме, – пробормотал рыжий.

Он сделал шаг в сторону, поправил рюкзак и прищурился, размышляя, не запустить ли дрона? Решил не торопиться.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Амон.

– Не будем забегать вперёд. – Покрышкин нажал кнопку вызова, а когда в окошке появилась освещённая кабина и Аристотель распахнул дверцу, вежливо улыбнулся: – Здравствуйте.

– Добрый вечер, господа, – ответил на улыбку лифтёр. – Собрались прогуляться?

– Хорошая погода, – объяснил Машина. – Особенно под землёй.

– Там никогда не бывает дождей.

– Нам нужно в Погреб.

– Прошу, входите, – Аристотель посторонился, пропуская друзей в

кабину, и, правильно расшифровав вопросительный взгляд Амона, объяснил: – Я делаю это не потому что вы мне нравитесь, Кирилл, хотя вы мне нравитесь. У меня действует договор с Марией Фёдоровной: последний клиент имеет право пройти в Погреб.

– Я стал последним клиентом? – тихо спросил Амон.

Кабина плавно пришла в движение.

– Да, – после паузы подтвердил лифтёр. – Мне очень жаль.

Машина вздохнул и едва слышно выругался. Амон кивнул и вытащил из кобуры «12».

– Оружие вам не понадобится, Кирилл, те люди уже ушли.

Оставив после себя кровь и пустоту...

...На площадке в углу лежало тело неизвестного мужчины с перерезанным горлом. Прикоснуться к нему не стали, Ермолай сфотографировал на телефон, пробормотав: «Потом опознаем», и они пошли дальше. Дверь взорвана и раскрыта настежь, у порога распласталась Мария Фёдоровна, голова пробита пулей. Клетка раскрыта. Ольгина нет.

Увидев, что гигант исчез, Покрышкин вернулся на площадку, а Кирилл задержался. Медленно обошёл Погреб, бездумно разглядывая серебряные стены, с минуту постоял возле тела старухи, потом – около взорванной двери, таращась на сорванный замок, а уже в лифте – очень спокойный, собранный и сосредоточенный – негромко спросил:

– О ней позаботятся?

– Всё будет в порядке, – пообещал лифтёр.

– Хорошо.

Кабина стала подниматься.

– Что ты задумал? – поинтересовался Ермолай.

– Ты сам сказал, что сегодня в Москве будет весело, – напомнил Кирилл, глядя в стену кабины. – Я приму в празднике посильное участие.

Лифтёр с Машиной переглянулись, после чего Аристотель попросил:

– Скиньте ссылку на трансляцию.

* * *

– Что это? – наконец спросила Порча, кивнув на серебряную урну.

Наконец, потому что Иннокентий вернулся в квартиру с час назад, он распаковал свёрток, осторожно водрузил урну на журнальный столик, уселся в кресло напротив и с тех пор не менял позы, не отворачивался и, кажется, не мигал. И молчал, разумеется, как будто Ленки в квартире не

было.

Порча мудро выдержала долгую паузу, позволив Кроссу сполна налюбоваться игрушкой, и задала вопрос только сейчас, почувствовав, что пришло время.

– В урне находится прах Безликого, – ровным голосом ответил толстяк.

Ожидал услышать изумлённый возглас и естественный вопрос: «Откуда?!», но Порча удивила. Хмыкнула, переведя взгляд на урну, прищурилась и поинтересовалась:

– Зачем он тебе?

Сразу попав в точку.

– Чтобы вырваться отсюда, – сказал Иннокентий, не желая этого говорить.

Потому что «вырваться отсюда» одновременно означало навсегда расстаться с Ленкой.

– Это возможно? – помолчав, спросила Порча.

– Я хочу домой.

– Это возможно?

– Не знаю.

Кажется, она вздохнула с облегчением. Но очень-очень тихо, чтобы его не расстроить. Но Кросс всё равно расстроился, поскольку вздох означал, что Ленке не всё равно.

Так же, как ему.

– То есть ты просто веришь, да? – уточнила Порча. – Безликий – единственный, кто разгадал тайну межзвёздных путешествий, ты раздобыл его прах и веришь, что сможешь его воскресить?

– Нет, конечно, нет, – вымученно улыбнулся Иннокентий. – Воскресить Безликого нетрудно, но если господин поднимется из праха, он меня казнит.

– За что? – растерялась девушка.

– За то, что не уберёг. За то, что долго его не воскрешал. За то, что не слетал на Аммердау за помощью и войсками... Мало ли за что? – Кросс пожевал губами. – Господин и так был сумасшедшим, как все Древние, а теперь, дважды умерев, наверняка рехнулся окончательно. Не хочу проверять.

– То есть воскрешения не будет?

– Ни в коем случае.

– Как же ты вернёшься?

– Его прах – мост в Аммердау.

– Прозвучало сложно и непонятно, – не стала скрывать Ленка.

– Потому что я сам не до конца понимаю, о чём говорю, – пояснил Кросс. – Но способ есть, он связан с прахом господина, который может использовать Ксана, и я хочу вернуться домой.

– У тебя там семья? – неожиданно спросила Порча. Никогда раньше она не задавала этого вопроса. Не хотела беречь рану, понимая, что никуда Иннокентию с Земли не деться, но сейчас ей стало важно знать, что тянет его домой.

Очень важно.

– Безликий запрещал гвардейцам иметь детей, точнее, лишал их... нас этой возможности, – ответил Кросс, глядя подружке в глаза. – Мои родители были казнены, моя жизнь прошла в казарме, моим смыслом было служение господину, но сейчас я просто хочу домой. Я хочу оказаться там, где вырос. Хочу бродить по миру без скафандра и наслаждаться запахами, которые мне иногда снятся. Мне это нужно...

– Для счастья? – тихим эхом перебила Иннокентия девушка.

И увидела очень грустную улыбку. Даже удивительно, как её, такую искреннюю и печальную, смог передать нахлобучник. А он смог, потому что ответ шёл из души Иннокентия.

– Для счастья мне нужно, чтобы ты бродила рядом со мной, – ответил Кросс, отворачиваясь. Помолчал и закончил: – Я застрял, Ленка, я крепко застрял меж двух миров.

Несколько секунд Порча смотрела на Иннокентия, затем вытерла слезу и твёрдым голосом спросила:

– Как я могу тебе помочь?

* * *

Закат – это не только неотвратимое событие, но и символ смерти.

А иногда – сама смерть...

И именно на закате к небольшому, прекрасно отреставрированному особняку по Крылатской улице подошёл одинокий мужчина. Участок земли глубоко вдавался в заказник, и благодаря этому обстоятельству, а также высокой ограде дом был не виден с дороги, но мужчина точно знал, что прибыл по назначению.

И ещё знал, что надолго в особняке не задержится.

Первым погиб охранник у ворот – в таких случаях им везёт меньше всех. Охранник поинтересовался, кто и к кому пришёл, и мужчина убил его, полностью скопировав действия Сапёра: выстрелил через запёртую

калитку, на голос. И с тем же успехом: мозги разлетелись в стороны, охранник рухнул на землю. Звук выстрела поглотил глушитель, и находящиеся в доме истребители о появлении врага не узнали.

К тому же они были заняты.

Истребители собрались на поляне позади особняка, плотно окружили металлический столб, к которому приковали Ольгина, и занимались мстью. Или развлечением. В общем, развлекались мстью: по очереди вспоминали самые неприятные пытки и тут же применяли их, под вопли:

- Помни о Коротышке, скотина!
- Помни о нашем друге, гад!
- Готовься к долгой ночи!
- Ты будешь мучаться!

И Ольгин мучился: от боли, которую причиняли инструментами и огнём, от серебряных цепей, которыми его приковали к пыточному столбу, от бессилия и бессильной злобы. Первое время он стискивал зубы, не желая показывать истребителям слабость, но вскоре боль стала настолько нестерпимой, что Первородный перестал сдерживаться и с тех пор кричал, не умолкая. Кричал, стонал, ругался, плакал, призывал все возможные кары на головы мучителей, проклинал их... Проклинал изо всех сил, терял сознание, а когда открывал глаза, удивлялся, что не умер. Снова шептал проклятия, и в какой-то момент...

Сначала он решил, что ошибся. Потом – что бредит, или видит сон, или начались галлюцинации, потому что этого быть не могло.

Не могло, но случилось – спасение.

Голова одного из мучителей лопнула от разорвавшейся внутри пули. Другой закричал, пытаясь зажать рукой появившуюся на шее рану, третьего бросило в сторону, а в его груди образовалась дыра, четвёртый завизжал, разглядывая отрубленную руку...

Мачете мужчина прихватил у охранника, рассудив, что истребителей может оказаться больше, чем зарядов в пистолете, и на заднем дворе убедился, что поступил здраво. Их было не меньше десятка: опытных, хорошо подготовленных бойцов, но сегодня их выучка не имела значения – противостоять нагрянувшему врагу они не могли. Никак не могли.

Не сегодня.

К тому же мужчина сполна использовал эффект неожиданности: выхватил мачете и молча врезался в толпу, убив трёх членов Братства до того, как прочие истребители поняли, что оказались под ударом. Затем открыл огонь, аккуратно укладывая тяжёлые пули точно в цель: в голову, в грудь... И при этом продолжал рубить, демонстрируя великолепную

технику рукопашного боя, потрясающую точность и умопомрачительную скорость.

Мужчина двигался так быстро, что обычный наблюдатель мог рассмотреть лишь последствия – валящихся на землю истребителей, но около последнего врага мужчина специально остановился. Но решил дать ему не шанс, а слово. Последнее слово.

И Сапёр понял убийцу правильно: не стал обвинять в том, что тот помогает монстру, не стал ругаться или умолять о пощаде. Сапёр посмотрел на мёртвых и умирающих друзей, на истерзанного Ольгина, на пистолет, который он не успеет выхватить, и усмехнулся:

– Я не знал, что встаю на твоём пути.

– Все ошибаются, – кивнул мужчина и ловким ударом срезал истребителю голову.

* * *

– Ксана, дорогая, тебя уже обрадовали? – Гаап выглядел великолепно: облачённый в элегантный смокинг, чёрную сорочку и чёрный галстук, он был настоящим чёрным принцем, а точнее, учитывая обстоятельства – чёрным королём. И пребывал в превосходном расположении духа. – Тебе рассказали?

– Что случилось? – подняла брови ведьма. И тут же, словно опомнившись, склонилась в поклоне: – Приветствую вас, баал.

Требовалось продемонстрировать уважение, поскольку в холле «Гастрономического оргазма» болталось несколько гостей – дымили сигарами и трубками.

– Пойдём... – Ястребиный повлёк женщину к дверям в обеденный зал, но задержался в небольшой нише, а его телохранитель приглядывал, чтобы к собеседникам никто не приблизился. – Эти идиоты из Братства ухитрились исправить и поймали Ольгина. Правда, для этого они разнесли Серебряный Погреб, но я не в обиде – старуха слишком кичилась своим нейтралитетом и позволяла себе игнорировать мои приказы. Рано или поздно она всё равно угодила бы под Трибунал.

– Жаль, что я не успела, – обронила Ксана. – Ольгин мёртв?

– Сапёр забрал его в особняк Братства, сказал, что хочет расплатиться за Коротышку, и я не стал отказывать, – усмехнулся Гаап. – Пусть развлекается.

Пусть мучают, убивают, насилуют... сейчас – грешников, но

возникшие склонности трудно унять, и скоро, очень скоро, многим истребителям станет абсолютно безразлично, кого пытаться: Первородных, органиков или Божественных. Появится привычка... и появится болезненная тяга к греху. Обязательно появится.

– Ты прекрасно выглядишь, – произнёс Ястребиный, оглядывая ведьму, как лошадь перед скачкой. – Немного официозно, но в принципе – сойдёт. Чёрный лиф под белой блузкой ему понравится...

И Ксана почувствовала отвращение. Она догадалась, какое предложение последует дальше, и едва сдержалась, чтобы не наругать, не отказаться... Хотя до сих пор и не грубила, и не отказывалась – послушно исполняла все распоряжения баала, какими бы мерзкими они ни были, и даже заставляла себя получать от них удовольствие. Но сегодня всё изменилось: разговор с Иннокентием, встреча с Кириллом и «посылка» Машины заставили ведьму почувствовать отвращение: к тому, что ей приходилось делать, к словам Гаапа, к самому Гаапу и к себе – слабой и глупой.

И ещё она почувствовала, что из-под отвращения постепенно появляется ненависть. Очень напоминающая то лютное чувство, которое она испытала, узнав об измене Бориса.

– Кому я должна понравиться? – очаровательно улыбнулась Ксана.

– Дьяк-проклинатель Стоцкий как раз о тебе спрашивал.

Сегодня «Гастрономический оргазм» был закрыт для простых смертных – на грандиозный ужин, и высокие гости уже расположились за изысканно сервированными столиками. Расположились вперемешку: грешные вассалы Гаапа и органики молодого Авдея, колдуны и волшебники, ворожеи и ведьмы, оборотни и змеевиды. Ужин давно начался, вино лилось рекой, и первоначальная скованность от непривычной обстановки – органики и Первородные никогда не пировали за одним столом – исчезла. В зале царили расслабленность и дружелюбие: они были написаны на лицах естественных врагов широкими, щедрыми мазками.

Расслабленность и дружелюбие.

– Стоцкий – это тот рыжий дед? – поинтересовалась Ксана, отыскав взглядом пожилого органика из Первой Свиты. Ошибиться было невозможно – одутловатый старик почуял её присутствие, повернулся и принялся беззастенчиво пожирать глазами.

– Да, он, – подтвердил Гаап, кивая дорогому гостю.

– Приласкать его?

– Только если у тебя есть время и желание.

Это был прямой, необсуждаемый приказ.

– Как вам будет угодно, баал.

– Моя умная девочка, – он грубовато притянул Ксану к себе и крепко поцеловал в губы. – Вижу, ты сегодня уже была с мужчиной.

– Я не устаю от секса.

– Тогда вперёд.

И он мягко подтолкнул ведьму к столику, где облизывался дьяк-проклинатель. Едва Ксана приблизилась, старик вскочил, вежливо подвинул ей стул, не позволив это сделать официанту, и уселся рядом.

– Я много слышал о праздниках, которые устраивает Гаап, но реальность превзошла ожидания.

– Это только начало, – неопределённо пообещала ведьма, искусно скрывая под лучезарной улыбкой охватившее её отвращение.

– Вы обещаете?

– Я всё для этого сделаю.

У дьяка задрожало веко.

– Меня зовут Евсей, – представился он, двигая стул ближе. – Евсей Стоцкий.

Из его рта пахло вином и чесноком.

– Ксана.

– Очень приятно. – Дьяк положил руку ей на бедро. – Это правда, что ведьмы хотят постоянно?

Старый Евсей был самой высокопоставленной фигурой за столиком, поэтому остальные органики старательно отворачивались, изо всех сил стараясь не обращать внимания на шалости старика. И Ксана решила не стесняться.

– Неужели вы до сих пор не переспали ни с одной ведьмой? – искренне удивилась она.

– Не переспал, – вздохнул Стоцкий.

– Почему?

– При отце нашего государя за подобную связь можно было оказаться на костре.

– Отвратительные были времена: никакой толерантности, – поддержала старика Ксана, чувствуя, как рука органика ползёт по бедру всё выше.

– Согласен, – хрюкнул дьяк.

– Но почему вы так долго ждали? Насколько я помню, предыдущий Авдей умер больше года назад.

– Надо было понять, как поведёт себя молодой государь, – объяснил Стоцкий, по-детски наслаждаясь своим «хулиганством». И податливостью

ведьмы. – Все опасались, что он окажется таким же убеждённым консерватором, как его отец.

– Но, к счастью...

– К счастью, я имею удовольствие находиться в твоём обществе.

Его рука поднялась по бедру женщины настолько высоко, насколько позволяла физиология.

– Это только начало, – прошептала Ксана, чувствуя, что отвращение всё больше напоминает девятый вал.

– Надеюсь...

А в следующий миг раздались фанфары, грохот аплодисментов, изумлённые возгласы, вопли, и восемь слуг внесли в зал главное, «царское блюдо».

– Вам не сказали, что мы будем есть? – изумился Стоцкий, увидев замешательство молодой женщины. – Сегодня же охотничий пир.

Он вытащил из её промежности руку, понюхал пальцы и взялся за бокал с вином.

– Я... вижу... – запинаясь, ответила Ксана, не сводя глаз с «царского блюда». – Охотничий... Не думала, что у нас они водятся.

– Зверя специально доставили с Балканского полуострова, и вчера государь с баалом его ловили, – рассказал Стоцкий. – Зверь оказался настолько яростным, что при охоте погибло не меньше десяти смердов.

– Понятно... – отозвалась женщина, продолжая смотреть на возвышающегося на блюде кентавра.

Зажаренного целиком.

Подрумяненного. Со сложенными лапами, сведёнными на груди руками, обложенного печёными овощами.

Почему-то именно овощи произвели на Ксану самое сильное впечатление, ударили в душу так, что всё вокруг вдруг сделалось дурным: пронзительно-пошлый женский смех, подхалимские речи мужчин, вытаращенные глаза гостей, жадно разглядывающие «пищу», бормотание похотливого старца, обязанного свернуть ей шею при первой возможности, самодовольная физиономия молоденького принцепала, не постеснявшегося заявиться на пир с накрашенными губами... Всё стало дурным, и Ксана вдруг поняла, что виноват в этом не только Ястребиный, как считала она, а все. Все эти твари! И Первородные, и органики, загрязняющие мир и делающие его темнее. Они слабее Гаапа, но такие же подлые, мерзкие, лживые и жестокие.

Такие же лицемерные.

Все они жрут и радуются. Рыгают, смеются, ковыряют пальцами в

зубах, прикидывают, каким окажется на вкус кентавр...

Все они...

Жрут...

Отравленную пищу!

Вот чего она хотела для них: отравленной пищи и отравленного вина! Пусть они жрут и пьют, но не для радости, а чтобы сдохнуть! Пусть вся гадость мира проникнет в них. Пусть они впустят в себя смерть: кто-то – кислотой, кто-то – болезнью, кто-то – ядом. Пусть они съедят и выпьют то, что их убьёт. Даже бессмертный. Даже Ястребиный.

Все они.

Отвращение сменилось ненавистью, а ненависть принесла с собой силу. Ту самую. Почти забытую. Которую тщетно пытался разбудить Гаап. Даже не силу, а понимание, как ею пользоваться. Не силу, а инстинктивное умение заставлять Отражение исполнять желания.

Любые желания.

Умение принуждать к своей воле.

Ведьма медленно оглядела зал, полный жрущих тварей, и все приборы: тарелки и бокалы, блюда и графины, соусницы, супницы, стаканы, все, вплоть до последней солонки, отразились в её потемневших глазах и наполнились её неистовой злобой. Все они стали орудием её беспощадной мести.

И переделанное Отражение тихонько вздохнуло, принимая новые правила игры.

– За Авдея! – провозгласил Гаап, поднимая бокал.

– За государя Авдея! – рявкнул зал.

Гости вскочили на ноги и повернулись к главному столику, воздавая должное юному красавчику, отсалютовали ему и Ястребиному и выпили до дна.

Все.

А затем Стоцкий нахмурился и поднял бокал, разглядывая остатки вина на просвет.

– Что с ним? – Даже столь сильный маг, как дьяк-проклинатель, не сразу понял происходящее. – Какое странное послевкусие.

– Это только начало... – рассеянно повторила Ксана, ища взглядом Гаапа.

На щеке старого органика выступила отвратительная язва ядовито-красного цвета. Резко завоняло гнильём. Завопила какая-то женщина, но тут же забулькала, выплёвывая лёгкие... Взвыл оборотень за соседним столом, перегнулся, с ужасом глядя на выпадающие зубы. Полился гной из

рта соседа, а у ведьмы напротив почернело лицо... Выпучились глаза у официанта... Кого-то тошнило... кто-то рвал себя за шею, пытаясь сделать хоть один вздох...

Все мучились.

И все умирали.

– Что ты сделала? – проскрипел Стоцкий, сползая под стол. Ужасные язвы покрыли всё его тело, воняя гноем и смертью. – Что ты с нами сделала?!

– Гаап! – закричала Ксана, не обращая на старика никакого внимания. – Гаап!

Она видела, что Ястребиный издыхает – мертвенно-бледный, он стоял возле корчащегося на полу Авдея и бешено вращал глазами, пытаясь понять, что случилось. Желая узнать, кто до него добрался.

– Гаап!

Он слышал... Или почувствовал... Да, скорее – почувствовал зов ведьмы и повернулся.

– Это я! – засмеялась Ксана и помахала баалу рукой. – Это сделала я! В память о Германе!

В глазах Ястребиного сверкнула злоба, он захотел ответить, захотел проклясть ведьму, но не смог: рот распахнулся, хлынула кровь, и Гаап Ястребиный рухнул на труп бессмертного принцепала Авдея, словно намереваясь слиться с ним в последний раз.

Зал «Гастрономического оргазма» потихоньку затихал, хрипы и стоны умолкали.

Ксана запрокинула голову и захохотала.

Мёртвый кентавр взирал на мёртвых тварей равнодушно. Его так никто и не попробовал.

* * *

– Авадонна! Авадонна! – перепуганный Шварц визжал в телефонную трубку так громко, что заглушил работающее радио. – Баал!!

– Спокойно, – усмехнулся карлик. – Что случилось?

– Почему вы не сказали, что Ксана явится на ужин?

– Ксана явилась на ужин? – удивился Авадонна.

– Вы знали! Вы хотели меня убить!

– Зачем...

Но Шварц его не слушал.

– Потому, что я опасен! Я всё знаю! Я только сейчас понял, что опасен для вас! Я знаю, что это вы подсунули Ксану Гаапу! Я знаю, что вы общаетесь с Машиной! Я помогал вам с Письменником...

– И будешь помогать! – рявкнул карлик так резко, что ухитрился привести перепуганного помощника в чувство. – Ты мне нужен, идиот! Ты знаешь всё и дёргаешь за все ниточки! Ты верный, умный и знающий! С твоей помощью я успокою оставшихся слуг Гаапа! Хватит паниковать, идиот!

Несколько секунд Шварц обдумывал слова баала, после чего попытался повторить:

– Вы должны были знать, что Ксана заявится на ужин! Но был немедленно оборван:

– Откуда?!

Ответа не было. Шварц замечательно «читал» эмоции собеседников даже по телефону, но Авадонна всегда оставался для него «закрытой книгой». Карлик ухитрялся прятать истинные чувства от всех, даже от Гаапа и Молоха, и потому Шварц не мог с уверенностью сказать, лжёт он сейчас или говорит правду.

Но ему очень хотелось верить Авадонне.

– Я понятия не имел, что Ксана решит убить Ястребиного, устроив массовую казнь.

– Откуда вы знаете, что она натворила? – взвизгнул Шварц.

– Об этом уже говорят, – устало ответил карлик. – Отражение гудит, и нам нужно решить, что делать дальше. Ты где?

– В авто, – машинально ответил Шварц.

– Куда едешь?

– А куда мне ехать? – Шварц на мгновение задумался. – Понятия не имею.

В благодарность за прекрасную охоту Гаап разрешил помощнику расслабиться и не заниматься торжественным ужином. На пиру обрадованный Шварц уселся за угловой столик, чтобы случайно не попасться на глаза Ястребиному, и шумно веселился, надоедая соседям дурацкими анекдотами. А потом увидел, как Гаап подталкивает Ксану к дьяку-проклинателю Стоцкому, понял, что быть беде, сказал, что должен сходить в туалет, вышел из зала, сел в автомобиль и погнал куда глаза глядят.

– Где ты сейчас?

– Еду домой, – ответил Шварц, сообразив, что давно движется по Рублёвскому шоссе.

– Хорошо, – одобрил карлик. – Сиди у себя тихо, я позвоню.
– Договорились! – повеселел Шварц, боявшийся, что Авадонна прикажет вернуться в Москву. – Как долго сидеть?

– До завтра.

Карлик отключился.

Шварц бросил телефон на пассажирское сиденье, нервно рассмеялся, повернул к коттеджному посёлку, остановился у медленно открывающихся ворот, подумал, что приближающийся охранник подозрительно похож на дьяка-меченосца Айзермана... А потом вдруг понял, что видит перед собой именно дьяка-меченосца Айзермана. Точнее – чёрное дуло его пистолета. А ещё точнее – вылетающую из пистолета пулю...

Застрелив Шварца, Айзерман вернул оружие в кобуру, просунул в разбитое окно руку и, убедившись, что помощник Гаапа мёртв, махнул своим: к машине Шварца тут же подъехал эвакуатор. Сам Айзерман достал телефон и направился к дороге:

– Авадонна, я свою часть работы сделал. Займись девкой.

– Считайте, что она уже мертва, дьяк, – спокойно ответил карлик.

– На этом наше сотрудничество заканчивается.

– Не уверен, дьяк, но ход ваших мыслей мне нравится.

– Меня от тебя тошнит.

– Вот и замечательно.

* * *

– С вами Всеволод Нерознак, мы продолжаем информационный марафон от НСН и вновь возвращаемся к главному событию дня: террористическому акту в Москве. Напомню, что несколько часов назад прогремел взрыв в столичном ресторане «Гастрономический оргазм», где проходил торжественный ужин по случаю дня рождения известного московского бизнесмена...

– Айзермана там не было, – рассмеялся Машина, делая звук тише. – Ты представляешь? Он не поехал на ужин, где прикончили Авдея и всю Первую Свиту, и при этом никому ничего не нужно объяснять, поскольку все знают, что он ненавидит грешников и никогда не преломит с ними хлеб. Идеально!

Они с Кириллом сидели в гостинной и не знали, что делать. Поездка в Крылатское получилась бессмысленной, дозвониться до Авадонны не удавалось, а известие о бойне в «Гастрономическом оргазме» окончательно

всё запутало. Друзья оказались в тупике и тратили время на обсуждение событий.

– Сегодня перебили всех органиков, готовых примириться с Первородными, и при этом Айзерман вне подозрений!

– Думаешь, дьяк-меченосец знал о покушении? – любопытствовал Амон, недовольный тем, что Ермолай выключил новости.

– Три к одному, что знал.

– Почему не десять к одному?

– Потому что пока неясно, кто стоит за покушением со стороны грешников.

– Карлик, больше некому.

– Все так думают.

– Но тебе кажется, что все не могут ошибаться... – Кирилл достал телефон, прочитал пришедшее сообщение и присвистнул: – Авадонна пообещал миллион золотом за голову Ксаны. Обвиняет её в убийстве Гаапа.

– Собственно, она и убила Гаапа, – хмыкнул Покрышкин. – Если быть точным.

– Если быть точным, ты подтолкнул Ксану, – язвительно напомнил Амон.

– Я просто вернул женщине телефон, – развёл руками рыжий.

Ответить Кирилл не успел: раздался звонок в дверь, и друзья переглянулись.

– Не удивлюсь, – коротко бросил Машина. – В последнее время кто к нам только не приходил за помощью.

– Я тоже не удивлюсь, – Амон прекрасно понял, что Ермолай имеет в виду ведьму. – Ей больше не к кому пойти.

Но на пороге они увидели Авадонну. Как это ни странно – одного.

Учитывая бойню в «Оргазме» и некоторый хаос, в который погрузилась Москва, рядом с карликом должно было находиться не менее пяти телохранителей, но он явился один. Спокойный и немного грустный. В элегантном костюме, белой сорочке и блестящих туфлях. Без галстука. Пиджак расстегнут, руки в карманах брюк.

Несколько секунд мужчины молча смотрели друг на друга, затем Кирилл угрюмо сообщил:

– Я не стану преследовать Ксану.

Однако удивить посетителя ему не удалось.

– Знаю, – небрежно ответил Авадонна. И усмехнулся: – Но разве вы не хотите отыскать Ольгина? – Пауза. – Вы вроде обещали ему защиту?

Машина и Амон вновь переглянулись:

- Это вы разгромили московский филиал «Mortem Monstrum»?
- Нет, – твёрдо ответил карлик. – Но я знаю, кто это сделал.

* * *

Виссарион предполагал, что Архив не менялся с самого основания – лишь появлялись новые подземные хранилища, и становились длиннее старые. Кто занимался перестройкой, Обуза не знал и не собирался об этом задумываться, понимая, что Шаб вряд ли самолично копал тоннели и выкладывал стены кирпичом. Шаб создал Архив и сделал так, чтобы он развивался, разрастаясь с необходимой скоростью. Копии положенных документов слетались в него самостоятельно, и Обузе оставалось лишь просматривать по утрам отчёты, появляющиеся в толстенной конторской книге.

Консервативный Виссарион не собирался менять давным-давно заведённый порядок и внёс одно-единственное изменение: поставил тумбочку с радиоприёмником слева от рабочего кресла, чтобы слушать любимую программу.

Однако сейчас приёмник был выключен.

И телефон молчал.

В архиве царила полная тишина, а сам Обуза сидел в кресле и ничего не делал. Вообще ничего, хотя на столе перед ним лежали две из Пяти Книг: Жизни и Древних. Но даже они не привлекали внимания, хотя ещё год назад Виссарион с радостью отрезал бы себе руку за возможность не то что изучить, а просто полистать драгоценные тома. Год назад, но не сейчас.

Сейчас Виссарион смотрел на четыре выстроенных в ряд глобуса и задумчиво барабанил пальцами по столешнице.

Он ждал.

* * *

– Я прошу сдерживаться, – негромко произнёс Авадонна, глядя прямо перед собой – в закрытые дверцы лифта, в окошках которых виднелись огоньки убегающих вниз этажей. – Я не знаю, что мы увидим, но прошу вас обоих сначала думать, потом действовать. А не как бывает обычно.

– Обычно мы поступаем именно так.

– Поэтому я прошу вас поступать иначе.

– Я не то хотел сказать, – буркнул Машина.
– А получилось – то.
– Ксана похитила Ольгина? – угрюмо спросил Амон, прерывая зарождающийся спор.

– Не сама, – уточнил карлик.
– Зачем?
– Скоро увидим.
– Приехали, – сообщил Аристотель, открывая дверь.

И пропустил пассажиров на Бородинский мост, окутанный сбежавшимися на колдовской зов тучами. Туч было так много, что они туманом скрыли берега, сквозь который город едва проглядывал огоньками равнодушных окон. Тучи затеяли хоровод, куполом поднимаясь высоко-высоко вверх, и оставляли над мостом круглое «окно» чёрного неба, украшенное бесчисленными бриллиантами звёзд. Изредка покашливал гром, словно где-то в тучах прятался великан-курильщик, робеющий прочистить горло в присутствии важных персон, и подмигивали молнии, но их ломаные ухмылки не смели биться в мост и пропадали за парапетом.

Молнии тонули в чёрных водах Москвы-реки.

А под звёздным небом, точно в центре моста и хоровода мрачных туч, возвышался покрытый магическими символами столб, возле которого съёжился обнажённый Ольгин. Слабый после пыток истребителей, не имеющий сил порвать цепи на руках и ногах и почти смирившийся.

Поникший.

– Начнётся с крови... – громко прочитал Авадонна, медленно шагая по мосту.

В этот раз изменит своей привычке Отраженья рок.
Знаменьем станет смерть,
И жалкое вокруг, всё то, что мы сегодня миром называем,
Преобразится, отразившись вдруг
В глазах того, кто обладает властью
Грядущее менять.

– Мы сдохнем, брат, – неожиданно продолжил Кирилл.
Карлик поднял голову и пронзительно посмотрел на Амона.
– Что?
Но тот не ответил, остановился и крикнул, обращаясь к ведьме:
– Зачем тебе его кровь?!

Ксана стояла справа, шагах в десяти от столба, повернувшись к нему спиной. Она избавилась от одежды, и её тело укрывала лишь прозрачная чёрная накидка, настолько тонкая и лёгкая, что казалась спустившимся к ведьме облачком. Звёзды бросали на обнажённую женщину колдовской свет, и её татуировки ожили, зашевелились, извиваясь по прекрасному телу, заблестели антрацитово-чёрным, откликаясь правящей вокруг энергии Ша. А печать на плече засияла золотом.

На вопрос Ксана не ответила.

Чуть дальше Амон увидел Иннокентия и худощавую, спортивного сложения девушку с густо татуированными руками. Незваные гости заставили их нервничать: Кросс потянулся за пистолетами, в руках девчонки образовалось веретено чёрного дыма, но Ксана, не оборачиваясь, сделала знак, что всё под контролем.

– Не приближайтесь! – крикнул Иннокентий. – И тогда никто не пострадает.

– Почему ты произнёс эту фразу? – повторил Авадонна, глядя на Амона. Ответ на вопрос заботил его куда больше происходящего на мосту. – Откуда ты знаешь текст Пророчества?

И вновь его не удостоили вниманием.

– Зачем тебе его кровь?! – снова крикнул Кирилл.

– Зачем ты пришёл? – соизволила отозваться ведьма.

– Я дал слово защищать Ольгина.

– Ты великолепно играешь словами, Амон, – усмехнулась Ксана. – Возьми своё слово обратно и уходи.

– Зачем тебе его кровь?

Было видно, что Кирилл не уйдёт, во всяком случае – не получив объяснений, а поскольку Кросс и Порча нервничали всё сильнее, ведьма решила ответить:

– Ольгин уникален: он порождение беспощадной Тьмы, переполненное невыносимой любовью. Ольгин связывает зло Отражения со светом Дня и разрушает грязь, которой пачкают наш мир эти твари, – Ксана небрежно кивнула в сторону карлика. – При этом Ольгин беспредельно силен...

– Он что, Древний? – не сдержался Машина.

– Великие Полнолуния приходили в мир задолго до того, как первый Древний осознал в своей рогатой башке присутствие разума, – свысока ответила ведьма. – Но ценность Ольгина не в силе...

– День и Отражение... – быстро произнёс Авадонна, сумевший просчитать то, о чём несколько часов назад догадалась Ксана. – Где-то они

слились, где-то разделены, но именно их сочетание есть гармония, которую мы знаем под названием Вселенная. Ксана поняла, что Ольгин – ключ... Уникальный ключ, случайно выкованный на нашей несчастной планете...

– Что ты хочешь сделать?! – крикнул Кирилл.

– Я ищу мир.

– Какой?

– Счастливый.

– Ты рехнулась?! – заорал Авадонна, но ведьма его не услышала.

Или не обратила внимания.

Она выпрямилась, вытянувшись к звёздному небу, развела в стороны руки и вновь замерла.

А Ольгин – взвыл. Вскочил, рванул, в отчаянной попытке разорвать цепи... или разорваться самому – напополам, выплёскивая кровь... с облегчением принимая смерть... Вскочил, но лишь взвыл от лютой боли и огня внутри. От невидимого, но грубого клинка, которым Ксана превращала его – ключ, – в отмычку, собираясь вскрыть замок Вселенной. Взвыл от того, что стоящая на вершине столба урна засияла нестерпимо ярким светом, рассыпая чудовищно сильный прах на орущего сына Великого Полнолуния.

– Нет! – взвыл несчастный Ольгин, впитывая останки Древнего. – Нет!!

– Самое время убить ведьму, – очень тихо и очень деловым тоном произнёс карлик.

– Нет, – мрачно ответил Иннокентий, услышавший предложение Авадонны. – Даже не думайте.

А чёрное веретено Порчи уже скользило меж их ног. Не прикасаясь. Пока не прикасаясь.

– Ленка, не смей вставать на моём пути! – ощерился Авадонна.

– Я ей должна, – тяжело вздохнула Порча. – Я не уйду.

А Ксана рассмеялась – нежным, искренним, очень добрым смехом и предложила:

– Посмотрите: где-то здесь мой мир... моя мечта... моя любовь...

И там, где секунду назад чернело переполненное звёздами небо, начали являться Отражения. Отражения огромной Вселенной, уменьшенной до стоящей на Бородинском мосту ведьмы: плачущей, улыбающейся, злящейся, ненавидящей... Отражения сменяли друг друга, как в немыслимом калейдоскопе, но с разной скоростью: одни проскакивали торопливо, другие задерживались, позволяя разглядеть себя в деталях, третьи пытались задержаться, путались в тучах, желая, чтобы

выбрали их, но тоже исчезали.

– Среди них есть та Вселенная, где я счастлива, – пробормотала Ксана. – И та Вселенная, где Иннокентий может вернуться домой. Я выберу её, чтобы сделать реальностью.

– Не смей! – выкрикнул Авадонна. – Не влезай в то, чего не понимаешь!

Но Отражения продолжали сменять друг друга.

– Ты меня не остановишь, – рассмеялась ведьма, внимательно изучая каждое.

Карлик повернулся к Кроссу:

– Опомнись!

– Я хочу домой, Авадонна, я просто хочу домой.

А чёрный дым продолжал виться у их ног, не позволяя Кириллу и Машине начать атаку – они не знали, как справиться с опасной дрянью, и догадывались, что дым Порчи убьёт их быстрее, чем они выхватят оружие.

– Всё закончится катастрофой, – пообещал карлик. – Чёрной дырой!

– Откуда ты знаешь? – храбрясь, спросила Ленка. – Изменится реальность, как происходит каждую секунду...

– Нет, – покачал головой Авадонна. – Нет...

А в следующий миг ведьма его поддержала:

– Нет! – закричала она так, что заложило уши. И протянула к небу руки, пытаясь задержать ускользающее отражение. – НЕТ!!!

– Что случилось? – встревожился Кросс. – Ксана?

– Остановись! – в голосе женщины слышалось отчаяние. – Стой!

– Она не может! – захохотал Авадонна. – Не может! Не может!!

Он догадался.

– Остановись! – закричала ведьма. – Остановись!! Уникальное умение позволило Ксане добраться до самых дальних Отражений: тех, что были отвергнуты, и тех, что никогда не существовали. И не просто добраться. Используя отмычку-Ольгина, ведьма щедро смешивала образы, в безумной надежде обрести идеальный мир, отыскала его, но не смогла удержать.

– Нет!!

– Похоже, дружок, ты здесь задержишься, – хихикнул карлик, глядя на растерявшегося Кросса. – Извиниться не хочешь?

Иннокентий яростно посмотрел на Авадонну и принялся медленно поднимать пистолет. Кирилл молча сделал шаг и встал перед карликом. Чёрный дым Порчи запутался в ногах Амона, но вредить не стал. Просто намекнул, что может навредить.

– Вернись, – лихорадочно шептала Ксана, торопливо отбрасывая мешающие отражения, чтобы удержать ценное, важное, нужное. – Вернись, вернись, вернись...

Тучи завертелись быстрее, а в небе воцарился хаос. Сменявшиеся отражения принялись налезать одно на другое, рассыпаться на пиксели образов, смешиваться, но не задерживаться в смешении – рассыпаться вновь и растворяться во Тьме, рушась в равнодушную реку мимо моста, застрявшего между тем, что есть, и тем, чего хочется.

Как будто издеваясь...

И это сводило Ксану с ума. Она ведь видела «тот самый» мир – полный их с Германом любви, полный счастья и тепла... Она коснулась его. Она почти шагнула в него...

А теперь он летит прочь и вот-вот рухнет в тёмную воду Москвы-реки. Снова.

Коварное Отражение поманило несчастную ведьму, но обмануло, рассмеялось в лицо. Мир открылся, но меняться отказывался – ей не хватало сил заставить проклятую Вселенную принять новые правила игры.

– Вернись! – закричала Ксана. – Вернись ко мне!!

– Добро пожаловать в реальность, – буркнул Авадонна.

И тут Вселенная громынула.

Но то был не гром среди идущих хороводом туч, а скрежет изумлённой Земли. Рычащий стон пустоты великого космоса. Слившиеся в перепуганное эхо ежесекундные взрывы далёких звёзд. Вой чёрных дыр – всех одновременно.

Вселенная поперхнулась реальностью.

Несчастный Ольгин взвыл в последний раз, обратился в безликий прах и потоком серебряного огня врезался в небесный хоровод. Тучи завертелись не просто быстро – бешено, и вызванные ведьмой Отражения смешались пьянящим коктейлем, взбалтывая чужие пиксели со своими, прошлое с мифами, а будущее – с желанием.

Веер Отражений стал костью в горле Вселенной.

– Что происходит?! – завопил Авадонна.

– Не знаю!

Ленка Порча грубо выругалась, изумлённый Кросс опустил пистолет, Кирилл незаметно извлёк из кобуры «12». И спрятал за спину.

– Это не я! – отозвалась Ксана, сжимая голову руками. – Это не я!

– «Нейтрино»! – догадался Машина.

– Что?!

– Мой корабль! – Ермолай подпрыгнул и вскинул к небу кулак. – Я

сделал! Я сделал! Я отомстил вам, суки! Я убил вас всех!

Вселенная конвульсивно дёрнулась. Земля вновь застонала.

– О чём он? – громко спросил Иннокентий.

– Ад только что взорвался, – объяснил Авадонна, засовывая руки в карманы брюк.

– И что?

– Сейчас узнаем.

Амон вернул «12» в кобуру и молча усмехнулся, глядя на счастливого друга.

– Я убил их всех! – продолжал орать рыжий, приплясывая на середине моста. – Я убил их!

– Все Древние, которые находились на Проклятой Звезде, мертвы, – просто сказал карлик, отвечая на вопросительный взгляд Порчи.

Потому что где-то далеко, на окраине гигантской пустоты, где-то в складках тёмной материи и облаков из ничего, ТККСН «Нейтрино» наконец-то догнал мчащуюся к центру галактики Проклятую Звезду, уравнивал скорости, перешёл в состояние реальности, сманеврировал, обеспечив заданную зону гарантированного поражения, и взорвался – в чётком соответствии с программой, заложенной в него единственным выжившим членом команды.

И Вселенную вывернуло наизнанку.

– Я сделал это!

Земля подпрыгнула, сбивая с ног Отражение.

Калейдоскоп Вселенных окончательно рехнулся, смешивая пиксели миров в обрывочные желания растерявшейся ведьмы. Ксана бросилась к Ольгину, в надежде распорядиться ключом, но прах Безликого взвыл, стремительно впитывая невиданный поток Ша, переполнился, заглотил и вывернулся, подобно скрюченной Вселенной, выжигая всё вокруг огнём первородной энергии. Энергии стало так много, что где-то за пределами восприятия возникли новые галактики. Так много, что некоторые чёрные дыры захлебнулись, обратившись в новые звёзды. Так много, что смешанные ведьмой Отражения обрели силу реальности.

Только она этого не увидела.

– Всё сошлось, – пробормотал Авадонна, глядя на вспыхнувшую факелом Ксану. – Всё сошлось...

Пиксели Отражений перемешались, загрохотал гром – великану-курильщику надоело таиться, он прочистил горло и принялся орать басом, неспособный говорить... Закричал горящий Ольгин, растирая прах Безликого в серебряное пламя, опалившее и мост, и растерянных

свидетелей.

Закричала огромная Вселенная и маленький мир.
А потом всё поглотили тучи.

Когда – не знаю я,
Но вижу двойника огромной силы,
Чьё имя Полнолуние, и в нём
Смешались кровь, отчаянье и тьма.
И ярость, что любовью называют
Презренные и жалкие рабы.
Такая ярость, что сведёт с ума
Колдунью, обуздавшую Порядок...

– Я здесь, – вдруг сказал Иннокентий. – И я жив.
– Я тоже, – ответила Порча.
– Я знаю. Я держу тебя за руку.
В тумане туч их голоса звучали привидением.
– Я ничего не вижу, – пожаловалась девушка. – Вспышка была яркой,
может, я ослепла?
– Ты видишь меня, – заметил Кросс.
– Возможно, я тебя помню.
– Возможно... – Он улыбнулся и громко позвал: —
Авадонна! Ты выжил, старый грешник?
– Следи за языком, насекомое, – злобно отозвался карлик. – И надейся,
что вызванные потрясения остались в Отражении.
– А то что?
– А то я тебе устрою свальный грех с моим палачом...
– За что? – притворно удивился толстяк.
– За то, что помогал Ксане.
– Нужно было ещё днём пристрелить ведьму, – задумчиво протянул
Машина.

– Ты вообще молчи, – прошипел Авадонна. – Всё из-за тебя.
Кто-то рассмеялся, кажется, Кирилл.
А затем поднялся ветер. Не сильный, но достаточный, чтобы
отпихнуть от земли рассеявшиеся тучи. Тучи пытались спорить, цеплялись
призрачными лапами за парашют, но проиграли, взлетели, тут же растаяли, и
над Бородинским мостом раскинулось чистое, невозможно звёздное небо,
щедро подогретое жёлтой Луной.

В свете которой купались три ошарашенные планеты.

Колдунью, брат, несчастную настолько,
Что размешает Отражение с Днём.
И наша кровь, рассеянная в мире,
Провозгласит парад великих четырёх.

– Нет, – прошептал изумлённый Кирилл, не сводя глаз с появившихся у Земли соседок. – Невозможно!

– Парад великих четырёх, – повторил Авадонна. – Пророчество свершилось.

И устало облокотился на парапет, разглядывая новые планеты в отражении тёмных вод Москвы-реки.

Пророчество свершилось.

---

notes

«Лети, моя душа», «Ночные снайперы».

«Лети, моя душа», группа «Ночные снайперы».

«Портной», группа «КняZZ».

ИГИЛ – террористическая организация, запрещённая на территории РФ.

«Портной», группа «КняZZ».

«Никто», группа «Кукрыниксы».

«Никто», группа «Кукрыниксы».

«Небо на земле», группа «ДДТ».

«Существо», группа «Пикник».

Экипаж (нем.)

Начать погрузку! Запустить и проверить главную машину! (нем.)

Стоп машина! (нем.)

Полный вперёд! (нем.)

Тревога! (*нем.*)

Торпедные аппараты к бою! (нем.)

Пробоина по правому борту (*нем.*)

Мы тонем (*нем.*).

Торпедная атака (*нем.*).

Первый и второй аппараты! Залп! *(нем.)*

Первая (нем.).

Вторая (нем.).

Два попадания! (нем.)

Передайте боевому расчёту мою благодарность (нем.).

Мы теряем горизонт (*нем.*).

Мы движемся (нем.).

Нас кто-то поднял (нем.).

«Любовь Во Время Зимы», группа «Мельница».

«Лети, моя душа», группа «Ночные снайперы».